

Сандра Браун

Свидание с убийцей



Сандра Браун

Свидание с убийцей

OCR: ACh

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136889

Свидание с убийцей: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-06546-6

Оригинал: SandraBrown, "Unspeakable", 1998

Перевод:

С. Б. Певчев

Аннотация

Когда на далеком тexasском ранчо появился загадочный Джек Сойер и попросил взять его на работу, ни сам хозяин ранчо, ни его юная невестка Анна Корбет не связали его появление с побегом из тюрьмы безжалостного убийцы Карла Херболда, намерившегося жестоко отомстить тем, кто засадил его в тюрьму. Здесь, на этом ранчо, пересеклись судьбы многих людей, прошлое встретилось с настоящим. И вот уже убийца близок к своей цели, но на его пути встает истинная любовь: Джек во искупление своих прошлых грехов готов защищать любимую женщину и ее маленького сына даже ценой своей жизни.

Содержание

1	7
2	15
3	27
4	34
5	48
6	58
7	67
8	79
9	90
10	95
11	104
12	120
13	137
14	157
15	162
16	175
17	189
18	196
19	205
20	219
21	235
22	248
23	258

24	263
25	275
26	282
27	291
28	299
29	309
30	325
31	339
32	350
33	362
34	378
35	385
36	400
37	407
38	416
39	425
40	440
41	454
42	468
43	487
44	501
45	514
46	525
47	535
48	551
49	561

50

573

51

585

Сандра Браун

Свидание с убийцей

Героиня романа с детства разговаривала на языке жестов – она практически ничего не слышит.

Чтобы достоверно рассказать о ней, мне пришлось обратиться за помощью к сообществу глухих.

Одна молодая женщина особенно мне помогла.

Дженни, большое тебе спасибо.

1

– Майрон, ты меня слушаешь? – Карл Херболд зло посмотрел на своего сообщника и, раздраженно покачав головой, пробормотал: – Вот кретин!

Не обращая внимания на оскорбление, Майрон Хаттс продолжал бессмысленно улыбаться. Карл приблизился к нему вплотную:

– Перестань ухмыляться, Майрон! Я говорю о серьезных вещах. Неужели ничего так и не остается в том куске дерьма, который ты носишь на плечах? Ты слышал, что я тебе сказал?

Майрон искоса посмотрел на свою конфету.

– Ну конечно, Карл, я тебя слушаю. Ты ведь мне сказал, чтобы я слушал внимательно.

– Ну ладно.

Карл немного расслабился, но все равно не был уверен в том, что до Майрона хоть что-нибудь дошло.

Тот, мягко говоря, особым умом не отличался. Пожалуй, его коэффициент умственного развития выражался однозначным числом.

Майрон был физически крепок и всегда готов услужить, но недостаток сообразительности представлял собой угрозу для выполнения тщательно разработанных планов Карла. Впрочем, у любого сообщника есть свои недостатки.

С другой стороны, Майрон Хаттс был нужен Карлу. Такой подельник будет без разговоров делать то, что ему сказали. Вот почему Карл считал, что ему повезло.

Пусть Майрон не Эйнштейн, но зато абсолютно лишен такой штуки, как совесть.

У него отсутствовал «внутренний диалог». Хороший термин, верно? Карл вычитал его в каком-то журнале. Он заучил его наизусть и потом использовал на заседании комиссии по досрочному освобождению, когда его в последний раз туда вызывали. В течение пяти минут он заливался соловьем по поводу того, что постоянно ведет внутренний диалог с самим собой относительно своих прошлых грехов. Этот диалог якобы раскрыл ему ошибочность его действий и всю важность ответственного поведения. Он кается и желает испить свою вину.

На членов комиссии эти громкие фразы не произвели ни малейшего впечатления. Посчитав его речь тем, чем она и была на самом деле – дерьмом собачьим, – они отклонили его просьбу о досрочном освобождении.

Но даже если предположить, что совесть – это действительно внутренний диалог, Майрону все равно такие абстракции были совершенно недоступны. Не о чем ему было с собой разговаривать. Нет, Майрон будет действовать, подчиняясь импульсу. Именно поэтому Карл его и выбрал. Майрон не станет привередничать, если дело примет неприятный оборот.

Кстати, о неприятном – Майрон имел на редкость отталкивающую внешность. Его почти лишенная растительности кожа была к тому же практически бесцветной. Весь цвет концентрировался на губах – очень больших и неестественно красных. По контрасту радужная оболочка глаз была тусклой, а из-за светлых и отнюдь не густых бровей и ресниц его пустой взгляд казался еще более бессмысленным.

Редкие, но грубые белесые волосы торчали из головы словно проволока.

Наполовину обсосанный леденец во рту привлекательно-сти ему не прибавлял. Посмотрев, как с губ Майрона капает слюна, Карл с отвращением отвернулся.

Многие удивлялись тому, что эти двое скорешились, – уж слишком они были не похожи. Карл – высокий, темноволосый, с приятной внешностью. Чтобы держать себя в форме, он с религиозным рвением приседал и отжимался в камере, а когда было настроение, то и с тяжестями баловался. У Карла была улыбка киллера, напоминавшая о молодом Уоррене Битти. По крайней мере так ему говорили.

Лично он всегда считал, что выглядит лучше актера, к которому относился с презрением. Правда, жена у этого Битти – загляденье! Настоящий лакомый кусочек.

По части мозгов Карл, разумеется, сильно превосходил Майрона Хаттса. Тем, чего не хватало Майрону, Карл располагал в избытке. Он прекрасно умел строить планы.

Блестящие замыслы, казалось, сами рождались в его го-

лове.

Более того, едва сформулированную смутную идею он без труда превращал в четкую схему.

Будь Карл военным, он наверняка стал бы генералом. Но даже высшим чинам для воплощения в жизнь их стратегии нужны солдаты. Такие, как Майрон.

Конечно, ему ничего не стоило подобрать в сообщники любого из заключенных. Ведь если Майрон отпугивал даже закоренелых преступников и те старались держаться от него подальше, то к Карлу людей словно магнитом тянуло. Среди обитателей тюрьмы старшинство давало ему массу преимуществ.

Это и еще присущая ему харизма. Короче говоря, он мог найти кого-нибудь посообразительнее и поподлее Майрона – несмотря на склонность к насилию, Майрон был, в общем-то, добродушен.

Но умные Карлу ни к чему.

Он не хотел, чтобы с ним спорили. Споры неизбежно отвлекли бы внимание от главного и привели к катастрофе – их поймали бы. Для исполнения задуманного Карлом побега нужна была лишь еще одна пара глаз и ушей плюс умение действовать не раздумывая. Майрон Хаттс отвечал этим требованиям. А хитрости Карлу не занимать.

Кроме того, можно выслушать соображения Сесила. Сесил, пожалуй, даже слишком много думает. Он чересчур скрупулезно все анализирует, взвешивает – и в результате

теряет имеющиеся возможности. Вроде парня с одной смешной открытки, которую как-то довелось видеть Карлу: пока тот наводил фотоаппарат на Эйфелеву башню, рядом прошла голая француженка. Сесил точь-в-точь такой же.

Но сейчас Карлу не хотелось думать о своем старшем брате. Потом когда-нибудь, на досуге.

Прислонившись к ячеистой сетке, он быстро окинул взглядом спортивную площадку. Бдительность стала его второй натурой. Двадцать лет тюремного заключения приучили его всегда быть настороже. Безусловно, Карл пользовался здесь большим влиянием и имел много друзей, но ведь всем не угодишь.

На другом конце площадки ворочали тяжести несколько черных, которые посмотрели на него с нескрываемой ненавистью. Они ненавидели Карла только за то, что он не был одним из них. Газеты часто болтают о соперничающих бандах, об уличной войне, о вендетте. Чепуха все это! Пока ты не попадешь за решетку, считай, ты ничего не знаешь о бандах.

Тюремное общество – самое поляризованное, самое сегрегированное в мире.

У Карла уже были разногласия с черными заключенными, перераставшие в оскорбления, а затем в драки, заканчивающиеся дисциплинарными взысканиями.

Но сегодня или в ближайшем будущем он не собирался ни с кем устраивать разборки. Вплоть до того дня, когда они

с Майроном отправятся на дорожные работы, Карл Херболд собирался быть идеальным заключенным.

Эта новая программа представляла собой часть тюремной реформы, которая ставила своей целью дать возможность заключенным почувствовать себя полезными членами общества. Конечно, Карлу на все эти социальные аспекты было наплевать. Его заботило только одно – как это можно использовать в своих интересах. Когда подойдет его очередь покинуть тюремные стены и поработать снаружи, он первым сядет в автобус.

Поэтому он вел себя тихо, старался не делать ничего, что могло бы привлечь к нему внимание вертухаев. Никаких нарушений правил, никаких драк – исключительно хорошее поведение. Если Карл слышал, как кто-то бормочет в его адрес оскорбления, то он отворачивался. Да, уж чего Карл не любил – так это делать вид, что ничего не замечает. Несколько дней назад ему пришлось наблюдать, как Майрон отсасывает у одного заключенного. Этот тип, южанин, два года назад получивший пожизненное заключение за убийство жены, подкупил Майрона подачкой.

Наиболее агрессивные из заключенных и раньше пытались воспользоваться умственной неполноценностью Майрона, но Карл в таких случаях обычно вмешивался. Однако сейчас, перед самым побегом, он не хотел рисковать. Да и Майрон как будто ничего против и не имел. За работу он получил в награду живую мышь, которую потом распотрошил

длинным ногтем.

– Запомни мои слова, Майрон, – сказал ему Карл, понимая, что время прогулки истекло и теперь до конца дня они не смогут поговорить наедине. – Когда наступит наша очередь работать в дорожной бригаде, ты не должен этому слишком радоваться.

– Ладно, – обронил Майрон, с интересом разглядывая мозоль на большом пальце.

– Было бы даже хорошо, если бы мы казались чуточку недовольными. Сможешь ты это изобразить? Выглядеть недовольным?

– Конечно, Карл. – И он стал энергично грызть мозоль.

– Если они подумают, что мы очень хотим туда пойти, то...

Он не успел договорить. Мощный удар буквально сбросил Карла с бака, на котором он сидел. Карл повалился на бок прямо в грязь. В ушах звенело, перед глазами все плыло.

В этот момент он забыл о своей решимости не ввязываться в конфликты. Движимый инстинктом самосохранения, Карл перекатился на спину и резко ударил неприятеля ногой в пах.

Черный тяжелоатлет, очевидно, полагавшийся только на силу своих мышц, не ожидал контратаки. Упав на колени, он скорчился и застонал. Естественно, остальные черные тут же набросились на Карла и начали молотить его кулаками.

Размахивая дубинками, вскоре прибежали тюремщики.

К этому времени заключенные успели отскочить в сторону, подбадривая дерущихся выкриками. Когда порядок был восстановлен и ущерб подсчитан, выяснилось, что он минимален: пришлось отправить в изолятор всего лишь двоих травмированных заключенных. Одним из них был Карл Херболд.

2

– По-моему, все прошло очень мило.

Это замечание жены заставило Эззи Харджа возмущенно фыркнуть:

– Мясо было ужасно жестким, а кондиционер работал вполсилы. Я чуть не расплавился в этом черном костюме.

– Ну, тебе обед не понравился бы в любом случае. Ты с самого начала был настроен поворчать.

Эззи женился на Коре за два года до того, как стал шерифом округа Блюэр, то есть пятьдесят два года назад. Он впервые увидел ее на проповеди, куда забрел с друзьями просто смеху ради. Огненно-красный бант в волосах Кору и под цвет ему губная помада словно бросали вызов адскому пламени, о котором вещал с кафедры странствующий проповедник. Когда запели церковный гимн, девушка оторвала взгляд от книги псалмов и посмотрела на Эззи, который уже давно взирал на нее с большим интересом. Глаза Кору горели отнюдь не религиозным рвением – в них светилось дьявольское лукавство. И вдруг она ему подмигнула...

За прошедшие годы огня в ней так и не убавилось, что до сих пор нравилось Эззи.

– Жителям округа пришлось похлопотать и потратить массу денег, чтобы устроить обед в твою честь. Надо было хотя бы постараться изобразить, что ты им благодарен. –

Сняв халат, она легла к нему в постель. – Если бы обед проводился в мою честь, уж я-то наверняка была бы благодарна.

– Я не напрашивался на званый обед. Я чувствовал там себя просто дураком.

– Ты злишься не из-за обеда. Тебя бесит то, что приходится уходить на пенсию. – Кора обычно выражалась прямо, и сегодняшний день не был исключением. – Не думай, что я с нетерпением ждала, когда ты уйдешь на пенсию, – сказала она, без особой необходимости взбивая подушку. – Ты полагаешь, я хочу, чтобы ты весь день сидел дома, дулся и вертелся у меня под ногами? Нет, сэр!

– Наверно, ты предпочла бы, чтобы однажды ночью меня подстрелил какой-нибудь псих и избавил тебя от моего общества!

Кора замерла.

– Ты весь вечер пытался меня спровоцировать и в конце концов своего добился. Такие разговоры приводят меня в бешенство, Эзра Хардж.

Выключив свет, она повернулась к нему спиной. Обычно они спали лицом к лицу.

Она знала его слишком хорошо. Он специально сказал так, чтобы ее разозлить. Ирония заключалась в том, что каждый день его службы Кора молилась, чтобы его не застрелили на работе и ей бы не пришлось возиться с окровавленным трупом.

Хотя с практической точки зрения ему было бы лучше

умереть на боевом посту. Для всех это было бы проще. У лидеров общины отпала бы необходимость намекать, что ему не стоит баллотироваться на новый срок. Кроме того, они могли бы сэкономить деньги, потраченные на сегодняшнее празднество, или истратить их на что-то более полезное.

Если бы Эзра умер раньше, ему не надо было бы страшиться будущего, в котором он стал бы таким же бесполезным, как лыжи в Сахаре.

Семьдесят два года, идет уже семьдесят третий. Артрит в каждом суставе – или, во всяком случае, так кажется. И голова работает теперь не так хорошо, как раньше. Нет, он-то ничего такого не замечает, но другие, возможно, все подмечают и втихомолку смеются над ним.

Самое ужасное заключается в том, что все они правы. Он действительно уже старый и дряхлый и не должен возглавлять такую службу. Да, он это понимает. Нравится ему или нет, но он обязан уйти на пенсию, потому что жителям округа будет лучше, если в этой конторе станет заправлять человек помоложе.

Он просто очень не хотел уходить со службы до того, как выполнит свой долг. А это значит – пока он не узнает, что случилось с Пэтси Маккоркл.

Вот уже двадцать два года эта девушка лежит в постели между ним и Корой. Фигурально выражаясь, конечно.

Почувствовав себя виноватым в том, что об этом вспомнил – особенно в свете нынешней ссоры, – он повернулся на

бок и любовно похлопал жену по бедру.

– Кора!

– Даже не думай! – проворчала она. – Я слишком зла на тебя.

* * *

Когда Эззи через несколько часов вошел в управление шерифа, дежурный сначала лишь сонно приподнял голову, но тут же, поняв, кто пришел, поспешно встал со стула.

– Эй, Эззи, какого черта ты тут делаешь?

– Прости, что прервал твой сон, Фрэнк. Не обращай на меня внимания. Нужно разобраться с несколькими папками. Помощник посмотрел на большие настенные часы.

– В такое-то время?

– Не могу заснуть. Теперь, когда я официально ушел, я, пожалуй, заберу все свои вещи. Шериф Фостер захочет завтра занять кабинет.

– Да уж конечно. Так что ты о нем думаешь?

– Он хороший человек. И будет хорошим шерифом, – искренне сказал Эззи.

– Может, и так, но он не Эззи Хардж.

– Спасибо на добром слове.

– Прости, что не был вечером на банкете. Как он прошел?

– Ты ничего не потерял. Ужасная скучища. – Войдя в свой кабинет, Эззи включил свет – возможно, в последний раз. –

За всю свою жизнь не слышал столько речей. И почему люди становятся такими многословными, когда им в руки попадает микрофон?

– Им есть что сказать про живую легенду. Эззи фыркнул:

– Я больше тебе не начальник, Фрэнк, но все равно не искушай меня такими разговорами. У тебя не найдется чашки кофе? Я был бы тебе очень благодарен.

– Сейчас принесу.

Не в состоянии заснуть после той эмоциональной встряски, которую он получил сегодня вечером, не говоря уже об отказе со стороны Кору, Эззи полчаса назад встал, оделся и, стараясь не шуметь, выскользнул из дома. У Кору была радарная система не хуже, чем у летучих мышей-вампиров, а Эззи не хотел с ней ругаться из-за того, что он тратит ночные часы на ту работу, на которую округ отвел ему неделю.

Тем не менее Эззи отдавал себе отчет в том, что, сколько бы его ни заверяли, что в управлении шерифа округа Блюэр ему всегда рады, отныне не стоит мозолить здесь глаза. Он совсем не хотел превратиться в жалкого старика, цепляющегося за воспоминания о прежних славных днях и не понимающего, что он больше не нужен.

Он поблагодарил помощника, поставившего на стол дымящуюся кружку с кофе.

– Пожалуйста, закрой за собой дверь, Фрэнк. Я не хочу тебя беспокоить.

– Да ты меня и не беспокоишь. Ночь была тихой. Однако

дверь он все-таки закрыл. Эззи, в общем-то, не волновало, побеспокоит ли он дежурного. Ему просто ни к чему лишняя болтовня. Дело в том, что сейчас Эззи собирался разобрать папки, накопившиеся за годы его работы.

Конечно, не те официальные отчеты, которые хранились в архивах городской полиции, Департамента общественной безопасности Техаса, «Техасских рейнджеров» – короче говоря, всех правоохранительных структур, с которыми его контора сотрудничала в проведении расследований.

Нет, папки в его кабинете содержали личные заметки Эззи – списки вопросов, которые нужно задать подозреваемому, даты и имена людей, связанных с данным делом, сведения, сообщенные надежными информаторами или свидетелями, пожелавшими остаться неизвестными. Большею частью эти записи были выполнены Эззи собственноручно на первых попавшихся под руку клочках бумаги карандашом номер два, причем он всегда использовал придуманную им самим систему сокращений, которую никто больше расшифровать не мог. Эззи считал эти материалы чем-то вроде личного дневника. В них было зафиксировано все, что произошло за время его службы.

Он отпил кофе, подкатил кресло к металлическому шкафу и выдвинул нижний ящик. Папки были более или менее разложены по годам. Эззи достал несколько самых ранних, быстро пролистал и, посчитав, что их незачем хранить, бросил в поцарапанную коричневую корзину для бумаг, стояв-

шую здесь с тех пор, как он впервые появился в этом кабинете.

Методично продолжая работу, Эззи неуклонно приближался к тысяча девятьсот семьдесят пятому году. К тому времени, когда он добрался до папок с материалами этого периода, весь кофе уже перекочевал в его желудок.

Одна папка отличалась от остальных прежде всего тем, что была толще и имела более потрепанный вид. Собственно, это была связка из нескольких скоросшивателей, скрепленных вместе толстой резинкой. За эти годы Эззи неоднократно доставал ее и просматривал содержимое, каждый раз засовывая связку обратно в кипу менее значительных дел.

Сняв резинку, он нацепил ее себе на запястье поверх медного браслета. Он носил этот браслет потому, что, как считала Кора, медь помогает при артрите, хотя сам Эззи в это не верил.

Положив папки на стол, он сделал глоток свежего кофе, который без всякого напоминания с его стороны только что принес помощник, и раскрыл верхнюю. Папка открывалась страницей из ежегодника средней школы. Эззи хорошо помнил тот день, когда он вырвал эту страницу. Третий ряд сверху, второй снимок слева. Патрисия Джойс Маккоркл.

Она смотрела прямо в объектив фотоаппарата с таким выражением, словно знала какой-то секрет, который фотограф был бы тоже не прочь узнать. Надпись под ее фамилией сообщала, что Патрисия занимается в хоре, в испанском клубе и

клубе будущих домохозяек. Ее совет школьникам помладше был таким: «Развлекайтесь, развлекайтесь и развлекайтесь!»

На такого рода фотографиях люди обычно выходят не очень привлекательно, но Пэтси выглядела просто ужасно – главным образом из-за того, что и в жизни была отнюдь не красавицей. Глаза маленькие, нос широкий и плоский, губы тонкие, подбородок почти полностью отсутствует.

Тем не менее Пэтси пользовалась в школе огромной популярностью. Эззи очень скоро выяснил, что в том году Пэтси Маккоркл бегала на свидания чаще, чем любая другая старшеклассница, включая первых красавиц.

Почему? На его недоуменный вопрос один из ее одноклассников – который теперь владеет заправочной станцией на Крокетт-стрит – ответил: «Пэтси была доступна, шериф Хардж. Вы понимаете, что я имею в виду?»

Эззи понимал. Он сам когда-то учился в средней школе, и все мальчишки знали, кто именно из девочек доступен.

Однако подмоченная репутация Пэтси несколько не облегчила его миссию, когда Эззи жарким августовским утром отправился к ней домой, чтобы сообщить новость, которую никто из родителей никогда не пожелал бы услышать.

Маккоркл руководил в городе коммунальным хозяйством.

Эззи знал его в лицо, но близкими знакомыми они не были.

Маккоркл заметил шерифа прежде, чем тот успел подойти

к веранде. Открыв дверь, он сразу же спросил:

– Что она натворила, шериф?

Эззи попросил разрешения войти. Пока они шли на кухню, где Маккоркл уже готовил кофе, хозяин дома рассказывал шерифу о том, что в последнее время его дочь совсем отбилась от рук.

– Мы ничего не можем с ней поделать. Пэтси чуть ли не вдребезги разбила свою машину, гуляет где-то до утра, напивается допьяна, а потом ее рвет. Она курит сигареты, и боюсь даже подумать, что еще. Она нарушает все наши правила, я не делаю из этого тайны. Пэтси даже не говорит мне или своей матери, с кем уходит, но я слышал, что она шляется с этими братьями Херболд. Недавно я спросил ее, как она может общаться с такими подонками, и она сказала мне, чтобы я занимался своими делами. Ее собственные слова! Дескать, ей не возбраняется встречаться с кем угодно, в том числе с женатыми мужчинами, было бы желание. Учитывая ее поведение, шериф Хардж, меня бы это не удивило. – Он подал гостю чашку свежего кофе. – Я думаю, рано или поздно дочь неизбежно нарушила бы закон. Так как сегодня она дома не ночевала, я, в общем, вас уже ждал. Что же она натворила? – повторил он.

– Миссис Маккоркл здесь?

– Наверху. Она еще спит.

Эззи кивнул, посмотрел на свои черные форменные ботинки, затем взглянул на рыжего кота, вытянувшегося возле

ножки стола, и перевел взгляд на занавеску.

– Ваша девочка сегодня утром была найдена мертвой, мистер Маккоркл.

Эту часть своей работы он просто ненавидел. Слава богу, такие вещи случались редко, иначе он стал бы заниматься чем-нибудь другим. Трудно смотреть человеку в глаза, сообщая ему, что кто-то из его домочадцев не вернется домой. И вдвойне трудно, если всего несколько секунд назад о покойном плохо отзывались.

Глаза Маккоркла мгновенно погасли, мышцы лица бесильно повисли, как будто оторвались от костей. Как потом говорили в городе, Маккоркл с этого дня сильно изменился, став совсем не тем, что прежде. Эззи мог бы с точностью до секунды сказать, когда в нем произошла эта перемена.

– Что, автокатастрофа? – прохрипел Маккоркл. Эззи печально покачал головой. Если бы так!

– Нет, сэр. Ее, гм, нашли на рассвете, в лесу, вниз по реке.

– Шериф Хардж!

Он повернулся и увидел, что в дверях стоит миссис Маккоркл в летнем халате, разрисованном маргаритками. На голове у нее были бигуди, а глаза припухли после сна.

– Шериф Хардж! Эззи!

Эззи посмотрел на дверь кабинета и увидел стоявшего гам помощника. Он совсем забыл, где находится. Воспоминания унесли его в прошлое. Сейчас он был на кухне Маккорклов, и не Фрэнк, а миссис Маккоркл звала его с ноткой ужаса в

голосе. Эззи потер покрасневшие глаза.

– Да-да, Фрэнк. Что там такое?

– Не хочу мешать, но звонит Кора, спрашивает, здесь ли ты. – Он подмигнул. – Как, ты здесь?

– Угу. Спасибо, Фрэнк.

Не успел он сказать: «Алло!», как Кора уже на него набросилась:

– Мне совсем не нравится, когда ты выскакиваешь из дома, пока я сплю, и не говоришь, куда идешь.

– Я оставил тебе записку.

– Ты сказал, что идешь на работу. А так как вчера вечером ты официально ушел на пенсию, я представления не имею, где ты теперь работаешь.

Он улыбнулся, думая о том, как она сейчас выглядит.

Стоит, уперев руки в бока, глаза сверкают. Пусть это уже штамп, но Кора действительно в гневе кажется красивее.

– Я вот думал пригласить тебя на завтрак, но раз ты в расстроенных чувствах, то я могу позвать какую-нибудь другую девушку.

– Разве какая-нибудь другая девушка тебя вынесет? – Помолчав, она добавила: – Я буду готова через десять минут. Не заставляй меня ждать.

Прежде чем покинуть кабинет, он прибрался и уложил то, что хотел забрать, в несколько коробок, предусмотрительно заготовленных округом. Фрэнк помог ему перенести коробки в машину. Погрузив все в багажник, они обменялись ру-

копожатиями.

– Надеюсь, скоро увидимся, Эззи.

– Будь осторожней, Фрэнк.

Дождавшись, когда дежурный скрылся в здании, Эззи положил сверху дело Маккоркл. Пока Кора поблизости, он не будет разгружать багажник. Если она увидит дело, то поймет, почему он встал среди ночи и чем занимался последние несколько часов. Вот тогда она действительно расстроится.

3

– Значит, завтра – помнишь? – прошептал Карл.

– Конечно, Карл. Я помню, – ответил ему Майрон.

– Так что не делай ничего, что могло бы помешать тебе попасть в дорожную бригаду.

– Не буду, Карл.

«Тупой как дуб», – подумал Карл, заглянув в интеллектуальную пустыню, простиравшуюся в голове Майрона.

Конечно, было не совсем справедливо говорить Майрону о его поведении, когда сам Карл чуть не сорвал весь их план.

Хотя, с другой стороны, он всего лишь пытался защитить себя от избиения. Но если что-то подобное повторится, он больше не будет драться.

После того как этот ниггер напал на него, Карл прямо-таки обезумел от ярости. Чтобы отправить его в изолятор и привязать к кровати, потребовались усилия четырех человек. Но даже тогда он попытался укунить за руку санитаря. Поскольку Карл получил травму черепа, а характер ее был пока неясен, успокоительных ему не давали.

Не обращая внимания на ужасную головную боль, он бушевал остаток дня и всю бесконечную ночь. Он завывал, словно баньши,¹ проклиная бога, дьявола и гнусных нигге-

¹ В шотландской и ирландской мифологии – дух, стоны которого предвещают смерть. – Здесь и далее примеч. пер.

ров, которые лишили его единственного шанса на побег.

Он должен был лежать там, в грязи, и пусть этот тяжелоатлет избивал бы его до тех пор, пока не появились бы вертухаи. За столь короткое время он не успел бы его серьезно покалечить.

Врачи определили у Карла легкое сотрясение мозга. Несколько раз его рвало. Перед глазами немного кружилось, но к вечеру следующего дня зрение совершенно восстановилось.

Голова сначала болела так сильно, что не помогали никакие лекарства, но в конце концов боль прошла сама по себе. Болели почки, но док сказал, что с ними будет все в порядке.

В общем, несколько дней пришлось помучиться. Ну да это и к лучшему, потому что так надзиратель сразу понял, что пострадавшим был именно Карл, а негра он ударил по яйцам только в целях самообороны.

Покидая изолятор, Карл испытывал огромное удовольствие.

Он-то был уже вполне здоров, а у ниггера яйца по-прежнему оставались распухшими, что вызывало неопишное веселье у всех обитателей изолятора. В хрен у него была вставлена трубочка, чтобы можно было мочиться (это также давало повод для постоянных насмешек), а при каждом движении он плакал как ребенок. Так что в итоге все обошлось как нельзя лучше. Док объявил, что Карл может работать в дорожной бригаде, так что и с этой стороны ему теперь ни-

что не грозило.

После того как Карл покинул изолятор, он старался не общаться ни с кем из заключенных, кроме Майрона. Он не вступал в разговоры, не говоря уже о том, чтобы ссориться с кем-нибудь – особенно с черными. Карлу ужасно хотелось убить кого-нибудь из них, чтобы отплатить за все, что ниггеры ему сделали за эти годы, но положила руку на сердце овчинка выделки не стоила. Возможно, вид льющейся крови и доставит ему кратковременное удовольствие, но тогда он больше не увидит солнечного света. А Карлу очень хотелось посмотреть, как светит солнце в Мексике, и вкусить все экзотические прелести, которыми славится эта страна. Но сначала надо выбраться отсюда. Сегодня в списке появились его с Майроном фамилии. Все произойдет завтра. Он ждал этого дня. Через несколько часов он будет свободным человеком – если все пойдет так, как он запланировал. А ведь многое может пойти наперекосяк. Вот почему Карл так нервничал, что за ужином чуть не подавился.

Однако он все же доел свой ужин, чтобы не привлекать внимания надзирателей.

– Майрон, сегодня, перед тем как ты пойдешь спать, постарайся хорошенько вспомнить наш план.

Майрон отправил в рот очередную порцию кислой капусты.

– Какой план, Карл?

– О господи! – пробормотал Карл. Этот тип совершенно

безнадежен. Сколько раз они уже говорили о побеге – не считать! Если этот идиот его подведет, Карл убьет его голыми руками. – Ладно, не обращай внимания, Майрон, – тяжело вздохнув, сказал Карл. – Просто завтра липни ко мне, как мухи липнут к дерьму, ладно?

– Ладно, Карл.

– Когда я тебе скажу что-то сделать, ты это сделаешь, понял?

– Понял.

– Без всяких разговоров – просто сделаешь, и все, понял?

– Понял.

Сунь свой хрен в мясорубку, Майрон! – Хорошо, Карл.

Вконец расстроенный, Карл напомнил себе, что именно такое слепое подчинение ему и требуется. Он здесь главный. Он умный, проницательный, с приятной внешностью, производящей хорошее впечатление на женщин. В такого рода операции босс может быть только один. Ну и мулы тоже нужны.

Даже хорошо, что Майрон такой тупой и послушный.

Ведь когда Карл велит ему что-то сделать – скажем, перерезать глотку ублюдку-охраннику, – Майрон это сделает.

Судя по тому, что Майрон рассказывал – без каких бы то ни было признаков раскаяния – о своем детстве, в юности он был настоящим маньяком. Прежде чем власти успели его поймать и отправить на психиатрическую экспертизу, он перебил в округе массу домашних зверюшек и мелкой жив-

ности. Члены его семьи забросали властей штата петициями, и Майрона освободили из психушки, о чем впоследствии его родственники сожалели до конца своей жизни – который, впрочем, наступил очень скоро.

О том, как он их убивал, Майрон говорил совершенно спокойно:

– Бабушкина голова дернулась, и парик с нее слетел. Он упал прямо в кастрюлю.

Эту часть истории Майрон излагал с особенным удовольствием, поскольку бабушка, завивая парик, имела привычку надевать его на голову Майрону. Вся семья истерически хохотала, глядя на высокого неуклюжего Майрона в бабушкином парике, завитом розовыми бигуди.

Когда же его отец напивался, то голова Майрона использовалась также в качестве боксерской груши. Один подобный эпизод и послужил, видимо, причиной его умственной отсталости: любящий папаша несколько раз ударил двухлетнего сына головой о батарею центрального отопления.

Стояло лето, и батарея была холодной, но результат все равно оказался плачевным.

С этого дня Майрон постоянно подвергался словесным и физическим оскорблениям. В школе его нещадно третировали хулиганы. Но больше всего над ним издевалась, находя это очень забавным, его собственная семья – папа, мама, сестра и бабушка.

Им всем, однако, стало не до смеха, когда в один прекрас-

ный день Майрон вышел к ужину с дробовиком в одной руке и с топориком в другой.

Он превратил своих родственников в сплошное кровавое месиво. Странно, что при таких обстоятельствах его не признали психически неполноценным и не отправили в психиатрическую больницу. Скорее всего, прокурор аргументировал это тем, что если отправить Майрона не в строго охраняемую тюрьму, а в больницу, то какой-нибудь сердобольный врач когда-нибудь объявит его «излечившимся» и выпустит на свободу – прямо к ничего не подозревающей публике. А Майрон убивал, не раздумывая. Жуков, животных, людей – кого угодно. Более того, Карл не раз наблюдал, как Майрон часами мучит несчастных созданий, перед тем как их убить.

Да, Майрон был ему нужен. При этом, пожалуй, он эксплуатировал Майрона не менее безжалостно, чем школьные хулиганы, но Карл старался об этом не думать.

Почувствовав внезапный приступ симпатии к человеку, который явно его боготворит, Карл перегнулся через стол и улыбнулся своему сообщнику:

– Я тебе говорил, что сделаю, когда выйду отсюда, Майрон?

– Найдешь себе какую-нибудь сладкую мексиканскую письку.

Карл засмеялся:

– Это ты запомнил, Майрон.

– Ага, это я запомнил, – с набитым ртом проговорил тот.

– А что еще? – спросил Карл. – Что еще я собираюсь сделать?

Майрон с усилием проглотил пищу.

– Убить тех гадов, которые засадили тебя в тюрьму.

4

Джек Сойер вылез из кабины своего пикапа.

– Чем-нибудь помочь?

Шаркая ногами по гравию, он вздымал легкие облачка пыли, которая садилась на щегольские ботинки из змеиной кожи, десять лет назад сделанные вручную одним мексиканским седельщиком. Старик был большим любителем текилы, так что левый ботинок Джека оказался чуточку длиннее правого. Джек потом так и не стал обращаться к сапожнику, а нога со временем привыкла к этому маленькому неудобству.

Мальчик, к которому он обращался, смотрел на Джека с нескрываемым любопытством. На вид ребенку было лет пять. Пытаясь привлечь внимание матери, он толкнул ее в бедро, но она никак на это не отреагировала и продолжала возиться с двигателем машины.

Мальчик двинулся к Джеку, и вскоре они уже встретились на полдороге. Задрав голову кверху, ребенок прищурился под лучами яркого полуденного солнца.

– Привет! – сказал Джек.

– А у меня есть книжка про динозавров.

– Правда?

– И еще видео.

– Гм!

– Тираннозавры мне больше всего нравятся.

– Да что ты говоришь? Мне тоже, – сказал ему Джек.

– Правда?

– Угу.

– Здорово! А как насчет птеродактилей?

– Они очень страшные, эти птеродактили.

Мальчик довольно улыбнулся, обнажив неровный ряд зубов, в котором не хватало одного переднего. На его месте криво торчал коротенький новый зуб.

Это был симпатичный мальчик. Одетый в шорты и футболку, он походил на какого-то персонажа из мультфильма, имени которого Джек никак не мог припомнить. На испещренной веснушками мордашке выделялись полные розовые щеки, со лба свисали мокрые от пота темные волосы.

– Как вас зовут?

– Джек. А тебя?

– Дэвид.

– Рад с тобой познакомиться, Дэвид. – Он кивнул в сторону машины. – Что там стряслось?

Мальчик пожал плечами, приподняв их почти до ушей, и развел руками:

– Не знаю. Мы с мамой ехали в город, и вдруг машина сделала вот так. – Он издал сдавленный звук и задрожал, словно паралитик. – Потом она остановилась, и мама никак не может снова ее завести.

Джек кивнул и направился к женщине, которая выглядела совсем не такой дружелюбной, как ее сын. Наверное, она

просто не хочет, чтобы незнакомец вмешивался в ее дела.

Или же она его испугалась и теперь думает, что если не обращать на него внимания, то он уедет.

– Здравствуйте, мэм! Могу я вам чем-нибудь помочь? Мальчик подошел к матери, положил руку ей на бедро и несколько раз толкнул. Женщина тотчас выпрямилась и раздраженно посмотрела на сына. Тут она, должно быть, краешком глаза увидела Джека, потому что сразу же дернулась как ошпаренная.

– Моя мама глухая, – сообщил ему мальчик. – Она не слышала, как вы подошли. Думаю, вы ее испугали.

Джек тоже так думал. Женщина нервно переводила взгляд с него на его машину, очевидно, пытаясь оценить, насколько Джек может быть опасен.

– Если к ней незаметно подкрасться, она ужасно злится, – сказал мальчик. – Я к ней не подкрадывался. – Извиняющимся жестом Джек протянул к женщине руку. В ответ она вздрогнула и прижала к себе сына. – Ну мама! – Дэвид вырвался из ее объятий и, вздохнув, снова заговорил: – Не бойся. Он хороший. Его зовут Джек. Он...

Она подняла руку, призывая мальчика замолчать.

– Скажи ей, что я прошу прощения. Я не...

– Она может читать по губам, – прервал его Дэвид. – Я попробую сказать это на пальцах, но она хорошо читает по губам.

– Вы меня понимаете? – глядя прямо на женщину, как

можно четче сказал Джек.

Ее глаза слегка прищурились – видимо, от раздражения, предположил Джек. Правда, было неясно, чем он мог ее задеть. Подождав несколько мгновений, женщина коротко кивнула, при этом волосы ее немного растрепались. Они были такими же темными, как и у мальчика, но на солнце отливали медью.

– Я не собирался пугать вас, мэм. Я приехал к мистеру Корбетту, но, раз я здесь, буду рад помочь вам завести машину.

Мальчик еще раз ткнул ее в бок:

– Можно, мамочка?

Она отрицательно покачала головой.

– Она не разрешает, – огорченно сказал мальчик.

– Я не сделаю вам ничего плохого, мэм, – заверил Джек.

Недоверчиво глядя на Джека, женщина показала что-то на пальцах:

– Она говорит: спасибо, но мы лучше позвоним в гараж.

– Угу, конечно, это можно сделать. Только стоит ли? – Джек махнул рукой в сторону машины. – Может быть, поломка очень простая.

Пальцы женщины бешено задвигались, губы беззвучно выговаривали какие-то слова. Выражение лица как будто позволяло понять, что она хочет сказать, но Джек тем не менее посмотрел на Дэвида в ожидании перевода.

– Мама говорит, что, если бы поломка была простая, она

сама бы починила. Она хоть и глухая, но... Я не понял, мамочка, что означает этот знак? – Он постучал двумя пальцами по лбу.

Она изобразила непонятное слово по буквам. Дэвид повторил их за ней вслух.

– Что это значит, Джек? – спросил ребенок.

– Дура, – сказал тот.

– Ох! – огорчился Дэвид. – Она ужасно злится, когда люди думают, что раз она глухая, то, значит, и дура.

– Я не собирался вас оскорблять. – Уже слегка раздраженный, Джек потер подбородок. – Так вы хотите, чтобы я взглянул на вашу машину, или нет? Потому что если нет – сейчас жарко, как в аду, и я попытаюсь побыстрее найти тень, если, конечно, она здесь есть.

Толстые пальчики Дэвида перевели эти слова на язык жестов.

– Так как, мэм? – спросил Джек.

Дэвид перевел ее ответ. Спасибо, но мистер Корбетт обо всем позаботится.

– Он здесь поблизости?

– Бычки повалили изгородь. Вон там. – Дэвид показал где. – Дедушка ее чинит.

– Твой дедушка?

– Ага.

– А где твой папа?

– Он умер.

– Умер?

– Еще до того, как я родился.

Джек посмотрел на женщину, которая бросила на сына убийственный взгляд.

– Она говорит, что я слишком много болтаю.

– Мое предложение остается в силе. Вам разве не нужно в город?

То ли на женщину повлияла его настойчивость (хотя она не походила на тех, кто легко сдается), то ли она решила, что Джек не представляет опасности, а может быть, сыграло роль упоминание о тени, но она явно заколебалась.

– Наверно, это ваш нож ее испугал, – заметил Дэвид, проследив за взглядом матери.

– Только и всего? – И Джек расстегнул кожаные ножны. Женщина испуганно сжалась. Джек достал нож из чехла и, положив его на ладонь, присел на корточки перед Дэвидом.

– Это сделал индейский воин, Дэвид. Воин команчей. Много лет назад.

– Ух ты! – благоговейным тоном воскликнул мальчик. Уже протянув руку к оружию, он в последний момент робко ее отдернул.

– Ничего страшного. Ты можешь до него дотронуться.

– А почему он такой кривой?

– Так раньше делали индейцы.

Дэвид провел пальцем по синеватому лезвию.

– Клево! – все с тем же благоговением сказал он. Джек

медленно встал на ноги и, не отрывая глаз от лица женщины, положил нож обратно в ножны и вскинул вверх руки в знак того, что сдается.

Шутка ей не очень понравилась, но тем не менее женщина немного отошла в сторону и знаками дала понять, что Джек может посмотреть двигатель.

Сняв солнечные очки, он положил их в соломенную ковбойскую шляпу и поставил ее на крыло машины. Когда он нагнулся над двигателем, с его подбородка сорвалась капля пота и с шипением упала на мотор.

Это что-то новенькое, подумал Джек. До сих пор ему не приходилось Сталкиваться с глухими женщинами. Или с теми, кто так трясется за свою задницу. Повернувшись, он попросил женщину запустить двигатель и дать газ. Она выполнила его просьбу. Хотя Джек не слишком разбирался в машинах, тем не менее сразу понял, что произошло. Что-то забило топливопровод.

Джек приступил к работе.

– У нас здесь целое ранчо, – явно стараясь произвести на него впечатление, сказал пристроившийся с ним рядом Дэвид.

– Понятно.

– Мы живем здесь втроем – мама, бабушка и я. Я бы хотел иметь брата или сестру, но мама говорит, что с нее хватает меня одного, да и вообще нельзя завести ребенка без папы. А вы любите персиковый пирог, Джек? Моя мама пе-

чет вкусные персиковые пироги, а бабушка делает ванильное мороженое – его хорошо есть с персиковым пирогом, но можно и так. А вы умеете плавать? Бабушка обещает, что скоро научит меня плавать, а мама боится водоворотов на реке. У нас есть река, и один раз я поймал рыбу, а после того как мы с бабушкой ее выпотрошили, мама приготовила ее на ужин. Может быть, вы как-нибудь увидите мою комнату. Там на шкафу висит плакат с далласскими ковбоями. У вас есть маленький мальчик?

– Нет. И маленькой девочки тоже нет. – Вытащив фильтр из топливопровода, Джек улыбнулся ребенку.

Находившаяся поблизости женщина что-то показала на пальцах.

– Она говорит, – сообщил смущенный Дэвид, – что я, наверно, прожужжал вам все уши своей... я не разобрал чем.

– Болтовней? – предположил Джек.

– Вероятно, – сказал Дэвид. – Иногда бабушка называет меня болтуном.

– Меня не беспокоят твои разговоры. Мне нравится общество.

– У нас не бывает общества.

– Почему? – Джек обращался к мальчику, хотя смотрел при этом на женщину.

– Наверно, потому, что моя мама глухая и все такое.

– Гм. – Джек сунул фильтр в рот и дунул в него изо всей силы, затем поставил его на место и знаком предложил

женщине снова включить зажигание. Она повернула ключ и несколько раз нажала на акселератор. Мотор завелся.

Опустив капот, Джек отряхнул руки.

– Теперь можете ехать. – Он вновь надел на себя шляпу и очки. – Больше не должно быть особых проблем. У вас фильтр забило песком.

– Какой вы умный!

– Не такой уж и умный, Дэвид. Один раз со мной такое случилось. Пришлось отдать пятьдесят баксов механику всего лишь за то, что он выдул песчинку. – Джек повернулся к его матери: – Я бы хотел сейчас увидеть мистера Корбетта.

– Можно, я покажу ему, где дедушка?

Она отрицательно покачала головой и махнула рукой Дэвиду, чтобы он садился в машину.

– Укажите мне только направление, и я сам его найду, – произнес Джек.

– Вон туда, мимо этих деревьев, – сказал ему Дэвид. – Я вас отведу. Это недалеко.

Чтобы привлечь внимание Дэвида, его мать топнула ногой, и ее пальцы забегали чуть ли не со скоростью света.

– Ну мамочка! Пожалуйста! Почему мне нельзя остаться с дедушкой и Джеком? Мне совсем не хочется ехать в этот дурацкий магазин.

Но она неумолимым жестом указала ему на пассажирское сиденье.

Джек похлопал мальчика по плечу:

– Надо слушаться.

– Вы будете здесь, когда мы вернемся?

– Посмотрим.

– Оставайтесь! Пока, Джек!

– Пока.

Дэвид поплелся к машине. Проходя мимо матери, он опустил голову так низко, что она ничего не могла прочесть по губам, и вполголоса пробормотал:

– Ты плохая мама!

Скрывая усмешку, Джек коснулся полей шляпы:

– Мэм!

Женщина села за руль и захлопнула за собой дверцу.

Пристегнув ремень безопасности и убедившись, что Дэвид сделал то же самое, она повернулась к Джеку и что-то ему просигналила – вероятно, спасибо.

Он долго смотрел им вслед. Выехав на шоссе, машина свернула к городу.

Буквы на железной арке гласили: «РАНЧО КОРБЕТТА». Не очень изящная надпись, подумал Джек, но весьма исчерпывающая.

Он повернулся и посмотрел на дом. Это было аккуратное двухэтажное строение белого цвета с выделяющимися на фоне стен темно-зелеными ставнями. По сторонам ведущей на веранду лестницы стояли горшки с цветами, крышу поддерживали незатейливые колонны. Дом выглядел неплохо, но мало чем отличался от тысяч других сельских домов,

разбросанных по югу центральных штатов.

Джек пересек двор и, войдя в ворота, прошел мимо большого сарая и загона, где несколько лошадей щипали сено, отгоняя хвостами мух. Обогнув загон, Джек вышел через калитку на пастбище. Здесь пришлось двигаться осторожно, чтобы не вляпаться в коровьи лепешки.

Существует куча причин, по которым ему следует сейчас повернуть назад, сесть в свой пикап и отправиться восвояси.

По дороге из Корпус-Кристи Джек только и слышал, что о побеге. Хотя это произошло в Арканзасе, новость взбудоражила всю округу. Но особенно сильно она подействовала на самого Джека. Не отдавая себе в этом отчета, он уже направлялся в Блюэр. Прибыв туда в полночь, он остановился в местном мотеле.

Нельзя сказать, что он очень привередлив по части ночлега, да и комната была достаточно комфортабельной, тем не менее Джек так и не смог уснуть. Целую ночь он смотрел по местному кабельному телевидению фестиваль фильмов с участием Джона Уэйна и пытался понять, что его заставило бросить хорошую работу и примчаться сюда.

Разумеется, он так поступал всю свою сознательную жизнь – постоянно срывался с места. Он был одиночкой, авантюристом, не связанным ничем и никем. Все его имущество умещалось в кузове грузовика. Он ехал куда хотел и останавливался там, где ему заблагорассудится. Если ему нравилась местность, он делал остановку. Как только она ему

надоедала, он уезжал. У него были водительские права и номер социального страхования, но не было счета в банке или кредитной карточки. Он жил на деньги, которые зарабатывал тем, что ему в данный момент доставляло удовольствие делать.

На рассвете, как раз в тот момент, когда кончилось «Рио-Браво», Джек встал, принял душ, побрился и сел в свой грузовик. Выпив чашку кофе в забегаловке напротив мотеля, он пришел к компромиссному решению: идея плохая и довольно рискованная, но он это сделает. Он должен так поступить.

За последние годы он неоднократно проезжал этой дорогой, бросая по сторонам любопытные взгляды. Ранчо Корбетта каждый раз привлекало его внимание, но не настолько, чтобы остановиться.

Почему же теперь он так сюда стремится?

Конечно же, из-за побега Карла Херболда. Но этот побег лишь сыграл роль катализатора. В нем и так сидит нечто такое, что заставляет его регулярно возвращаться в эти места. Он пытался все забыть, пытался убежать, но это всегда оказывалось сильнее его. Оно всегда оставалось с ним.

Во время своих путешествий он сталкивался с различными религиями. Он пробовал пейот вместе с шаманом одного из индейских племен Аризоны, который верил, что боги разговаривают с людьми, когда те находятся во власти наркотических видений. Как-то летом Джек помогал при игре в гольф одному раввину, который беседовал с ним о божьих

заповедях и грядущем Мессии. А однажды во время рок-концерта под открытым небом он спорил с группой христианских семинаристов о Священном Писании.

И все эти люди искренне верили, что их судьбу определяет некая высшая сила – или по крайней мере что она помогает им выбрать правильный путь.

Джек не знал, какая из религий говорит правду и есть ли такая вообще. Он не мог вообразить себе бога настолько всемогущего, чтобы создать целую Вселенную, и в то же время настолько раздражительного и мелочного, когда речь заходила о его вмешательстве в судьбы людей. А зачем нужны природные катастрофы? Джек не понимал, почему с хорошими людьми случаются скверные вещи и зачем человечество вынуждено страдать от эпидемий, войн и голода. Ну и относительно искупления грехов он тоже был не очень уверен.

Тем не менее он твердо знал, что грех вполне реален – как и чувство вины.

Можно назвать это провидением, судьбой, богом, можно – простым совпадением, но несомненно одно: когда Джек услышал, что Карл Херболд сбежал, что-то заставило его приехать сюда.

О том, что будет дальше, Джек и сам не имел представления. Даже въезжая под железную арку, он не знал, что скажет или сделает, когда окажется на месте. Никакого конкретного плана у него не было. Единственное, что остается в такой ситуации, – это просто реагировать на происходящие события.

Что ж, через несколько секунд жребий будет брошен.

Заметив возле ограды опустившегося на одно колено мужчину, который возился с колючей проволокой, Джек сложил руки рупором и закричал:

– Мистер Корбетт!

5

Вздрогнув от неожиданности, Делрей Корбетт обернулся и увидел идущего к нему Джека. Делрей нехотя поднялся на ноги. Это был мужчина лет шестидесяти пяти, ростом примерно сто семьдесят пять сантиметров, с заметным брюшком.

Появлением незнакомца он был явно недоволен. Джек постарался не обращать на это внимания.

– Мистер Корбетт, – вновь сказал он, протягивая ему руку, – я Джек Сойер.

Без особой охоты Корбетт снял правую перчатку и пожал протянутую руку Джека. Рукопожатие его было твердым. Из-под козырька кепки глаза его смотрели недружелюбно.

Джек кивнул в сторону изгороди:

– Я слышал, бычки повалили секцию.

– Где вы это слышали?

– От вашего внука. – Джек указал на руку Корбетта, где до сих пор слегка кровоточила длинная царапина. – Зацепились за проволоку?

Корбетт равнодушно посмотрел на царапину.

– Это пустяки. Где вы встретили моего внука?

– Возле дома.

– Вы пытались с ними разговаривать? – зло сказал он. – Черт возьми! Я ведь вам уже говорил, что ничего не знаю.

Оставьте нас в покое.

– Послушайте, мистер Корбетт, я не пойму, за кого вы меня принимаете?

Джек говорил неправду. После побега Карла Херболда правоохранительные органы должны были сразу же связаться с Делреем Корбеттом. И очевидно, связались, причем это ему не понравилось. То ли он не хотел, чтобы его беспокоили, то ли боялся последствий. И то и другое, впрочем, понятно.

– Вы ошибаетесь, – заверил его Джек. – Я заговорил с вашими родными только потому, что у вашей невестки были неприятности с машиной.

Корбетт с тревогой посмотрел на дом.

– Ничего страшного, – успокоил Джек. – Просто забило топливопровод. Она уже едет по своим делам.

Корбетт вновь перевел на него взгляд:

– Вас никто не посылал?

– Нет.

– Тогда извините.

– Да все в порядке.

Немного успокоившись, Корбетт достал из заднего кармана джинсов носовой платок и вытер пот с лица. У него были очень темные волосы, слегка тронутые сединой.

– Анна вам что-нибудь дала?

Анна. Ее зовут Анна. Стараясь усвоить эту информацию, Джек упустил конец фразы Корбетта.

– Что вы сказали?

– Вы пришли сюда, чтобы получить от меня деньги? За ремонт ее машины; – добавил он, осознав, что незнакомец его не понял.

– Нет, сэр, – кратко ответил Джек. – Я был рад ей помочь. Я пришел сюда, чтобы поговорить с вами.

Корбетт вновь стал подозрительным.

– Вы что-то продаете?

– Можно и так сказать.

– Тогда вы зря теряете время. Мне ничего не нужно.

– А как насчет меня?

– А?

– Мне нужна работа. Вам – рабочие руки. Мои услуги продаются.

Корбетт посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Вы это серьезно? – помолчав, наконец спросил он.

– Абсолютно. Могу начать прямо сейчас с этой изгороди.

Фермер передвинулся немного вправо и встал между Джеком и колючей проволокой, то ли собираясь просто заслонить ее от Джека, то ли пытаясь не допустить его вмешательства – что именно, Джек не мог бы сказать. Было, однако, совершенно ясно, что Корбетт не склонен принимать его предложение.

– Пожалуй, не стоит, мистер Сойер, – с холодной вежливостью произнес он. – Но тем не менее спасибо. – Он положил носовой платок обратно в карман, снова сдвинул кепку

на лоб и устремил свой взгляд в сторону изгороди.

– Вы меня не выслушали.

– Мне не нужны работники.

– Но это же очевидно! – Замечание вызвало именно ту реакцию, которую ожидал Джек. – Не обижайтесь, мистер Корбетт, но на вашем ранчо много работы. Мне кажется, необходимо заменить не только одну эту секцию, а и всю изгородь. Значит, понадобится вырыть ямы, поставить столбы...

– Я сам знаю, что для этого нужно! – огрызнулся Корбетт.

– Значит, вы понимаете, что это работа не для одного человека, особенно когда приходится выполнять повседневные обязанности. Дверь в сарае болтается. Кормушка в загоне вот-вот развалится, а двух лошадей не мешало бы подковать. Это только для начала. С таким ранчо даже двое мужчин с трудом справятся.

– Мы с сыном справлялись.

– Но его больше здесь нет, верно? – Корбетт посмотрел на него с откровенной злостью. – Мальчик сказал мне, что его папа умер, – тихо добавил Джек.

Это правда. – Корбетт поджал губы. – Вы меня извините, мистер Соьер, но мне надо работать. Я не буду нанимать работников – ни вас, ни кого-то еще.

Джек ковырнул землю носком ботинка. Мысль о том, что бы наняться на работу, пришла ему в голову совершенно спонтанно – в тот самый момент, когда он это предложил Корбетту. Теперь же она казалась абсолютно логичной.

Хорошо, что он подсознательно отметил то, что требовало ремонта. Если бы ранчо оказалось в идеальном состоянии, задача была бы потруднее.

– Я в любом случае хочу вам помочь с этой изгородью, – предложил Джек. – Без всяких обязательств.

Корбетт посмотрел на него с раздражением и, казалось, был уже готов предложить ему убраться из своих владений.

– Я хороший работник, – сказал Джек. Корбетт устало пожал плечами:

– Как хотите. У вас есть перчатки?

Джек вытащил из заднего кармана кожаные рабочие перчатки.

– Мне держать столб или раскручивать проволоку? Гордость не позволила Корбетту согласиться на работу полегче.

– Проволокой займусь я.

Они работали молча. Джек удерживал на месте столб, в то время как Корбетт обертывал его колючей проволокой, а затем прибавал ее на место. Вскоре они передвинулись к следующему столбу. Затем к еще одному.

– Сколько у вас акров?

– Шестьсот пятьдесят. Джек присвистнул:

– И как давно вы этим владеете?

– Всю жизнь. Я унаследовал ранчо от отца.

– Много у вас голов скота?

– Несколько сотен.

– А где они сейчас?

– На другом пастбище. За рекой. Первосортное мясо. Беда только в том... – Он крикнул от усилия, пытаясь натянуть проволоку.

– Может, мне это сделать?

– Сам справлюсь.

Лицо старика покраснело, но Джек сделал вид, что не обращает на это внимания.

– Так в чем беда? – спросил он.

– В том, что стало слишком много вегетарианцев. – Корбетт забил в столб последний гвоздь.

– Да, это проклятие всех, кто выращивает скот. – Джек отпустил столб, снял шляпу и принялся обмахиваться ею, словно веером.

Корбетт протянул руку к термосу, стоявшему рядом в тени дерева, и, прежде чем сделать глоток самому, предложил его Джеку.

– Валяйте! – сказал Джек. Отпив прямо из носика, Корбетт подал ему термос.

– Где вы этому научились? – спросил Корбетт, снова доставая носовой платок.

Джек закрыл термос крышкой и снова поставил его в тень.

– Где придется.

– Вы уже работали на ранчо?

– Я делал все понемногу.

– Тогда у вас должна быть куча рекомендаций.

– Нет, сэр. Ни одной.

На лице Корбетта появилось подобие улыбки.

– Ну вы и нахал, мистер Сойер. Это я вам точно говорю.

– Зовите меня Джек. А почему вы так сказали?

– Вы проситесь на работу, но у вас нет рекомендаций.

– Наверно, вам просто надо мне поверить.

– Наверно, не стоит, – коротко ответил Корбетт и нагнулся, чтобы подобрать инструменты. Аккуратно сложив их в металлический ящик, он выпрямился и посмотрел на Джека: – Я благодарен за то, что вы пришли на выручку Анне. И спасибо за то, что помогли с изгородью. Но я не стану вас нанимать.

И он направился к дому. Джек пошел следом.

– Можно спросить почему?

– Конечно. И я отвечу. Я вас совершенно не знаю. Вы можете преспокойно меня ограбить.

– Это было бы просто глупо. Если бы я собирался это сделать, то не стал бы сначала представляться.

– Мне надо думать о безопасности Дэвида и Анны.

– Я ничем не угрожаю ни вам, ни им.

– Я этого не знаю, верно?

Джек дотронулся до его руки, но Корбетт так поглядел на него, что Джек тут же убрал руку.

– Ладно, пусть вы меня не знаете. Я чужак, который пришел из ниоткуда. Вчера я оставил работу в Кристи. Если необходима рекомендация, можете позвонить туда моему боссу.

– А почему вы уволились?

– Захотел – и уволился.

– Просто взяли и ушли?

– Я живу именно так.

– Звучит не очень ободряюще, а, мистер Сойер? – Корбетт снова двинулся вперед.

– Пока я здесь, я буду работать на вас днем и ночью. Я умею делать все, потому что зарабатывал себе на жизнь всеми законными способами. Я был поваром и инструктором по рыболовству. Я работал на нефтепромыслах и на сборочном заводе. Я объезжал лошадей, доил коз, мыл посуду, чистил туалеты, а один раз, когда был действительно голоден, работал даже сводником у пятидолларовой проститутки.

Корбетт остановился и посмотрел на него с неодобрением.

– Да, мистер Корбетт, я сделал много такого, чем не слишком горжусь. А вы покажите мне человека, который был бы совершенно чист. Тем не менее клянусь как перед богом – я не вор. Я вас не ограблю. И никогда не сделаю ничего плохого вам, вашей невестке или ее мальчику. Пожалуй, вам даже будет спокойнее, оттого что поблизости находится еще один мужчина.

Это была его козырная карта, которую Джек прятал в рукаве. Решимость Корбетта сразу ослабла. Тем не менее, к легкому удивлению Джека и к его огромному разочарованию, старик все же отрицательно помотал головой:

– Прошу прощения, мистер Сойер, но я все равно должен сказать «нет».

– Что надо сделать, чтобы вы передумали?

– Ничего. Дело в том, что мне нечем вам платить. Джек усмехнулся:

– Может быть. Я очень дорого стою. Но вообще-то, я думаю, мы договоримся.

– Как?

– Мне же надо где-то жить. Корбетт издал нечто вроде смеха.

– Вы меня считаете за сумасшедшего.

– Я вам не предлагаю поселить меня в доме. Как насчет старого трейлера, который стоит к северу от сарая? Я могу устроиться там.

Корбетт посмотрел в ту сторону:

– Он не используется уже много лет. Мы с женой там жили, пока строили дом. Мы сломали тот, что был, но хотели поставить новый на том же месте. Это было почти сорок лет назад. Я собирался отправить его на свалку, но как-то рука не поднималась. Он, наверно, вот-вот развалится.

– Там есть вода и свет?

– Есть. Плита работает на бутане.

– Я все приведу в порядок. Мне это подойдет. Корбетт смерил его долгим оценивающим взглядом.

Джек смотрел на него не мигая. Он отработал этот прием в Рино, когда играл в карты.

– Ну, мистер Корбетт, так что вы скажете?

6

К тому времени, когда представители полиции штата Арканзас появились в гараже, где работал Сесил Херболд, он успел почти до основания обглодать указательный палец.

Полицейских было двое – судя по их виду, отъявленные мерзавцы.

Они неизбежно должны были появиться, но теперь, хотя Сесил и ждал этого визита, у него засосало под ложечкой, когда один из стражей порядка перевернул корзинку для бумаг и сел на нее, оказавшись в каких-нибудь двадцати сантиметрах от Сесила.

– Ну что ж, – начал он, – мы попросили мистера Рейнолдса предоставить нам этот кабинет, чтобы поговорить с тобой в спокойной обстановке. Мне бы не хотелось злоупотреблять его гостеприимством, к тому же законопослушных граждан мы не трогаем. Так что давай не будем тянуть, ладно?

Сесил не знал этих двоих лично, но сталкивался с подобным типом людей всю жизнь и терпеть его не мог.

Деревенщина со сверкающими значками. Гладко выбриты, форма отутюжена, несмотря на жару, никаких пятен по-та под мышками.

И тем не менее круглые дураки. Забери у них форму и значки, все эти быстроходные машины и хорошие пушки – и они с Карлом мигом сделали бы из них отбивные.

Но пока не время. Сейчас он должен прикинуться испуганным простофилей. Это хорошо. Он будет выглядеть убедительно. Не потому, что дурак, а потому, что действительно немного испугался.

– Если вы пришли из-за того фокуса, который вчера выкинул мой брат, то я сразу скажу, что ничего об этом не знаю.

Тип, сидевший на мусорной корзине, посмотрел на своего напарника, который стоял, прислонившись к стене и сложив руки на груди.

– Он, наверно, думает, что у нас опилки вместо мозгов, – сказал тот, передвинув спичку из одного угла рта в другой.

– Клянусь богом! – заныл Сесил. – Я говорю правду! – Худшее, что может быть, – это если они бросят его в тюрьму по какому-нибудь сфабрикованному обвинению, чтобы он был у них под рукой. Он должен убедить их в том, что готов к сотрудничеству. – О побеге я услышал из вечернего выпуска новостей, когда вернулся домой с работы. Я только устроился перед телевизором с бутылкой диетпепси, как вдруг на экране появляется физиономия моего брата. Я чуть не наделал в штаны от испуга. – Он замолчал, чтобы определить их реакцию, но лица полицейских оставались непроницаемыми. – Я знаю только то же, что и все, – продолжал Сесил. – Я узнал об этом по телевизору.

Тип со спичкой поправил кобуру. Сидевший на мусорной корзине упорно смотрел на Сесила до тех пор, пока тот не стал беспокорно ерзать на стуле.

– Что?

– Ты принимаешь нас за дураков, Сесил?

– Нет, сэр.

– Ты знаешь Майрона Хаттса?

– Нет, сэр.

– Ты никогда с ним не встречался?

– Нет, сэр. Они с моим братом скорешились в Такере, а я никогда не был в Такере.

– Да, ты был в Камминсе.

Поскольку Камминс был тюрьмой усиленного режима, Сесил почувствовал, что ему стоит изобразить справедливое негодование:

– Это правда, был.

– Ты сидел за вооруженное ограбление, верно?

– Верно. Но я никого не убивал.

– Ах да, да. Совсем забыл об этом. Ты предоставил эту возможность своему младшему брату Карлу, не так ли? Вот почему твой приговор оказался намного мягче.

Это была скользкая тема. Сесил не мог спорить с полицейским, иначе ему пришлось бы сознаться в убийстве, которое, по правде говоря, совершил все-таки Карл. Но ему не хотелось расписываться в собственной слабости.

Слабость заключалась в том, что, если Карл проливал чужую кровь даже с некоторым удовольствием, у Сесила мысль об убийстве вызывала легкую тошноту.

– Я отсидел в тюрьме и искупил свою вину перед обще-

ством, – выпалил он. – Я пришел к Иисусу и стал другим человеком.

Тип со спичкой согнулся пополам от смеха.

– Меня досрочно освободили, – заявил Сесил. – Вы думаете, что я стану делать такие же дурацкие вещи, что и мой брат? Ни в коем случае! Камминс – это, знаете ли, не пикник. Я вышел оттуда и не собираюсь возвращаться.

– Угу. – На сидевшего перед ним полицейского откровенность Сесила не произвела никакого впечатления. – Ты слышал о тех охранниках в Такере?

– Слышал, что они... м-м-м... умерли.

Коп пододвинулся ближе, так что чуть не уткнулся носом в Сесила.

– Они не умерли, задница. Их убили. Твой брат ударил одного в сердце заточкой. А второму Хаттс перерезал горло – едва голова не отлетела.

Он откинулся назад и задумчиво потянул себя за мочку уха. На поимку беглецов были мобилизованы все правоохранительные службы Арканзаса и соседних штатов. Карл Херболд и Майрон Хаттс рассматривались как вооруженные и очень опасные преступники, и гражданам рекомендовалось проявлять в отношении их чрезвычайную осторожность.

– Надо отдать должное Карлу – он все четко спланировал, – заметил представитель штата. – Майрон-то полный идиот. А вот твой братец – смысленый сукин сын. Он даже придумал способ избавиться от датчиков. Их нашли, но Кар-

ла с Майроном при них не было. Да, сэр. Все, что отыскивали, – это их тюремную одежду, ошейники и мудреные устройства, которые оказались ни на что не годными. А самих ребятков давно и след простыл.

Заключенные сумели перехитрить законников. Вертолетные патрули, поисковые группы и заставы на дорогах так и не смогли обнаружить их след.

Черт побери, Сесил гордился своим младшим братом!

Едва сдерживая гордую улыбку, он слушал, как коп перечислял преступления Карла, которые в глазах Сесила были настоящими подвигами, под стать таким героям, как Джесси Джеймс, Джон Диллинджер и Клайд Бэрроу.

Чтобы скрыть радость, Сесил постарался изобразить волнение:

– Я только надеюсь, что вы его не убьете. У нас с ним больше никого нет.

– Ну, это ведь не совсем правда, Сесил? У вас еще была мама. Она была замужем за хорошим человеком, который старался вас направить на путь истинный. Я видел твое дело. Так что не ври мне, Сесил.

– Наш отчим был настоящей сволочью. Он ненавидел нас, а мы ненавидели его. Он слова не сказал, когда нас направили в эту школу для малолетних правонарушителей. Карлу тогда едва исполнилось пятнадцать.

– Наверно, потому, что вы как раз такими и были. Малолетними правонарушителями.

После маминой смерти он набросился на нас еще сильнее. Меня-то это не особенно трогало, – поспешил добавить Сесил. – Но Карл был еще ребенком, и он очень страдал. Его никто не любил, вот он и вырос злым и подлым. Он весь гнилой. Думаете, я не знаю, что он хуже смертного греха? Он не признает Иисуса и ни во что не ставит спасение души. – Для пущей убедительности он выдавил слезу. – Но это моя плоть и кровь, все, что осталось от моей семьи. Я не хочу, чтобы он умер.

– Видишь ли, – сказал коп, поудобнее усаживаясь на корзинке, – мы вот чего боимся. Если Карл со своим другом Майроном однажды ночью появятся у тебя, то ты можешь почувствовать такую братскую любовь, что станешь помогать этим ребятам.

– Нет, сэр, – энергично затряс головой Сесил. – Я вам сразу позвоню.

– Это точно?

– Точно.

Коп повернулся к своему напарнику:

– Как ты думаешь, он врет? Тип со спичкой зевнул:

– Конечно, врет. Все Херболды – прирожденные лжецы.

Кто этого не знает...

– Клянусь Иисусом...

– Перестань болтать об Иисусе, Сесил! – Полицейский поднялся на ноги так резко, что опрокинул корзинку для мусора. – Ты недостойн упоминать имя господи при порядоч-

ных людях. Да, твои слова звучат искренне, но ты все равно остаешься уголовником. Пока вас с братом не отправили в разные тюрьмы, вы были одного поля ягоды. Такими и остались. – Положив руки на колени, он снова нагнулся и посмотрел в глаза Сесилу: – Ты никуда от нас не денешься. Ты меня слышишь?

– Да что вы говорите, сэр! – с возмущением произнес Сесил. – Говорю вам, я его сдам – он же, дурак, сам себя убивает. Клянусь!

– Ну смотри, Сесил!

– Да, Сесил! – сказал тип со спичкой. – Смотри!

Полицейские вышли из помещения, коротко переговорили с владельцем гаража мистером Рейнолдсом, сели в сверкающую машину и уехали. А Сесил поплелся к своему рабочему месту, где перед приходом законников ремонтировал пикап. Вскоре к нему подошел Рейнолдс.

– Ты сказал им правду? – проворчал он. – Если мне только покажется, что ты собираешься устроить неприятности, – ты уволен. Понял?

Да, сэр, мистер Рейнолдс. Мне нужна эта работа. Я не хочу иметь ничего общего со своим братцем. Я получил хороший урок.

Рейнолдс с угрозой посмотрел на него и отправился в свой кабинет.

«На эту задницу не стоит тратить слов», – подумал Сесил, подавляя желание выругаться. Кроме того, рядом находятся

другие рабочие, и некоторые из них все время подлизываются к Рейнолдсу. Сесил никому здесь не доверял. Трусы они и жополизы.

Нагнувшись над капотом грузовика, он продолжил работу. Она не требовала умственных усилий и вполне позволяла думать о другом.

Он знал, что законники к нему придут. Эти дураки решили, что Карл сначала прибежит к нему. Карл, разумеется, это предусмотрел и предупредил Сесила во время их последнего свидания: «Они станут наблюдать за твоей квартирой и гаражом. Может быть, ты их даже и не увидишь, но эти выродки будут поблизости, так что следи за собой. Телефон также станут прослушивать», – добавил Карл. Эти предупреждения были ни к чему. Сесил и сам знал, что надо быть осторожнее.

Конечно, законники правы. Братья обязательно встретятся. И когда это произойдет, власти сразу обо всем узнают. Вот это будет денек!

Сесил с трудом подавлял возбуждение. Ему было очень трудно себя сдерживать. Досрочное освобождение не многим лучше тюрьмы. Приходится терпеть регулярные визиты инспектора по надзору, который все время копается в его жизни. К тому же каждый день Сесил выслушивает оскорбления от такого сукина сына, как Рейнолдс. Нет, это не жизнь. Он слишком умный и слишком талантливый, чтобы так жить.

Кроме того, они с Карлом прекрасно подходят друг другу.

Скоро они снова будут вместе и станут заниматься тем, что им лучше всего удавалось, чем занимались еще мальчишками, – поднимут бузу.

Остаток дня Сесил раздумывал над их совместным планом, восстанавливая в памяти каждую деталь и стараясь удостовериться, что ничего не упустил. Его несколько раздражало, что Карл по-прежнему являлся главным вдохновителем и организатором. Даже находясь в тюрьме, он оставался лидером, хотя руководящая роль, по идее, должна была принадлежать Сесилу, так как он старше. Тем не менее Карл давно занял положение лидера и никогда его не уступал.

Но теперь ему придется смириться с тем, что Сесил будет с ним на равных. Он с самого начала даст ему об этом знать.

Карл будет вынужден проявлять более демократический подход. Они уже не дети, и Сесилу не нужна опека. Он тоже побывал в тюрьме, и этот опыт его закалил. Хотя он разыгрывал перед копами хнычущего слизняка, Сесил стал намного сильнее, чем раньше.

На этот раз ошибок не будет. Все необходимые приготовления сделаны. Черт побери, у него даже есть секретное оружие, о котором Карл не знает!

Не отрываясь от работы, он засмеялся, подумав о том, как вскоре удивится Карл.

– Джек говорит, что его нож сделал индейский воин. Из племени команчей, дедушка. – Дэвид прервал свою болтовню о Джеке Сойере только для того, чтобы отправить в рот очередную порцию картофельного пюре.

Достоинства Джека Сойера стали любимой темой для разговоров Дэвида. Когда они вернулись с мамой из города и Дэвид заметил грузовик Сойера, мальчик едва дождался, пока машина остановится.

Делрей встретил их у калитки, соединявшей двор с пастбищем.

– Ты встретился с Джеком, дедушка? – Задыхаясь от возбуждения, Дэвид задавал вопросы так быстро, что Анна не успевала их разобрать. Делрей прикрикнул на мальчика, приказав ему успокоиться.

Ничего необычного в этом не было. Хотя Делрей любил своего внука, но его неистощимая энергия часто действовала ему на нервы. Поразило Анну другое – а именно перемена, которая произошла в самом Делрее. Обычно если уж он что-то решил, то больше не колебался. А тут какая-то непонятная неуверенность, с которой Делрей сообщил, что нанял Джека Сойера работать на ферме.

– Так быстро? – стараясь не выдать своего удивления, спросила она. – Что ты о нем знаешь!

– С ним все в порядке. Я думаю, он будет хорошим работником. – Не глядя на нее, он добавил: – Джек будет жить в старом трейлере.

Эта новость была еще более удивительной, но, прежде чем Анна успела что-то сказать, старик пояснил:

– Он починит его сам, так что об этом не беспокойся. Да ты и не заметишь, что он поблизости. Я уже отправил его трудиться в сарае. Я просто хочу, чтобы ты знала, что он некоторое время будет здесь работать. А теперь мне надо снова приниматься задела. Увидимся за ужином.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он повернулся и пошел прочь.

После того как умер Дин, дом был на ней, но всю работу по ранчо Делрей делал сам. Он отказывался нанимать постоянных работников, хотя Анна часто ему это предлагала.

Конечно, он стал слишком старым для таких дел, но гордость не позволяла ему в этом сознаться. Он не хотел признать даже перед самим собой, что больше не может выполнять работу, которая была смыслом всей его жизни.

А возможно, он также считал, что нанять работника будет предательством по отношению к его покойному сыну. Никто не мог занять место Дина в его сердце, и старик не хотел, чтобы кто-то занял его место и на ранчо.

За обедом Анна думала о том, чем вызвана такая метаморфоза. Неужели он наконец согласился с тем, что нуждается в помощи? Или просто Сойер сумел его уговорить? Мо-

жет быть, и так. Но есть еще одна причина, и именно она больше всего беспокоит Анну.

Чтобы привлечь внимание свекра, она постучала по столу.

– Ты боишься, что он придет сюда! – спросила женщина.

– Нет.

Он сурово покачал головой. Но Анна ему не поверила.

– Так вот почему ты нанял этого человека? Чтобы кто-то был рядом на случай...

Одно не имеет отношения к другому. Этому Сойеру была нужна работа, а я давно уже подумывал о том, чтобы нанять работника. Вот и все.

Она смотрела на него не отрываясь.

Наконец Делрей отложил вилку в сторону и заговорил снова, не поднимая на Анну глаз:

– Он сюда не придет, Анна. Это для него слишком опасно. Кроме того, они не дадут ему далеко уйти.

– Кому не дадут, дедушка? – спросил Дэвид.

– Никому. И не разговаривай с полным ртом. – Вновь повернувшись к Анне, он сказал: – Сегодня звонили из полиции штата. Спрашивали, не нужно ли присмотреть за домом. Просто на всякий случай. Я сказал: «Нет».

Она опустила глаза. Делрей постучал по столу. Почувствовав вибрацию, Анна снова подняла на него взгляд.

– Я действительно думаю, что опасности нет. Но если хочешь, я могу им перезвонить и принять это предложение.

Принять предложение полиции означало признать, что он

боится. Для Делрея это было недопустимой слабостью. Если она попросит, он уступит, но будет недоволен.

Она отрицательно покачала головой; Делрей как будто вздохнул с облегчением.

Решение принято, тему можно было считать закрытой. Но что бы ни говорил Делрей, Анна сомневалась, что он нанял бы Джека Соьера, если бы Херболд не сбежал из тюрьмы.

– Я вот думаю – что там Джек кушает на ужин? – Дэвид наклонился вперед, как будто мог увидеть из окна трейлер.

Их жизнь была такой однообразной, что малейшее нарушение обычного порядка вещей было целым событием, особенно для пятилетнего мальчика с его безграничным любопытством. Ее сын выучил язык жестов одновременно с английским, и к концу каждого дня у Анны сводило руки после того, как она отвечала на его бесчисленные вопросы.

– Наверно, Джек останется вовсе без ужина. Что он будет есть? Он умеет готовить, бабушка?

– Тебя не касается, что он будет есть, – промолвил Делрей. – Он просто здесь работает, и все.

– Может, иногда он сможет со мной поиграть.

– Держись от него подальше, Дэвид, вот что я тебе скажу.

– Но Джек ведь хороший, – упавшим голосом сказал Дэвид. – Он тоже любит динозавров.

– Он здесь для того, чтобы работать, а не тебя развлекать.

Анна вздохнула.

– Джек сказал, откуда он родом!

– Он как перекаати-поле.

Она вопросительно посмотрела на свекра в знак того, что не совсем поняла.

– Вроде бродяги!

– Нет, он работает. Он просто много ездит. Никогда долго не задерживается на одном месте. Он может завтра уже уйти.

– Ты думаешь, Джек завтра уйдет, дедушка? – спросил Дэвид, потрясенный такой возможностью. – Мама, он уйдет?

Она знаками показала, что вряд ли он уйдет так скоро. Делрей велел Дэвиду доесть, что тот и сделал в полном молчании. Втайне Анна желала, чтобы Дэвид задал дедушке еще несколько вопросов. Она сама хотела узнать больше про Джека Сойера, но пока что держала свое любопытство при себе.

Обычно после ужина Дэвид собирал тарелки со стола и относил их в раковину, в то время как Анна с Делреем не спеша выпивали по последней чашке кофе, обсуждая события дня.

Делрей всегда был не слишком разговорчив, но сегодня он казался особенно молчаливым.

– Ты читал в газете о прощальном банкете в честь Эззи Харджа! – подождав немного, спросила Анна.

– Пожалуй, он сильно переслужил. Ему ведь уже под восемьдесят.

Анна улыбнулась в чашку. Вышедший на пенсию шериф был ненамного старше самого Делрея.

– Тебе надо было пойти на банкет. Там была большая толпа. Много твоих знакомых.

– Что мне, разориться, что ли? Билеты были по двадцать баксов за штуку.

Его удержала не цена билета. Даже если бы билеты были бесплатными, он все равно не пошел бы на общественное мероприятие. А то, что ей хотелось пойти, – это ему даже в голову не пришло. Эззи Хардж всю ее жизнь был шерифом.

Анна считала, что он заслужил хорошие проводы. Но если бы она предложила пойти, Делрей не согласился бы.

Когда Дин впервые привел ее к себе домой, чтобы познакомиться с отцом, то предупредил, что Делрей большой домосед. Потом Анна убедилась, что это еще мягко сказано.

Мать Дина, Мэри, была второй женой Делрея. До того как нашел счастье в новой семье, Делрей пережил тяжелые времена, которые оставили на нем свой отпечаток.

А после смерти Мэри и Дина Делрей вообще никуда не выезжал. Постепенно его немногочисленные друзья перестали извещать его о встречах, но он, казалось, этого даже не заметил.

Сначала Анна думала, что Делрея смущает ее физический недостаток и ему неудобно использовать в общественных местах язык жестов. А может быть, ему совестно оставлять дома молодую вдову, особенно после того, как родился Дэвид.

Но постепенно она поняла, что его затворничество не имеет к ней особого отношения. Делрей просто не любил

людей. Его раздражало их любопытство. Любое проявление дружбы или сочувствия он отвергал, сомневаясь в подлинности стоящих за ними мотивов. Он предпочитал жить в добровольной изоляции, поэтому физический недостаток Анны был ему даже удобен, поскольку предоставлял необходимый предлог.

– Ты сделала все, что хотела?

Этот вопрос прервал ее размышления. Внезапно что-то вспомнив, она приложила палец к губам, делая знак подождать, и вытащила из сумочки визитную карточку.

– Эмори Ломаке. – Произнеся это имя, Делрей выругался – как надеялась Анна, вполголоса, чтобы не услышал Дэвид.

– Я ездила в банк, – сказала она. – Мистер Ломаке прошел через весь вестибюль только для того, чтобы поздороваться.

– Масленный ублюдок!

Хотя это слово явно выпадало из контекста, Анна поняла, что имеет в виду Делрей. Определение «масленный» очень подходило банкиру. Как только он к ней прикасался, а это происходило при каждой встрече, Анне сразу же хотелось помыться.

– Он попросил кассира, который знает азбуку жестов, ему переводить.

– И что он сказал?

– Он напомнил мне, что срок уплаты процентов истек...

– Я отправил ему деньги вчера по почте.

– Я так ему и сказала. Он решил, что вам с ним надо встре-

титься и поговорить, как и когда ты начнешь выплачивать основной долг. Он готов приехать сюда.

– Ну еще бы!

– Дескать, чтобы тебе лишний раз не ездить в город.

– Точнее, для того, чтобы все здесь осмотреть. – Делрей вытащил из стеклянного стаканчика зубочистку и встал из-за стола. – Пойду посмотрю телевизор. Возможно, скажут что-нибудь хорошее.

Разговор о банкире его разозлил, а может быть, он немного боялся новостей из Арканзаса. Во всяком случае, когда Делрей выходил из кухни, он был похож на старого медведя, который потерял свои клыки и боится, что больше не сможет себя защитить.

– Дедушка на меня сердится? – спросил Дэвид. Анна при-тянула сына к себе и крепко обняла.

– Почему он должен на тебя сердиться?

– Потому что я много говорю.

– Он не сердится. Он просто беспокоится из-за взрослых дел.

– Из-за того дяди в банке? Она кивнула.

Дэвид изобразил на лице гримасу отвращения.

– Мне он не нравится. От него пахнет зубной пастой. За-смеявшись, Анна передала:

– Дедушке он тоже не нравится.

– А тебе?

Она вздрогнула.

– Нет!

Эмори Ломаке после рукопожатия задержал ее руку в своей, а во время разговора поглаживал ее по плечу. Анна была с ним вежливой – не более того, но Ломаке, очевидно, не мог отличить обычную вежливость от флирта. В следующий раз, если он до нее дотронется, Анна назовет его задницей и потребует не распускать руки. Только вот станет ли кассир это переводить?

– Пора мыться, – сказала она Дэвиду и отправила его наверх.

Пока он плескался в ванне с пластмассовыми кораблями, она занялась своим лицом. Обычно она делала это машинально, почти не глядя в зеркало.

Однако сегодня Анна принялась внимательно рассматривать свое отражение. Синие глаза ей достались от отца, маленький нос – от матери. Как хорошо, что она унаследовала от родителей самые лучшие черты.

Но, к сожалению, своих родителей она потеряла слишком рано. Они умерли один за другим вскоре после того, как она вышла замуж за Дина, – мать от рака печени, отец от сердечного приступа.

Как жаль, что они так и не увидели ее здорового, нормально слышащего сына. И Дин тоже не увидел. Разозлившись на себя за то, что вспомнила о грустных вещах, Анна поспешила вытащить Дэвида из ванны. Чтобы потянуть время, он долго-долго вытирался, надевал пижаму и чистил зубы – до

тех пор, пока мать его не отругала. Когда наконец мальчик лег в постель, Анна присела рядом с ним на край кровати и стала смотреть, как он молится.

Закрыв глаза и сложив руки на груди, Дэвид шептал:

– Господи, благослови папу, который уже на небесах. Господи, благослови дедушку. Господи, благослови маму. И благослови, господи, Джека.

Анна не была уверена, что правильно разобрала последние слова. Дэвид нечасто менял слова своей молитвы. С тех пор как этот ритуал начал исполняться, дополнительные «господи, благослови» звучали очень редко. Один раз мальчик просил благословить енота, который был у них чем-то вроде домашнего животного. Каждый вечер ему оставляли на веранде еду и потом смотрели из дома, как он пирует. Однажды утром Дэвид нашел енота на дороге мертвым – его переехала машина. Несколько ночей Дэвид за него молился.

В другой раз он просил божьего благословения для игрушечного медвежонка, которого случайно забыл в «Макдоналдсе». К тому времени, когда они обнаружили пропажу и вернулись, медвежонка там уже не было. Игрушку вспоминали примерно неделю.

Других случаев Анна не могла припомнить.

Впрочем, что удивительного в том, что Дэвид включил Джека Сойера в свои молитвы? За последнее время появление Джека – это самое яркое событие в его жизни.

Мальчику этого возраста Сойер должен казаться героем

приключенческого романа. Он не столь старый, как Дел-рей. И не такой тихий и бледный, как педиатр, который наблюдает Дэвида с самого рождения. У него нет вкрадчивых манер священника, который иногда их навещает, хотя проповедь последний раз он произносил во время похорон Дина. Джек Сойер не похож на тех мужчин, которых знает ее сын.

Со своими ботинками, со своим индейским ножом, со своим знанием динозавров и со своим потрепанным грузовиком – бледно-оранжевым «Шевроле», словно ветеран войны, гордо выставляющим напоказ боевые шрамы, – он неизбежно должен был произвести на мальчика сильное впечатление.

Сказав наконец «аминь», Дэвид открыл глаза.

– Как ты думаешь, он меня любит, мамочка?

Было бессмысленно притворяться, будто она не понимает, о ком речь.

– Конечно, любит. Как тебя можно не любить! – Нагнувшись, она пощекотала ему живот.

Обычно Дэвиду очень нравилась щекотка, и он просил пощекотать его даже тогда, когда Анна собиралась уходить. Но на этот раз он не стал смеяться, а, повернувшись на бок, положил руки под щеку.

– Когда я вырасту, я буду такой же высокий, как Джек?

– Может быть, еще выше.

– Я хотел бы показать ему книжку про динозавров. – Он зевнул и закрыл глаза.

Анна по-прежнему сидела на кровати и гладила сына по голове. При мысли о том, что Дин его так и не увидел, у нее перехватило горло. Дин был бы прекрасным отцом. Бедный Дэвид!

В ее нынешней жизни Делрей был единственным взрослым мужчиной. Он хороший человек. Внешне суровый, но в глубине души очень добрый. Но он не отец Дэвида. Он старается не показывать свою любовь. Он не может дурачиться просто так.

Он редко смеется. Постоянная активность Дэвида его раздражает. Что еще хуже, он открыто проявляет свое раздражение.

Он никогда не говорил о своем первом браке, о тех проблемах, что тогда возникли, и о том периоде, когда эти неприятности достигли апогея, – как будто его жизнь началась в тысяча девятьсот семьдесят шестом году, а то, что было раньше, относилось к другому человеку. Он желал забыть свою прошлую жизнь, и, несомненно, были дни, когда он действительно о ней забывал.

К несчастью, вчерашний побег Карла Херболда пробудил воспоминания давно минувших дней.

8

– Не спеши, Эззи. Слишком жарко. – Берл Манди раскрыл коричневый бумажный мешок и бросил туда два пакета еды.

– Наверно, ты прав, но ведь надо же чем-то заняться.

– Что, еще не привык к жизни пенсионера?

– И вряд ли когда-нибудь привыкну.

– Я тебя понимаю. Я работаю в этом магазине практически всю жизнь, и меня отсюда вынесут только вперед ногами.

– Дай мне вот этих сверчков, – сказал Эззи. – И положи пару банок газировки. – Он поставил на прилавок сумку-холодильник.

– А может, пару пива?

– Ни в коем случае. Я хочу сегодня вернуться домой. Манди хохотнул:

– Кора все еще борется с пьянством?

– Баптистка до мозга костей. – Эззи подал деньги. – Здесь должно хватить и на бензин. – Перед тем как войти внутрь, он залил топливо в мотор своей маленькой деревянной лодки. – Спасибо, Берл, – поблагодарил Эззи и взял с прилавка коробку со сверчками, предназначенными для наживки, закуски и сумку-холодильник, в которой теперь лежали две банки «Доктора Пеппера».

– Хорошего улова, Эззи.

Прежде чем Эззи успел выйти из помещения, Берл попра-

вил вентилятор и, усевшись в кресло, принялся читать потрепанный томик Луиса Ламура.

Эззи погрузил покупки в лодку, где уже лежали его рыболовные снасти, не особенно дорогие и сложные; – Эззи не был заядлым рыболовом. Поскольку чрезвычайные обстоятельства могли возникнуть в любой день года и в любое время дня и ночи, окружной шериф не имел возможности часто предаваться какому-нибудь праздному занятию. Тем более шериф такого небогатого округа. В его управлении всегда не хватало людей и финансирования. В результате все пятьдесят лет Эззи работал на износ, постоянно готовый ответить по телефону 24-7-365.

Но даже если бы работа позволяла, он все равно вряд ли увлекся бы охотой, рыбной ловлей, игрой в гольф или любым другим хобби, которые для многих составляли смысл жизни.

Ничто не увлекало Эззи так, как его работа. Вся его жизнь вращалась вокруг нее. Он думал о делах даже во сне.

Сегодня, двигаясь по реке, он по-прежнему душой был на работе.

В этом году весна выдалась необычно засушливой, так что уровень воды был низким, а течение слабым. Река, казалось, не спешила излить свои воды в залив,² расположенный в нескольких сотнях миль к югу. В лучах солнца водная гладь напоминала сверкающее зеркало.

Там, где река сужалась, ветви деревьев образовывали

² Имеется в виду Мексиканский залив.

нечто вроде тенистого навеса. Эти островки прохлады доставляли немалое облегчение. Воздух был совершенно неподвижен. Не шевелился ни один листок. Под палящим зноем многие растения поникли, что придавало пейзажу унылый вид.

Черепахи и водяные змеи едва высовывали головы из воды. Они были слишком вялыми, чтобы двигаться.

Даже цикады звенели приглушенно.

К тому моменту, когда Эззи причалил лодку к берегу, его рубашка насквозь промокла от пота. Выйдя из лодки, он затащил ее в заросли высокого сухого тростника. Ему не надо было искать это место. Оно было знакомо бывшему шерифу не хуже собственного лица. Пожалуй, в общей сложности он глядел на свое лицо даже меньше времени, чем рассматривал эту местность.

За последние двадцать два года Эззи бывал здесь один бесчисленное количество раз. Он возвращался сюда, словно паломник к святыне. Он старался не думать, почему так по ступает, подозревая, что подобные действия может совершать только человек не вполне нормальный.

Тем не менее Эззи неизменно приезжал сюда – в надежде, что проклятое место наконец откроет ему свою тайну.

Много раз он даже опускался на колени – не для молитвы, а чтобы тщательно, дюйм за дюймом обследовать всю поверхность земли в попытке отыскать хотя бы малейший намек на то, что случилось с Патрисией Маккоркл.

Этот неказистый клочок земли стал для шерифа Эзры Харджа центром Вселенной.

Именно поэтому Кора так ненавидела дело Маккоркл. Она проклинала его за то, что оно сделало с ее мужем. Прежде всего Эззи потратил на него уйму времени, пытаясь привлечь к ответственности тех, кто, как он считал, виновен в гибели девушки. Потом, когда стало ясно, что эта цель недостижима, он впал в депрессию, которая чуть не расстроила их брак.

Кора пригрозила, что, если он не бросит это дело, она уйдет от него и заберет детей. Он его бросил. Или по крайней мере притворился, что бросил. Повседневные служебные обязанности отнимали большую часть его времени, но, когда Эззи мог расслабиться и посвятить себя семье, он вместо этого думал о нераскрытом деле.

В результате он стал для своих детей плохим отцом. Кора воспитала их практически одна. Эззи интересовался жизнью отпрысков очень редко, и то в основном тогда, когда случались неприятности. Самый критический момент был связан с тем, что их сын принялся экспериментировать с наркотиками. Слава богу, это обнаружилось вовремя, до того как он успел пристраститься к ним всерьез. Сейчас-то мальчик женат, имеет двух дочерей, работает директором средней школы и является одним из столпов местного общества.

А их дочь, на два года моложе брата, уехала из Блюэра сразу же, как только окончила школу. Она отправилась в кол-

ледж, чтобы найти подходящего мужа, и это ей удалось. Она вышла замуж за одного брокера из Далласа. У них не было детей, что дочь, похоже, вполне устраивало. Она возглавляла с полдесятка обществ и клубов и посвящала все свое время организации благотворительных завтраков и ужинов.

Эззи ненавидел такой образ жизни, но дочь казалась довольной, с чем, конечно, следовало считаться.

Он понимал, что в воспитании детей все заслуги принадлежат только Коре. Если бы он воспитывал их один, результаты были бы плачевными.

Его одержимость этим расследованием уже двадцать два года осложняла Эззи семейную жизнь и будет осложнять дальше. Кора была в восторге от той свободы, которую принесла им его отставка. Но Эззи знал, что не будет свободен по-настоящему до тех пор, пока дело о гибели Пэтси Маккоркл останется нераскрытым. Для большинства людей это была давняя история, о которой уже все забыли. Но только не для него.

Даже если бы он заставил себя поверить в то, что может это бросить, побег Карла Херболда развеял подобные иллюзии.

Он никогда не лгал своей жене и не собирался начинать. Много раз это могло как будто облегчить ему жизнь, но Эззи чувствовал, что в супружестве нет места обману. А кроме того, Кора видит его насквозь.

Вероятно, она знает, что он отправился вовсе не на рыб-

ную ловлю.

Оставив в лодке снасти и коробку с живыми сверчками, Эззи вытащил сумку-холодильник и пакет с продуктами и понес их к бурелому. Один бог знает, отчего упало дерево и % когда это случилось. Его ствол покрывали лианы и лишайники. Насекомые выгрызли в нем сердцевину, но дерево все еще выдерживало вес Эззи. Открыв банку «Доктора Пеппера», отставной шериф сделал большой глоток и с отрешенным видом принялся поглощать кукурузные хлопья.

Каждый раз, когда он смотрел на то место, где Пэтси Маккоркл испустила последний вздох, он вспоминал о том, как увидел ее тело на следующее утро после происшествия.

– До нее кто-нибудь дотрагивался?

Это все, что он спросил у молодого бледного помощника, который был первым представителем закона, появившимся на сцене после того, как кто-то из рыбаков сделал эту ужасную находку.

– Нет, Эззи, сэр.

– Даже тот, кто ее нашел?

– Вы шутите? Он до смерти перепугался. Он даже не сошел на берег. Его лодка проплыла мимо. Он увидел, что она здесь лежит, и бросился в магазин Манди, чтобы нам позвонить. Я-то, конечно, не стал затапывать место преступления. Я принял меры для сохранения улики.

Должно быть, помощник шерифа нахватался этих выражений в детективах, поскольку сам Эззи никогда их не упо-

треблял. Не так-то уж часто требовалось оцеплять место преступления, для того чтобы сохранить улики.

В основном они просто патрулировали, охраняя общественный порядок. Обычно их вызывали, чтобы остановить драку в пивной, погасить семейный конфликт или изолировать какого-нибудь разбушевавшегося пьяницу.

Достаточно редко вспышки насилия приводили к чьей-то смерти, но и тогда причины были совершенно ясны. Вооруженное ограбление. Угроза смертоносным оружием. Избиение жены.

Как правило, мотивы преступника были если не оправданны, то по крайней мере понятны.

Бессмысленные преступления совершались где-то в других местах. В больших городах. В городских гетто. В округе Блюэр, штат Техас, это было неслыханным делом, так что не только помощник, но и Эззи со всем своим опытом никогда ни с чем подобным не сталкивались.

Она распростерлась на траве лицом вниз. Одна рука была подвернута под туловище, другая лежала вдоль него, ноги раскинуты. На убитой была только пара сандалий – и больше ничего. Стояло лето, и на ее загорелой коже выделялись две белые полосы – посередине спины и на ягодицах.

Эззи казалось неприличным, что они разглядывают ее обнаженное тело. Конечно, они действовали как представители власти, но все равно несли какую-то ответственность за то, что эту молодую женщину раздели и выставили напоказ.

Эззи сразу решил, что здесь не несчастный случай.

– Плохо, что ночью шел такой сильный дождь, – заметил молодой помощник, указывая на дождевую воду, скопившуюся в ложбине шеи девушки. – Он смыл многие улики.

– Приходится работать с тем, что есть.

– Да, сэр. – Помощник вытер носовым платком верхнюю губу. – Вы думаете, она убита?

– Не похоже на естественную смерть.

Пронзительный крик сойки вернул Эззи к реальности.

Он засунул пустой пакетик в мешок, вытащил оттуда леденец и принялся его сосать, глядя на то место, где лежала Пэтси Маккоркл.

– Господь милосердный! Что тут творится, Эззи? Эззи, вздрогнув, обернулся. Ему показалось, что из леса вот-вот выйдет старый Харви Страуд. Коронер³ умер пятнадцать лет назад, а ушел на пенсию еще два года до этого, но его голос по-прежнему звучал в ушах Эззи, как будто все происходило сейчас, перед его глазами. Подойдя к трупу Пэтси Маккоркл, Страуд опустился на колени и нацепил на нос очки.

– Ты взял фотоаппарат? – спросил Эззи.

– За мной идет тот парень из «Бэннер».

Эззи надеялся придержать известие об убийстве до тех пор, пока успеет предварительно опросить близких друзей Пэтси. Он также хотел дать Маккорклам время хоть немного прийти в себя и подготовиться к той волне слухов, которая

³ Следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти.

неизбежно на них обрушится. Но раз Страуд пригласил сюда фотографа из газеты, к обеду о происшествии будет говорить весь город.

– Ты что-нибудь можешь сказать, Харви?

– Не торопи меня. Я ведь только пришел. – Не прикасаясь к телу, он рассматривал его под разными углами и наконец произнес: – Здесь на шее синяк.

– Задушена?

– Может быть.

– Ее изнасиловали?

– Возможно. Вот это на бедрах похоже на сперму.

– Господи!

– Нуда.

Вскоре появился полный энтузиазма фотограф, однако весь подъем его сразу же прошел, как только он своими глазами увидел труп. Содержимое его желудка тут же оказалось в кустах. Потом он долго сидел, опустив голову, и заверяя всех, что не в первый раз видит голую женщину – прост., впервые видит ее еще и мертвой. Прошло некоторое время, прежде чем фотограф пришел в себя настолько, чтобы сделать нужные Страуду снимки.

Недалеко от тела стояла машина, принадлежавшая Пэтси.

Возле нее Эззи нашел кучку одежды. С помощью пинцета он по очереди подбирал каждую вещь и тщательно рассматривал ее, перед тем как положить в пластмассовый мешок. Здесь лежали блузка и юбка, лифчик и трусики. Из-за до-

жда все это пропиталось влагой, но на первый взгляд одежда оставалась целой, все пуговицы были на месте, то есть как будто одежду не срывали с тела. Конечно, это только визуальный осмотр.

Дверцы машины с обеих сторон были распахнуты, из чего Эззи заключил, что Пэтси приехала сюда не одна. Пустые бутылки из-под спиртного, одна на полу машины, другая возле колеса, говорили о том, что здесь была вечеринка.

– Как там с ее ногтями, Харви?

– Все целы, никаких следов крови. Как будто под ними вообще нет ткани. Конечно, я все проверю в лаборатории. – Коронер также заметил, что на лодыжках и кистях рук не синяков, ничто не указывает на то, что жертва была связан; или не обошлось без борьбы.

Очевидно, Пэтси Маккоркл спокойно приехала сюда со своим компаньоном и не ждала смерти.

Услышав, что в его машине заговорило радио, Эззи не медленно вернулся туда и произнес в микрофон:

– Да, Джим?

– Маккоркл была вчера вечером в «Веселом фургоне», – сообщил помощник шерифа Джим Кларк.

Кора со своими трезвенниками много лет пыталась вернуть на территории округа сухой закон, но пока безуспешно. ИМ, однако, удалось запретить продажу спиртных напитков в самом городе. В результате вдоль шоссе за границей города появились заведения, торгующие спиртным. «Веселый фур-

ГОН» был одним из них.

– С кем ты там говорил?

– С его владельцем, Паркером Джи. Вчера вечером он обслуживал бар. Говорит, что Пэтси Маккоркл побывала там несколько часов и уехала около полуночи.

– Одна?

– С братьями Херболд.

На столе у Эмори Ломакса зазвонил телефон. Недовольный тем, что его прервали, он нажал кнопку селектора.

– Кто там, миссис Пресли?

– «Ист-паркдивелопмент».

Тон Ломакса сразу изменился:

– Я возьму трубку.

Он по уши в бумагах, но это подождет. Его будущее не зависит от работы в этом банке. Масштабы здесь смехотворно малы по сравнению с теми делами, которыми он занимается вместе с компанией ИПД из Хьюстона. Они могли бы сто раз купить это заведение, и у них еще остались бы деньги на карманные расходы.

– Привет, Глен! – вкрадчиво сказал он. – Как дела в...

– Подождите, сейчас будет говорить мистер Коннот. Эмори нахмурился, раздосадованный задержкой и тем, что номер набирал не сам Коннот.

Ему пришлось почти три минуты слушать музыку, прежде чем в трубке зазвучал голос Коннота.

– Ломаке, вы получили материалы, которые мы вам послали? – не отвлекаясь на ненужные любезности, сразу спросил он.

– Вчера. Это просто фанта...

– И какова реакция Корбетта?

Я... ну, я еще с ним не говорил. Как я уже сказал, я получил материалы только вчера. У меня не было времени их изучить. – На другом конце провода молчали, и Эмори бросило в дрожь. – Но я беседовал с его невесткой. Она согласилась на встречу. Я собираюсь изучить материалы сегодня вечером и, если надо, запомнить. Все сорок шесть страниц. Если они думают, что он потратит свое личное время и всю эту ерунду – всякий там анализ стоимости, диаграммы, – то они ошибаются. Он сумеет повернуть это дельце не вдаваясь в скучные подробности.

– Вы понимаете мое положение, Глен, – как можно убедительнее сказал он. – Я не хочу оставить Корбетту возможности для маневра. Перед тем как с ним поговорить, я собираюсь изучить материалы вдоль и поперек. Мне надо располагать вескими аргументами на любые его возражения.

– Если вы не в состоянии выполнить эту работу, лучше скажите сразу.

Сердце Эмори замерло.

– Но я обязательно справлюсь!

– Вы представляете для нас интерес постольку, поскольку работаете со счетами Корбетта. Вы уже знаете состояние его финансовых дел. Другими словами, вы можете сэкономить нам время. Но если вы не справитесь, мы вас заменим.

– Пожалуйста, Глен! Для меня это так же важно, как и для вас.

– Сомневаюсь. Так когда я услышу от вас новости?

– Скоро. – Нет, так не годится. – Очень скоро. – Еще хуже. – Сразу после того, как я переговорю с Корбетгом.

– Я буду ждать. Голос в трубке замолк.

Положив ее на рычаг, Эмори развернулся вместе с креслом к окну, выходящему на Мэйн-стрит.

Банк располагался в двухэтажном здании, но Эмори был рад тому, что его кабинет находится внизу. Окна в помещении были тонированы, так что Эмори мог видеть всех на тротуаре, а его снаружи не видел никто. Глядя на пешеходов, он развлекался тем, что делал непристойные жесты, когда мимо проходили его недоброжелатели, и любовался хорошенькими женщинами. Немногие из них удерживались от соблазна взглянуть на свое отражение в оконном стекле. Эмори нравилось представлять, будто красотки смотрят на него.

Вчера он увидел в окне Анну Корбетт. Разглядывая витрины, она шла по тротуару со своим сыном. Когда она заговорила с ребенком на языке жестов, Эмори заулыбался.

Он смотрел, как она переходит улицу и направляется к дверям банка. Будет легко перехватить ее в вестибюле. А она неплохо выглядит. Красивая фигура, толстая задница. Сиськи малость подкачали, но в банке из-за кондиционера прохладно, так что соски у нее встанут.

И все это достается старику. Каждый знает, что он ее трахает. Они живут вместе уже шесть лет. Ну конечно, он ее трахает.

С точки зрения Корбетта, это неплохо. Но вот ей-то зачем

этот ворчливый старикашка? Должно быть, все дело в том, что она глухая. Да, наверное, из-за этого. Она думает, что лучше ее свекра никого и быть не может. Ничего, Эмори покажет ей кое-что другое.

Эта мысль вызвала у него улыбку.

Но улыбался Эмори недолго. Глухая баба – это потом.

Сначала он должен предоставить «Ист-парк дивелопмент» то, что обещал. По-хорошему тут ничего не добьешься. Он уже испробовал этот вариант, но попытки стать финансовым советником Корбетта успеха не принесли.

Коннот и остальные начинают беспокоиться. Время истекает. Корбетт может продержаться еще не один год. А «Ист-парк дивелопмент» так долго ждать не будет. Эмори боялся, что они сделают это предложение кому-нибудь еще или вообще откажутся от этого проекта. И тогда ему придется остаток жизни провести в кредитном отделе проклятого банка и жить на одну зарплату.

Поскольку банк являлся семейной собственностью, шансы на продвижение у него были нулевыми. У президента два сына, такие же бесчувственные, как и он сам. Все они очень любят порядок и недолюбливают Эмори. Они запросто могут его уволить.

Отсюда вывод: надо во что бы то ни стало повернуть это дельце с «Ист-парк дивелопмент». Он должен убедить Корбетта продать ранчо. Но как это сделать? Старик даже слушать об этом не станет.

Нужен новый план атаки. Да. Смелый план.

Смелый. Какое удачное слово! Потом, когда люди будут об этом говорить – а Эмори не сомневался, что так и будет, – они скажут: «Ничего бы не вышло, если бы Ломаке не сделал этот смелый ход».

Рассеянно глядя в окно, Эмори пожелал, чтобы к нему пришло вдохновение.

Но ничего не происходило. Лишь по Мэйн-стрит медленно полз разбитый пикап.

10

– Значит, с ним все в порядке, – сказал в трубку Дел рей. – Да сегодня и не приходится быть слишком разборчивым.

– Особенно в вашем положении, мистер Корбетт. Я имен: в виду, что...

– Я знаю, что вы имеете в виду, – оборвал его Делрей. Поняв, что попал впросак, человек на другом конце линии поспешно добавил:

– Не забывайте, что это всего-навсего личное одолжение. Наша компания не специализируется на такого род, деятельности.

– Я понимаю.

– Я хотел бы предложить вам вооруженную охрану. До тех пор, пока этот... гм... инцидент не будет исчерпан.

– Нет, спасибо. – Делрей не любил темнить. – Я благодарен вам за то, что вы для меня сделали. Тем более раз это не ваш профиль. Но больше мне ничего не надо. До свидания.

Когда он повесил трубку, его лицо было красным от гнева. Он попросил владельца местной охранной фирмы, сын:, одного из своих бывших партнеров по домино, проверить подноготную Джека Сойера.

Только и всего. Однако этот парень не преминул вспомнить о Карле Херболде.

Чтобы успокоиться, он сделал несколько глубоких вдохов.

Высокое кровяное давление ему ни к чему. Доведя его до менее опасного уровня, Делрей стал думать о приятном. Сой-ер оказался чист.

Охранная фирма внесла в систему его имя, номер социального страхования, номер водительского удостоверения и кузова машины. Никаких банкротств, превышения кредита или липовых чеков. Никакого уклонения от алиментов. Никаких сведений об арестах. Нет даже штрафов за нарушение правил дорожного движения.

Делрей подошел к окну гостиной и выглянул во двор. Сой-ер обещал Дэвиду, что сделает ему качели. Вчера он ездил в город, чтобы купить все необходимое. Потом вечером, в свое личное время, он принялся пилить, строгать и покрывать лаком сиденье. В кладовой Сойер нашел старую цепь и попросил у Делрея разрешения ее взять.

Теперь он старался отрегулировать длину цепи так, чтобы мальчику было удобно качаться. Дожидаясь окончания строительства, Дэвид подпрыгивал от нетерпения и оживленно болтал.

Конечно, Делрей был доволен тем, что взял на работу не преступника и не авантюриста. Это хорошо, что Сойер не совершил ничего предосудительного.

Тогда почему он сейчас ощущает легкое разочарование? Неужели он втайне желал, чтобы новый герой Дэвида разыскивался ФБР, налоговой службой и несколькими другими правительственными агентствами сразу? Может быть,

он искал повод для того, чтобы отослать его прочь?

С одной стороны, это было бы идиотизмом. Прошло всего три дня, но уже видно, что работник Сойер хороший. Как он и обещал, он трудился целый день и даже чуточку дольше. А лишняя пара рук, безусловно, не помешает. Делрей больше не станет говорить, что ему не нужны работники. Сойер собственным примером разубедил его в этом.

Но его раздражало, что Сойер находится здесь все время. Он был недоволен, когда на его ранчо находились чужие люди. Особенно мужчины. Да еще такие, о которых он практически ничего не знал.

Он, Анна и Дэвид долгое время жили здесь одни. Они люди привычки. День заднем шли, почти не отличаясь друг от друга. Вставая утром, Делрей знал, что ему ждать от наступающего дня, и это ему нравилось. Они втроем создали себе уютный, комфортабельный мирок, в котором Делрею было хорошо.

Одним своим присутствием Джек Сойер разрушил размеренный распорядок их жизни. Эффект был налицо, и это беспокоило Делрея.

Откровенно говоря, Дэвид выбрал неудачный объект для поклонения. Но он ребенок, его интересы непостоянны, он легко увлекается. Сегодня его интересуют динозавры, завтра это могут быть вулканы, ракеты или джунгли. Так что его увлечение Сойером Делрея не особенно волнует.

А вот как насчет Анны?

Он обернулся и посмотрел на нее. Она сидела на легком стуле, поджав под себя ноги, со стаканом холодного чая в руке и лежащим на коленях раскрытым романом. Но она не читала. Она глядела в окно на дерево, на качели и на мужчину с ребенком. Почувствовав пристальный взгляд Делрея она посмотрела на него и быстро опустила глаза в книгу.

Такая реакция пробудила в нем самые худшие опасения.

Испытывая необходимость что-нибудь пожевать (в надежде, что это поможет ему расслабиться), Делрей направился к двери, но только он успел выйти на веранду, как Дэви;; окликнул его с просьбой покачать на новых качелях.

– Джек говорит, что я не смогу подняться высоко, пока не освоюсь. А завтра я привыкну, Джек?

Делрей заложил за щеку горсть табаку, затем, перейди двор, подошел к качелям и толкнул их вперед.

– Я могу выше, деда, – пожаловался Дэвид. – Я не маленький.

Джек прислонился к стволу дерева.

– Должен предупредить, Делрей, – сказал он, – он тебя моментально измотает.

Мальчик тут же зажужжал, словно самолет. Каждый раз, когда качели возвращались к Делрею, он мягко подталкивал их вперед.

– Ты вчера не заблудился? Я имею в виду – в городе.

– Нет, все в порядке.

Делрей кивнул и еще несколько раз раскачал качели.

– Знаешь, тебе не обязательно торчать здесь по вечерам. После работы ты можешь приходить и уходить, когда захочешь.

– Спасибо, но мне некуда идти.

– В Блюэре есть многозальный кинотеатр, которым очень гордится наша торговая палата.

– Кино мне не по карману. Они столько требуют за билет – это же просто грабители с большой дороги.

– Я слышал, в городе есть несколько неплохих ночных клубов.

Сойер тихо засмеялся:

– Для меня там чересчур весело.

– Ну, есть и другие места, куда можно пойти. Мы с невесткой привыкли сидеть дома, но такому одинокому мужчине, как ты, наверно, требуется... общество.

– Может быть, и так, – почесав в затылке, сказал Сойер. – Но на это у меня не остается сил. В конце рабочего дня я чувствую себя измочаленным.

– Здесь была группа по изучению Библии для одиночек. Не знаю, собираются ли они сейчас, но можно выяснить.

– Я не настолько измотан.

Делрей рассмеялся, но как-то невесело, и Сойер заметил, что он хочет что-то сказать.

– Ты о чем-то сейчас думаешь, Делрей? – спросил Сойер. Он стал обращаться к нему на «ты» с самого начала, и Делрей не видел в этом ничего особенного.

– Почему ты спрашиваешь? Сойер пожал плечами:

– Просто показалось.

«Надо же, какой он проникательный», – подумал Делрей.

Но ведь они уже три дня проработали бок о бок, а когда рядом с кем-то проливаешь пот, то начинаешь понимать этого человека.

Как было у него с Дином. Они очень хорошо понимали друг друга – благодаря тому что обильно оросили потом это ранчо.

Дин все время работал с ним после занятий в школе и потом каждое лето во время учебы в колледже вплоть до того момента, когда ушел в армию.

– Тут есть люди, которые хотят купить ранчо, – внезапно сказал Делрей.

И сразу почувствовал, как напрягся Сойер, хотя тот даже не двинулся с места.

– Не знал, что ты его продаешь.

Я и не продаю. Просто меня донимает один парень, их представитель. Я уже говорил ему, что ничего не собираюсь продавать, а он не слушает.

– Выше, деда!

– Давай теперь я. – Джек махнул рукой, чтобы Делрей отошел, и сам встал рядом с качелями. – Держись крепче, Дэвид.

– Я буду держаться, Джек. Толкай сильнее. Сойер толкнул деревянное сиденье вперед.

– Что это за люди, Делрей? Старик сплюнул табак.

– Какие-то застройщики. Из Хьюстона. Этот парень – его зовут Ломаке – вчера прислал мне тетрадку с разными графиками и диаграммами. Я их просмотрел после ужина.

– И что?

– В общем, они хотят разделить мое ранчо на участки, чтобы построить загородные дома для богатых людей. Помимо того, там еще должно быть поле для гольфа, клуб, плавательный бассейн и разные службы.

– Такое я уже много раз видел, – сказал Джек. – Неделю назад там было пустое место, а сегодня, глядишь, уже стоит ресторан быстрого обслуживания или магазин. Некоторые считают, что если есть свободное место, то туда непременно надо что-нибудь поставить.

– Этот Ломаке через несколько дней приедет, чтобы все обговорить.

– И что он предлагает?

– Не знаю. Мне это все равно. Мое решение окончательное. Конечно, эта встреча – лишь пустая трата времени но, если он так настаивает, я, наверно, должен его принять.

– Ни черта ты ему не должен!

Делрей внимательно посмотрел на него. Из-за тени выражение лица Сойера было не разобрать, однако тон его говорил о многом. Джек не станет уклоняться от битвы.

Возможно, его новый работник не такой уж беспечный, как кажется.

– По крайней мере, я смогу сказать в лицо этому Ломаксу, что я о нем думаю.

– А что ты о нем думаешь, деда? Джек усмехнулся.

Делрей хотел улыбнуться ему в ответ, но решил, что этого делать не надо. Он ему начальник, а не приятель.

Теперь он уже жалел, что поделился с Сойером своими мыслями относительно продажи ранчо. Такого доверия Сойер не заслужил.

– Я пойду в дом, – сплюнув, сказал он. – Увидимся утром, Сойер. Пойдем, Дэвид.

– Я только начал качаться, деда, – захныкал мальчик. – Можно я еще немного покачаюсь? Ну пожалуйста!

– Я за ним присмотрю, – предложил Джек. Мальчик очень радовался качелям, и загонять его сейчас в дом было, в общем-то, не обязательно.

– Ладно, – произнес Делрей. – Анна все равно скоро за ним придет.

– Доброй ночи, деда! – прощebetал довольный Дэвид.

– Спокойной ночи, Дэвид.

В дверях Делрей обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на качели. Дэвид о чем-то говорил, а Сойер внимательно слушал. Роль няньки его как будто ничуть не тяготила.

Проверка показала, что Джек Сойер чист перед законом.

Он выдержанный, умный и начитанный. Он готов разговаривать на любую тему – кроме как о самом себе. О себе

он ничего не говорит. И вообще он в основном слушает. Он умеет слушать и знает, когда нужно что-то сказать для поддержания разговора, а когда промолчать.

Джек хороший пастух и прекрасно умеет ухаживать за скотом, а если чего-то не знает, не стесняется спросить. Он трудолюбив и аккуратно обращается с оборудованием, не забывая убирать его после работы. Он прямо-таки идеальный работник.

Так почему же тогда этот умный и толковый парень скитается по свету на старом пикапе, без семьи, без друзей?

К тому же он свалился как снег на голову как раз тогда, когда Карл сбежал из тюрьмы.

Но если бы между ним и Карлом была какая-то связь, это бы всплыло при проверке.

Делрей не доверял совпадениям. Он в них попросту не верил. Осторожный по натуре, он всегда боялся допустить ошибку. И хотя молодой человек ему нравился, он ему все таки не доверял.

Делрей любил постоянство.

А Джек Сойер – нет.

– Это «джей».⁴ Ты просто рисуешь ее в воздухе мизинцем. Джек попытался последовать его инструкциям, но Дэвид покачал головой.

– Нет, у тебя выходит «ай». Видишь?

– Ладно, ладно. – Джек попробовал еще раз.

– Здорово, Джек. У тебя хорошо получается.

– У меня прекрасный учитель. А как насчет «эй»? Дэвид завел язык за щеку и прижал к губам пухлый кулачок. Джек повторил его действия.

– Так?

– Угу. Так. Что там дальше?

– «Си».

– Это легко. Ты ее все равно что пишешь печатными буквами. Я умею писать печатными буквами. Мама научила меня, когда мне было всего три года.

– Какой ты умница!

– Мама тоже так говорит.

– Молодчина. «Джи», «эй», «си». – Произнося эти буквы, Джек правой рукой их изображал. – А теперь «кей».

– Эта буква будет потруднее. Вот так.

– Так?

⁴ Здесь и далее имеются в виду буквы английского алфавита.

– Нет, тебе надо... Подожди! Мама может тебе показать. Привет, мамочка! Я как раз показываю Джеку, как будет его имя на языке жестов.

Джек, который до этого сидел на корточках перед качелями, поднялся на ноги, повернулся и с робкой улыбкой произнес:

– Привет!

Анна Корбетт окинула его таким холодным взглядом, что Джек сразу принялся гадать, чем огорчил ее на сей раз. Он-то думал, что получил прощение за свою неловкость при первой встрече. В конце концов, он починил ее машину и тем самым дал возможность сэкономить деньги. Она показала ему знаком «спасибо».

А может быть, он ее неправильно понял? Вдруг она показала что-нибудь другое? «Да пошел ты...», например.

С тех пор как Джек переселился в трейлер, он видел ее всего несколько раз, и то мельком: один раз – когда она поливала цветы на крыльце, другой – когда она ходила с Дэвидом на дорогу за почтой, и третий – сегодня, когда Джек подковывал лошадь, он на миг оторвался от работы и вдруг увидел, что она стоит в дверях. Но тогда Анна моментально исчезла, так что Джек даже не был до конца уверен, что действительно ее видел.

Женщина явно не стремится к его обществу. У него даже сложилось впечатление, что она его избегает. Впрочем, не стоит придавать этому какое-то значение – скорее всего это

ничего не означает.

Она что-то показала Дэвиду, и тот сразу запротестовал:

– Здесь нет никаких москитов, мамочка! Меня не кусают.

Ни разу не укусили.

Анна сказала что-то еще, и Дэвид подчинился.

– Мне нужно принять ванну, – соскользнув с сиденья, объяснил он Джеку.

– Ну что ж, раз надо – значит, надо. Чем скорее ты это сделаешь, тем быстрее ляжешь спать, а стало быть, раньше встанешь и сможешь снова пойти качаться.

– Завтра ты раскачаешь меня сильнее?

– Посмотрим. – Он приветственно помахал ему рукой.

Взяв мальчика за плечи, мать развернула его к крыльцу и любовно шлепнула по мягкому месту. Затем, к удивлению Джека, махнула ему рукой, предлагая пройти в этом же направлении.

Он ткнул себя рукой в грудь:

– Мне? В дом?

Анна коротко кивнула и направилась вдогонку за сыном, не обращая внимания на то, идет ли следом Джек.

– Есть, мэм! – громко произнес мужчина и двинулся за ней.

Войдя в переднюю, она сделала знак Дэвиду, чтобы тот поднимался наверх.

– А что вы тут с Джеком будете делать? Можно я с вами останусь?

Она подняла указательный палец и показала «один». Секунды через две она подняла второй палец. «Два».

– Когда мама начинает считать, дело плохо, – сказал Дэвид.

– Тогда лучше поторопись. Мальчик повернулся и направился вверх по лестнице, крикнув с полдороги:

– Спокойной ночи, Джек!

– Спокойной ночи. Анна повела Джека по центральному коридору. С обеих сторон находились комнаты, но она шла так быстро, что у Джека не было возможности в них заглянуть. Вскоре Анна привела его на противоположную сторону дома, в маленькую комнату под лестницей со скошенным потолком.

Там было одно окно с открытыми жалюзи. Две других стены занимали книжные полки. Возле третьей стоял письменный стол с двумя комплектами клавиатуры. Один был подключен к специальному телефону, которым пользовалась Анна. Штат обеспечил телефонную сеть операторами, которые озвучивали для нормально слышащих сообщения, передаваемые глухими людьми. Если сообщения поступали для глухих, операторы, наоборот, их набирали.

Вторая клавиатура принадлежала компьютеру. Дисплей работал в режиме «звездного неба», по экрану то и дело пролетали планеты и метеоры.

Анна указала Джеку на широкое кожаное кресло. Сев, он выжидательно посмотрел на нее.

– И что теперь?

Она вытянула вперед руку, словно автоинспектор.

– Остановиться? Остаться? Она кивнула.

– Остаться. – Он повторил это слово, и она еще раз сделала свой жест, затем повернулась и ушла. – Зовите меня просто скитальцем, – пробормотал Джек, прислушиваясь к ее шагам на лестнице. Очевидно, она собирается проверить, как там Дэвид. Делрей, наверное, уже в постели.

Он встал и принялся медленно ходить по комнате, сознавая, что проявляет чрезмерное любопытство. Тем не менее если бы она не хотела, чтобы он здесь осматривался, то не пригласила бы его в дом.

Мебель была не новая, но в хорошем состоянии. Листья буйно разросшегося плюща блестели. Все вещи стояли на своих местах. Комната выглядела уютно. Очевидно, Анна Корбетт была отличной хозяйкой.

Подбор книг говорил о разнообразном и довольно эклектичном вкусе. На полках рядом с многочисленными биографиями стояли и произведения классической литературы в кожаных переплетах, и новейшие бестселлеры.

На нижней полке Джек нашел словарь языка жестов. Достав его, он просмотрел первые несколько страниц и с удивлением узнал, что существуют как американский язык жестов, так и знаковый английский. Он-то всегда думал, что язык жестов один. Оказывается, все не так просто.

В предисловии к словарю говорилось, что в знаковом ан-

глийском каждый знак соответствует определенному слову.

Специальные знаки, называемые маркерами слов, обозначают число, время, суффиксы, префиксы и тому подобное.

Американский язык жестов, однако, расходился и с устным, и с письменным английским языком. Он был как бы сам по себе. Один знак в нем отвечал целому синонимическому ряду английских слов. Некоторые знаки из АЯЖ употреблялись и в знаковом английском, чтобы использовавшие разные системы могли как-то общаться между собой, но в целом эти языки сильно отличались друг от друга, а их преимущества служили предметом ожесточенных споров среди специалистов по сурдопедагогике.

Джек прочитал вполне достаточно для того, чтобы прийти в замешательство. Но, просмотрев алфавит, он улыбнулся: Дэвид правильно показал ему, как изображается его имя.

На нескольких страницах были представлены диаграммы с некоторыми наиболее употребительными фразами. Увидев, что Анна тогда действительно показала «спасибо», а вовсе не ругательство, Джек снова улыбнулся.

Он как раз пробовал изобразить несколько самых простых выражений, когда в комнате появилась Анна. Подойдя прямо к Джеку, она выхватила у него из рук книгу, резко захлопнула ее и поставила обратно на полку.

Более удивленный, чем смущенный ее грубостью, Джек молча смотрел, как она садится за стол и начинает печатать на компьютере какой-то текст – очевидно, обращенное

к нему послание. Подтащив поближе деревянный стул с обитой кожей спинкой, Джек сел так, чтобы он мог видеть экран, а она могла читать по его губам.

«Почему вы заставляете Дэвида учить вас языку жестов?»
– напечатала Анна.

Он пожал плечами:

– Хочу научиться.

Ее пальцы двигались так быстро, что за ними невозможно было уследить. «Зачем?» Ответ казался очевидным. Джек снова пожал плечами:

– А что тут такого?

«Вам не надо учиться языку жестов. Если вам необходимо что-нибудь мне сообщить, вы всегда можете передать это через Дэвида или Делрея».

Он оторвал взгляд от дисплея и посмотрел на нее:

– Что ж, я уразумел. Вы даете мне понять, что нам нечего сказать друг другу.

Она слегка кивнула в знак того, что он все понял правильно.

– А с чего вы это взяли? Почему вы решили, что я не могу быть интересным собеседником? – Опасаясь, что она не разберет последнее слово, Джек поправился: – Почему вы думаете, что я не могу рассказать ничего интересного?

Изящные пальцы вновь запорхали над клавишами. «Не говорите со мной так. Пусть я глухая, но не...» Джек остановил ее руки и сделал жест, который видел раньше. Дура.

– Я помню.

Ее голубые глаза метали молнии. Джек достаточно разбирался в психологии, чтобы понимать, что Анна Корбетт предпочитает наносить удар первой. И в этом нет ничего удивительного. Наверняка одноклассники дразнили ее в школе, да и взрослые иногда ведут себя бестактно.

– Никто не считает вас дурой, – сказал Джек. – Вы просто... – Перегнувшись через спинку стула, на котором он сидел верхом, Джек одним пальцем напечатал слово «сноб». Оттолкнув его руку, она потянулась, чтобы выключить компьютер.

– Нет уж, – воспротивился Джек, снова отстранив ее руки. – Это слишком просто. Вам придется выслушать... Я хочу сказать – так или иначе... Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

Он замолчал, стараясь привести мысли в порядок.

Анна относилась к нему с открытой враждебностью, но Джек не верил, что это связано с ее глухотой. Не может этого быть.

– У вас какой-то пунктик насчет глухоты...

Он замолчал, и она коротко кивнула в знак того, что поняла.

– Я с самого начала относился к вам хорошо. Вы же обращались со мной как с дерьмом. В чем дело? Из-за того, что я могу слышать, а вы нет?

Анна в бешенстве замотала головой.

– Тогда почему? «Потому что я боюсь».

Эти слова застали Джека врасплох. Пожалуй, ничто больше не могло бы его так удивить и так задеть.

– Боитесь меня?

Она посмотрела ему в глаза, затем снова перевела взгляд на экран.

«Я боюсь, что когда вы уйдете, то огорчите Дэвида. И Делрея».

Джек криво улыбнулся:

– Я только что пришел. И не думаю о том, чтобы уйти. «Но в один прекрасный день вы обязательно уйдете», – напечатала она, подчеркнув последнее слово.

Ее испытующий взгляд нервировал Джека, но он все-таки честно ответил:

– Да. Уйду.

«Когда вы уйдете, они будут грустить».

– Почему они будут грустить? – спросил он.

Пальцы Анны на несколько секунд застыли над клавиатурой.

«Вы заполнили собой... – Она долго не могла подобрать подходящее слово, но наконец, заглянув в лежащий рядом потрепанный словарь, напечатала: – ...пустоту».

– Это удачное слово, – отметил Джек. – По-моему, я как раз и есть пустое место. Но я не уверен, что вы именно это имели в виду.

Она беззвучно произнесла да и снова начала печатать.

«До того как Делрей встретил Мэри, мать моего мужа, он был несчастным человеком. Мэри – его вторая жена.

Когда он женился на своей первой жене, у нее уже было двое сыновей. Его пасынки оказались плохими мальчиками и принесли ему много неприятностей. Очень крупных неприятностей. После смерти жены он...» – Анна вновь остановилась в поисках подходящего слова. Посмотрев на Джека, она сделала рукой повелительный жест.

– Выгнал их? Решил не иметь с ними ничего общего? Отказался от них?

Кивнув, она продолжала.

«Это было очень давно. Делрей делает вид, будто ничего и не случилось. С Мэри он начал новую жизнь. Он ее очень любил. Но она умерла. А вслед за ней Дин. Вот тогда Делрей ушел в себя».

Джек задумчиво покачал головой:

– А как он умер?

На экране высвечивались ряды слов. Дин был солдатом. Он вступил в армию для того, чтобы закончить образование, не подозревая, что во время его службы США могут оказаться в состоянии войны. Во время операции «Буря в пустыне» его отправили из Форт-Худа, штат Техас, в Ирак. После капитуляции иракских войск подразделение, в котором служил Дин, осталось в Персидском заливе, чтобы помочь в восстановлении Кувейта. Он не был ранен, но все равно вернулся домой инвалидом.

«Из-за пожара на нефтяных промыслах у него появилась инфекция в легких, – написала Анна. – Он тяжело болел и в конце концов умер».

– Прошу прощения, – посмотрев на нее, сказал Джек. Взглянув на него, она опустила глаза на свои пальцы, все еще лежавшие на клавиатуре. В коридоре старые часы пробили восемь раз. Джек вздрогнул, а она нет. В ее мире царило молчание.

– Дэвид тогда еще не родился? – спросил Джек.

«Он родился через три месяца после того, как Дин умер», – печально улыбнувшись, напечатала она.

Джек задумчиво потер верхнюю губу. Жить всю жизнь одному, конечно, плохо, но есть вещи и похуже. Например, потерять отца вашего ребенка еще до его рождения. Он хотел было спросить, стала бы она рожать Дэвида, если бы знала, что скоро окажется вдовой, но не спросил. Он и так знал ответ.

Она в любом случае его родила бы.

«Делрей заново построил свою жизнь, – напечатала Анна. – Я не хочу, чтобы он снова страдал».

– Вы придаете моей персоне слишком большое значение, Анна. Из-за меня никто не будет страдать.

Он не успел еще договорить, как она уже покачала головой.

«Вашей вины тут нет. Дэвиду нужен отец. А Делрею сын».

Она пожала плечами.

Джек не стал напоминать о том, что со смертью Дина и сама Анна лишилась мужа. Может быть, какой-то мужчина заполнил эту пустоту в ее жизни?

– Дэвид похож на Дина? – вместо этого спросил он.

Она вытянула руку ладонью вниз и помахала ею из стороны в сторону. Затем встала и сняла с полки переплетенный в кожу фотоальбом.

На первой фотографии были изображены Анна и Дин в день их свадьбы. Одета в традиционное подвенечное платье, с вуалью на голове, невеста сияла. Дин, коренастый, физически крепкий молодой человек с открытым лицом, похожим на лицо Делрея, широко улыбался – возможно, потому, что был по уши влюблен.

– У вас у обоих счастливый вид, – перевернув страницу альбома, сказал Джек.

Она энергично закивала.

Несколько фотографий были сняты на морском берегу.

– Медовый месяц? – поинтересовался Джек. Она снова кивнула. Вот они сняты вместе, что-то пьют из бумажных стаканчиков. Вот Дин в позе культуриста. Вот Анна, одетая в бикини, в позе обнаженной фотомодели.

Склонив голову, Джек внимательно посмотрел на фотографию, затем поднял взгляд на Анну и усмехнулся.

Она покраснела и отвела глаза. Джек засмеялся.

Перелистывая альбом, он наткнулся на снимки, резко отличавшиеся от предыдущих. Это была серия черно-белых

фотографий размером восемь на десять.

На первом снимке был изображен Дин Корбетт, сидевший возле открытого окна и смотревший вдаль. Улыбка его исчезла, Дин выглядел постаревшим, задумчивым и очень печальным.

«Муж был болен, – напечатала Анна. – Он как раз собирался лечь в больницу. – И добавила: – В последний раз».

Снимок красноречиво свидетельствовал: Дин Корбетт прекрасно понимал, что умирает, оставляя на этом свете красавицу жену и неродившегося ребенка.

«Бедняга, – подумал Джек. – Он знал, что теряет, умирая молодым». Сам Джек не мог решить, что лучше – иметь что-то для тебя дорогое и потом его потерять или вовсе его не иметь. Шекспир высказывал по этому вопросу свое мнение, но Джек был с ним не очень-то согласен. Если бы классик мог видеть фотографию Дина Корбетта, он, вероятно, написал бы по-другому.

В это время Анна наблюдала за его реакцией.

– Печально, – промолвил Джек. – Тем не менее это замечательный портрет. Можно точно сказать, что он чувствует.

И он перевернул страницу. Новая фотография произвела на него еще более сильное впечатление. У Джека перехватило дыхание.

При съемке фотограф поставил слишком большую выдержку, и снимок оказался чересчур контрастным, но это

только усиливало производимый эффект. Впрочем, захватывающим был и сам сюжет.

На заднем плане сияло ослепительно белое небо, передний же план был угольно-черным. Там, где они сходились, виднелась изгородь из колючей проволоки, очень похожая на ту, которую Джек в первый день помогал чинить Делрею. Грубо сделанные столбы стояли неровно, один из завитков проволоки угрожающе свешивался вниз. Эти шероховатости, однако, не портили общей картины. Они придавали изгороди своего рода индивидуальность, свидетельствуя о том, что она простояла здесь уже много лет.

Однако изгородь служила лишь фоном. Перед ней стояла женщина, привалившись к одному из столбов и заложив руки за спину. Лицо было повернуто в сторону, яркое солнце отбрасывало резкие тени на хрупкие очертания ключиц.

Ветер разметал волосы женщины по лицу, не давая возможности его разглядеть. Тот же ветер – очевидно, он был очень сильным – прижал платье к ее телу, обрисовав его контуры так идеально, как будто незнакомка была вовсе без одежды.

Маленькие упругие груди дерзко торчали кверху, между бедер соблазнительно проступал темный треугольник.

В целом фотография выглядела крайне сексуально. Не в силах сдержать себя, Джек тихо выругался.

Анна вырвала у него альбом и встала, чтобы положить его на место.

– Эй, подождите! – сказал Джек. – Кто это? Неужели вы? Сообразив, что разговаривает с ее спиной, он замолчал. Когда Анна повернулась, он повторил свои вопросы, но она проигнорировала их и демонстративно занялась компьютером.

Джек решительно взял ее за руку.

– Это вы?

Она указала на часы, сложила руки вместе и поднесла их к склоненной набок голове.

– Пора спать, – с досадой произнес Джек. – Это удобный повод, чтобы уйти от вопросов насчет той женщины на фотографии. Которую я надеюсь сегодня увидеть в неприличных снах.

Как и ожидал Джек, на эти слова она никак не отреагировала. После того как они вместе вышли из кабинета, она провела его обратно до дверей и отошла в сторону, поджидая, когда он выйдет наружу.

Джек переступил через порог, но, прежде чем Анна успела закрыть дверь, сказал:

– Я почти забыл, зачем мы встречались. Вы не хотите, чтобы Дэвид учил меня языку жестов, верно?

Она кивнула.

– Потому что это ваш тайный язык? Если люди не могут понять, что вы говорите, вы чувствуете свое превосходство. Вам нравится помыкать окружающими под предлогом того, что вы глухая.

Она отчаянно замотала головой и принялась изображать какие-то знаки – очевидно, некие нелестные для Джека эпитеты.

– Да, я так и знал, – тихо сказал он. – Хорошо, я не буду просить Дэвида учить меня языку жестов, потому что не хочу, чтобы у него из-за меня были неприятности.

Анна удовлетворенно прикрыла глаза, считая, что одержала победу.

Однако в тот момент, когда она собралась закрыть дверь, Джек слегка постучал каблуком по полу веранды и абсолютно точно изобразил:

– Спокойной ночи, Анна.

В этот день Эззи проснулся как обычно – в половине пятого. Отставка не смогла изменить режим его сна. Но раньше работа поглощала все дневное время, а теперь бесплодные часы бодрствования казались бесконечными. Эззи никак не мог понять, почему большинство людей стремится именно к такому пустому времяпрепровождению. Как можно жить в праздности?

Кора считала, что им надо купить «виннебаго» и поехать посмотреть страну. На географической карте есть точки, в которых стоило бы побывать. Например, Большой Каньон. Ниагарский водопад. Новая Англия осенью. Однако то, что при таком способе передвижения надо все время вести машину, не вызывало у Эззи большого энтузиазма.

Она упоминала также о круизе. Но что может быть хуже, чем оказаться в компании с незнакомыми людьми и сверхактивным экипажем, пытающимся заставить тебя делать то, что ты делать не хочешь? В общем, Эззи старался не обращать внимания на те красочные брошюры, которые ему постоянно подсовывала Кора.

Конечно, в конце концов она его доконает и чувство вины заставит Эззи сдаться. Отпуска не имели для него большого значения, так что он зачастую их не брал. А вот для Кору они были очень важны. Так что рано или поздно ему придется

сопровождать ее в одном из тех путешествий, о которых она мечтала.

Однако он надеялся, что это произойдет как можно позже.

Он почему-то чувствовал – какая глупость! – что сейчас пока не должен уезжать из города. Хотя он официально вышел на пенсию, на его прежнем месте работает другой человек и в управлении шерифа округа Блюэр как будто прекрасно обходятся без старого Эззи, бывший шериф все равно ощущал, что его работа не закончена.

Безусловно, это самообман. Не иначе как он ищет предлог, чтобы оставить пока все по-старому.

– Я просто сумасшедший старик, вот и все, – презрительно пробормотал он, пробираясь на кухню.

Налив себе горячего кофе, Эззи поставил кружку на стол красного дерева – рождественский подарок детей, сделанный несколько лет назад. Даже сейчас, когда солнце еще не поднялось, наружный термометр показывал больше восьмидесяти градусов.⁵ На западе низко над горизонтом висела луна. Нигде не было видно ни облачка. Сегодня опять будет жара.

Тем летом тоже было очень жарко.

Особенно памятным августовским утром, когда нашли тело Пэтси. Наверное, фотографа тогда стошнило еще и из-за жары.

По просьбе своего помощника Джима Кларка Эззи оста-

⁵ По Фаренгейту; по Цельсию – 26 градусов.

вил его и коронера Харви Страуда на месте преступления и направился туда, где Пэтси в последний раз видели живой.

Кларк и еще один сотрудник к тому времени уже отыскали людей, которые там были прошлым вечером. Когда Эззи прибыл, их всех уже допросили, но Эззи стал снова расспрашивать свидетелей лично, делая пометки на салфетках с изображением колеса от фургона.

– Точно, шериф. Сесил и Карл пробыли здесь с Пэтси большую часть вечера. И очень неплохо себя чувствовали.

– Пэтси танцевала то с Карлом, то с Сесилом. Ну, когда я говорю «танцевала», я подразумеваю, что она прижималась к ним всем телом. И конечно, сильно их возбудила. Я и сам только от одного вида завелся.

– Вы хотите сказать, что она их завлекала?

– Да, шериф Хардж, сэр. Именно так. Я думаю, она еще и наслаждалась тем, что делает это на публике.

– Поверьте, я не хочу плохо говорить о мертвых, но Пэтси... ну, сэр, она была очень доступна, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Они с Сесилом устроили там целое представление. Он положил ей руки, пардон, на задницу и засунул язык в рот.

– Мне кажется, они с Карлом занимались этим вон на том столе. У всех на глазах.

– Ревновали? Нет, шериф, братья не ревновали друг к другу. Они ее делили и как будто чувствовали себя прекрасно. Конечно, они дрянные люди.

Единственным свидетелем, который не стал сотрудничать, был владелец клуба, Паркер Джи. Он возмущался тем, что в его заведение вторглись копы, которые допрашивают его клиентов, словно каких-то преступников. На все вопросы, которые ему задавали, он отвечал: «Вчера вечером я был занят. Ничего не помню».

Оставив помощников снимать официальные показания, Эззи на патрульной машине отправился к Херболдам, подчеркнув сотрудникам, что на данный момент братья разыскиваются только для дачи показаний. Прямо из таверны он направился в парк, где Херболды жили вдвоем в старом, прожарившем трейлере. Машина их, как выяснилось, исчезла, на стук никто не отзывался. Эззи с трудом устоял перед искушением обыскать трейлер без ордера. Сейчас все нужно было делать по инструкции. Если братьев обвинят в убийстве, нельзя допустить, чтобы дело развалилось из-за несоблюдения формальностей.

Когда он расспрашивал соседей, те с презрением смотрели на трейлер и высказывали надежду, что шериф арестует Карла и Сесила и надолго упрячет их за решетку. Братья были очень беспокойными, бродили по ночам, ездили с большой скоростью через парк, угрожали игравшим там малышам и терроризировали молодых женщин непристойными замечаниями и грубыми выкриками. В общем, трейлер братьев Херболд был гнойником на здоровом теле общины, и все соседи горели желанием от них избавиться.

Затем Эззи поехал на бензоколонку, где работали братья.

– Сегодня утром они не появлялись, – сказал мастер. – Я знал, что они сидели, но ведь каждый должен иметь еще один шанс. А теперь мне недостает двух работников. И все из-за того, что я хорошо к ним относился. Кстати, а что они натворили?

Эззи ушел от вопроса. Но даже если бы он захотел на него ответить, то все равно не знал бы, с чего начать. Ответ получился бы весьма пространным. Херболды доставляли беспокойство полиции, еще будучи, так сказать, в нежном возрасте.

Делрей Корбетт женился на их овдовевшей матери, когда мальчики ходили в начальную школу. Их мать была симпатичной женщиной, тихой и застенчивой. Над сыновьями она никогда не имела особенной власти, поэтому они упорно противились суровой дисциплине, которую насаждал отчим.

После того как мать умерла, оставив Делрея их опекуном, парни стали относиться к нему с еще большей злобой. А когда он женился вновь, Херболды превратили в ад его жизнь с Мэри.

Первым правонарушением, которое совершили братья, была кража из магазина шести банок пива.

– Их не взяли с поличным, Делрей, так что мы не можем ничего доказать.

Эззи помнил, каким подавленным был Делрей Корбетт, когда подвыпивших мальчишек доставили к родному поро-

гу.

– Я займусь этим, шериф Хардж. Спасибо, что привезли их домой. Даю слово, что это больше не повторится.

Делрей не смог сдержать слово. С каждым годом мальчишки делались все более неуправляемыми, особенно после того, как родился Дин Корбетт. Отец не мог на него нарадоваться, чего никак нельзя было сказать про Сесила и Карла.

Их проступки постепенно становились все серьезнее, пока наконец одна из одноклассниц Сесила – Карл учился в другом классе, на год младше, – не обвинила братьев в том, что они обнажились перед ней в школьном автобусе и заставили ее их ласкать. Мальчики заявили, что она лжет и выдаст желаемое за действительное. Так как, кроме ее заявления, никаких улик не было, братья остались безнаказанными.

Родители девочки были в ярости и публично стыдили Делрея за поведение его пасынков.

Далее последовала череда мелких краж и хулиганских поступков, однако мальчики действовали аккуратно. Ни одно из обвинений не подтвердилось. Потом в одну прекрасную ночь их поймали с поличным на краже автомобильных запчастей. Братьев приговорили к восемнадцатимесячному заключению в исправительном учреждении для малолетних, где они отсидели год и снова вернулись под надзор своего опекуна.

Делрей предъявил им ультиматум: еще один проступок – и он выбрасывает их вон. Через два дня братья, напившись,

украли автомашину и поехали в Даллас. По дороге они вре-
зались в автофургон и серьезно ранили водителя.

Их судили уже как совершеннолетних и отправили в Хантсвилль.

Делрей посчитал, что больше ничем им не обязан. Херболдов освободили досрочно, но они не вернулись в Блюэр и появились там только весной тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

Незадолго до этого пробная скважина дала нефть, и вскоре к ней прибавилось еще три. Повсюду спешно начали бурить скважины, и это вызвало нехватку рабочих рук. Всю округу заполонили охотники за легким заработком. Среди них были и Хербодцы.

Однажды ночью в одном из мотелей, где жили временные рабочие, завязалась драка. Появившись на сцене, Эззи очень удивился, увидев в гуще свалки братьев Херболд.

Они всегда были симпатичными парнями, и от пребывания в тюрьме их привлекательность несколько не пострадала.

Пожалуй, кровавый порез над бровью Карла лишь усиливал его обаяние.

– Будь я проклят! Шериф Хардж! – При виде Эззи, только что оттащившего его от одного из участников драки, Карл криво улыбнулся. – Давненько не виделись.

– Все еще безобразничаешь, Карл? Неужели Хантсвилль тебя ничему не научил?

– Бесспорно, научил, шериф. – Сесил оттер в сторону брата. Оба они, конечно, совершенно испорченные ребята, но Сесил все же был не таким агрессивным. Эззи сомневался в том, что он лучше своего братца – скорее просто осторожнее.

– Это всего лишь случайность.

– Случайность? Этот парень чуть не отдал богу душу. Один из помощников пытался привести жертву Карла в чувство, слегка похлопывая его по щекам.

– Мой брат защищался, – возразил Сесил. – Мы виноваты в этой драке не больше других. Если арестовываете нас, то арестуйте всех. Я думаю, что тогда вам тюрьмы не хватит.

Признаться, он был прав. Если бы Эззи вздумал допросить всех этих людей, то после бессонной ночи он имел бы несколько десятков взаимоисключающих версий того, как началась драка. Стараться установить истину означало понапрасну тратить время и силы. Эззи не стал этого делать и приказал всем разойтись по комнатам.

Сесил попытался отвести Карла в их номер, но тот сопротивлялся.

– Эй, шериф, ты видишься с нашим отчимом?

– Вижусь иногда.

– Когда увидишь его в следующий раз, скажи, чтобы он убирался подобру-поздорову. Передай этому хренососу, что я так и сказал.

– Заткнись, Карл! – С извиняющейся улыбкой Сесил потащил брата вдоль автостоянки.

На следующий день Эззи позвонил Делрею. Конечно, он не стал передавать послание Карла, но все же спросил, знает ли Делрей, что его пасынки вновь появились в городе.

– Я об этом слышал, но пока их не видел. Они знают, что я не желаю иметь с ними ничего общего.

После этого Эззи столкнулся с ними только раз, и снова братья были в центре беспорядков. Это произошло в «Рэнглере», одном из немногих оставшихся в восточном Техасе кинотеатров под открытым небом. Теоретически употребление алкоголя здесь было запрещено, но на практике каждую ночь тут выпивали такое его количество, что в нем можно было бы утопить крейсер.

Плата за вход составляла доллар с машины, поэтому поездка в кинотеатр стала дешевым развлечением для подростков со всего Блюэра и близлежащих городов. Не имело значения, какой фильм показывали, – дети съезжались сюда сотнями, ходили друг к другу с визитами от машины к машине, обнимались, пьянствовали.

В этот вечер по неизвестным причинам толпа в кинотеатре разделилась на две группировки. Те, кто припарковался в северной части кинотеатра, принялись воевать с «южанами».

Разделительная линия проходила точно посередине усыпанной гравием площадки.

Было разбито несколько носов и несколько машин, а в будке киномеханика начался пожар. Управление шерифа напра-

вило к месту сражения все свои пять патрульных машин.

Эззи заметил Карла, когда тот пытался поаккуратнее пристроить какую-то вдрызг пьяную женщину на переднем сиденье машины.

– Что, никак не угомонишься, Карл?

– Эй, не я зачинщик! – сразу огрызнулся тот.

– Бог тому свидетель. Он только защищал честь своей девушки. Вы не можете его за это арестовать.

Эззи повернулся к Сесилу, который снова стоял горой за своего брата.

– Он нарушил правила поведения досрочно освобожденного, – заметил Эззи. – Вот за это я вполне могу подвергнуть его аресту.

– Простите его, шериф Хардж. Что ему оставалось делать? Какая-то сволочь назвала его подружку гребаной шлюхой.

Эззи внимательнее присмотрелся к развалившейся на переднем сиденье женщине. Она и в самом деле была известной проституткой, которую он неоднократно отправлял в тюрьму за приставание к мужчинам на автостоянке возле магазина «Пиггли-виггли».

– Ладно, так и быть, убирайтесь отсюда. Но имейте в виду – теперь я буду за вами присматривать.

Потом Эззи не раз ругал себя за то, что не арестовал их тогда. Надо было сообщить об их поведении сотруднику службы надзора, использовать малейшую зацепку для того, чтобы отправить их в тюрьму. Возможно, Пэтси Маккоркл осталась

бы жива.

Да, две эти встречи с Херболдами Эззи еще долго будет вспоминать, как и те первые три дня после смерти Пэтси.

Как раз на третий день одетый в светло-кремовый костюм Харви Страуд вошел в кабинет Эззи и бросил ему на стол большой конверт.

– Вот, читай.

– Надо же, как быстро! – проворчал Эззи, убирая ноги со стола.

– В таком деле нельзя спешить, Эззи. – Коронер снял шляпу и начал ею обмахиваться, словно веером. – У тебя есть холодная кока-кола?

Помощник шерифа принес ему бутылку. Страуд уже успел выпить половину, когда Эззи оторвался от чтения.

– Она умерла от перелома шеи?

– Свернули шею, как курице. Смерть была мгновенной.

– Как ты думаешь, что случилось?

– Ну, для начала могу сказать, что она имела половое сношение по меньшей мере с двумя партнерами.

– Насильственное?

– На всякий случай я упомянул о возможности изнасилования. Но его будет трудно доказать, потому что явных признаков нет. Кроме того, я слышал, что эта девушка и так охотно уступала молодым людям, без всякого насилия.

– Меня не волнует ее моральный облик. Эти слова недостойны тебя, Харви.

– Наверно, – без всякой обиды ответил коронер. – Но ты ведь знаешь, что это правда.

Эззи знал, поэтому не стал развивать эту тему.

– А что за синяк на шее?

– Это засос. Есть еще один такой же на ее левой груди. С насилием это никак не связано.

– Тут говорится, что ты обнаружил сперму в ее влагалище и в... ГМ...

Прямой кишке. Я несколько раз проверял – только один мужчина излил сперму в ее прямую кишку. – Страуд рыгнул и поставил пустую бутылочку на край стола. – Вокруг ануса есть ссадины и потертости. Легкое кровотечение Так что в момент этого совокупления она была жива. Я думаю... Тебе нужны мои догадки, Эззи?

Эззи махнул рукой: дескать, продолжай, хотя слова коронера вызвали у него приступ тошноты.

– Я думаю, что она пошла с этими ребятами добровольно и они устроили там оргию.

– И один из них изнасиловал ее анально. Нахмурившись, Страуд задумчиво потянул себя за ухо.

– Может быть, и нет. Может быть, для нее это было игрой, чем-то новым, неизведанным. Пожалуй, она даже про явила здесь инициативу.

Эззи вспомнил миссис Маккоркл в ее халате в цветочек и страстно пожелал, чтобы она никогда не услышала такое о своей единственной дочери.

– Что случилось дальше, трудно сказать, – продолжал Страуд. – Может быть, она заартачилась и сказала «нет» и парень попытался ее удержать.

Но опять же – нет значительных ссадин, которые бы свидетельствовали о том, что она сопротивлялась.

– И это ты собираешься сказать в суде?

– Да, Эззи. Именно это я могу показать под присягой. Возможно, она сначала сказала «да», а потом, когда стало больно, передумала и стала бороться. Тогда он ее убил. Вот и все. Однако столь же правдоподобно и то, что девушке это понравилось. Даже те, кто занимается анальным сексом более или менее регулярно, могут получить кровотечение.

Эззи потер виски.

– Тогда почему же ей сломали шею? – опустив голову, спросил он.

– Я думаю вот что. Это произошло в порыве страсти. Молодой человек зашел слишком далеко и случайно сломал ей шею.

– Ты не можешь утверждать, что это несчастный случай.

– Верно. Но не могу и доказывать обратное. Единственное, что я знаю определенно, – что он завершил акт.

Эззи встал, потянулся, затем подошел к окну и зачем-то поправил шторы.

– Ну, допустим, что это несчастный случай. Почему же он об этом не сообщил?

– И тогда всплыл бы факт, что он затрахал ее до смерти,

да? – Коронер скептически фыркнул. – Так или иначе мотивы – это уже твоя епархия, Эззи. Я свою работу сделал. – Страуд вновь надел шляпу и поднялся со стула. – Мне тут сорока на хвосте принесла, что братья Херболд – главные подозреваемые.

– Последний раз ее видели именно в их компании.

– Гм! Ну, значит, одно из двух. Или несчастный случай, о котором не сообщили. Или изнасилование и непредумышленное убийство.

– Убийство.

– Может быть, и так. Что говорят эти парни?

– Они ушли на дно.

– Исчезли?

– Последний раз их видели, когда они выходили из «Веселого фургона» вместе с Пэтси.

– Да что ты говоришь? Каково-то теперь Делрею, а? Ну, счастливой охоты. И спасибо за коку.

Одна из причин, по которым тогда Эззи не арестовал Херболдов, было нежелание доставлять новое огорчение Делрею Корбетту. Как теперь выяснилось, это не принесло Делрею ничего хорошего. При новой встрече Эззи пришлось сообщить ему, что его пасынков разыскивают в связи со смертью Пэтси Маккоркл.! – Ты не знаешь, где они могут быть, Делрей?

– Если бы знал, то передал бы их тебе, – ответил тот, и Эззи ему поверил.

– Знаешь, это тебя убьет.

Эззи был так погружен в мысли, что не разобрал слов Кора. Ее голос не сразу вернул его в настоящее. Эззи возвращался к реальности с трудом, как будто выбирался из паутины. Тяжелые воспоминания липли к нему, словно клейкие нити.

Освободившись от них наконец, он улыбнулся жене:

– И тебя тоже с добрым утром.

Судя по всему, Кора не считала это утро добрым. В гробовом молчании она налила чашку кофе мужу, затем себе и села в стоявший рядом шезлонг. Эззи почувствовал запах талька. Кора пользовалась им все время, пока они были женаты.

– Что меня убьет? – спросил он.

– Твоя одержимость.

– Я одержим только тобой. – Он положил руку ей на колено.

Она тут же убрала ее.

– Эта девушка умерла двадцать с лишним лет назад.

Он вздохнул, сделал глоток кофе, затем несколько секунд молча смотрел на лужайку.

– Я знаю, когда она умерла.

– Ее отец умер. Насколько мы знаем, и миссис Маккоркл

тоже.

Маккоркл сошел в могилу вслед за дочерью через пять лет. Он умер за своим рабочим столом в управлении коммунального хозяйства, проверяя какой-то счет за электричество. Его вдова уехала в Оклахому и больше не возвращалась в Блюэр даже для того, чтобы прибраться могилы дочери и мужа, Эззи ее не осуждал. Город, несомненно, вызывал у нее не самые лучшие воспоминания.

– Единственный, кто винит тебя за то, что случилось, – ты сам, – сказала Кора, сделав ударение на последнем слове. – Когда это сойдет с тебя, Эззи? Когда ты перестанешь об этом думать?

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

– Не делай из меня дурочку! – огрызнулась она. – Я прекрасно знаю, что тогда ночью ты выскользнул из дома для того, чтобы просмотреть эти старые папки. И я вижу насквозь весь твой обман насчет рыбной ловли.

– Я правда ходил на рыбалку, – слабо возразил он.

– Ты ходил на то место на реке, где она умерла. – Поставив чашку из-под кофе на стоявший между шезлонгами маленький столик, Кора сложила руки на груди. – Я знаю, что делать, если появится другая женщина, Эззи. Но это. Я не знаю, как с этим бороться. – Она глубоко вздохнула. – И я устала.

Он смотрел на нее, видел знакомую упрямую линию подбородка и чувствовал, как у него в груди все холодеет.

– Я уйду от тебя, Эззи. Я оставляю тебя с проклятыми призраками, которые вынуждена была делить с тобой. – Она начала плакать. Щ – Кора...

– Умоляю, помолчи. Мы уже говорили об этом тысячу раз. Такие разговоры ни к чему хорошему не приводят. Мы уже и ругались неоднократно, но это тоже ничего не дало.

– Все дело в побеге. О Карле передают в новостях, и из-за этого все вернулось. Как только его поймают...

– Нет, Эззи. Когда его посадили в тюрьму в Арканзасе, ты сказал мне, что все кончилось. Но на самом деле это не так. Много лет ты обещал мне, что выбросишь дело Маккоркл из головы. Теперь ты на пенсии и можешь спокойно наслаждаться жизнью. Вместе со мной, – дрогнувшим голосом добавила она. – Но тебя ничто не радует. Ты несчастен. Ты витаешь в прошлом. Что ж, это твой выбор. Но отнюдь не мой. В общем, как сейчас говорит молодежь, я уматываю.

– Ты этого не сделаешь, – нарочито ровным голосом указал он.

– Нет, сделаю. – Она вытерла слезы рукавом халата и стала. – Я люблю тебя с нашей первой встречи. И буду любить до последнего вздоха. Но я больше не буду жить с тобой, Эззи. Я не желаю видеть, как эта тварь тебя пожирает. Я не желаю видеть, как она тебя убьет.

: После того как Делрей обнаружил мертвых коров, он не проронил ни слова.

Он медленно поднялся на ноги, снял с головы кепку и отряхнул ею колено, на котором только что стоял. Затем вытер рукавом вспотевший лоб и, погруженный в свои мысли, устремил взгляд вдаль.

– Что ты об этом думаешь, Делрей? – наконец спросил иже к.

– Ну, они мертвы, – констатируя очевидное, ответил рот.

– Я имею в виду – у тебя есть предположения, почему I они сдохли?

Корбетт надел кепку и повернулся к Джеку.

– Есть. И все очень скверные.

Чувствуя себя неловко под его суровым взглядом, Джек переминался с ноги на ногу.

– Что, койот? Или рысь? – Джек пытался найти объяснение случившемуся. Но сам он не верил, что на коров напали какие-то животные. На трех застывших телах, лежавших перед ним в лучах утреннего солнца, не было видно никаких ран, никаких следов от укусов.

Голодный хищник, убивший корову, съел бы все самое вкусное, оставив стервятникам кровавое месиво. Трупы коров, однако, казались совершенно нетронутыми.

– Их убило не четвероногое, – как будто прочитав его мысли, обронил Делрей.

Очевидно, по его мнению, это сделал двуногий. Джек уловил в его тоне скрытый намек, но предпочел не оправдываться. Заявлять о своей невинности, когда тебя еще ни в чем не обвинили, – почитай, то же самое, что признать в преступлении, которое ты не совершил.

– Может, это болезнь?

– Может быть, – сказал Корбетт. – Но это станет ясно, когда на них посмотрит ветеринар.

– Если это болезнь, не стоит ли перевести стадо на другое пастбище?

Корбетт коротко кивнул:

– Я это сделаю. А ты иди в дом и вызови ветеринара. Попроси Анну, чтобы она дала тебе номер телефона.

– Лучше бы я остался здесь и начал...

– Пожалуйста, делай то, что я тебя прошу, – отрезал Делрей.

– Ладно. Я оставлю тебе грузовик и пойду пешком.

По каменистой почве Джек направился к корбеттовскому пикапу, который они поставили как раз возле ворот. Аккуратно закрыв за собой ворота, он перешел на бег. К тому времени, когда Джек преодолел полмили, отделявшие его от дома, он взмок от пота.

Но он не обращал на это внимания. У него из головы не выходили мертвые коровы и подозрительный взгляд Корбет-

та. Джек поклялся ему, что не будет у него воровать или вредить его семье. Он ничего не обещал относительно скота. Наверное, надо было это сделать.

Возле входной двери он нажал кнопку звонка, который не только издавал звуковые сигналы, но и заставлял мигать несколько лампочек, чтобы привлечь внимание Анны. Прошла минута, но никто не вышел. Джек толкнул дверь. Она была не заперта. Тогда он решил войти.

– Дэвид!

Не получив ответа, но слыша звук работающего телевизора, он двинулся на него. Вскоре Джек уже находился в большой гостиной, которую мельком видел два дня назад, проходя по коридору. Комната была светлой и уютной. На столах аккуратными стопками лежали журналы. А на кофейном столике, кроме того, стояла ваза с зелеными яблоками. С экрана телевизора глупо улыбался Гомер Пайл, пропустив суровый выговор от Сарджа. В нижней части экрана шли титры, передававшие содержание диалога.

Дэвид мирно спал на диване.

Анны нигде не было ни видно и ни слышно.

Джек уже собирался разбудить мальчика и спросить его, где найти мать, но потом передумал. Зачем ребенку знать о погибших коровах?

Вернувшись в коридор, Джек стал по очереди осматривать одну комнату за другой, сначала проверив кабинет, где стоял компьютер, затем кухню и, наконец, подсобное помещение,

где работала стиральная машина.

Нигде не обнаружив Анны, Джек вернулся в переднюю. Стоя возле лестницы, он обдумывал, что делать дальше. Не нажать ли снова кнопку звонка? Может, на этот раз она увидит свет? Или, возможно, все-таки стоит разбудить Дэвида? Да, надо его разбудить.

Однако будить Дэвида Джек не стал и двинулся вверх по лестнице.

До сего времени ему не приходило в голову, что Анне очень опасно оставаться одной в доме. Как она узнает, что кто-то влез в дом? Никак не узнает – до тех пор, пока не будет поздно.

Он миновал ванную. Дверь была открыта. Пусто. Пройдя дальше по коридору, Джек заглянул в спальню, очевидно, принадлежавшую Дэвиду. На двери шкафа висел тот самый плакат с далласскими ковбоями, а на ночном столике лежала книжка про динозавров.

За следующей дверью виднелась узкая лестница, которая явно вела на чердак.

– Анна! – Он успел позвать ее по имени, прежде чем понял, что это бесполезно. От старой привычки трудно избавиться.

Остановливаясь на каждой ступеньке, Джек поднялся по лестнице. Анна действительно была на чердаке, сидя по-турецки на полу спиной к входу. На коленях у нее лежал какой-то предмет, полностью поглощавший ее внимание.

Она считала, что находится одна. Джек почувствовал себя неловко. Нехорошо вот так к ней подкрадываться, плохо вот так смотреть на нее, когда она думает, что ее ни кто не видит.

А посмотреть было на что. Тесная блузка обтягивала стай Анны – достаточно худой, так что проступали ребра. Пряди волос свешивались на шею, где кожа была гораздо светлее, чем на открытых солнцу руках и плечах. Между краем блузки и шортами проступала полоска обнаженной кожи, при виде которой Джеку стало не по себе.

Сняв соломенную ковбойскую шляпу, он громко откашлялся, снова забыв о том, что никакие звуки не в состоянии привлечь внимание Анны. Дэвид говорил, что она не любит, когда к ней незаметно подкрадываются, но сейчас Джек не видел другого выхода. Она почувствует, что кто-то приближается, только в последний момент – при условии, что Джек будет ступать достаточно твердо, чтобы она могла ощутить вибрацию.

Но, очевидно, его шаг оказался недостаточно уверенным. Реакция Анны была мгновенной.

Внезапно Джека ослепила вспышка.

Он отпрянул, пошатнулся и свалился бы с лестницы, если бы в последний момент не ухватился за дверной косяк.

Она в него выстрелила!

Это было первое, что пришло ему в голову. Джек тут же мысленно проверил, все ли в порядке. Ни жжения, ни боли

ничего, что походило бы на ощущения при огнестрельном ранении. Поморгав, Джек оглядел себя спереди, но не увидел никаких следов крови.

– Что за...

Он посмотрел на Анну. Теперь она стояла перед ним, держа в одной руке фотоаппарат, а в другой – вспышку.

– Что, черт возьми, вы делаете? – крикнул Джек. – Вы до смерти испугали меня этой штукой!

Она поставила фотографическое оборудование на пол и начала делать какие-то знаки. И хотя Джек не мог в точности понять, о чем она говорит, по ее недовольному лицу он догадался, что Анна рассержена.

– Минуточку, минуточку! – сказал он, вскинув вверх обе руки. Она перестала жестикулировать, но ее грудь продолжала бурно вздыматься. По всей видимости, Анна была так же испугана его появлением, как и Джек – вспышкой света. – Я не собирался к вам незаметно подкрадываться.

Анна показала что-то непонятное, но Джек разобрал по ее губам имя Дэвида.

– Дэвид внизу, спит. – Она по-прежнему смотрела на него с недоверием. – Послушайте, если я вас напугал – прошу прощения, но и вы меня напугали. У меня до сих пор перед глазами летают розовые бабочки.

Не разобрав последнюю фразу, она склонила голову набок.

– Не обращайтесь внимания, – пробормотал Джек. – Меня

послал Делрей, – сказал он, стараясь говорить более отчетливо. – Мне нужен номер телефона ветеринара, Ветеринара, – повторил он это слово на пальцах, довольный тем, что как следует попрактиковался в знаковом алфавите.

Затем он прижал руку к голове – большой палец возле уха, маленький у рта; такое изображение телефона, пожалуй, понятно во всем мире.

И снова выражение ее лица сказало Джеку больше, чем ее знаки.

– Что случилось? – догадался он. Она кивнула. – Сегодня утром мы нашли на пастбище трех мертвых коров. Делрей хочет знать, отчего они погибли.

Сразу поняв всю чрезвычайность ситуации, Анна бросилась вниз. Джек последовал за ней, задержавшись только для того, чтобы поднять свою шляпу, оброненную тогда, когда он чуть не упал. Анну он догнал уже на первом этаже, в кухне, где она листала записную книжку.

– Спасибо, – сказал он, когда она указала ему нужный номер. Набрав его, он посмотрел на Анну. Его пристальный взгляд, должно быть, ее смутил. Нервно потянув книзу край блузки, она провела руками по волосам, затем, не зная, куда девать руки, заложила их за спину.

– Ветеринарная клиника.

– Здравствуйте. Я звоню по просьбе мистера Корбетта.

– Делрея?

– Да. Доктор Андерсен на месте? У нас тут умерли

несколько коров.

Секретарша позвала ветеринара.

– Я теперь знаю, что это вы сделали те фотографии, – сказал Джек, обращаясь к Анне. – И это вы были сняты возле изгороди.

Она слегка покачала головой, сделав вид, что не поняла. Но он прекрасно знал, что это не так.

Поздно вечером Анна во второй раз появилась на чердаке. До сего времени она не бывала там месяцами и поднималась лишь для того, чтобы достать одежду, подходящую для нового сезона.

Делрей требовал порядка во всем, и чердак в этом отношении ничем не отличался от остальных помещений дома.

Рождественские украшения были аккуратно сложены в коробки, шерстяные изделия упакованы в непроницаемые для моли мешки.

В металлическом ящике лежали спортивные принадлежности Дина Корбетта – несколько футбольных мячей, поцарапанный шлем, перчатки и биты, сдутый баскетбольный мяч, теннисная ракетка. Выстроившись в ряд, словно игрушечные солдатики, стояли потускневшие кубки – память о его учебе в начальной школе. Футболки от различных команд были тщательно выстираны, сложены и упакованы в коробки. Вещи, оставленные в память о Мэри, также были уложены в ящички с соответствующими надписями.

От первой жены Делрея и ее двух сыновей здесь не оста-

лось ничего.

Анна этого не понимала. После того как умерли ее родители, она оставила себе на память всего несколько личных вещей, а остальное разделила между благотворительными организациями. Ее подвенечное платье лежало упакованное в специальной коробке, но, кроме него, на чердаке Анне принадлежало только одно, как говорят носильщики, «место» — там хранилось фотографическое оборудование.

Камера и вспышка лежали на полу там, где она их оставила утром. В стоявшей рядом черной сумке находились сменные линзы и другие принадлежности для фотосъемки.

С тех пор как она показала свои фотографии Джеку Соьеру, Анна все время о них думала. Много лет она притворялась, что фотография ее не интересует, и сейчас испытывала чувство, похожее на тоску по родному дому. Пока ей не напомнили о ее былом увлечении, она не представляла себе, сколь многого лишилась. Теперь она испытывала жгучее желание вновь взять в руки фотоаппарат.

Поэтому сегодня утром, когда Анна обнаружила, что Дэвид спит перед телевизором, она поднялась на чердак, чтобы побыть там одной. К сожалению, происшествие на пастбище прервало ее занятия.

Остаток дня у нее не было ни одной свободной минуты. Поговорив по телефону с ветеринаром, Джек Соьер оставил ее, чтобы присоединиться к Делрею. Хотя он и не удержался от того, чтобы пошутить насчет фотографий, Анна почув-

ствовала, что происшествие с коровами его беспокоит. Когда Делрей не пришел на обед, Анна собрала продуктов на двоих и сама отправилась на пастбище.

Она не знала, как Дэвид будет реагировать на трупы, но происшедшее скорее вызвало у него любопытство, чем огорчило.

Другое дело, если бы сдохла одна из лошадей. Их он видел каждый день, иногда кормил с руки. У них были клички. А к коровам он был равнодушен.

В отличие от внука Делрей был очень расстроен. Он поблагодарил Анну за обед, но разговаривал отрывисто, короткими фразами. Если бы она не предложила сэндвич Джеку Сойеру, тот так и остался бы голодным. Делрей не замечал никого и ничего, кроме доктора Андерсена, который деловито обследовал трупы.

Прежде чем за телами погибших животных прибыл трейлер, Анна увезла Дэвида домой. Делрей не возвращался домой до ужина, а вернувшись, выглядел очень усталым и раздраженным.

Видя его состояние, Анна не стала вовлекать его в беседу и посоветовала Дэвиду не приставать к бабушке. Как только ужин кончился, Делрей поднялся к себе в спальню.

Теперь, когда Дэвид лежал в постели и у Анны появилось свободное время, она поднялась на чердак под тем предлогом, что должна вернуть фотоаппарат на полку, где он пролежал шесть последних лет.

Подняв фотоаппарат с пола, она тут же подумала, что он тяжелее, чем ей казалось. Повертев его в руках, Анна сдула пыль с линз и поднесла видоискатель к глазам.

На чердаке было слишком темно, но тем не менее она направила на фокус и, как будто в фотоаппарате находилась пленка, нажала на спуск.

Ощущение было приятным. Она нажала на спуск снова.

Может, стоит возобновить занятия фотографией? Когда-то это было ее страстью, но незадолго до смерти Дина она все забросила. Пока Дин болел, у нее не хватало времени ни на что, кроме ухода за ним. Анна никогда не жалела о том, чего лишилась из-за его болезни. Время, которое они провели вместе, она не променяла бы ни на что.

Тем не менее фотография, несомненно, была принесена в жертву – сначала уходу за Дином, затем уходу за новорожденным Дэвидом. А когда Дэвид подрос, многое забылось. Да что там – столько воды утекло, что она, вероятно, забыла вообще все, что знала об искусстве фотографии. К тому же изменилась сама технология съемки.

Короче говоря, теперь надо все начинать с азов. Однако это соображение отнюдь не убавляло ее энтузиазма. Уже от одного сознания того, что она снова держит в руках фотоаппарат, сердце Анны билось быстрее. Незирая на трудности, она изучит новую технологию. Глухота будет ей мешать только в том случае, если она сама это допустит. Ее физический изъян послужит ей стимулом, а не препятствием.

По крайней мере, она сможет постоянно снимать Дэвида.

Ее сын – очень интересный объект для съемки. Можно будет поэкспериментировать с линзами и освещением. Можно будет усовершенствовать тот стиль, которого она раньше придерживалась.

А попрактиковавшись, можно будет снимать других людей. Не обязательно красивых – просто своеобразных. Тех, у кого нестандартные лица.

Джека Сойера, например. Как у объекта фотосъемки у него интересное лицо. Со своеобразным ландшафтом, со своими равнинами и пропастями. Лицо, которое без слов рассказывает целые истории.

Слова и не нужны, поскольку их все равно нельзя услышать.

Анна рано познала значение слов. У нее был необычайно большой словарь, и она прекрасно могла переводить свои мысли в устную и письменную речь, которым ее учили любящие родители и замечательные учителя. Учитывая полную глухоту Анны, ее способность к общению можно было признать просто образцовой.

Тем не менее она думала не словами, а образами, которые прокручивались в ее сознании, словно немое кино. Скажем, когда она думала о Джеке Сойере, то сразу же представляла себе его лицо.

Несколько смущенная силой этого образа, она быстро сложила фотопринадлежности в сшитую на заказ сумку. Но на

полку ее ставить не стала. Когда она уйдет с чердака, то возьмет ее с собой.

* * *

В сарае было ужасно жарко. Несмотря на распахнутые с обеих сторон строения двери, воздух внутри оставался совершенно неподвижным. Джек вызвался на эту работу сам – отчасти потому, что кондиционер в его трейлере шумел точно пропеллер у самолета, и Джек мог выносить его шум только тогда, когда был смертельно уставшим и полусонным. Так что «дома» ему сидеть не хотелось.

Была и вторая причина, по которой Джек взялся чистить стойла: он надеялся восстановить добрые отношения с Делреем.

После того как ветеринарная служба убрала трупы коров, он мало виделся с Корбеттом. Тот весь день косил на тракторе пастбище, а Джек был занят другими делами.

Они поговорили только один раз. В самом конце дня, когда Корбетт ставил трактор за сарай, Джек к нему подошел:

– Когда ветеринар должен сказать, в чем дело?

– Самое раннее завтра.

– Гм! Ну, пока мы не знаем, из-за чего они сдохли, мы мало что можем сделать, верно?

– Ничего не можем.

Вот и весь разговор. Обнаружив мертвых коров, Делрей

очень мало разговаривал с Джеком и вообще старался его избегать. Может, это и сумасшествие, но Джек посчитал это плохим признаком.

Он увидел Анну только тогда, когда случайно обернулся.

Она стояла возле стойла, где он работал. Вздрогнув, он чуть не уронил вилы и тихо выругался:

– Черт! – И тут же добавил: – Прошу прощения. Я не слышал, как вы подошли. – Поняв, что допустил еще одну ошибку, он в полном смущении сказал: – Я все время говорю какие-то глупости.

Из-за жары он в начале работы снял с себя рубашку и повесил ее на стенку. Теперь Джек накинул ее на себя.

Рубашка больше напоминала мешок. Рукава оторвались уже много лет назад, а проймы покрылись бахромой от бесчисленных стирок. Из пуговиц остались всего лишь три. Джек поспешно застегнул среднюю из них.

Понимая, что ее появление в сарае означает какое-то неприятное известие, он спросил:

– Чем я могу вам помочь?

Вместо ответа она протянула ему бутылку с холодным пивом.

Это было так неожиданно, что Джек растерялся, не зная, что сказать и что сделать. Анна нетерпеливо подтолкнула к нему бутылку.

– Да, спасибо, – наконец нашелся Джек.

Сняв свои желтые кожаные перчатки, он взял бутылку,

открыл крышку и сделал большой глоток. Ничего лучше он никогда не пил. Вытерев рот тыльной стороной руки, он улыбнулся Анне:

– Это здорово.

Пока он пил, она что-то писала в маленьком блокноте. «Я запираю заднюю дверь и, увидев в сарае свет, поняла что вы все еще работаете. Мне показалось, что вы хотите пить».

– Я и вправду хотел пить. Спасибо. А вы не хотите? Скривившись, она покачала головой. Он засмеялся:

– Не любите пиво, а? Анна знаком показала: нет.

– Это значит «нет»? – Она кивнула. Поставив пивную бутылку на бочку с зерном и положив туда же перчатки, Джек прижал к себе рукой вилы и повторил знак. – Вот так?

– Да.

– А это значит «да»?

Она снова кивнула. Он повторил знаки еще несколько раз, стараясь их как следует запомнить, и каждый раз Анна утвердительно кивала и оба улыбались. Затем ее взгляд упал на свежую солому, которую Джек только что разбросал по вычищенному стойлу.

Когда она снова посмотрела на него, Джек смущенно пожал плечами:

– У меня такое чувство, что Делрей считает, будто я убил этих коров.

Анна опустила глаза, и он понял, что попал в точку. Он тронул ее за руку:

– Он думает, что это я их убил?

«Он еще не уверен», – написала она в блокноте.

– Но он подозревает меня, верно? Она отвела взгляд в сторону.

– Не смущайтесь, – сказал Джек. – Я знаю, что ваш свекор обвиняет меня.

Осушив пивную бутылку, он швырнул ее в пустой металлический бак для мусора. Раздалось громкое звяканье.

Джек поморщился:

– Извините!

Она поднесла руки к ушам и пожала плечами.

– Самое ужасное в том, – смущенно признался Джек, – что я знаю, что вы не слышите, но все время об этом забываю.

Понимающе кивнув, Анна написала в блокноте: «Об этом все забывают. Мои родители, Дин, Делрей. Даже те, с кем я живу, – все равно забывают».

Прочитав эти слова, Джек решил. Он уже давно хотел спросить Анну насчет ее глухоты, но боялся обидеть.

– Анна, – неуверенно произнес он, – конечно, это не мое дело. Просто праздное любопытство. Если вы не захотите мне ответить, я пойму.

Она знаком показала, чтобы он продолжал.

– Ну, я просто думал о том, всю ли жизнь вы глухая. Вы родились глухой?

– Да.

– Понятно.

Потупив голову, он большим пальцем поскреб переносицу, испытывая потребность что-то сделать, чтобы скрыть свое замешательство. Затем робко улыбнулся.

– Прошу прощения, я сейчас в растерянности. Не знаю что и сказать. Видит бог, я вас не жалею и не хочу обидеть. Мне просто хотелось знать.

«Я чувствую, когда на меня смотрят и думают: „Бедная глухая девочка!“ Или считают меня душой. Вы другой, не такой дурак, как они».

Джек тихо засмеялся:

– Это хорошо. Не хотел бы оказаться в дураках. Улыбнувшись ему в ответ, она покачала головой в знак того, что не считает его дураком.

Посмотрев на нее, он смущенно опустил взгляд.

– Тогда вечером... – Спohватившись, он поднял голову и повторил: – Тогда вечером – почему вы были против то го, чтобы я учил язык жестов?

Тщательно подбирая слова, она написала в блокноте:

«Я была удивлена тем, что вы хотите этому научиться. И, признаться, не знала, как себя вести. Кроме Дина, никто не учил мой язык»:

Джек еще раз прочитал записку, потому что увидел в ней неточность. Делрей ведь выучился языку жестов, так же как и Дэвид. Тем не менее она выделила Дина Корбетта и Джека Сойера, и теперь Джек гадал, что общего у него с тем человеком, за которым она была замужем. Почему она связала

их вместе?

Это надо было обдумать, но не сейчас, когда они стояли лицом к лицу по щиколотку в свежей соломе и Джек мог разглядеть каждую ее ресничку.

Очевидно, Анна подумала о том же, потому что неожиданно заволновалась и стала пятиться. Похоже, она уже собиралась пожелать ему спокойной ночи. Подняв руку, Джек остановил ее.

– Подождите. Посмотрите вот на что. – И, прислонив вилы к стенке стойла, он с гордостью изобразил свое имя на языке жестов.

Она заулыбалась, но, когда он дошел до последней буквы, отрицательно мотнула головой и показала, как нужно.

Он попробовал еще раз:

– Так?

Слегка нахмурившись, Анна взяла его за руку и принялась методично ставить ему пальцы на место. Она прижала к ладони безымянный палец и мизинец, согнула средний, приподняла указательный и, наконец, приставила большой палец к среднему.

Держа Джека за руку, она осмотрела свою работу и удовлетворенно улыбнулась.

Джек, однако, не улыбался.

Убрав руки, она быстро сделала шаг назад.

Джек тут же засунул руки в задние карманы джинсов.

Воздух внезапно как будто сгустился, стало заметно труд-

нее дышать.

– Думаю, теперь я понял, как надо, – хриплым голосом сказал Джек.

Она просигналила ему «спокойной ночи» и поспешно отступила в центральный проход. Джек проводил ее до широкой двери и смотрел, как она пересекает двор с такой скоростью, будто за ней гонится дьявол.

Прислонившись к дверному косяку, он молил всевышнего, чтобы тот послал ему хотя бы слабенское дуновение ветра.

Капли пота скатывались на брови. Сердце колотилось как бешеное. Несмотря на холодное пиво, в горле было сухо.

Сейчас Джек не смог бы сплунуть даже в том случае, если бы от этого зависела его жизнь.

За годы физического труда его пальцы и ладони настолько огрубели, что Джек не удивился бы, узнай он, что нервные окончания в них полностью атрофировались. Тем не менее сейчас они посылали сигналы в мозг, напоминая о ее прикосновениях и заставляя сожалеть о том, что в алфавите только двадцать шесть букв. Она могла бы заниматься с его руками хоть всю ночь, не услышав от него ни единой жалобы. То ли у него в голове одни опилки, то ли действительно это очень волнует.

Он был возбужден и тяжело дышал, и все из-за невестки Делрея Корбетта. Еще неделю назад он не знал о ее существовании, а сегодня она стала для него самой желанной на

свете. Анна Корбетт. Невестка Делрея Корбетта.

Закрыв глаза, он протяжно вздохнул, выдохнув при этом пару ругательств. Привалившись к дверному косяку, он ударил головой о старое дерево.

Проклятая судьба снова сыграла с Джеком Сойером злую шутку.

Когда наконец он открыл глаза, уже собираясь вернуться в сарай, его взгляд упал на окно спальни, расположенной на втором этаже.

Некоторое время он просто неподвижно стоял и смотрел.

Затем прошептал:

– О черт!

На почтовом ящике было написано: «МИСТЕР И МИС-СИС Г.Р. БЕЙЛИ». Дом стоял далеко от дороги в небольшой рощице. Это был большой дом с двумя дымоходами, громоотводом и тарелкой спутниковой антенны на крыше. Рядом находились пристройки, в том числе сарай и насосная. Несмотря на то что было темно, Карлу Херболду показалось, что все выглядит чисто и аккуратно и говорит о достатке.

Он искоса посмотрел на Майрона.

– Ну, что ты думаешь?

– О чем?

– Господи! – пробормотал Карл.

Приняв решение, он повернул машину на подъездную дорожку.

Надо отдать должное Сесилу: машина оказалась именно там, где было условлено. Она была в отличном состоянии, полностью заправленная – садись и поезжай. В багажнике лежали чемодан с одеждой, сорок долларов наличными, несколько пистолетов с большим боезапасом и несколько бутылок виски, которыми они с Майроном отметили успешный побег.

День-другой они стояли лагерем возле озера. Спали в машине, а днем грелись на солнышке. По крайней мере, Карл.

Слишком чувствительная кожа Майрона боялась солнца,

так что он просто дремал в тени деревьев.

После стольких лет, проведенных взаперти, пребывание на природе казалось праздником. Тем не менее всему есть предел. Карл понял это сегодня утром, когда, проснувшись, обнаружил у себя на лобке клеща и увидел, что броненосец сделал подкоп под их машину.

Пора было искать кров. В поисках подходящего места они кружили весь день, избегая больших магистралей, где можно было легко нарваться на стражей порядка, разыскивавших беглых преступников.

Каждый раз, когда Карл слышал по радио свое имя, это щекотало его самолюбие.

Он жалел, что покойная мать не может этого слышать. Она стала бы рыдать. Она выплакала бы все глаза. Это у нее лучше всего получалось. Его самое первое воспоминание – мать с покрасневшими глазами, снова и снова повторяющая: «Что же мне теперь с вами делать, ребятки?»

Отца он совершенно не помнил. Он умер, когда Сесил под стол пешком ходил, а сам он лежал в пеленках. Если Карл и знал раньше, отчего умер его отец, то сейчас уже забыл. Он предполагал, что старик преждевременно сошел в могилу только для того, чтобы не слышать вечного хныканья своей жены.

Мать работала в салоне красоты. Карл помнит аммиачный запах перманента, которым все время несло от нее по вечерам.

Он не забыл, как она всегда хныкала, что страшно устала, и умоляла их с Сесилом не шуметь и вести себя хорошо. Но когда они не слушались, она ничего не могла с этим поделать.

Потом они с Сесилом заметили в ней перемену. Мать воспрянула духом, стала причесываться и красить губы, носить чулки и надевать туфли на высоких каблуках. Субботними вечерами она ходила на свидания. Карл прекрасно помнит, как однажды она привела в дом мужчину – Делрея Корбетта – и сказала, что теперь он будет их новым папой.

* * *

Карл снял ногу с акселератора, и машина свободно пока- тилась к дому. Прежде чем заглушить двигатель, он погасил фары. Поправив пистолет в кобуре, он сказал:

– Майрон, ты будешь стоять здесь, пока я не войду в дом, понял?

– Понял.

Открыв дверцу, Карл вылез наружу и сразу ощутил запах сена и навоза. Знакомые запахи тут же пробудили в нем вос- поминания о том, как его заставили перебраться из города в деревню. Много лет они с Сесилом шатались по улицам и переулкам Блюэра. Каждый день после школы они встре- чались со своими друзьями и устремлялись на поиски при- ключений. Всегда находилось что-то новое, чего еще не при- ходилось испытать.

У старших мальчиков они научились курить, пить и воровать. Уличные драки были для них привычным делом. О девочках они вскоре узнали, что между ног у них находится то, что слаще любого пирожного, и если этого не удавалось достичь обаянием, то обычно помогали угрозы. Карл учился всему быстрее, чем Сесил, однако и тот получал свою долю.

И вот они внезапно лишились всего, что их окружало: друзей, привычной обстановки – одним словом, свободы. Карл ненавидел ранчо. Он ненавидел вонь, ненавидел ежедневную тяжелую работу, ненавидел правила поведения за столом и чтение Библии, ненавидел наказания, которым Корбетт подвергал их с Сесилом, если они что-то нарушали.

Он ненавидел и свою мать за то, что она привела к ним Корбетта. Он благословлял тромб, который закупорил матери кровеносный сосуд в легком и вызвал ее смерть. Вдень ее похорон они с Карлом устроили маленькое торжество, радуясь, что им больше не придется выслушивать ее нытье насчет того, чтобы они стали хорошими мальчиками и слушались Корбетта, который был бы им прекрасным отцом, если бы они его приняли.

Подняв руку, Карл постучал в дверь – сильнее, чем собирался. Через несколько секунд на веранде загорелся свет.

Зная, что за ним скорее всего наблюдают через «глазок», Карл нарочито вздрогнул и прикрыл глаза от света.

Дверь открылась.

– Здравствуйте, миссис Бейли, – дружелюбно сказал

Карл. – У вас на веранде очень мощная лампочка. Должно быть, в тысячу ватт.

– Чем я могу вам помочь, молодой человек?

Это была хрупкая женщина в очках, далеко за семьдесят, с подсиненными седыми волосами и приятной улыбкой. В общем, то, что надо.

– Сестра, кто там пришел?

В дверях появилась почти точная копия первой старушки, только немного полнее и даже более приятная. Обаятельная улыбка Карла стала еще шире.

Как догадывался Джек, Делрей собрался уволить его на пути от ранчо до магазина по продаже кормов.

Рано утром Корбетт передал ему список дел, которые нужно сегодня выполнить, а сам уехал. Он не сказал куда, но Джек предположил, что Делрей собирается проверить, нет ли новых потерь в стаде. Джек выполнил все, что значилось в списке, и тут же придумал себе новую работу, чтобы было чем заняться.

Делрей приехал на обед в обычное время, но прошел в дом, не сказав ни слова. Было уже почти три часа дня, когда он оторвал Джека от ремонта уздечки.

– Мы едем в город за кормами.

Джек вышел из маленького туалета, куда зашел, чтобы помыть руки, и увидел, что Делрей сидит в пикапе, мотор которого уже работал. Севшего в машину Джека Делрей встретил молча.

Джеку очень хотелось знать, говорил ли Делрей с ветеринаром и что тот сказал о причинах гибели скота, но что-то удерживало его от расспросов. Чем меньше он сейчас скажет, тем лучше. Поэтому до города они доехали в гробовом молчании. Должно быть, Джек должен радоваться тому, что Делрей молчит. Пока он молчит, его не уволят.

Самое неприятное заключается в том, что он не хочет ухо-

дить.

До сих пор Джек всегда устраивался на такую работу, с которой можно было бы уйти в любой момент. Нельзя сказать, чтобы он был по натуре бродягой, отнюдь нет, но так уж сложилась жизнь, а со временем он к этому привык. Теперь он хорошо чувствовал, когда подходил срок попрощаться и уйти. Обычно он делал это не оглядываясь, всецело полагаясь на свою интуицию, которая вела его на новое место.

Но этот случай был особенным. На ранчо Корбетта его выбор пал не случайно. И не он сам выбирал время своего прибытия туда.

Все это определил побег Карла Херболда.

Джек нарушил свое правило, и поэтому придется поступиться традицией. Он не может просто взять и уехать только из-за того, что это кажется разумным. Если бы он исходил из принципов благоразумия, то вообще бы на ранчо не появился. Однако ж... И до тех пор, пока Карл Херболд не будет вновь пойман, он должен здесь оставаться.

Конечно, если Делрей прикажет ему убираться, то тогда ничего не поделаешь – придется собирать вещи.

Они приехали в магазин по продаже кормов, и Делрей сообщил кассиру, что ему надо. Его немногословие граничило с грубостью. Когда кассир подал Делрею квитанцию, благодарить его пришлось Джеку. Продавец не предложил им помочь погрузить в пикап тяжелые мешки с зерном, однако, учитывая невежливое поведение Делрея, Джек не смог бы

его за это винить.

– Сейчас стоит жуткая жара, – заметил Джек, когда они погрузили большую часть мешков. – Заводи мотор и включай кондиционер. Я сам закончу.

– Ты думаешь, я не справлюсь с мужской работой? Получив отповедь, Джек предпочел не настаивать. Делрей был огорчен вовсе не тем, что Джек предложил сделать за него тяжелую работу. Все из-за мертвых коров. А еще из-за Анны и пива в сарае.

Делрей поднял борт, и они вернулись в кабину. Лицо старика было багровым от напряжения.

– Я бы сейчас что-нибудь попил.

– Что ж, звучит неплохо, – ответил Джек, удивленный тем, что, оказывается, и Делрею не чуждо ничто человеческое.

Они направились в «Молочную королеву». В заведении было прохладно – там работал кондиционер. Джек и Делрей сделали заказ, выбрали себе кабинку и сели лицом друг к другу.

Обернувшись через плечо, Делрей неодобрительно посмотрел на прислуживавшую за стойкой девицу. Все ее лицо было утыкано какими-то кольцами и булавками. Даже язык был проколот, и на нем красовалась черная жемчужина.

– Зачем она это с собой сделала?

– Наверно, чтобы дразнить старых пердунов вроде нас с тобой.

Делрей посмотрел на Джека и выдавил из себя нечто по-

хожее на смех.

– Должно быть, ты прав.

Вскоре они наслаждались холодным лимонадом. Делрей первым кончил пить и отставил чашку в сторону. Глядя в окно на клумбу с цветами, он молчал. «Наверное, подбирает слова, чтобы сообщить об увольнении», – подумал Джек и решил сам взять быка за рога:

– Так что он сказал?

Делрей не стал делать вид, что не понимает, о чем речь.

– Яд, – обронил он, переведя взгляд на Джека.

Сердце Джека упало. Он все же надеялся, что коровы умерли от какого-нибудь редкого вирусного заболевания или от чего-то другого – такого, что нельзя было бы поставить ему в вину. Случилось самое худшее.

– А как остальное стадо?

– Сегодня утром я нашел еще двух мертвых коров. Яд был в куске соли. Конечно, понадобится несколько дней, чтобы узнать, сколько всего его было. – Он презрительно фыркнул. – Не такой уж и умный этот сукин сын. Он мог бы подгадить мне гораздо больше, если бы вылил яд в пруд.

– Может быть, это предупреждение.

– Может быть.

– Я этого не делал.

– Я и не говорил, что ты делал.

– Но ты об этом думал.

Лицо Делрея стало еще краснее, и Джек подумал, что ста-

рик может дорого заплатить за свою сдержанность, особенно если он действительно считает, что Джек пытался лишить его средств к существованию.

– Зачем мне это делать? – перегнувшись через стол, спросил Джек.

– А почему ты вдруг ни с того ни с сего свалился мне на голову?

– Мне была нужна работа.

– Ерунда! Я звонил тому парню, у которого ты в последнее время работал. В Корпусе.⁶ Он дал тебе блестящие рекомендации. Жаль было тебя терять, сказал он. Дескать, желал бы иметь сотню таких, как ты. У тебя была хорошая работа, ноты ушел ко мне за половину платы. – Покачав головой, он усмехнулся: – Бессмыслица какая-то.

– Для меня это имеет смысл. Мне необходимы перемены.

– Перемены! – Делрей помолчал, медленно закипая, затем ткнул в сторону Джека корявым указательным пальцем. – Я тебе не доверяю.

– Тогда зачем нанял?

– Чтобы ты был на виду, пока я не определю, что ты за птица.

– Ну и что, определил?

– Думаю, что да.

Джек развел руками, приглашая Делрея поделиться своими выводами.

⁶ Имеется в виду город Корпус-Кристи.

– Ты работаешь на хьюстонскую контору. На этот «Ист-парк».

Посмотрев на него, Джек громко рассмеялся:

– Значит, я диверсант, которого наняла корпорация?

– Это верно, ты на него не похож. Но именно поэтому ты прекрасно подходишь для такого дела.

– Может быть, в другой жизни, – все еще недоверчиво посмеиваясь, сказал Джек. – Я говорил тебе свое мнение об этих алчных подонках.

– Потому что знал, что именно я хочу услышать. Ты пустил мне пыль в глаза.

Джек покачал головой:

– Ладно, допустим, я связан с ними. Тогда как ты объяснишь, что я работал в Корпусе?

– Ты там делал то же самое. «Ист-парк» – это просто кусочек большого пирога. Эти ребята занимаются всем. Нефть и газ, недвижимость, компьютеры. У них даже есть контракт с НАСА.⁷ Меня должно было насторожить то, что Эмори Ломаке стал давить на меня как раз тогда, когда ты появился. Ты работаешь изнутри. Тебя посылают туда, куда им надо и когда им надо. И ты, конечно, выглядишь так, как надо, – добавил он, глядя на соломенную шляпу Джека.

Вздыхнув, Джек откинулся на стенку кабинки.

– Ты заблуждаешься, Делрей. Жестоко заблуждаешься, –

⁷ Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства США.

беспомощно пожав плечами, сказал он.

– Я так не думаю.

– Если я работаю на корпорацию, неужели я настолько глуп, что начинаю травить твой скот всего через несколько дней после своего появления здесь? Вот что я тебе скажу: если бы меня послали тебя уничтожить, чтобы забрать твое ранчо, я бы не стал валять дурака, как этот тип. Я просто отравил бы запасы воды.

Делрей долго смотрел на него, пытаясь оценить его слова. Джек не опускал глаз и не уступал. Оба не увидели, как к ним кто-то подошел.

– Привет, Делрей!

Застигнутый врасплох, Делрей быстро повернул голову.

– А, шериф Хардж. Не заметил, как ты вошел.

– Как дела?

– Не могу пожаловаться. А ты?

– Да вроде ничего. Хотя я больше не шериф.

– Да, да, – рассеянно ответил Делрей. – Ну и как живется на пенсии?

– Никак не могу привыкнуть к тому, что у меня столько свободного времени. – Он мрачно посмотрел на заказанный им банановый десерт. – С такой пищей я скоро потолстею. – Он криво улыбнулся Делрею и с любопытством посмотрел на Джека.

– Я решил нанять себе помощника, – махнув рукой в сторону Джека, сказал Делрей. – Это мой новый работник.

– Джек, – сказал тот, протянув правую руку.

– Эззи.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Рука, которую пожал Джек, была грубой, словно ветка дерева. Бывший шериф оказался высоким и широкоплечим, хотя от возраста он несколько ссутулился. Седые волосы выбивались из-под ковбойской шляпы, точно такой же, как у Джека, – и по фасону, и по степени износа. Лицо у Харджа было длинным, как морда у бассет-хаунда, и столь же унылым.

Покончив с любезностями, бывший шериф вновь повернулся к Делрею:

– Слышал что-нибудь, как там, в Арканзасе?

– Нет. Я и не жду ничего.

– Да нет, конечно. Этот парень достаточно умен, чтобы сюда являться.

Делрей сжал лежавшие на столе руки.

– Все это было очень давно, Эззи.

– Давно. С тех пор много воды утекло. – Наступило неловкое молчание. – Дьявольская жара стоит, – желая сменить тему, сказал Хардж.

Делрей с видимым облегчением разжал руки.

– Да, дождь бы не помешал.

Эззи посмотрел на тающее мороженое.

– Ну, надо это съесть, пока оно не превратилось в суп.

Всего наилучшего.

Джек с интересом наблюдал, как старик выходит из ресторана и забирается в «Линкольн», выпущенный десять лет назад.

– Он похож на шерифа. – Тут его взгляд вновь обратился на Делрея. – Вот ты думаешь, что я отравил твоих коров. Тогда почему ты меня не сдал?

– Он больше не шериф.

– Это не ответ. Делрей встал:

– Я хочу привезти домой мороженого – для Дэвида и Анны.

Подойдя к стойке, он сделал заказ. Джек остался ждать его у двери. Вместе они сели в грузовик и направились на ранчо.

И что же? Он остался подозреваемым, но еще не осужден? Или он так хорошо аргументировал, что Делрей снял с него обвинения?

Джек посмотрел на суровый профиль Делрея. Тот вел машину, глядя прямо перед собой и, конечно, не превышая скорости. Такой дисциплинированный человек, как Делрей Корбетт, не станет легко менять свое мнение. Джек решил, что суд еще не состоялся.

Но пока что он здесь. Пожалуй, сейчас стоит оставить Делрея одного. Однако прежде необходимо прояснить один вопрос.

– Вчера вечером я разговаривал с Анной, – небрежно произнес Джек.

– Вы разговаривали?

– Если можно так выразиться. В основном я задавал вопросы, а она показывала знаками «да» или «нет». Кое-что она писала в блокноте.

– И о чем же вы говорили?

– О ее глухоте. Она сказала мне, что глухая от рождения.

– Я знаю. Это генетический дефект.

– Какое несчастье для ребенка и его родителей!

– Я не знал ее родителей. Я не встречался с Анной до тех пор, пока Дин не привел ее домой.

Джек приготовился слушать. Делрей бросил на него взгляд, но заговорил только тогда, когда снова стал смотреть на дорогу:

– Не могу сказать, что меня это очень обрадовало. Мой мальчик пришел домой весь возбужденный и стал рассказывать о глухой девушке, которую встретил в колледже. Конечно, меня восхитило то, что она учится. Учиться в колледже и для совершенно здоровых не так-то легко. А для таких, как Анна, это настоящий подвиг. Правда, у нее был переводчик, но все равно здесь нужна огромная сила воли. Джек положил руку на сиденье.

– Дети, которым приходится больше заниматься, больше ценят свои успехи и часто даже достигают лучших результатов.

– Анне все прекрасно удавалось. Она много занималась и получала хорошие отметки. Однако восхищаться кем-то –

это одно, а приглашать его в свою семью – совсем другое. Признаю, что сначала я был против их брака с Дином. На первых порах. Но когда я ее узнал и увидел, как Дин сходит по ней с ума, я...

– К тому же, если Дин был настоящим мужчиной – а я думаю, он им был, – твое мнение не имело бы значения.

Делрей резко повернул голову, готовый возразить, но черты его лица быстро смягчились, и он печально покачал головой.

– Мое мнение действительно не играло никакой роли. Они поженились и некоторое время были очень счастливы – такого я еще не видел. А потом он пошел в армию.

Джек решил дать Делрею возможность закончить свой рассказ, несмотря на то что уже слышал об этом от Анны.

– Пока Дин был за океаном, Анна продолжала учиться. Ее родители оставили ей достаточно денег, чтобы заплатить за обучение. Окончив двухгодичный колледж, она стала ездить за сорок миль, чтобы учиться дальше. Он изучала фотографию. Но когда Дин вернулся домой и заболел, она бросила учебу, чтобы за ним ухаживать. После того как он умер и родился Дэвид, занятия ей стали ни к чему.

Джек с этим не был согласен, но свое мнение высказывать не стал.

– Тогда она и замолчала.

Джек, который в этот момент мысленно приводил доводы в пользу того, чтобы Анна закончила образование и получи-

ла диплом, не сразу сообразил, о чем говорит Делрей. Когда до него дошло, он снял руку с сиденья.

– Не понял. Ты сказал, что Анна умела говорить?

– Она, правда, стеснялась, особенно при чужих, но Дин заставлял ее продолжать занятия.

Джек никак не мог прийти в себя.

– Она умела говорить? – недоверчиво переспросил он.

– Ну, не так, как мы с тобой, но все-таки довольно хорошо. Ее можно было понять. Меня это удивляет каждый раз, когда я об этом думаю. Она ведь может произносить звуки, которые никогда не слышала!

Это открытие потрясло Джека. Передавая слова жестами, Анна повторяла их губами, но никогда не произносила вслух.

– Почему же она замолчала? Почему сейчас не говорит? Делрей пожал плечами и неловко зашевелился на сиденье.

– Ей это не нужно. Кстати, некоторые глухие не хотят говорить и считают, что не должны учиться. Они полагаются только на знаки.

– Значит, другие – вроде Анны – делают и то и другое?

– Иногда делают.

– Они пользуются азбукой для глухих, читают по губам и говорят, верно?

– Я не специалист в этих делах.

– Должно быть, ей пришлось потратить годы, чтобы этому научиться, – настаивал Джек. – Почему же она перестала

говорить?

– Я не знаю. – Голос Делрея почти срывался на крик. – Почему бы тебе не спросить самому? В следующий раз, когда вы соберетесь поболтать?

Джек оказался прав. Делрей в самом деле был взбешен тем, что увидел, когда подсматривал вчера вечером из окна своей спальни. Джек видел, как он стоял там в бледном свете лампы.

Темнота и расстояние не давали возможности разглядеть его глаза, но Джек не сомневался, что Делрей смотрит прямо на него. У него сложилось также впечатление, что Делрей стоял там давно и видел, как Анна выходит из сарая.

Тогда они несколько секунд простояли неподвижно, потом Делрей отошел от окна и исчез в комнате.

Теперь он сидел сторбившись за рулем и смотрел на дорогу с таким видом, как будто это был враг, которого предстояло победить. В глазах его застыла боль.

– Ты давно любишь ее, Делрей? – тихо спросил Джек.

Естественно, мексиканцы потребовали деньги вперед.

Эмори Ломаке лишился пятидесяти баксов, но, если бы ему потребовалось потратить даже вдвое больше, он бы заплатил без разговоров. Диверсия против хозяйства Делрея Корбетта стоила того. Джесси Гарсия и его разношерстная банда появилась на Мэйн-стрит как нельзя более кстати. Если бы Эмори случайно не выглянул из окна в тот самый момент, когда мимо проезжал грузовик Гарсии, то, наверное, до сих пор бы пытался придумать, как отобрать у Корбетта ранчо.

В общем, судьба ему улыбнулась.

В городе Гарсия был известен как человек, который помогал решать любые проблемы. Вам нужно заменить замок – пожалуйста. Нужно обрезать засохшие ветки на дереве – Гарсия со своими двоюродными братьями об этом позаботятся. Вам хочется, чтобы ваш мерзавец сосед не слишком гордился своим новеньким автофургоном, – пятьдесят баксов Гарсии, и вы можете с удовольствием наблюдать, как ваш недруг суетится возле порезанных покрышек.

Гарсия не боялся запачкать руки – и в буквальном смысле, и в переносном. Все, что клиенты хотели сделать со своим врагом, Гарсия делал за них – но только не убивая и не калеча. Этот недостаток компенсировало его творческое во-

ображение. Если вы не знали, как отомстить, Гарсия тут же предоставлял на ваш выбор несколько вариантов.

Он работал со всеми – со всеми, кто готов заплатить. Сегодня вы его клиент, а завтра можете стать его жертвой. Уж такова была его система. Никто с этим не спорил, поскольку ни один человек не хотел оказаться его врагом – ведь считается, что все мексиканцы носят при себе ножи.

Ломаке предложил Гарсии немного пощипать стадо Корбетта.

– Но чтобы ничего катастрофического. Comprendes,⁸ что значит катастрофическое, Джесси?

Джесси это понимал, и на следующий день весь город говорил о том, что у Корбетта при загадочных обстоятельствах погибло несколько голов скота. Такие разговоры вредят бизнесу. Это как клеймо. Этого боится любой хозяин ранчо. Посмотрите, как повлияло коровье бешенство на продажу говядины в Англии.

Окрыленный, Эмори отправился на встречу с Корбетом. Он был абсолютно уверен, что теперь со стариком будет нетрудно договориться. Но когда Эмори прибыл на ранчо, его ждал неприятный сюрприз. Как ни удивительно, Корбетт был совершенно не готов принять его предложение.

– Вы смотрели материалы? – в отчаянии спросил Эмори после того, как они полчаса переливали из пустого в порожнее.

⁸ Понимаешь (исп).

– Смотрел.

– Разве их размах не впечатляет?

– Может, кого-то и впечатляет.

Неужели старого дурака оставила безучастным глянцевая брошюра и содержащаяся в ней информация? Или он просто упрямится в надежде побольше получить?

– Они сделали вам щедрое предложение, мистер Корбетт. Очень щедрое.

С самоуверенным видом Эмори откинулся в кресле и положил ногу на ногу.

– «Ист-парк дивелопмент» очень нужно ваше владение. Они предлагают значительно больше, чем оно стоит. Но ведь это их деньги, верно? – Он посмотрел на Анну и подмигнул ей.

Когда Эмори приехал, она вежливо подала ему стакан холодного чая, но тем не менее смотрела так, как будто он вляпался в собачье дерьмо. И с чего это вдруг у нее такой надменный вид?

Эмори вел себя очень галантно, все время посматривал в ее сторону, чтобы Анна не чувствовала себя исключенной из разговора, хотя Делрей и переводил ей его содержание. С момента ее прихода в банк Эмори все время старался вести себя приветливо, однако пока что ее поведение дружественным никак нельзя было назвать. Но ничего, она еще изменит свое мнение о нем.

Делрей закрыл брошюру и положил ее на кофейный сто-

лик.

– Объясните мне подробнее, Ломаке. Они что, хотят, чтобы я расстался с квадратной милей земли, которой сейчас владею, оставив себе маленький огрызок?

Эмори широко улыбнулся.

– Конечно, вы сильно утрируете, но кое в чем правы – в качестве стимула они готовы предоставить вам право выбора участка плюс освобождение от членских взносов и пожизненное членство в клубе.

– Пожизненное членство в клубе?

– Именно так, – сказал Эмори таким тоном, каким удав мог бы обращаться к кролику. – Как это вам?

– Не годится.

Корбетт встал. Ломаке тоже вскочил на ноги.

– Мистер Корбетт, мы старались изложить наше предложение как можно проще, но я думаю, что вы все еще не поняли...

– Я умею читать, мистер Ломаке.

– Я не имел в виду... Пожалуйста, не думайте, что... – Нельзя, чтобы Корбетт решил, будто он считает его дураком. Надо быть осторожнее. – Просто раз вы не занимаетесь этим постоянно, какие-то сложные моменты могут от вас ускользнуть.

– Может быть. Но меня это предложение не интересует.

– Они хотят заплатить вам больше, чем стоит ваше ранчо, – настойчиво сказал Эмори.

– Значит, они там все дураки, так, что ли?

– Вы можете получить очень много денег, – понизив голос, произнес Эмори. – И построить на своем участке любой дом.

– Мне нравится этот дом и этот участок.

Банкир почувствовал, как почва уходит у него из-под ног.

Запищал пейджер. Эмори с раздражением отключил его и попытался зайти с другой стороны:

– Вы не должны решать один. Как считает Анна? Что она думает о нашем предложении?

Прежде чем он успел задать вопрос, она уже сообщила ответ.

– Она говорит, что ранчо мое, – сказал Делрей. – Оно перейдет в наследство ее сыну. Анна поддерживает мое решение.

– Я рад, что она заговорила о сыне. Подумайте о его будущем. О его образовании. К тому времени, когда он пойдет в колледж...

– Мы уже откладываем на это деньги.

– Но...

Делрей поднял руку.

– Я вас выслушал, мистер Ломаке. И с вашей стороны, и с моей это было пустой тратой времени, но я проявил к вам любезность. Теперь наша встреча окончена. До свидания.

Делрей повернулся, чтобы уйти, и тут Ломаке пустил в ход последний аргумент:

– Остался еще ваш кредит.

Остановившись, Корбетт медленно повернулся к Ломаксу. Лицо его побагровело.

– А что с ним такое? – зло посмотрев на посетителя, спросил он.

Эмори почмокал губами и печально покачал головой, как бы говоря о том, что делает это только потому, что у него не осталось другого выхода.

– В последнем квартале вы опоздали с уплатой процентов.

– Всего на несколько дней.

– А что будет в следующем квартале? И в следующем за ним?

– Я всегда выполнял свои финансовые обязательства.

– Я в этом не сомневаюсь. Но сейчас вам трудно как никогда. И, честно говоря, я не вижу в ближайшем будущем никакого просвета. Положение на рынке говядины неважное, а вы занимаетесь именно говядиной. Вы понимаете, куда я клоню? – Он развел руками. – Поскольку вы всегда были надежным клиентом, банк продлил вам срок уплаты займа. Но это не может продолжаться до бесконечности.

– Вы делаете на этом деньги, Ломаке. Пока я плачу проценты...

– А как быть с проверяющими? Это они нервничают, а не я. – Желая продемонстрировать свою искренность, он сложил руки на груди. – Под их давлением я вынужден буду потребовать, чтобы вы наряду с процентами начали погашать основную сумму кредита.

– Что ж, прекрасно. Я справлюсь.

– Каким образом? Я веду ваши счета и поэтому знаю, что ваши нынешние поступления практически равны нулю. Накладные расходы не только не уменьшились, но даже увеличились. Посчитайте! Ваш баланс подает все меньше поводов для оптимизма. А теперь еще одна... проблема.

Голова Корбетта резко откинулась назад, как будто Эмори ударил его в подбородок. По правде говоря, так даже лучше.

Словесная атака удовлетворяла Эмори больше, нежели физическое воздействие на упрямого старикашку.

– Как только вы позвонили доктору Андерсену, тамтамы сразу же разнесли весть о возможной эпидемии среди скота. На многие мили вокруг все ранчерос наслышаны о вашем несчастье.

– В моем стаде нет заболеваний. Это частный случай.

– Да, кажется, так, но тем не менее весьма ощутимая потеря. Особенно сейчас, когда каждый фунт мяса должен трансформироваться в доллары и центы.

– Я потерял только пять голов. Надеюсь, такое не повторится.

– Но ведь у вас нет никаких гарантий, правда? Последствия могут сказаться даже после того, как поймают вашего пасынка.

Этот словесный волейбол доставлял Эмори несказанное удовольствие. Кажется, он попал Корбетту прямо в солнечное сплетение. Эмори с трудом сдерживал улыбку. Черт по-

бери, он в прекрасной форме. Почему этого не замечают Коннот и прочие мерзавцы из «Ист-парк»? Если бы Коннот увидел, как эффективно Эмори манипулирует Делреем Корбеттом, то, вероятно, сразу назначил бы его на пост вице-президента.

– Какое отношение побег Карла Херболда имеет... – Корбетт помолчал, тяжело дыша. – ...к чему бы то ни было?

Эмори с сожалением посмотрел на Анну. Она побледнела, причем если по выражению лица действительно можно было судить о ее чувствах, то из человека, вляпавшегося в дерьмо, Эмори в ее глазах превратился в охранника немецкого концлагеря.

– Прошу прощения, мистер Корбетт. Я думал, вы знаете, как... как люди относятся ко всему этому. Вас тоже считают отчасти виновным. Народ ведь всегда ищет козла отпущения. Наверно, некоторые винят вас за поведение пасынков. Этот инцидент с вашим скотом... ну, я полагаю, он весьма показательный. Все вроде забылось, и тут побег из тюрьмы снова взбаламутил этих людей. О нем только и говорят.

– Прошу прощения, кто вы такой?

Эмори обернулся. Он уже нарисовал такую мрачную картину, и тут его прервали на самом интересном месте, так что он был очень раздражен. Ну и конечно, удивлен. Ведь Ломаке думал, что, кроме Анны и Делрея Корбетта, на ранчо никого нет, не считая ребенка, которого при появлении гостя отправили играть в соседнюю комнату.

В широком проходе, соединявшем центральный коридор с гостиной, стоял мужчина примерно ста восьмидесяти сантиметров ростом и такой худой, что напоминал обтянутый кожей скелет. В выгоревших синих джинсах и башмаках он походил на ковбоя. Мужчина похлопывал себя по бедру выдавшей вида соломенной шляпой. Шляпа прекрасно гармонировала с его песочного цвета волосами, слегка потемневшими от пота.

Проймы рабочей рубашки выглядели так, как будто их жевал ротвейлер. Руки сильные, мускулистые и коричневые от загара.

Было трудно определить цвет глаз, поскольку они все время щурились, как будто изо всех сил стараясь рассмотреть то, что находилось в фокусе. А в фокусе находился Эмори.

С трудом преодолев желание отвести взгляд, Эмори спросил:

– А кому это надо знать? – Однако эта фраза прозвучала отнюдь не так уверенно, как ему бы хотелось. По правде говоря, в ней сквозила какая-то детская обида.

Ковбой засмеялся:

– Дайте-ка я угадаю. Вы Ломаке. Делрей говорил мне, что сегодня встречается с вами.

И он вновь не спеша оглядел Эмори с головы до ног. Когда взгляд ковбоя упал на сотовый телефон, он снова засмеялся и повернулся к Делрею:

– Чтобы починить насос, мне необходима одна деталь.

Я выяснил, где она есть, но это на складе в Накогдочесе. Наверно, до конца дня меня не будет.

– Ладно, – кивнул Корбетт.

Ковбой надел шляпу и, бросив на Эмори еще один вызывающий взгляд, вышел.

– Кто это? Он на вас работает?

– Да.

– С какого времени?

– Я взял его несколько дней назад.

Эмори не преминул воспользоваться случаем отвести от себя подозрения в отравлении скота.

– А вы его проверяли? Может, он отравил ваших коров?

– Ломаке, я думаю, мы уже обговорили все, что нужно. На счет кредита не беспокойтесь. Банк не потеряет свои деньги. Проценты составляют гораздо больше того, что я занял.

Эмори пустил в ход свою самую обворожительную улыбку.

– Если вы примете предложение «Ист-парк дивелопмент», у нас обоих не будет никаких проблем.

Лицо Корбетта покраснело еще больше.

– Анна, пожалуйста, покажи ему, где выход.

– Я бы пренебрег своими обязанностями финансового советника, если бы не предупредил, что вы совершаете большую ошибку, мистер Корбетт.

– Я считаю, что вы меня предупредили. До свидания. Ломаке. Скажите своим друзьям из ИДП...

– ИПД.

– Неважно. Передайте им, что мое ранчо не продается. И больше меня не беспокойте.

Он вышел из комнаты и стал подниматься на второй этаж. Эмори про себя отчаянно ругался. Как только Корбетт исчез из виду, банкир повернулся к Анне:

– Он еще передумает. Она покачала головой.

Эмори с улыбкой посмотрел на нее.

– Если бы решать пришлось вам, что бы вы решили? – Подчеркнув последние слова, он слегка коснулся ее груди указательным пальцем.

Она быстро повернулась спиной и направилась к выходу. Эмори пошел следом, но у самой двери остановился. Со стариком не удалось договориться. Корбетт остался непоколебим. Надо пробовать что-то еще.

Снова обращаться к Джесси Гарсии крайне рискованно. Конечно, Гарсия не продержался бы так долго, если бы был ненадежен. Ваши пятьдесят долларов покупали не только его услуги, но и его молчание. Гарсию еще ни разу не ловили.

Обычно он поручал работу какому-нибудь приехавшему издалека нуждающемуся родственнику, который все и выполнял, в то время как Гарсия сидел дома с дюжиной свидетелей, готовых подтвердить его алиби, причем Гарсия забирал себе львиную долю вознаграждения.

Тем не менее все когда-то случается впервые. Его родственник может проявить небрежность, и его поймают. То-

гда он укажет пальцем на Гарсию, а тот производит впечатление человека, который продаст и мать родную. Эмори не хотел быть первым, кого выдаст Джесси Гарсия. Он больше не станет обращаться к мексиканцу.

Вряд ли что даст и эта чепуха насчет Карла Херболда. До сегодняшнего утра, когда его секретарша напомнила ему о предстоящей встрече, он даже не знал, что беглый заключенный имеет отношение к Корбетту. Кстати, он и не нуждался в ее напоминании и уже собирался сообщить об этом миссис Пресли, как вдруг она сказала:

– Бедняга Делрей! Он никогда не сможет искупить тот грех, что воспитал таких дрянных мальчишек.

Следующие полчаса она делилась с Эмори всеми пикантными подробностями относительно Сесила и Карла Херболда.

Конечно, Эмори сделал печальное лицо и все время хмурил брови. Разумеется, он постоянно повторял: «Ай-яй-яй! Какие гнусные дети!» Но мысленно потирал руки от удовольствия.

Он получил информацию, которая могла пригодиться ему в борьбе против отвратительного старика.

Когда Эмори упомянул имя преступника, это действительно произвело ошеломляющий эффект. Но поскольку Херболда наверняка вскоре схватят, этот аргумент потеряет свое значение и Эмори вернется к тому, откуда начал, то есть к нулю.

Успех может принести только Анна Корбетт.

Эмори пододвинулся к ней ближе.

– Анна, вы можете читать по моим губам? Она кивнула.

Он улыбнулся.

– Это хорошо, поскольку я хочу, чтобы вы поняли, как важна эта сделка для вашего будущего. Подумайте о тех деньгах, которые перейдут к вашему сыну. На вашем месте, – сказал он, взяв ее за руку, – я бы при случае постарался обеспечить безбедное будущее себе и ребенку. – Эмори погладил ее по руке. – Такая возможность может больше не повториться. Я просто рад, что могу вам ее предоставить.

Он еще раз погладил ее руку. – Не встретиться ли нам как-нибудь наедине и все обсудить?

Иногда он бывает таким умным, что самому страшно. Как он и догадывался, этой женщине не хватает ласки. Он это понял при первой встрече. Несмотря на свой строгий вид, она млеет от мужского внимания. От ухаживания молодого мужчины. Очевидно, свекра ей недостаточно. Какая захватывающая перспектива! Молодой петушок, вероятно, заставит ее сходить с ума в постели.

При одном его прикосновении все ее высокомерие сразу улетучилось. Теперь она казалась невинной и испуганной, робкой и в то же время сексуальной. Закусив нижнюю губу, Анна посмотрела на лестницу, словно подросток, который боится, что его заметят бдительные родители, и опустила ресницы.

Стараясь успокоить дыхание, она слегка вздрогнула, затем высвободила руку и, улыбаясь, что-то показала знаками. Эмори наклонился к ней поближе.

– Я не знаю, что вы сказали, но, должно быть, это что-то очень хорошее. – Он еще раз сжал ее руку и подмигнул. – Буду держать с вами контакт.

Джек вернулся из поездки, когда уже стемнело. Как ни странно, несмотря на жару, Делрей и Дэвид все еще находились на веранде. Джек не собирался никому мешать и только удивлялся тому, что до сих пор не уволен.

Вчера он явно полез не в свое дело, с головой окунувшись в бурные воды душевного конфликта якобы для того, чтобы спасти тонущего в нем человека, который об этом не просил. Теперь, сутки спустя, Джек все еще ругал себя за то, что спросил у Делрея, как давно тот любит свою невестку.

Какое ему до этого дело? Да никакого. Не считая того, что Делрей расстроился, когда увидел, что они с Анной были одни в сарае. И еще Делрей подозревал его в отравлении скота. Джек полагал, что это давало ему некоторое право высказать свое мнение. Но даже если так – вопрос был неуместен, и Джек знал это, когда его задавал.

Делрей, естественно, был взбешен и так быстро повернул голову, что непроизвольно повел в сторону руль. Грузовик свернул с дороги. Делрей успел вовремя нажать на тормоза, не допустив, чтобы пикап свалился в кювет, но по инерции машина все же проползла какое-то расстояние, прежде чем остановилась.

Делрей повернулся к Джеку, и тот увидел, что у старика на лбу вздулись вены.

– Не знаю, из какой сточной канавы ты вылез, но мысли у тебя грязные. – Он так шумно дышал, что вынужден был остановиться и перевести дыхание. – Скажу тебе прямо. Я и пальцем до Анны не дотронулся. Между нами ничего недостойного не было.

– Я тебе верю, – сказал Джек. – Я спросил тебя не о том, сколько ты с ней спишь, а давно ли ты ее любишь.

Делрей зло посмотрел на него, но Джек не уступал. Он знал, что прав. Реакция Делрея его в этом убедила.

Сгорбившись на сиденье, Делрей закрыл глаза рукой и сидел так целую минуту. Джек ждал, прислушиваясь к гулким ударам своего сердца. Это были долгие шестьдесят секунд.

Когда наконец Делрей отнял руку, казалось, что она весит не меньше тысячи фунтов – так тяжело она упала ему на колени. Взгляд его был потухшим, он выглядел постаревшим, раздавленным и очень печальным.

– Она знает?

Делрей покачал головой:

– Нет. Нет.

Джек ничего не ответил, зная, что и так сказал больше чем достаточно.

Спустя некоторое время Делрей вывел грузовик на дорогу, и они поехали на ранчо. Джек не удивился бы, если бы Делрей велел ему собрать вещи и уехать. Для его увольнения были уже две веские причины.

Однако Делрей не стал говорить об увольнении ни тогда,

ни на следующее утро. И когда Джек отправился за деталью для сломавшегося насоса, он по-прежнему не был уволен. Очевидно, он еще числился в платежной ведомости.

Тем не менее он никак не ожидал приглашения присоединиться к семейству, которое последовало, когда он вечером приехал на ранчо.

– Эй, Джек! – крикнул ему с веранды Дэвид и призывно махнул рукой. – Иди сюда! Мы делаем мороженое.

«Пожалуй, стоит остановиться и поздороваться», – подумал Джек. Заглушив двигатель грузовика, он вылез из кабины.

– Привет, Джек.

– Привет, Дэвид. – Поднявшись по ступенькам веранды, он кивнул в сторону древнего приспособления. – Я думал, что все мороженицы теперь электрические. Не знал, что сейчас выпускают деревянные.

– Их и не выпускают. – Делрей весь вспотел от напряжения, но, кажется, был в хорошем настроении. – У нас есть электрическая, но, не знаю почему, всегда кажется, что мороженое вкуснее, если сам его сделаешь.

Говоря это, Делрей всю крутил рукоятку. Дэвид сидел сверху на сложенном полотенце. Сделанная из вертикальных деревянных планок мороженица стояла в пластмассовой ванночке – чтобы вытекающая из небольшого отверстия соленая жидкость не попадала на грядки с цветами.

– Если я на ней сижу, она работает быстрее, – сообщил

Дэвид.

– Это потому, что ты очень важная персона. Мальчик просиял.

– Нашел деталь? – спросил Делрей.

– Ага, я займусь этим насосом завтра с утра. Если, конечно, не хочешь, чтобы я сделал его сейчас.

– К черту! Садись, отдохни.

Удивленный этим приглашением, Джек присел на верхнюю ступеньку.

– Нельзя говорить «черт», деда.

– Ты прав, Дэвид, конечно, нельзя. Ты ужинал? – спросил он у Джека.

– Я останавливался перекусить.

– Ужин будет готов через несколько минут.

Как по заказу, Анна тут же вынесла поднос с тарелками, салфетками и ложками. Вскочив, Джек забрал у нее поднос, чем, кажется, привел Анну в смущение. Или, может быть, она смутилась из-за того, что для него не нашлось приборов и ей пришлось вернуться за ними в дом. Когда она появилась на веранде вновь, Делрей объявил, что мороженое готово.

Дэвид соскочил вниз. Полотенце было убрано. Джек с интересом наблюдал, как с металлической коробки удаляют лед и затем поднимают ее вверх. Сняв крышку, Анна взяла длинную ложку, затем наполнила первое блюдо и подала его Джеку.

Застигнутый врасплох, он сдавленно пробормотал «спа-

сибо». Прежде чем съесть первую ложку, он подождал, пока обнесут остальных. Мороженое оказалось густым, холодным, сладким и отдавало ванилью. Оно было просто восхитительным.

– Анна использовала рецепт Мэри, который перешел ей по наследству, – пояснил Делрей. – Я готов поспорить, что лучшего домашнего мороженого ты еще не ел.

– Это вообще единственное домашнее мороженое, какое я ел, – выпалил Джек. Он надеялся, что эту оговорку никто не заметит, но Делрей поднял голову и посмотрел на него. Джек пожал плечами: – Мои... мои родители не занимались такими вещами, как приготовление мороженого. Как прошла твоя встреча с Ломаксом?

К счастью, тему разговора удалось сменить. Делрей нахмурился:

– Я послал его подальше и сказал, чтобы он больше не беспокоил меня предложениями продать ранчо. Тогда он взялся за Анну.

Джек посмотрел на Анну. Они старались не встречаться взглядами, хотя Джек следил за каждым ее движением и чувствовал, что она также не сводит с него глаз. Конечно, это глупо.

Они ведь не дети, а взрослые люди. И ничего предосудительного не делали в сарае, разве что соприкоснулись руками.

Правда, теперь, зная о чувствах Делрея, Джек вспоминал

о них каждый раз, когда смотрел на Анну.

Но сейчас он взглянул на нее вопросительно.

– Расскажи ему, Анна, – предложил Делрей. – Он хорошо посмеется.

В то время как Делрей переводил, она рассказала о своей беседе с Эмори Ломаксом. Когда она закончила, Джек сказал:

– Я думал, что он просто негодяй. Оказывается, он законченный мерзавец.

Из коридора Джек услышал тогда достаточно, чтобы составить себе неблагоприятное мнение о банкире. Если бы Ломаке был честным бизнесменом и порядочным человеком, он не стал бы шантажировать Делрея его связью с Карлом Херболдом.

То, как он обошелся с Анной, доказывало, что у парня вообще нет морали и что он эгоист. Опасное сочетание!

– Расскажи Джеку, как ты его отшила, – смеясь, добавил Делрей. Анна повернулась к Джеку, но Делрей все равно переводил.

– Я сделала вид, что польщена. Но когда он предложил мне встретиться, я назвала его... нехорошим словом (из-за присутствия Дэвида Делрей это слово опустил). И пригрозила треснуть его известно куда, если он не уберет от меня свои скользкие руки.

Дэвид принялся вылизывать ложку.

– Куда треснет, деда?

– Представляю себе эту картину, – скривившись, промолвил Джек. – Вам надо было так и сделать, Анна. – Она улыбку ему в ответ. Протянув свою пустую чашку, Джек спросил: – А вторую можно?

Он смотрел, как она накладывает мороженое. Падавший из дома свет освещал лишь одну половину ее лица. Другая находилась в тени. Хотя вечерний воздух был жарким, кожа женщины казалась прохладной.

Джек понял, что Делрей наблюдает за ним. Он быстро съел вторую порцию мороженого, пожелал всем спокойной ночи и оставил Корбеттов сидеть на веранде.

Потом он долго стоял под миниатюрным душем у себя в трейлере и повторял про себя:

«Не сделай какую-нибудь глупость, о которой потом пожалеешь. Только без глупостей, Джек».

Это был классический «город-в-стороне-от-автострады». В такое время суток на сонных улицах не наблюдалось ни одной живой души. Над главным перекрестком висел одинокий светофор, но он то ли перегорел, то ли его в определенное время отключали, потому что он не мигал даже желтым светом.

В окнах было темно. Бродячие кошки и те не подавали голоса.

Не спал только Карл Херболд.

Несколько дней ферма Бейли на северо-западе Луизианы служила ему превосходной базой отдыха. Пожалуй, более благоприятные условия было трудно себе и представить. Кладовая и холодильник ломались от еды, а телевизионных каналов насчитывалось столько, сколько и не пересмотришь. В доме также имелась система центрального кондиционирования, позволявшая постоянно поддерживать комфортные семьдесят градусов тепла.⁹

Когда пришло время расставаться с этим местом, Карл почувствовал настоящую грусть. Вдовая миссис Бейли и ее сестра – старая дева – после смерти мистера Г.Р. жили вдвоем. Рассудив, что родственники и соседи все же периоди-

⁹ Примерно 22 градуса по Цельсию.

чески навещают двух пожилых леди, Карл через несколько дней решил уехать. Слишком опасно оставаться на одном месте, когда за тобой охотятся правоохранительные органы – местные, штата и федеральные.

Сестер они оставили покоиться с миром на дне колодца с пулями в головах.

Карл не любил ждать. Он был человеком действия. Однако они с Сесилом отвергли мысль о том, чтобы встретиться сразу после побега. Погоня будет в полном разгаре. Сесил подождет, пока власти не убедятся, что братья Херболд слишком хитры, чтобы совершить такой вполне предсказуемый поступок. Поэтому оба согласились, что надо повременить, пока страсти поостынут. Тем не менее, хотя до randevу оставалось всего несколько дней, безделье раздражало Карла.

Беспокоил и денежный вопрос. В то время как покойный мистер Бейли обеспечил своих наследников всем необходимым для приятного отдыха, стервы-сестры оказались чересчур бережливыми. В доме совсем не было денег. Даже когда Карл передал миссис Бейли Майрону, чтобы тот немного поразвлекся, старуха сквозь слезы клялась, что у нее нет наличности, кроме той, что в кошельке, – каких-то двадцать семь паршивых баксов.

Покончив с обеими, Карл потратил на поиски денег несколько дней и перерыл весь дом от подвала до чердака. И ничего не нашел. Кто мог знать, что старые суки говорили

правду, когда молили сохранить им жизнь?

Большая часть тех сорока долларов, что Сесил оставил им в машине, ушла на выпивку, еду и бензин. А деньги скоро понадобятся. Так что надо раздобыть немного наличности, не поднимая особого шума. Это должна быть молниеносная операция.

– Кажется, это подходящее место, Майрон, – сказал Карл, когда они проехали под единственным неработающим светофором. – Как ты думаешь?

– Конечно, Карл.

– Мы добудем себе чуть-чуть денег, а тебе – несколько леденцов «Пэйдэйз». Как тебе это нравится?

Хорошо, что Майрон такой покладистый, но все-таки было бы лучше, если бы его сообщник не так широко ухмылялся.

Когда Майрон раздвигал губы в улыбке, обнажая припухшие розовые десны, он казался настоящим уродом. Заправочная станция была сделана из проржавевшей жести и, казалось, простояла здесь не меньше полувека.

Бензоколонки были поновее – на вид не старше двадцати лет.

Над крышей нависали ветки большой шелковицы, отбрасывая на здание густую тень. Это понравилось Карлу. Чем гуще тень. Тем лучше. Подъехав к сооружению сзади, он остановил машину и вылез наружу.

Задняя дверь была закрыта на хлипкий висячий замок,

который Карл без труда перерезал ножницами по металлу – их положил ему Сесил как раз в расчете на такой случай. Затем через тесный склад, пропитанный запахом резины и моторного масла, он прошел в торговый зал.

– Черт!

Уперев руки в бока, Карл со злостью смотрел на кассовый аппарат. Он ожидал увидеть перед собой древнее сооружение с цифрами на клавишах и маленьким звоночком, приходящим в действие всякий раз, когда касса открывается. Или еще что-нибудь похлестче – типа ящика из-под сигар.

Кто бы мог подумать, что в таком захолустном городишке может стоять такой современный, сложный кассовый аппарат, вроде того, на который он сейчас смотрел? Вот не везет!

Сначала у старых леди не нашлось спрятанных сокровищ. А теперь еще вот это.

– Как же мне туда попасть?

Это был риторический вопрос, но Майрон, который среди леденцов и жевательной резинки уже нашел любимые «Пэй-дэйз», ответил на него:

– Не знаю, Карл. Сломай его.

– Его нельзя сломать, идиот. Тут есть всякие коды, надо набрать определенные цифры... – «Стану я объяснять кретину технологические тонкости!» – Дай-ка мне лучше шоколадку «Херши».

– Тебе с орешками, Карл?

– А почему бы и нет?

Майрон бросил шоколадку. Протянув руку, Карл поймал ее на лету.

– Вот так и держи ее, сукин сын!

Карл обернулся. Прямо на него смотрели два ствола обреза. «Херши» полетела на пол.

– Не стреляйте! – пробормотал он. – Нет! – крикнул он Майрону, краем глаза заметив, что тот готовится прыгнуть.

Если этот обрез выстрелит, его голова превратится в кровавое месиво прежде, чем Майрон доберется до этого типа.

– Мы извиняемся, мистер. Мы не хотели причинить вам никакого вреда, мы только...

– Заткнись! А ты, – обращаясь к Майрону, добавил он, – держи руки на виду и стань вон туда, к своему дружку.

– Что мне делать, Карл?

«Так держать, Майрон. И дальше называй меня по имени». Тем не менее Карл и себя ругал за беспечность. Он положил свой пистолет на прилавок, к которому стоял теперь спиной. Достать пушку нет никакой возможности. Идиот, идиот! Теперь остается только ломать комедию, изображая перед этой деревенщиной, как он испугался.

Ноги Майрона зашаркали по линолеуму.

– Мы теперь вернемся в тюрьму?

Карл про себя поклялся, что если выберется отсюда живым, то первым делом отрежет Майрону язык.

– Значит, вы те ребята, что сбежали из тюрьмы в Арканзасе?

– Не стреляйте! – взмолился Карл, прикидываясь до смерти перепуганным. – Мы...

– Гос-споди! – шепотом выдохнул мужчина. – Хорошо, что я проезжал мимо и увидел, что снаружи стоит ваша машина.

– Это вот принадлежит вам? – спросил Карл.

– Именно так. Я-то считал, что это ребята балуются. Никогда бы не подумал...

– Папа!

То, что произошло дальше, осталось неясным даже для Карла, который принимал в этом самое непосредственное участие.

Владелец заправочной станции резко обернулся, чтобы отчитать свою непослушную дочь за то, что она не подчинилась его распоряжениям и вышла из машины, где, очевидно, ей было сказано сидеть. Этой доли секунды Карлу хватило на то, чтобы ткнуть прикладом ружья прямо в живот противнику. Ружье так и не выстрелило – чудо, которое Карл потом никак не мог объяснить. Майрон, действуя вполне разумно, что само по себе тоже было удивительным, схватил девчонку и зажал ей рукой рот.

В мгновение ока ситуация радикально изменилась. Карл и Майрон снова владели всем оружием и были хозяевами положения, в то время как тот, кто надеялся их схватить, согнувшись в три погибели, молил о пощаде.

– Вот так так! – произнес Карл, подняв с пола брошенную

шоколадку и разорвав обертку. – Теперь я чувствую себя гораздо лучше. А ты, Майрон?

– Я тоже, Карл.

Карл откусил кусочек шоколада.

– Открой ей нос, Майрон, а то задушишь. Но рот не открывай.

– Пожалуйста, не делайте ей больно! – прохрипел хозяин бензоколонки.

– Мне это даже и в голову не приходило, – приняв обиженный вид, сказал Карл. – А тебе, Майрон?

– Нет, Карл.

– Вот видите? – издевательским тоном произнес Карл. – Мы не хотим никому причинять зла. И не причиняем. – С этими словами он ударил прикладом по лицу мужчины, сломав ему нос и выбив передние зубы.

Тот со стоном упал на четвереньки, моля бога о помощи.

– Все эти твои мольбы и стоны ни к чему, – сказал ему Карл. – Только ты сам можешь себе помочь. Все, что нужно сделать, – это открыть вон тот кассовый аппарат. Тогда мы оставим тебя в покое. Разве это не справедливо?

– Ладно, ладно. Только не трогайте нас.

Усилием воли мужчина поднялся на ноги и, шатаясь, побрел к прилавку. Руки бедняги так тряслись, что он никак не мог включить кассовый аппарат, но в конце концов это ему все-таки удалось. Он набрал код, и касса открылась.

– Вот видишь, как это легко? – Карл одобрительно похло-

пал его по плечу и тут же ударил в пах заточкой, которую изготовил в тюрьме. Он нанес три мощных удара. Когда Карл в последний раз вытащил из его тела самодельный нож, мужчина умирал, лежа на полу.

– Ни одного выстрела! – улыбаясь, сказал Карл. – Кажется, мне вновь повезло.

Захныкавшая от ужаса девочка привлекла его внимание. До сих пор он ее почти не замечал – у него были другие заботы. Но теперь, набив карманы деньгами, он мог себе позволить на нее посмотреть.

На ней были шорты и полосатая спортивная майка – наверное, цветов какой-то команды. Длинные носки, спортивные туфли. На вид ей лет четырнадцать. Уже не ребенок и еще не женщина. Впрочем, в достаточной степени женщина. Карл почувствовал прилив желания. Вот только время...

– Послушай, Майрон. Я ненадолго посажу тебя за руль. Как, справишься?

– Это будет здорово, Карл! А можно мне еще взять «Пэй-дэйз»?

– Сколько хочешь. Я их тебе дарю. А сейчас отведи ее в машину и посади на заднее сиденье. И чтобы тихо!

Слава богу, Майрон сделал все в точности так, как ему велели. Конечно, чтобы девочка не шумела, он перекрыл ей кислород, так что, когда Карл сел в машину, она была без сознания. Но Карл все-таки заклеил ей рот принесенной со склада клейкой лентой – просто так, ради предосторожно-

сти.

К тому времени, как Майрон проехал указатель, говоривший о том, что город кончился, на заднем сиденье Карл уже развлекался вовсю.

– Говорят, что это дело рук Карла Херболда и того парня, который с ним сбежал.

– Ничего подобного не говорят. Они подозреваемые.

– Суть одно и то же.

– В какой стране ты живешь? Это же Америка. У нас есть Конституция, которая предоставляет нам права. Пока вина не доказана, ты считаешься невиновным, помнишь? Доброе утро, Эззи!

Завсегдатаи расположенного на городской площади кафе под названием «Трудолюбивая пчела», как обычно, обсуждали главную новость дня. О чем бы ни говорилось в программе новостей, они обсасывали эту историю со всех сторон, итак и эдак – шла ли речь об общих принципах, абстрактных рассуждениях или конкретных деталях.

Сегодня спор зашел о деталях.

Группа стариков собиралась по утрам в этом кафе уже много лет. С течением времени менялись их имена и лица, менялись темы дискуссии. Америка вела войны, выигрывала их или проигрывала. Государственные мужи и знаменитости появлялись на горизонте и исчезали. Но каждое утро, соблюдая традицию, блюэрские старейшины отправлялись на сборище в «Трудолюбивую пчелу». Казалось даже, что по достижении определенного возраста присутствие там станови-

лось обязательным. Как только один покидал бранный мир, другой тут же занимал освободившееся место. Видимо, поддержание этой традиции было необходимо для сохранения общественного спокойствия городка.

По большей части пенсионеры-завсегдатаи располагали бездной свободного времени, так что и в обед они зачастую сидели в «Пчеле», переключаясь с кофе на холодный чай и ожесточенно отстаивая свою точку зрения.

Эззи всегда считал этих стариков довольно жалкими.

Высказывая свое некомпетентное мнение о событиях, которые их не касались, людям, которые знали не больше их, они пытались доказать самим себе, что все еще являются важной частью того общества, которое вынуждено было их содержать и кормить.

Теперь, оказавшись среди них, он увидел, что большинство из завсегдатаев моложе его самого.

– Что сегодня тебя привело сюда? – спросил кто-то.

– Пожалуйста, кофе, Люси, – прежде чем ответить на вопрос, сказал Эззи и добавил: – Заболела сестра Кору в Абилене, и она на некоторое время поехала к ней.

Даже больше, чем стариков, болтающих всякий вздор в кофейне, он ненавидел лжецов. К группе, собирающейся в «Трудолюбивой пчеле», он присоединяться не намеревался, а вот лжецом уже стал.

Он обманул даже самого себя. В первую очередь самого себя.

Можно говорить что угодно, но факт остается фактом – после пятидесяти лет брака Кора оставила его. Собрала свои вещи в чемодан, положила в машину рядом с несколькими рисунками их детей и внучек и уехала. Бросила его.

Тем не менее Эззи продолжал уверять себя, что это временно. Он не сможет без нее прожить.

– Значит, ты теперь холостякуешь?

– Похоже на то, – ответил он.

– Может, подать завтрак к кофе, Эззи?

Люси он знал с начальной школы. В старших классах он играл в футбол с ее мужем, который разбился в автокатастрофе. Он присутствовал на похоронах ее сына, который погиб за свою страну в Наме.¹⁰

Хотя за несколько десятилетий бедра Люси стали шире, ее прическа выше, а толстый слой косметики скрывал следы прошедших лет, это была та же самая Люси, которую он в третьем классе учил лазать по деревьям.

Последние два дня он ел на завтрак кукурузные хлопья.

От запаха горячей пищи рот Эззи наполнился слюной.

– У тебя есть сосиски и сухое печенье?

– Разумеется, как всегда, Эззи.

Он подсел к прилавку, повернувшись спиной к столику с завсегдатаями – в надежде, что ему удастся уклониться от участия в беседе. Но это не сработало.

– Ты слышал о похищении и убийстве, Эззи?

¹⁰ От слова «Вьетнам» (разг.).

– Как он мог не слышать? По радио и телевидению все утро только об этом и говорят.

– Я с тобой разговариваю? – ворчливо сказал первый голос. – Что ты думаешь об этом, Эззи, как бывший законник?

– Конечно, это ужасное преступление. – Он взглядом поблагодарил Люси за поданную ему еду. Эззи всегда подозревал, что она в него влюблена. Она никогда не выказывала это открыто. Он был женат, а она не из тех женщин, кто гоняется за чужими мужьями. Со своей стороны, он никогда ничем ее не поощрял. Просто каждый раз, когда он приходил в кафе, она немного оживлялась и старалась обслужить его получше, оказать какие-то мелкие знаки внимания. Вот как сейчас – на его тарелке лежали две большие порции свиных сосисок.

– Думаешь, это сделал Херболд?

Эззи не отрывал взгляда от своего завтрака.

– Не рискую строить догадки. Это случилось в Луизиане – вне моей юрисдикции.

– Ясно, почему они его убили, – принялся размышлять один из завсегдатаев. – На почве ограбления.

– Вот с девочкой – это действительно трагедия.

– Ты прав, Клем. Зачем нужно было это делать?

– По телевизору сказали, что у нее все половые органы изрезаны.

– Ради бога! – воскликнула Люси. – Зачем ты все это говоришь? Это неуважение к мертвым.

– Не сердись, Люси. Я только хочу сказать, что тот, кто

это сделал, – настоящий мерзавец.

– Как с той девочкой Маккоркл. Господи! Когда же это было? Ты помнишь тот случай, Эззи?

До сих пор Эззи не прислушивался к разговору, размышляя о достоинствах сосисок Кору по сравнению с теми, что подают в «Трудолюбивой пчеле». Но тут как будто сотня рыболовных крючков впиалась в него и из прохладных глубин резко потащила на поверхность, где нужно бороться за выживание.

– Конечно, помнит! – насмешливо сказал кто-то. И добавил, обращаясь к Эззи: – Ты ведь так и не смог доказать тогда, что это Херболды ее убили. И по сей день не знаешь, что случилось с той девушкой, верно, Эззи?

Он откашлялся и отпил глоток кофе.

– Нет, не знаю.

– Тайну знает лишь река, – вдруг сказала Люси. Эззи посмотрел на нее с удивлением. Как раз вчера вечером он просматривал вырезки из газет двадцатидвухлетней давности, и ему попала статья, которую только что процитировала Люси.

Сейчас, слово в слово повторив его тогдашнее заявление, она смутилась и покраснела.

– Я читала в газете, что ты это сказал.

Один из завсегдатаев «Трудолюбивой пчелы» избавил ее от неловкости, заметив:

– Наверняка это были они. Когда ее последний раз видели

живой, она была с ними.

– Нуда, но она могла где-то с ними расстаться и подцепить кого-нибудь еще.

– Кого же это? – фыркнул его друг.

– Да кого угодно. Говорят, она была совсем распутная.

– Это очень сомнительно. Все знают, что они здесь замешаны.

– Тогда скажи мне – почему они так быстро попали в Арканзас? Ты ведь занимался этим, Эззи. Разве то дело в Аркадельфии не является их алиби?

– Является. – Оставив завтрак недоеденным, он встал с табурета. – Сколько я тебе должен, Люси?

Она подала ему счет, настолько скромный, что Эззи предпочел удвоить эту сумму.

– Спасибо, Эззи. – Улыбнувшись, она обнажила ряд золотых зубов.

– Знаете, – сказал кто-то сзади, – я только что подумал...

– Что надо менять тему.

– А пошел ты на!..

– Эй, мальчики, попридержите язык! – потребовала Люси. – Вы знаете наши правила.

– Извини, Люси. Как я сказал перед тем, когда меня так грубо прервали...

Эззи уже не слушал. Открыв дверь, он вышел наружу. Там стоял нестерпимый зной. Стараясь защитить глаза от солнца, Эззи надвинул шляпу поглубже. Под ногами лежал рас-

каленный бетонный тротуар. Даже звездно-полосатый флаг перед зданием суда бессильно поник от жары и безветрия. Дождевальная установка на газоне перед конфедератской¹¹ пушкой выпускала вверх тонкую струю воды, испарявшуюся прежде, чем она долетала до земли.

В машине было жарко, как в печке. Чтобы заработал кондиционер, Эззи включил зажигание. Первое, что он услышал по радио, была сводка утренних новостей. Шли интенсивные розыски Карла Херболда и Майрона Хаттса, сбежавших из тюрьмы особого режима в Такере, штат Арканзас.

Теперь их подозревали также в убийстве владельца бензозаправочной станции и его дочери.

– ...оставляя за собой кровавый шлейф преступлений. После убийства двух охранников они сейчас обвиняются в двойном убийстве, которое произошло вчера ночью в маленьком городе Хемп, штат Луизиана.

Эззи приглушил звук. Он не желал снова слышать об изнасиловании и убийстве четырнадцатилетней девочки. Он уже все видел по телевизору. Мужчина был найден мертвым на своем рабочем месте, и эта страшная находка принадлежала его жене, которая отправилась его искать, когда он с дочерью не вернулся домой после турнира по софтболу, проходившего в соседнем городке.

Тело пропавшей девочки было обнаружено только утром.

¹¹ Конфедератами называли сторонников южан во время Гражданской войны 1861–1865 годов.

Водитель грузовика нашел его лежащим в кювете, когда выехал на маршрут. Как сообщалось, сначала девочка подверглась сексуальному насилию и лишь потом была убита выстрелом в затылок.

Не желая возвращаться в пустой дом, Эззи стал кружить по улицам города. Он думал о том, кто убил этого мужчину и его дочь. Если Карл – гордится ли он этим так же сильно, как тогда, двадцать с лишним лет назад, когда Эззи допрашивал его в арканзасской тюрьме?

– Ну разве вы не добрый самаритянин, Эззи? – насмешливо заметил сидевший за решеткой Карл. – Приехали в такую даль лишь для того, чтобы со мной повидаться.

В оранжевом спортивном костюме он выглядел как никогда симпатичным. Да и улыбка казалась просто неотразимой.

Возможно, убийство добавило ему самоуверенности.

Эззи не поддался его фальшивому обаянию.

– Ты тонешь в бочке с дерьмом, Карл, и на шее у тебя якорь.

– Конечно, бывали у меня дни и получше, шериф. Должен сказать, в Арканзасе ужасные тюрьмы. Еда отвратительная, в туалете воняет, матрац влажный. И никаких развлечений.

– Боюсь, что теперь тебе придется к этому привыкнуть, Карл.

– У меня хороший адвокат. Хоть он и бесплатный, но очень старается. Откуда-то с Севера. Ходит с хвостиком и с серьгой в ухе. Ненавидит систему, а особенно эти края. Счи-

тает, что все официальные лица глупы и продажны, и здесь, я думаю, он прав. Говорит, что меня могут посадить за грабеж, но обвинение в убийстве он сумеет с меня снять. Это был несчастный случай.

– Точно?

– Послушайте, но этот парень мог убить моего старшего брата. Чтобы Сесил не умер, я выстрелил первым.

– Оставь это для присяжных, Карл. Лицо Карла стало злым.

– Я не собираюсь садиться за убийство, шериф, – сверкнув глазами, сказал он. – Можете записать: я никого не собирался убивать.

– Ну, даже если ребята из Арканзаса тебя не припрут к стенке, ты все равно сядешь надолго.

– С чего вы взяли?

– Если ты сумеешь здесь выкрутиться, тебе придется вернуться в Техас, чтобы ответить за Пэтси Маккоркл.

– За эту уродину?

Автомобильный гудок прервал воспоминания Эззи. Сообразив, что горит зеленый свет, он махнул рукой подавшему сигнал водителю – дескать, извиняюсь. Поскольку ехать было все равно некуда, он направился в пригород – туда, где они с Корой прожили почти всю свою супружескую жизнь.

Его встретил пустой дом. Почему отсутствие Кору создает такой вакуум? Сняв шляпу, Эззи повесил ее на крючок возле задней двери. Пройдя на кухню, он обнаружил, что

оставил кофеварку включенной, и выключил ее.

Выйдя в коридор, он стал решать, чем занять остаток дня. Посмотреть телевизор? Тогда придется выбирать между идиотскими «мыльными операми», глупыми ток-шоу и бессмысленными программами новостей. Может, поработать во дворе? Слишком жарко. Да и плохо это у него получается.

Кора говорит, что при его приближении растения совершают самоубийство, лишь бы не попасть ему в руки.

На самом деле, однако, все эти рассуждения были предназначены только для того, чтобы успокоить нечистую совесть. Эззи прекрасно знал, чем сейчас займется.

Больше не сопротивляясь своему внутреннему влечению, он направился в кабинет и уселся за массивный письменный стол с убирающейся крышкой, который унаследовал от отца. Тот был железнодорожником и во время работы постоянно за ним сидел. Считая стол семейной вещью, Кора еженедельно покрывала мастикой его дубовую поверхность. Отперев замок, Эззи открыл крышку. Прямо посередине стола лежала папка с делом Пэтси Маккоркл.

Открыв ее, он долго смотрел на фотографию из школьного сборника, вспоминая, как потрясли его слова Карла Херболда, небрежно назвавшего девушку уродиной.

* * *

– Перед тем как вы с Сесилом приехали сюда, чтобы огра-

бить магазин, и убили находившегося не при исполнении своих обязанностей полицейского, вы оставили у реки мертвую Пэтси Маккоркл.

Карл пристально посмотрел на Эззи через прутья решетки.

Глядя на него, можно было поклясться, что это абсолютно невиновный человек. Наконец Карл откинул голову и громко рассмеялся:

– Я не знаю, чего вы там накурились, но вы совсем ненормальный.

– Все, кто был тем вечером в «Веселом фургоне», видели, как вы с ней уходили. У меня десятки свидетелей.

– У вас одно дерьмо! – огрызнулся Карл.

– Разве ты и Сесил не были с ней?

– Ну да, мы были с Пэтси. Точнее сказать – она с нами. Она привязалась к нам вскоре после того, как мы пришли. Девочка была пьяная. Ну, мы побыли там. Немного повеселились. Что здесь такого?

– Я слышал, что вы не просто веселились, Карл, вы там устроили целое сексуальное шоу.

Усмехнувшись, Карл подмигнул ему:

– Похоже, вы жалеете, что пропустили его, шериф. Жаль, мы не знали, что вас это интересует. Мы с Сесилом поделили бы с вами Пэтси. Неужели миссис Хардж не дает вам дома?

Если бы Эззи мог достать его через решетку, он убил бы Карла и сэкономил штату Арканзас средства на проведение

суда и многолетнее содержание преступника в тюрьме. К счастью, он справился с собой и пошел прочь. Карл смеялся ему вслед.

Эззи надеялся выжать больше из Сесила, который был совсем не таким крепким орешком, как его брат. Однако Сесил полностью подтвердил то, что рассказал Карл.

– Нуда, мы танцевали с Пэтси и все такое, шериф Хардж, но мы не ездили с ней на реку. Мы почти всю ночь ехали и в семь двадцать прибыли к тому магазину.

Во многом это было правдой. Эззи читал полицейский отчет, который, по иронии судьбы, служил Херболдам алиби в деле Пэтси Маккоркл. Тем не менее он проехал по маршруту, которым той ночью проследовали парни. Он был длиной в сто пятьдесят миль. Исходя из того времени, когда, по показаниям свидетелей, братья выходили из бара, они вполне могли поехать с Пэтси на реку, позаниматься с ней сексом и все же успеть в Аркадельфию задолго до семи двадцати. Установленное Страудом время смерти Пэтси этому не противоречило.

– Сесил, в баре все видели тебя и Карла с этой девушкой. Я слышал, что втроем вы устроили целый спектакль – непристойный даже для такой забегаловки. Так что не старайся заставить меня поверить в то, что после всего этого вы не занимались с ней сексом.

Сесил быстро осмотрелся.

– Хорошо, хорошо, – глядя мимо Эззи куда-то на охран-

ника, сказал он. – Она меня, э-э-э, удовлетворила. Рукой. Под столом в «Веселом фургоне». – Он опустил голову и выдал из себя смешок. – Ужасное дело. Рядом стоят люди, а она наяривает под столом. Но уж такая она, Пэтси. Смеху ради она все сделает.

– А потом?

– Что – потом?

– Что потом вы делали с Пэтси смеху ради? Занервничав, Сесил принялся грызть ноготь большого пальца.

– А что говорит Карл?

– По его словам, возле бара вы расстались.

Ага, это точно, – быстро сказал Сесил. – Мы поехали в Арканзас и по дороге поняли, что хотим есть. А так как у нас не было денег, то мы взяли тот магазин.

– И смертельно ранили копа.

– Но мы же не знали, что он коп. Глупый козел наставил на нас пушку. Что Карлу оставалось делать? Он ведь должен был нас защитить, верно, шериф? Шериф!

Но Эззи уже повернулся и пошел к двери. Он направлялся к ведущему дело окружному прокурору. Прокурор оказался толстым как бочка и рыжеволосым. Его цветущие щеки напоминали вот-вот готовый взорваться воздушный шарик.

– Видите ли, шериф... э-э-э?

– Хардж.

– Шериф Хардж. Я вам сочувствую. Искренне сочувствую. Я понимаю, что вы хотите закрыть это дело. Но если

я отправлю ребят на экспертизу, которая может прояснить ваше дело, то я рискую развалить свое собственное. Самое меньшее это даст повод адвокатам для апелляции. Они сразу же станут вопить о нарушении прав. Вы ведь знаете, какие сейчас адвокаты. Готов поспорить, что в Техасе они не лучше наших. Они обливают вас дерьмом, позволяя преступникам свободно разгуливать по улицам. Если я удовлетворю вашу просьбу, эти ребята могут даже вообще отвертеться от тюрьмы. – Он зажег сигарету и помахал в воздухе спичкой. – Так что извините. Мы первые их взяли. Они убили одного из наших, и мы собираемся оставить их погостить в Арканзасе как можно дольше.

– Все, что мне нужно, – это проба спермы. От обоих. Как это может нарушить их права?

Смех прокурора был похож на визг циркулярной пилы.

– Дрочить в бутылочку? Если бы меня кто-то об этом попросил, я бы наверняка посчитал такое нарушением своих прав!

- Ладно, только не отходи.
- Не отойду.
- Ты будешь стоять там, где стоишь?
- Да. Колоти ногами как можно сильнее.

Вода доходила Дэвиду до пояса, но он со страхом смотрел на то расстояние – чуть больше метра, – которое разделяло его и Джека. Наконец, сделав глубокий вдох, мальчик нырнул. Несколько сильных гребков – и он ухватился руками за Джека. Подтянув его вверх, тот помог Дэвиду встать на илистое дно реки.

- Молодец! – Джек показал ему раскрытую пятерню.
- Я это сделал!
- Я и не сомневался.
- Можно еще раз?
- Как только захочешь.

Дэвид побрел на исходную позицию.

- А здорово мы вчера ели мороженое, а, Джек?
- Конечно.

– Хорошо бы ты жил с нами все время. Ты мог бы спать в моей комнате.

– Ты не думаешь, что вдвоем нам бы было слишком тесно? Двигая по воде руками, Дэвид на миг задумался. Вдруг лицо его озарилось догадкой.

– Ты можешь спать с моей мамой! – сказал он. – У нее очень большая кровать.

Джек постарался спрятать улыбку.

– Это вряд ли.

– Но почему, Джек? Она, наверно, будет не против.

– Нет, я не могу.

– Отчего же? – настаивал мальчик.

– Потому что вы составляете семью. Ты, твоя мама и твой дедушка. А я не член вашей семьи.

– Да, но...

– Подожди-ка! – Джек поднял руку, требуя тишины. – Какой-то звон.

– Ну да. – Дэвид сделал рукой круговое движение, как будто двигал воображаемой волшебной палочкой. – Моя мама так звонит, если что-то случилось.

– Если что-то случилось?

Джек схватил мальчика за руку и потащил к берегу.

– Давай быстрее надевай туфли. Одевайся! – Джек проворно натянул на себя джинсы и взял в руки ботинки. Звон прекратился, но вряд ли Анна стала бы подавать сигнал тревоги просто так.

Снова взяв Дэвида за руку, Джек через рошу побежал к дому. Спускались сумерки. Навстречу попадались тучи москитов, но Джек с Дэвидом бежали слишком быстро, чтобы стать их жертвами. Зацепившись за виноградную лозу, Джек повалился на землю, увлекая за собой мальчика.

– Как ты там? – спросил Джек, живо вставая на ноги.

– Со мной все в порядке, Джек.

В тяжелом, влажном воздухе было нелегко бежать. К тому времени, когда они достигли лужайки, Джек уже задыхался.

Остановившись, он посмотрел на дом. Дыма не видно. Пожар – это первое, о чем он подумал, услышав сигнал об опасности. Дождя давно не было, так что от любой искры дом или сарай могут вспыхнуть как порох.

Отсутствие пожара вызвало у него некоторое облегчение, тем не менее что-то все-таки случилось, и он до сих пор не знал, что именно. Отпустив руку Дэвида, он рванул к дому и, взбежав по ступенькам крыльца, ворвался в дверь.

– Анна! Делрей! Где вы? Что стряслось?

Гостиная была пуста. Повернувшись, Джек чуть не налетел на Анну. Она бы упала, если бы в последний момент он не схватил ее за плечи.

– Что такое?

Она указала ему на лестницу.

Джек побежал обратно, обогнул балюстраду и через две ступени помчался вверх. Через несколько секунд он был уже на втором этаже. Делрей лежал в коридоре, в нескольких шагах от своей спальни.

Он был без сознания. Опустившись на колени, Джек попытался нащупать его пульс. Пульса не было.

– Черт! Не умирай! – Он начал делать Делрею массаж сердца. Невдалеке послышались шаги Анны и Дэвида.

– Дэвид!

– Что случилось с дедушкой? – В голосе мальчика не чувствовалось беспокойства.

– Спроси свою мать, звонила ли она в девять-один-один.

– Она говорит, что звонила, Джек.

Анна стала на колени с другой стороны.

– Вы звонили? – посмотрев на нее, спросил Джек. – Она кивнула. – Это хорошо, – сказал он. Потому что если помощь придет не скоро, Делрею она уже не понадобится.

* * *

Врач осторожно подбирал слова, стараясь предупредить о серьезности положения и в то же время не слишком напугать близких Делрея.

– Предварительные тесты показывают острый сердечный приступ. Кровяное давление находится на критическом уровне. Прежде всего надо его согнать и стабилизировать состояние пациента.

Диагноз был доведен до Анны с помощью переводчицы, которую звали Марджори Бейкер. И отец, и мать ее были глухими, так что язык жестов стал ее первым языком. Сейчас Марджори имела удостоверения переводчика пятого уровня и инструктора по обучению глухонемых. Вот почему она знала Анну. Во время ее учебы она работала с Анной, а потом стала ее подругой.

Кроме административных обязанностей в ряде государственных школ, Марджори Бейкер также исполняла роль представителя глухонемых, проживающих в сельских общинах восточного Техаса. В отличие от подобных учреждений в крупных городах местная больница не имела телетайпной системы для слабослышащих, поэтому, как только туда поступил Делрей, Марджори немедленно позвонила. Она приехала, спокойная и сосредоточенная. Джеку она сразу понравилась.

– А что будет после того, как кровяное давление снизится и состояние Делрея стабилизируется? – спросила она, переводя вопрос Анны.

К чести доктора, он не стал ходить вокруг да около.

– Затем понадобится операция. Альтернативы операции, типа ангиопластики или ограничения рабочего времени, я не вижу. Острый сердечный приступ – это серьезно.

– Вы можете сделать ее здесь? – спросила Марджори.

Операцию? – Когда Анна кивнула, он ответил: – Нет, мэм. Я кардиолог, а не кардиохирург. Могу порекомендовать вам нескольких прекрасных хирургов в Хьюстоне и Далласе. Кого бы вы ни выбрали, мы подробно проинформируем его о состоянии мистера Корбетта, снабдим всеми пленками и так далее. У нас так принято. Мы постараемся причинить вам как можно меньше неудобств.

– Мои неудобства меня не беспокоят, – перевела Марджори. – Я хочу, чтобы для моего свекра все сделали как можно

лучше.

– Ну разумеется! – сказал врач.

– Дедушка выздоровеет, Джек?

– Приложим для этого все усилия.

Стыдясь своих слез, Дэвид отвернулся и прижался лицом к ноге Джека.

– Можете вы хоть что-то сказать о том, каковы его шансы? – спросил Джек у врача.

– Пока об этом рано говорить. Нет, действительно, – добавил врач, заметив на лице Анны скептическое выражение. – Не хочу вас обманывать – сейчас его состояние критическое. Он лежит в палате интенсивной терапии, и мы будем всю ночь следить за его самочувствием. К утру я смогу дать вам более определенный прогноз.

– А может, переправить его на вертолете в Хьюстон или Даллас? – Этот вопрос задала Марджори, но Анна с энтузиазмом закивала в знак одобрения.

– В его нынешнем положении это рискованно, – ответил доктор. – Если бы на его месте был мой отец, я бы не стал спешить, а подождал бы, пока состояние стабилизируется. – Он сочувственно улыбнулся Анне и положил руку ей на плечо. – Я понимаю, что вы вовсе не это хотели бы услышать. Но сейчас я больше ничем не могу вас порадовать.

Прежде чем вернуться к делам, доктор сказал, что сиделка даст знать Анне, когда ей можно увидеть Делрея.

Обещанный визит состоялся через полчаса. Выйдя из

приемного покоя, Анна поспешила вслед за медсестрой. Вместе с ней ушла Марджори. Джек и Дэвид остались их ждать.

– Почему мне нельзя увидеть дедушку? – захныкал мальчик.

– Потому что палата реанимации только для тех, кто очень болен. Маленьким мальчикам вход туда запрещен.

– А почему?

– Ты станешь шуметь и беспокоить пациентов.

– Я не стану шуметь.

– Хочешь, я прочитаю тебе сказку? – К счастью, Джек захватил с собой книжку.

– Это плохая книжка. В ней даже нет картинок. Отвлечь мальчика так и не удалось. Когда через десять минут появилась Анна, Джек вздохнул с облегчением. Она казалась бледной и расстроенной, но ради Дэвида заставила себя улыбнуться, сказав, что дедушка спит.

– Я хочу видеть дедушку! – У мальчика начала дрожать нижняя губа.

– У него трубочки в носу и на руках, – сказала Марджори Бейкер.

– Как показывают по телевизору?

– Да, но в реальной жизни это выглядит по-другому. Тебе не понравится это зрелище, да и дедушка не захочет, чтобы ты видел его таким. Кроме того, ты его разбудишь, а это для него вредно.

– Вы хотите, чтобы я забрал его домой? – обращаясь к Анне, спросил Джек.

– Нет! – заныл Дэвид. – Я хочу остаться здесь, с дедушкой.

И он начал плакать. Анна прижала его к себе и стала поглаживать по голове. Как заметил Джек, волосы мальчика были все еще влажными от речной воды. Крепко обняв, Анна принялась его убаюкивать. Вскоре всхлипывания стали реже, но Дэвид по-прежнему цеплялся за мать.

– Как я догадываюсь, он остается, – улыбнувшись Джеку, обронила Марджори. – Во всей этой суматохе нас толком не представили. Я только знаю, что вас зовут Джек.

– Сойер, – сказал он, пожимая ей руку. – Спасибо, что приехали. Анна рада, что вы здесь.

– Ну а я рада, что могу помочь.

Еще раз улыбнувшись, Марджори села рядом с Анной, и они начали переговариваться между собой на языке жестов. Через час Анна еще раз наведлась в палату интенсивной терапии. Состояние Делрея оставалось тяжелым.

Персонал больницы уговаривал ее вернуться домой, но Анна не желала об этом и слышать. От больницы до ранчо было целых полчаса езды, а Делрею в любой момент могло стать лучше – или хуже. Так или иначе, она хотела быть рядом.

Марджори тоже предложила остаться, но Анна настояла на том, чтобы она уехала.

– Только при условии, что ты сообщишь мне по пейджеру,

если ситуация изменится.

Анна обещала.

Джек не знал, что от него требуется. Должен ли он уйти или остаться? Что предпочтительнее для Анны? Чувствуя себя неловко, он сел на диван, стоявший под углом к тому, который занимали Анна и Дэвид, и выбрал из стопки старых журналов издание по рыбной ловле.

В полночь верхний свет был выключен и взамен его, как будто приглашая ко сну, загорелись тусклые настольные лампы.

Других посетителей в комнате не было, не считая одной пожилой пары. Мужчина лежал на спине с открытым ртом и храпел. Женщина, очевидно его жена, стонала во сне.

«Интересно, что привело их сюда?» – подумал Джек.

Спустя некоторое время Дэвид тоже уснул. Анна отнесла его на другой диван и накрыла одеялом, которое дала дежурная. Джек заметил, что Анна обнимает себя за плечи, и коснулся ее руки.

– Холодно! – Она указала на установленный наверху кондиционер. Тогда Джек попросил еще одно одеяло и протянул его Анне.

– Спасибо, – знаками сообщила она.

– Не стоит благодарности. Хотите пить? Кофе? Кока? Сок?

Она покачала головой и, прислонившись к спинке кушетки, с усталым видом закрыла глаза.

Джек уселся поудобнее. Довольно скоро он понял, что ловля окуней его мало занимает. Второй журнал заинтересовал его не больше первого.

Пожалуй, он не может читать из-за Анны. Сейчас ее голова откинута назад, и это упрямо напоминает ему о той черно-белой фотографии, где Анна запечатлена на фоне изгороди.

С ее стороны это была просто гениальная находка – так расположить камеру, продумать верную позу и вдобавок грамотно использовать светотени. Получилось красиво.

А ее можно назвать красивой? Наверное, да, но красота Анны не такая, как красота фотомодели или кинозвезды, – она не классическая, не такая... предсказуемая, что ли. Ее черты лица интереснее и все время изменяются в зависимости от настроения. На это лицо можно смотреть без конца – или по крайней мере до тех пор, пока вы не поймете, почему не можете отвести от него глаз.

Хотелось бы знать, как Анна расценивает то, что произошло в сарае. О чем она думала, когда мчалась по двору так, будто за ней гонятся тысяча чертей?

Возможно, ни о чем. Может быть, она размышляла о том, почему никак не пойдет дождь, или прикидывала, что приготовить на завтрак и стоит ли покупать те туфли, которые она видела в городе. Впрочем, имело ли для нее какое-то значение это маленькое происшествие? В его глазах мир перевернулся, а в ее, вероятно, даже не покачнулся.

Что касается Джека, то он тогда был готов прижать ее к себе и поцеловать в губы. Она убегала с таким видом, как будто боялась, что он это сделает. Но почему она испугалась? Неужто хотела, чтобы он ее поцеловал?

Не стоит себе льстить. Она могла убежать потому, что у него плохо пахнет изо рта. Или у нее. А может, он ей просто не нравится.

Привлекательным, пожалуй, его не назовешь. При взгляде на лицо Джека кажется, что его вырезал из куска дерева какой-то неумелый любитель, причем с помощью циркулярной пилы. Нет, никаких призов на конкурсе красоты он бы не выиграл.

Тем не менее у него никогда не было проблем с женщинами. Должно быть, в его внешности все-таки что-то есть?

Женщины часто говорили ему, что находят в его лице нечто сексуальное. Наверное, в том-то и дело – он слишком сексуален.

Анна тогда в панике бежала из сарая. Инстинкт самосохранения подсказывает женщинам, когда их женственности что-то угрожает. Возможно, она боялась, что он в порыве животной страсти повалит ее на солому и изнасилует?

Нет, Джек не знает, о чем она в тот вечер думала. Единственное, что он знает, – в ту ночь ему было не до сна. Когда же наконец он уснул, то проснулся вскоре весь в поту (хотя кондиционер с шумом гнал на его обнаженное тело волны прохладного воздуха) и с такой эрекцией, которая могла бы

завоевать приз на специальном конкурсе.

* * *

Анна пробудилась словно от толчка. Немного погодя она пришла в себя и поняла, где находится и почему. Тяжелое чувство тут же сдавило ей грудь. В последние несколько недель перед смертью Дина она провела в этой комнате для посетителей многие часы. Тогда ее самоотверженность не повлияла на результат, не повлияет и сейчас, но тем не менее она не может бросить Делрея, так же как в свое время не могла бросить Дина.

Повернув голову, она посмотрела на кушетку, где спал Дэвид, и убедилась, что с ним все хорошо. Вздохнув, она потянулась и повертела головой, чтобы размять затекшую шею. Затем Анна бросила взгляд на часы; до следующего посещения оставалось еще много времени.

Она взглянула на Джека Сойера. Он спал, грудь его мерно вздымалась и опускалась. Ноги свешивались с кушетки – одна вытянута, другая слегка согнута в колене. Руки расслабленно лежали на бедрах.

Анна смотрела на его руки и вспоминала о том, как к ним прикасалась. В свое время она учила Дэвида языку жестов, стараясь буквально поставить его пальцы на соответствующее место. Этот же метод она применила к Джеку Сойеру. Однако прикосновение его руки очень сильно отличалось от

прикосновения руки ее сына.

У Джека длинные и сильные пальцы, на кончиках мозоли.

На тыльной стороне пальцев растут выгоревшие на солнце волоски. Ногти коротко подстрижены, хотя и не совсем ровно.

У Дэвида нежная рука ребенка. У Джека рука мужчины, от которого пахнет солнцем, потом и соломой. Стоя рядом, она видела, как отчетливо бьется пульс у него на горле, чувствовала на своем лице его дыхание, а от его взгляда внутри все обрывалось.

Джек внезапно открыл глаза и заметил, что она смотрит на него.

Он быстро сел.

– Все в порядке?

– Да.

– От врача ничего нет?

– Нет.

Он посмотрел на Дэвида. Она проследила за его взглядом, и затем, когда их глаза вновь встретились, оба улыбнулись.

Дэвид спал на спине, прикрыв голову одной рукой, другая свешивалась с края кушетки.

– Хорошо, когда можешь так спать, правда? – сказал Джек. – Наверно, он сильно устал, когда плавал.

Плавал? Выражение ее лица говорило само за себя.

– Черт возьми! Я вытащил кошку из мешка. Эти слова удивили ее еще сильнее.

Джек попытался объяснить:

– Это означает «выдать тайну». Я учил Дэвида плавать. Мы каждый день понемногу практикуемся. Мы хотели сделать вам сюрприз.

Она кивнула в знак того, что теперь поняла.

– Когда вы позвонили в колокольчик, мы были на речке. Джек вбежал в дом босиком и без рубашки. Дэвид был в одних трусах и нес одежду в руках.

Анна вспомнила об этом только теперь, Джек, вероятно, пришел в себя раньше, так что Дэвид одевался в то время, пока сотрудники «Скорой помощи» сносили Делрея вниз по ступенькам и клали в машину. Анна суетилась, проверяя, не забыла ли страховой полис и прочее. Это был ужасный момент, но все могло бы быть еще хуже, если бы Джек не посмотрел за Дэвидом.

Достав из сумочки маленький блокнот на пружинках, она написала ему об этом, благодаря за помощь.

– На моем месте так сделал бы каждый, – прочитав записку, сказал он.

Анна упрямо замотала головой. «Вы не только мне помогли, вы спасли жизнь Делрею», – написала она. Джек неуклюже пожал плечами.

– Ну, я рад, что смог помочь. – Он сел прямо и положил руки на колени. Секунду-другую Джек, казалось, размышлял о чем-то, затем поднял голову и спросил: – Как это случилось?

Она заполнила несколько страниц блокнота. К тому времени, когда Анна закончила писать, Джек уже все знал.

Делрей смотрел местные пятичасовые новости. После сюжета о похищении и двойном убийстве в Луизиане он извинился и пошел наверх. Через несколько минут, забеспокоившись, Анна поднялась к нему и обнаружила Делрея лежащим на полу.

– Слава богу, вы почувствовали, что что-то не так. «Он был очень расстроен», – написала она.

– Потому что в этом преступлении подозревается Карл Херболд, – закончил за нее Джек.

Удивившись, что Джек знает, почему расстроился Делрей, Анна посмотрела на него с нескрываемым любопытством.

– Я знаю, что здесь есть связь, – пояснил Джек. – Однажды мы с Делреем наткнулись в «Молочной королеве» на Эззи Харджа. Он упомянул что-то об Арканзасе, но не стал в это углубляться. Он просто сказал, что Делрею незачем об этом беспокоиться. Так как побег из арканзасской тюрьмы наделал много шума, я сопоставил факты и сделал соответствующие выводы. Однако у нас с Делреем были и другие темы для разговора, так что я не стал его спрашивать. Потом вчера я краем уха услышал, что Ломаке тоже об этом говорит. Насколько я понял, он утверждает, будто люди винят Делрея за Карла Херболда.

«Карл – это тот пасынок, о котором я вам уже говорила», – написала Анна.

– Понятно.

Он старательно изобразил удивление, услышав эту «новость», но у Анны возникло ощущение, что на самом деле ничего нового для него тут нет. Общаясь с другими людьми, она во многом полагалась на выражения их лиц и движения тел – просто потому, что не могла слышать интонацию их речи.

Джек лгал. Неправда заключалась не в том, что он говорил, а в том, о чем молчал. Если он уже знал о связи между Делреем и беглым заключенным, то почему делал вид, что не знает? А если он бродяга, перекаати-поле без определенного адреса, то откуда он это узнал? Карл с Сесилом попали в тюрьму более двадцати лет назад. Дин тогда был еще мальчиком. Своих названных братьев он знал только по имени.

Тем не менее пришелец из ниоткуда знает о пасынках, о которых сам Делрей никогда не упоминает.

Джек Сойер появился на ранчо на следующий день после побега Карла. Что это, простое совпадение?

Во всяком случае, здесь есть о чем подумать.

Сесил Херболд чувствовал, что вот-вот сойдет с ума.

Сегодня был выходной день, но вместо того, чтобы воспользоваться этим и поспать вволю, он проснулся рано, почувствовав себя свежим еще до того, как встал с постели.

Он не хотел уходить из дома, но в то же время здесь ему было тесно. Он не мог усидеть на месте, но и не был в состоянии придумать себе никакого полезного занятия. Он был голоден, но одновременно слишком возбужден, чтобы есть.

Так бывает всякий раз, когда он принимается шевелить мозгами. Это всегда представляло для него проблему. Со всем недавно у него было слишком много времени для размышлений, и теперь, когда он начинает думать, то просто сходит с ума.

Расхаживая из комнаты в комнату, он осторожно выглядывал из-за штор, пытаясь обнаружить за собой слежку, и всякий раз напоминал себе, что все равно ничего не увидит.

Сейчас он смотрел в окно уже несколько минут, но так и не заметил ничего особенного. Обычное уличное движение.

Никаких припаркованных на обочине подозрительных автофургонов, никаких бесцельно слоняющихся личностей. Да нет, эти ребята свое дело знают. Даже на открытом пространстве ты их не увидишь.

Ну да ладно, пусть он их не видит, но все равно знает, что

они где-то рядышком. Он стопроцентно под наблюдением. Он готов поставить на это что угодно.

Если они и не следили за ним раньше, то уж теперь точно следят.

Вчера утром он слышал в новостях о зверском убийстве владельца бензозаправочной станции и его дочери – в каком-то захолустном луизианском городишке. Еще до того как официально объявили, что в этом подозревают его брата, Сесил почувствовал, что здесь замешан Карл. Уж очень это на него похоже.

Проклятый сукин сын сейчас должен затаиться, не делая ничего, что могло бы навести власти на его след. Таков был план. Так они договаривались.

Но Карл всегда плевал на логику и на безопасность. Всю жизнь он так поступал. Он появился на свет уже психом и делал все, что ему нравится и когда ему это нравится.

Неужели он действительно убил и изнасиловал четырнадцатилетнюю девочку? Конечно, он всегда любил молоденьких, но это просто ужас! Вчера на работе старик Рейнолдс смотрел на него с нескрываемым презрением, а работяги обращались с ним как с прокаженным. Задницы они все. Нет, ему не нужна их дружба, но, черт возьми, он не хочет, чтобы они думали, будто он одобряет изнасилование детей.

Зазвонил телефон. Сердце Сесила подпрыгнуло. Опустив штору на место, он на втором звонке снял трубку и поднес ее к уху.

– Алло?

– Привет, милый.

– Привет! – переведя дыхание, сказал Сесил. Это была его подружка. – Откуда ты звонишь?

– С таксофона.

В отличие от его брата она выполняла полученные указания.

– Хорошая девочка.

– Что делаешь?

– Смотрю телик – пытаюсь расслабиться.

– Звучит не очень весело.

– Да уж чего веселого.

– Хочешь, приду к тебе после работы?

Ему хотелось сказать «да». Они не очень давно знали друг друга, но тем не менее он был без памяти влюблен.

Говорят, пока ты не влюбишься по-настоящему, не понимаешь, что это значит. Теперь Сесил знал, что это правда. До сих пор он никогда не испытывал таких чувств ни к одной женщине.

Она прекрасно выглядит. Блондинка – такие ему всегда нравились. На ее фигуру все мужчины обращают внимание. Сесил любил прогуливаться с ней в общественных местах, ловя на себе завистливые взгляды других мужчин.

Но нравилась ему в ней не только внешность. Она умная.

Возможно, даже умнее его. И не слабовольная. Она никому не спустит. Но самое главное – когда дело касается секса,

в ней просыпается дух приключений. К тому же она не ставит ему в упрек, что он сидел. Пожалуй, его преступное прошлое только пробуждает в ней сексуальный аппетит. Услышав ее голос, Сесил уже возбудился, но благоразумие все же взяло верх.

– Я бы хотел тебя увидеть, милая, но из-за моего братца... Проклятый идиот просто сам себя вгоняет в гроб. Пока его не поймают, мне не стоит с кем-то встречаться, – добавил он для тех, кто его слушает.

– Бедняжка!

– Увидимся в конце следующей недели, ладно?

– Конечно, дорогой. До тех пор я поработаю вибратором.

Сесил застонал.

– Но он не так хорош, как ты, милый, – засмеявшись, сказала она. – Я по тебе скучаю.

– Я тоже по тебе скучаю. Пока, милая.

Повесив трубку, он поспешил к окну. Мимо промчался один из этих голожопых велосипедистов в коротких шортах и нелепом шлеме. По тротуару двигался почтальон, толкая перед собой тележку и забрасывая почту в ящики. Ничего такого, что может вызывать тревогу.

Если полиция и проследила ее звонок с таксофона, она успеет уйти задолго до того, как они там появятся. Сесил ее этому научил. Он сказал ей тогда, что такие превентивные меры могут показаться глупыми и театральными, но, когда ты условно освобожденный, никакие предосторожности не

будут лишними.

Он старался подстраховать себя от излишнего риска. Да, он сделал для этого все возможное в отличие от Карла. Они ведь договорились не отступать от намеченного плана, но теперь, глядя на то, что творит его младший брат, Сесил хватался за голову.

Сейчас надо послать властям ложный сигнал. Нельзя оставаться здесь, прыгая от окна к окну и дожидаясь, когда безумие им полностью овладеет. Надо сделать что-то, что приведет их в замешательство, надо сбить их со следа. Надо усыпить их бдительность, чтобы они, в свою очередь, ослабили наблюдение за ним.

Однако, чтобы они проглотили наживку, он должен предпринять что-то очень смелое и неожиданное, способное убедить их, что он не имеет ничего общего со своим ужасным младшим братом.

Но что? Каким должен быть этот отвлекающий маневр?

Эззи никак не мог привыкнуть к «Линкольну». Он купил его совершенно новым двенадцать лет назад, когда Кора сказала, что им необходимо семейное авто. Для чего, он себе не представлял. Еще несколько недель назад главным средством передвижения для него служила патрульная машина. У «Линкольна» были все штучки-дрючки, положенные для того времени, но Эззи скучал по полицейской сирене.

Кондиционер был настроен на минимум, поскольку даже

при девяноста пяти градусах¹² Коре все равно было холодно. Их представления о тепле всегда не совпадали. Но сегодня, пожалуй, даже она не стала бы мерзнуть. Дорожное полотно раскалилось настолько, что плавилась крышки.

Вчера, в который раз просматривая дело Маккоркл, он наткнулся на имя человека, который в тот вечер обслуживал бар в «Веселом фургоне». Насколько мог вспомнить Эззи, Паркер Джи тогда упорно не желал сотрудничать со следствием. Может быть, за двадцать два года его мнение изменилось? Все дело в том, что Эззи не знал, где теперь его искать.

Он решил начать с таверны. С того лета она претерпела несколько перевоплощений. Подъехав к пустой автостоянке, Эззи увидел, что теперь заведение называется «Вдуй посильнее».

Эззи не осмелился гадать почему.

В полдень здесь было так же темно, как и в полночь, но гораздо спокойнее. По переносному телевизору нынешний бармен смотрел «мыльную оперу», одновременно перетирая бокалы и готовясь к наплыву посетителей, который начнется в четыре часа.

– Паркер Джи? – переспросил он, налив Эззи обязательный стакан холодного чая. – С тех пор много воды утекло. Я слышал, он уехал из Блюэра, но думаю, что его семья все еще живет в городе.

¹² Примерно 35 градусов по Цельсию.

Вернувшись домой, Эззи взял со стола последний выпуск местного телефонного справочника. Ясно, что надо начинать отсюда. К тому же это гораздо лучше, чем беспокоиться о судьбе Кориных африканских фиалок, которые выглядят не блестяще.

После нескольких безрезультатных попыток он дозвонился до кухни Паркера.

– Паркер в клинике грудной хирургии в Биг-Сэнди.

И вот сегодня Эззи отправился в путешествие. На место он прибыл около одиннадцати. У пациента, которого он искал, сохранилась лишь небольшая часть легких – все остальное пожрал рак. Если бы Эззи не искал его сам, он ни за что не признал бы в лежащем на больничной койке человеке прежнего цветущего хозяина «Веселого фургона».

Войдя, Эззи вновь представился. К сожалению, близость смерти нисколько не смягчила характер Джи.

Приветливее он не стал.

– Да, я вас помню. Думал, что вы уже давно умерли. Эззи не стал указывать на то, что, хотя он сам на двадцать лет старше Паркера, именно Джи сейчас стоит одной ногой в могиле.

– Нет, просто вышел на пенсию.

– Тогда что заставило вас проделать такой долгий путь? Эта чертова больница стоит в стороне от туристских маршрутов.

Боясь, что Джи может умереть прежде, чем успеет отве-

тить на его вопросы, Эззи сразу взял быка за рога:

– Я хотел поговорить с вами насчет Пэтси Маккоркл.

– Разве вы еще не оставили это дело?

– Еще нет.

Джи закашлялся:

– Что вы хотите знать?

– Хоть что-нибудь.

– У меня не так много времени. Зачем тратить его на эту древнюю историю?

Эззи молча смотрел на него, вертя в руках свою старую соломенную шляпу. В конце концов, вполголоса выругавшись, Джи отпил глоток воды и сказал:

– Она была потаскухой.

– Это я и сам знаю.

– А больше и сказать нечего. Я ее трахал несколько раз. Хотите услышать, как это было? – Он смеялся до тех пор, пока приступ кашля не прервал его смех.

Эззи обычно не любил беспокоить умирающих и, если бы на месте Джи был кто-нибудь другой, на этом распрощался бы. Но Паркер оказался таким неприятным человеком, что к нему было трудно испытывать какое бы то ни было сострадание. Как только кашель прекратился, Эззи продолжил:

– Что вы помните о Хербоддах?

– Только то, что они были распутные, как мартовские коты. Симпатичные ребята, но с гнилым нутром. Каждый раз, когда они ко мне приходили, то напивались вусмерть, но так

поступало большинство моих клиентов: деревенщина, лесорубы, шоферня – всякий сброд, который ко мне ходил.

Сменив носовой платок на полотенце, он поднес его ко рту, чтобы отхаркнуть отвратительного вида слизь. Не желая смущать больного, Эззи отвернулся к окну, из которого струились потоки горячего воздуха.

– И что вы об этом думаете? – задыхаясь, проговорил Джи. – Вы считаете, Карл собирается вас искать, чтобы отомстить за то, что вы пытались повесить на него это дело?

– Так вы слышали о побеге?

– Ну конечно.

Джи задыхался, он едва мог говорить. Состояние его ухудшалось с каждой минутой. Если он сейчас умрет, надо успеть вытянуть из него как можно больше информации.

– Странно, что вы говорите, будто я пытался повесить на них дело. Вы думаете, что Херболды не имели отношения к убийству Пэтси?

– Могли иметь, а могли и не иметь. Откуда мне знать?

– Я просто спрашиваю ваше мнение, – ответил Эззи, стараясь, чтобы ему не передалось недовольство собеседника.

– Слушайте, я ведь уже сказал, что Пэтси была вертихвосткой.

– Вы сказали, что она была потаскухой.

– Какая, к черту, разница!

– Ну, не совсем.

Пристально глядя на Эззи, он судорожно вздохнул.

– Она любила мужчин, понятно? Чем больше мужчин, тем лучше. Она обожала вертеть хвостом. А некоторым это могло прийти не по вкусу. Некоторые не любят делиться. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Ревность?

Джи сделал еще глоток воды.

– Если этот парень был ревнив, ему могло не понравиться то, что он увидел тем вечером.

– А вам?

– Что мне?

– Вам не понравилось то, что вы увидели?

Смех Джи звучал ужасно. Он вызвал еще один приступ кашля, перешедший в рвоту, так что больному пришлось снять со стола маленький пластмассовый таз.

Несколько раз туда сплюнув, он захихикал.

– Вы пришли арестовать меня, Хардж?

– Нет, я знаю, что той ночью вы не уходили из бара.

– Вы спрашивали?

– Конечно. Но если уж вы об этом заговорили, то, может, припомните кого-нибудь из ревнивых любовников Пэтси, кто был там тем вечером?

– Да она в разное время трахалась с любым из посетителей. Любой из них мог расстроиться при виде того, что она проделывала с Карлом и Сесилом.

– Никто конкретно вам на ум не приходит?

– Нет.

– Никого она не отшила ради Херболдов?

Снова прижав полотенце ко рту, Джи отрицательно помотал головой.

– Ни с кем она не разговаривала или, может быть, она с кем-то спорила?

Немного подумав, Паркер снова нетерпеливо замотал головой:

– Нет. Послушайте, вам же все говорили, что она была с Херболдами. Она ушла с ними. Наверно, они ее и прикончили. Может, теперь вы уйдете и дадите мне спокойно умереть?

Эззи встал на ноги.

– Спасибо, что потратили на меня время. Я не очень полагался на этот разговор, но попытаться все же стоило. Иногда может помочь любая мелочь.

– Помочь чему?

– Моему душевному спокойствию.

– В чем дело, Хардж? Бойтесь, что двадцать лет ошибались? – Он снова закашлялся, так что на глазах выступили слезы, и, хотя это было немилосердно, Эззи остался к его мучениям совершенно равнодушен.

Он направился к двери.

– Если что надумаете, мой телефон значится в городском справочнике. Удачи!

Выйдя из больницы, Эззи сел в «Линкольн» и выехал на шоссе. Это была длинная, утомительная и бесплодная поездка.

Правда, он и не ждал чуда. Но когда-нибудь же должен обозначиться прорыв!

С того самого утра, когда было обнаружено тело, перед ним все время словно стояла глухая стена. Поскольку преступление произошло за городской чертой, полиция Блюэра от расследования полностью отстранилась. А так как дело было квалифицировано как убийство без признаков похищения, то и с ФБР сотрудничество не получилось. Другие правоохранительные службы, к которым он обращался за помощью, потеряли к делу всякий интерес, когда в Арканзасе Херболдам предъявили обвинение в вооруженном ограблении и убийстве.

Главные подозреваемые были за решеткой и готовились отбывать длительные сроки заключения. Так в чем же проблема? О чем тут беспокоиться? Каждый день кого-то насилуют и убивают, и эти насильники и убийцы все еще на свободе. Вот их и надо ловить. А его подопечные сидят и вреда обществу больше не принесут. Стало быть, выбрось это из головы, Эззи!

Собственно, примерно так и сказал ему арканзасский прокурор, когда выпроваживал его из своего кабинета.

– Мы поймали ваших ребят, и мы о них позаботимся. Считайте, что вам повезло, и побыстрее забудьте об этом.

Бочкообразный краснорожий прокурор, вероятно, уже много лет назад умер от сердечного приступа, но для Эззи дело все еще не было закрыто, и он о нем не забыл. Папка

с материалами до сих пор лежала на письменном столе, когда-то принадлежавшем его отцу. Из-за этого дела Эззи оставила жена, предсказав, что оно его убьет.

Тем не менее он снова и снова возвращался к нему, словно наркоман к своему зелью. Некоторые испытывают слабость к выпивке. Некоторые к картам. Другие очень любят женщин.

А это дело – то, чему не может противостоять Эззи. Это его слабость. Его страсть.

– Нормальная получилась стряпня?

– Конечно, Джек. Я не знал, что ты можешь готовить, – сказал Дэвид, накрывая на стол к завтраку.

– Я люблю поесть, так что пришлось научиться.

– Разве тебе мама не готовила?

– Она давно умерла. Когда я был еще мальчиком. – Джек разбил несколько яиц, вылил их в чашку и принялся рыться в шкафу в поисках мутовки.

– А папа у тебя был?

– Нет.

– Он умер, как мой папа?

– Гм!

– Дедушка умрет, Джек?

Джек повернулся и пристально взглянул на мальчика.

– Не знаю, Дэвид. Надеюсь, что нет. Но он очень болен.

Дэвид насупил брови.

– Хотел бы я, чтобы люди не умирали.

– Нуда, и я тоже.

Знаешь что, мамочка? – радостно сказал мальчик, с посветлевшим лицом глядя мимо Джека в сторону двери. – Джек может готовить. Он сейчас готовит мне яйца.

Анна только что вышла из душа. Волосы все еще мокрые, одета в домашнюю блузку и юбку. Ночью она спала урывка-

ми, так что под глазами виднелись темные круги.

В семь утра пришли медсестры утренней смены, проверили состояние Делрея и сообщили ожидавшим в приемном покое, что оно не изменилось.

После этого утренний обход провел врач.

– За ночь ему не стало хуже, и это уже хорошо. Сегодня утром мы проведем несколько тестов, для чего придется дать ему успокоительного. А сейчас ступайте домой и немного поспите, потому что вы сможете его увидеть самое раннее после обеда.

Но Анна не хотела уходить из больницы.

Она согласилась ехать только тогда, когда медсестра из палаты реанимации сказала, что позвонит, если состояние Делрея ухудшится. После душа Анна посвежела, но лицо все еще хранило следы эмоционального и физического напряжения. Кроме того, ей как будто не очень понравилось такое вторжение на кухню.

– Дэвид был голоден, – попытался объяснить Джек. – Ему пора было завтракать, так что мы начали без вас. Кофе готов.

Услышав о кофе, Анна почувствовала себя безоружной. Она налила себе чашку, в то время как Джек добавил в миску еще пару яиц, а затем вылил их на горячую сковородку. Через несколько минут он уже подавал готовое блюдо Анне и Дэвиду.

Отправив в рот кусок яичницы, мальчик сказал:

– Таких вкусных яиц я еще не ел.

Анна приняла оскорбленный вид, но Дэвид понял, что она шутит, и все рассмеялись.

– Можно мне присоединиться к вам?

Вздвогнув, Джек резко обернулся. В дверях подсобного помещения стоял мужчина лет сорока пяти, среднего роста, приятной наружности, с неуверенной, извиняющейся улыбкой.

– Никто не ответил на звонок в дверь, так что я обошел дом и вошел через заднюю дверь.

Джек знал, что он лжет. Даже если бы они не услышали звонка, то увидели бы мигающую лампочку.

– Чем я могу вам помочь? – не слишком вежливо спросил он.

– Делрей Корбетт все еще тут живет? На воротах написано его имя.

– Он здесь живет. Но его нет дома.

– Он в больнице. – Это сказал Дэвид, который, встав со своего места, с интересом смотрел на визитера. Тот, в свою очередь, тоже взглянул на него с любопытством.

Джек пожалел, что не может заставить мальчика замолчать так, чтобы не заметил посетитель.

– В больнице? – Лицо мужчины приняло скорбное выражение. – Господи! Надеюсь, это не слишком серьезно.

– Он может умереть...

– Нет, не очень серьезно.

Противореча друг другу, Дэвид и Джек сказали это одно-

временно.

Мужчина пылливо-укоризненно посмотрел на Джека.

Джек ответил ему твердым взглядом.

В этой схватке Джек оказался победителем, а мужчина уступил.

– Меня зовут Сесил Херболд, – сказал он. – Я пасынок мистера Корбетта.

Анна инстинктивно передвинулась к Дэвиду и обхватила его за плечи, словно старалась защитить от незваного гостя. Те же самые чувства Джек испытывал в отношении ее самой и мальчика. Сделав шаг вперед, он встал перед женщиной, отгородив ее и Дэвида от старшего Херболда.

– Чего вы хотите?

– Видеть моего отчима.

– К нему не пускают посетителей. К тому же я уверен, что он в любом случае не захочет вас видеть.

Херболд весь напрягся.

– А вы кто такой, чтобы так говорить, позвольте спросить?

– Меня спрашивать не надо. Спросите лучше Анну.

– Анну? – Херболд окинул ее взглядом.

– Вдову Дина Корбетта.

Пожалуй, на этот раз его удивление была искренним.

– Вдову? Вы хотите сказать, что Дин умер?

– Шесть лет назад.

– Да не может быть! И что же с ним случилось? Джек коротко пояснил.

– Готов спорить, что это едва не убило Делрея. Он так ценит этого парня. Уж конечно, больше, чем меня и Карла. Ну и правда, мы доставили ему много неприятностей. – Глядя на Анну, он добавил: – Мне жаль слышать это о Дине, мэм. Это очень печально.

Анна кивнула в знак того, что принимает его соболезнования.

– А это кто? – улыбаясь, спросил Херболд. – Это сын Дина? – Он опустил на корточках. – Как дела, сынок? Я твой... Черт, кто же я ему? – засмеялся он. – Приемный дядя, что ли?

Дэвид, должно быть, уже почувствовал, что от Сесила Херболда ему нужно держаться подальше. Ничего не ответив, он прижался к ноге Анны. Херболд встал и широко улыбнулся.

– Славный мальчик. Узнаю в нем Дина.

Анна помедлила, затем знаком показала «спасибо». У Сесила отвисла челюсть. Он взглянул на Джека.

– Она...

– Глухая.

Взгляд Сесила вновь устремился на Анну.

– Гм! Надо же! Но ведь она поняла, что я говорил.

– Она читает по губам.

– Ну, я в отпаде. Ничего себе! Читает по губам. Я восхищаюсь такими, как вы, Анна. Честное слово!

Та вежливая чепуха, которую пытался скормить им Се-

сил, не произвела на Джека ни малейшего впечатления. Он хотел, чтобы незваный гость как можно быстрее ушел и оставил в покое Анну и Дэвида.

– Мы передадим Делрею, что вы заходили. Непринужденно улыбаясь, Сесил произнес:

– Мне кажется, вы сказали, чтобы я спросил Анну, захочет ли меня видеть Делрей.

Джек кивнул в сторону Анны:

– Валяйте.

Сесил вопросительно поднял брови.

– Как вы считаете, мэм?

Она отрицательно покачала головой. Слегка улыбнувшись, Сесил сказал:

– Ну, здесь мне больше нечего делать, так что я все-таки попытаю счастья – поеду в больницу и постараюсь его увидеть.

– Он вам не обрадуется, – предупредил Джек. Херболд смерил его взглядом.

– Спасибо за предупреждение, но... Как вас зовут?

– Джек Сойер.

– Мы знакомы?

– Нет.

– Ага. Вы что, женаты на Анне?

– Я здесь работаю.

– Ах работаете! – с расстановкой повторил Сесил, тем самым давая понять Джеку, что он не имеет права решать, кто

и куда может приезжать. Пройдясь по кухне, Сесил внимательно все осмотрел – от оклеенных обоями стен до аккуратно сложенных в шкафчик тарелок. – Раньше здесь было по-другому. Ты знаешь, что я когда-то здесь жил, Дэвид?

Мальчик покачал головой.

– Разве дедушка никогда не говорил тебе обо мне и моем брате Карле?

Дэвид снова покачал головой.

– Нет? Нуда, мы же с Карлом опустошали здесь все, как индейцы. – Вновь повернувшись к сгрудившейся троице, он добавил: – У меня просто сердце разрывается при мысли, что старик отвернулся от нас и вычеркнул из своей жизни. – Он печально вздохнул и всплеснул руками. – Но я все-таки надеюсь это исправить. Да, надо чинить изгороди. Так что я поеду и не буду мешать вам с завтраком.

Он попятился к открытой двери, выходящей в комнату для стирки.

– Был рад с вами познакомиться, Анна. – Сесил говорил громче, чем обычно, как будто это могло помочь ей услышать. – Еще увидимся, Дэвид, – сказал он и подмигнул мальчику. Джека он проигнорировал.

Едва Сесил вышел из задней двери, Джек сразу же последовал за ним. Через окошко в двери Джек увидел, как Херболд садится в десятилетней давности «Мустанг». Сесил был один. Джек наблюдал, как он осторожно разворачивается и выезжает на дорогу. Заперев дверь на замок и на задвиж-

ку, Джек промчался через кухню по центральному коридору и, подбежав к окну, следил за Херболдом до тех пор, пока тот не исчез из виду. Переднюю дверь Джек тоже запер на задвижку. Обернувшись, он увидел Анну, которая стояла рядом и с беспокойством на него смотрела. Кажется, визит Херболда лишил всех аппетита. Завтрак был напрочь позабыт. Ради Дэвида Джек заставил себя улыбнуться.

– Эй, космический рейнджер, ты сегодня застелил свою постель?

– Я сегодня не спал в своей постели, Джек.

– Нуда, верно.

Он беспомощно посмотрел на Анну, которая что-то сообщала знаками своему сыну.

– Сейчас не идут мои программы, мамочка! – захныкал мальчик. Она передала что-то еще. – Но «Улица Сезам» – это для совсем маленьких! – Она махнула на него рукой, и Дэвид поплелся в гостиную, чтобы включить телевизор.

Джек усадил Анну на нижнюю ступеньку лестницы.

– Вам надо забрать Дэвида и уехать, – заглянув ей в глаза, произнес он.

Она смотрела на него с крайним удивлением.

– Куда угодно. В Галвестон. В Сан-Антонио. Куда-нибудь, где Дэвиду будет хорошо.

Она начала подниматься, но Джек снова ее усадил.

– Послушайте, Анна, послушайте меня. – Прежде чем она успела показать, что не станет слушать, он сжал ее руки сво-

ими. – Вы знаете, о чем я говорю, – нетерпеливо сказал он. – Зачем, вы думаете, Сесил Херболд сегодня здесь появился?

Она пожала плечами и покачала головой в знак того, что не знает.

– Я тоже не знаю, но меня это настораживает. Я читал об этих ребятах в газете. Они опасны. Делрею бы очень не понравилось, что Сесил рыщет поблизости, особенно когда Карл на воле. Я собираюсь позвонить в больницу и попросить, чтобы там ни при каких обстоятельствах не пускали Сесила к Делрею. Вы согласны?

– Да.

– Тогда собирайтесь. Вы можете ненадолго заехать к Делрею и уехать прямо оттуда.

Она показала, что не согласна с его планом.

– Здесь опасно оставаться, Анна! – заспорил Джек. – Делрей боялся, что Карл явится сюда. Я думаю, это одна из причин того, почему он взял меня на работу, – чтобы иметь дополнительную защиту. Он наверняка захотел бы, чтобы вы с Дэвидом были вне опасности. Я предлагаю вам сделать то, что Делрей, я думаю, и сам бы обязательно предложил.

Она встала и быстро прошла в кабинет под лестницей. Джек последовал за ней.

«Я не оставлю Делрея, – написала Анна в блокноте. – Не оставлю!»

– Это убийцы, Анна.

«Я не вчера родилась!» – написала она.

– Нет. Просто родилась глухой.

Она отшвырнула блокнот в сторону и попыталась уйти, но Джек удержал ее за плечи.

– Извините. Я сказал, не подумав. – Ее лицо по-прежнему было сердитым и замкнутым. Он сильнее сдавил ее плечи. – Делрей никогда не простит себе, если с вами и Дэвидом что-то случится. Я тоже себе этого не прощу. Позвольте мне помочь вам.

Высвободившись, Анна попятилась и снова взяла свой блокнот. Закончив писать, она подала его Джеку. «Делрей вам не доверял. Почему я должна вам доверять?»

Настроение у Карла было хуже некуда.

Рыбацкая хижина, где они с Майроном нашли себе приют, вся провоняла застоявшейся водой и плесенью. Конечно, хорошо, что они отыскивали хоть такое жилище, но его единственными достоинствами были уединенность и крыша над головой, которая давала какую-то защиту от палящего солнца.

Три маленьких окошка и дверь не обеспечивали хорошей вентиляции, так что жара стояла такая – хоть караул кричи. Лежавший на узкой койке матрас был словно набит камнями. Наконец, Майрон пускал такие газы, что их можно было бы использовать в химической войне.

В общем, разве удивительно, что у него такое плохое настроение?

Карл даже начал сомневаться, стоит ли полагаться на помощь Сесила. Возможно, стоило бы сделать все одному. В конце концов, это венец его карьеры, его... как это называется – опус? Да, опус.

Если бы не пришлось дожидаться randevu с Сесилом, он бы уже был за Рио-Гранде,¹³ наслаждаясь тропическим раем, с бутылкой текилы и сеньоритой, которая не знает слова

¹³ То есть в Мексике.

«нет».

А так ему приходится, обливаясь потом, торчать здесь, в лесной чащобе, вместе с жуками и змеями.

Однако помощь Сесила была необходима, чтобы достичь того высокого уровня жизни, который был бы у них в Мексике. В долгосрочном плане эта задержка и связанные с ней трудности должны оправдаться.

Безделье мучило Карла, из-за него он становился раздражительным. Когда целыми днями вынужден бороться с насекомыми и считать медленно тянущиеся минуты, поневоле начинаешь слишком много думать. Сомнения грызли его, словно крысы, приходившие по ночам рыться в отходах.

Он думал о том, что, наверное, зря убил того парня на заправке. Конечно, свидетели ему не нужны. Но ведь полиция все равно моментально сняла отпечатки пальцев, которые остались на прилавке с пирожными, – спасибо тебе, Майрон!

Владелец бензозаправки смог бы о них сообщить в полицию на несколько часов раньше – только и всего. Пока что они здорово оторвались от стражей порядка. Может быть, надо было просто связать того парня и так оставить.

Не надо было и трогать девочку.

Так-то оно так, но, если говорить честно, он бы при любых обстоятельствах взял ту девочку. И кто мог бы его за это осудить? Ведь это была его первая женщина за двадцать лет.

Боже мой, за двадцать лет! Миссис Бейли и ее сестра, старая дева, его не возбудили. Их дряхлые тела его не интере-

совали, хотя Майрону, кажется, возраст старух и их физическое состояние нисколько не помешали.

А вот нежная молодая штучка в шортах и носочках до колен... Гм, это был лакомый кусочек.

Но все равно не стоило ее потом убивать. Такой поворот дела настроил против него всех. Копов, суды, публику, даже других преступников. Все правоохранительные службы трех штатов плюс федералы ополчились на него из-за девочки. Они теперь все обшарят. Он уже чувствует их давление. Черт возьми, не надо было этого делать.

Больше всего Карл боялся поимки. Дело в том, что, если вы насилуете детей, а потом их убиваете, вам грозит не только суд – когда вы попадаете в тюрьму, ваша задница находится в полном распоряжении любого другого заключенного, а охрана на все это закрывает глаза. Если Карла поймают, ему придется или каждый день подвергаться изнасилованию, или до самого смертного часа просидеть в одиночной камере. Вот такой у него выбор.

Нет, в тюрьму он не вернется. Лучше умереть. Лучше получить пулю от деревенщины-полицейского, чем вернуться в тюрьму. По крайней мере такая смерть будет быстрой и безболезненной.

Конечно, лучше всего было бы не попадаться. Лучше всего выбраться отсюда живым в солнечную Мексику. Но ведь между ним и Мексикой на тысячу сто миль раскинулся проклятый Техас, который со времени первого ареста не принес

ему ничего хорошего.

Карл был бы рад обсудить с кем-то то, что его сейчас беспокоит. Майрон не в счет – с ним разговаривать все равно что с пнем. Поэтому, несмотря на все это бесконечное ожидание, с Сесилом было бы все-таки неплохо встретиться.

Сесил поймет его нынешние чувства.

– Завтра у нас важный день, Майрон.

– Угу. – Говоря это, Майрон рассматривал царапину у себя на локте.

– Ты готов действовать?

– Разумеется, Карл.

Нам завтра надо встать пораньше, чтобы было побольше времени в запасе. Конечно, нельзя появляться там слишком рано, чтобы не засветиться. Но и опаздывать нельзя.

– Да, нельзя.

– Я надеюсь, Сесил знает, что делает. Если он это дело проморгает, я его убью и не посмотрю, что он мой старший брат. – Чтобы отвлечь внимание Майрона от царапины, Карл толкнул его локтем в бок. Бесцветные немигающие глаза уставились на Карла, не выражая ничего. – Только запомни одно, Майрон.

– Что, Карл?

– Если будет какой-то спор насчет того, что делать, делай то, что я говорю. Ты понял меня?

– Да, Карл. Делать то, что я говорю.

– Я, Майрон.

– Я.

– Черт побери... – Карл откинулся на спину и, лежа на неудобной койке, принялся рассматривать затянутый паутиной потолок. Что у него за сообщники? Беспомощный кретин и брат, который периодически празднует труса. Может быть, конечно, Сесил излечился от трусости. Карл очень на это надеется – ради самого Сесила. Потому что, если у них будут неприятности, Карл больше не станет его выручать. Довольно брать на себя всю ответственность. Ни в коем случае.

Сесилу лучше не делать глупостей, иначе... Ну, просто лучше ему их не делать.

Анна удивлялась тому, что такого тяжелого больного могли поместить в ординаторскую. Как тут можно выздороветь?

Если шум здесь такой же сильный, как свет и суета, то больной только от этого должен чувствовать себя неважно.

Медсестры и другой медицинский персонал все время приходили и уходили. У центральной стойки несколько человек о чем-то разговаривали по телефону. Уборщица мыла пол, в то время как другая опорожняла корзинки для бумаг. И все вместе старались увернуться от массивной женщины, раздававшей подносы с едой с металлической тележки, которая двигалась перед ней словно танк.

Когда Анна зашла за загородку, где стояла кровать Делрея, медсестра как раз проверяла капельницу. Делрей не спал. Сделав пометку, она вышла, оставив их одних.

Подойдя к кровати, Анна показала:

– Я рада, что тебе лучше.

– Не так чтобы очень. – Делрей окинул взглядом устройства, которые кормили его, следили за его сердцем и дыханием, опорожняли его мочевой пузырь, нагнетали ему кислород в ноздри – словом, делали за него все, что он не мог сделать сам.

– Доктор говорит, что твое состояние гораздо лучше. Ты и выглядишь совсем не так, как утром, когда я сюда захожи-

ла. – На лице Делрея появилось удивление. – Ты спал, и я не стала тебя беспокоить. Тесты очень плохие?

– Довольно плохие.

Больше он ничего об этом не сказал, а Анна не стала настаивать, зная, что Делрей не обращает внимания на неудобства, но терпеть не может беспомощность. Самым худшим в его положении сейчас была унижительная слабость.

Кроме того, доктор ее уже проинформировал.

– Мистер Корбетт чувствует себя настолько хорошо, насколько это вообще возможно после тяжелого сердечного приступа, – сообщил он ей. – Ангиограмма и сонограмма подтвердили первоначальный диагноз. Более того, это был уже не первый приступ – предыдущие остались незамеченными. Значительная часть сердечной мышцы подверглась инфаркту. Это неизлечимо.

С другой стороны, доктору понравилось общее состояние Делрея. Для своего возраста он оказался исключительно крепким. Врач сказал, что в целом он находит перспективы Делрея удовлетворительными.

– Как там Дэвид? – спросил Делрей.

Анна сказала ему, что его внук сейчас находится в зале для посетителей вместе с Марджори Бейкер – рисует для своего дедушки картинку, которую принесет в следующее посещение.

– Буду ждать с нетерпением. На ранчо все в порядке? Анна завершила Делрея, что все в порядке. Она не стала говорить

ему о визите Сесила Херболда. Любое упоминание о пасынках его расстроит. А в нынешнем состоянии это может оказаться роковым.

Кроме того, Сесил уже уехал из города. Причина его появления на ранчо так и осталась неизвестной, но местная полиция заверила ее, что за ним следили до тех пор, пока Сесил не покинул пределы округа.

– Сойер хорошо за всем присматривает?

– Да.

Делрей задумчиво почесал подбородок.

– Знаешь, я ему сначала не доверял. – Он замолчал, как будто ожидая, что она выразит свое несогласие или по крайней мере хоть что-то скажет. Не дождавшись от Анны никакой реакции, Делрей продолжал: – Я имею в виду – как можно доверять парню, который вдруг появляется словно из ниоткуда? С виду он безвредный, даже симпатичный. Но что-то было не то. Некоторое время я даже думал, что он имеет отношение к убийству тех коров.

– А теперь так не думаешь?

– Теперь нет. Зачем ему убивать моих коров, но спасти мою жизнь? Знаешь, он ведь спас мне жизнь, Анна.

Пока не приехала «Скорая помощь», Джек безостановочно старался восстановить, а затем сохранить у Делрея дыхание и сердцебиение. Предельно сосредоточившись, он все нажимал и нажимал на грудь Делрея, так что пот катился градом по его обнаженной груди. Даже когда Анна предло-

жила его сменить, Джек отказался. Он делал это с такой настойчивостью и целеустремленностью, что казалось, будто он не просто спасает жизнь Делрею, а жизнь самого Джека зависит от того, выживет ли Делрей.

– Если он хотел причинить мне вред, то просто оставил бы меня умирать. Но все же, – сдвинув брови, добавил Делрей, – у меня такое ощущение, что я в нем что-то проглядел. Что-то упустил. Только что это может быть?

«Возможно, у Джека свои счета с Сесилом Херболдом?» – подумала Анна. Конечно, не такие, как у Делрея. Но столь же серьезные.

Джек узнал Херболда мгновенно. Это она поняла. Наверное, он видел его в новостях, но он его явно узнал. И немедленно стал настороженным и сосредоточенным – как животное, почуявшее опасность. И это произошло сразу, до того, как Херболд представился, а не после.

– Что ты о нем думаешь, Анна?

Несмотря на то что у нее сложилось свое, причем противоречивое, мнение о Джеке Сойере, она солгала:

– Я ничего о нем не думаю. – И тут же солгала еще раз: – Я мало с ним общалась.

Она провела целую ночь на расстоянии вытянутой руки от Джека Сойера. Она знала, когда он действительно спит, а когда только прикидывается – так же как и она время от времени притворялась спящей. И зачем она только играла в эту глупую игру?

А затем, что было проще сделать вид, что его здесь нет, чем скрыть легкую дрожь, которая охватывает ее в его присутствии. Это просто инстинкт самосохранения. Она совсем не хотела обманывать самое себя.

Наносить удар первой – такова всегда была ее тактика в отношениях с людьми, особенно с мужчинами. Таким образом Анна защищала себя от похотливых молодых людей, которые хотели испытать новые ощущения, переспав с глухой девушкой.

Схема была простой: парень заигрывает с ней, приглашает прогуляться, а затем в обмен на свое милосердное отношение ожидает от нее сексуального вознаграждения. Не в силах смириться с отказом, парни хвастали о победах, которых на самом деле не было. В результате вокруг нее создавались мифы, и без всяких реальных оснований репутация Анны была сильно подмочена. Кто поверит молчаливым протестам глухой девушки?

Конечно, не мальчики, надеющиеся отведать ее прелестей, о которых так много слышали. И не девочки, которые презирают ее, как шлюху, а сами втайне завидуют ее популярности среди мужской половины класса.

Родители, желавшие, чтобы Анна жила нормальной жизнью, советовали ходить на свидания с мальчиками, которые ей звонили. Они рассматривали это как хороший признак, как свидетельство того, что она ничем не отличается от обычной девушки-подростка, а Анна так и не решилась

рассказать им о причине своего успеха.

Вскоре ее страдания сменились ненавистью. Она перестала верить в дружбу как с мужчинами, так и с женщинами. Это чуть не отпугнуло от нее Дина Корбетта. Считая, что он ничем не отличается от остальных, она сначала отвергала все его приглашения. Но он настаивал, и в конце концов она согласилась пойти с ним на свидание. Кажется, он тогда ничего и не ждал от нее, кроме обещания встретиться еще раз.

Они встречались каждый вечер, и прошло несколько месяцев, прежде чем он осмелился дотронуться до ее груди, и то попросил на это разрешения. Наверное, именно тогда Анна поняла, что любит его.

Дин предложил ей пожениться сразу же после того, как они в первый раз занимались любовью. Она шутливо заявила ему, что нет нужды заходить так далеко: она готова спать с ним, даже если он на ней не женится. Он заверил, что ему нужен от нее не только секс. Он хочет, чтобы Анна связала с ним свою жизнь.

К несчастью, жизнь Дина оказалась слишком короткой.

С его смертью возможности общения с мужчинами для нее значительно уменьшились. Она была глухой вдовой с маленьким ребенком и жила со своим свекром на ранчо достаточно далеко от города. Каждое из этих обстоятельств само по себе могло отпугнуть многих холостяков, а вместе они представляли собой непреодолимое препятствие.

Кроме того, отпугивали и грязные слухи относительно

нее и Делрея. Когда они вместе появлялись в общественных местах, Анна ловила на себе любопытные взгляды. В этих, правда весьма редких, случаях она высоко поднимала голову, сохраняя на лице холодное и бесстрастное выражение.

Впрочем, у некоторых мужчин – вроде Эмори Ломакса – сплетни насчет ее отношений со свекром только пробуждали интерес, но он ничем не отличался оттого интереса, который когда-то проявляли к Анне ее одноклассники.

Несмотря на богатый негативный опыт, Анна все же сохранила положительное отношение к любви и сексу. Дин давно уже умер, но она помнила, что значит быть влюбленной. Когда не хватает воздуха и сердце бьется как сумасшедшее. Когда стоит ком в горле. Когда внутри все обрывается.

Воспоминания об этом были все еще живы.

Теперь она часто испытывает те же ощущения. Каждый раз, когда находится рядом с Джеком Сойером.

Еще недавно она сомневалась, сможет ли когда-нибудь снова полюбить, и уж совсем не ожидала, что станет краснеть и бледнеть в присутствии бродяги в грязных ботинках, и притом такого, которого трудно понять.

Джек очень хорошо относится к Дэвиду. Его манеры можно назвать безупречными. Он упорно работает. Но что-то в нем не так, и это ее пугает. Особенно если это имеет отношение к Херболдам.

Она не собирается в панике бежать, как это предлагал Джек. Но она вздохнула бы свободнее, если бы Карл Херболд

вновь оказался в заключении. Кажется, она знает причину – если она вообще существует – столь своевременного появления Джека у них на ранчо.

Что же касается Сесила... Зачем он сегодня приезжал?

Чтобы привлечь внимание Анны, Делрей похлопал ее по руке, и женщина очнулась от своих тяжелых раздумий.

– Что случилось, Анна?

Изобразив под подбородком знак «с», она дополнила его знаком «5».

– Не говори мне ничего. Ты была словно в миллионе миль отсюда. Я знаю...

– Я беспокоюсь. Я хочу, чтобы ты выздоровел.

– Я постараюсь, Анна, – сказал он. – Но если я не... – Она снова начала говорить знаками, однако Делрей ее остановил: – На тот случай, если это меня убьет, я хотел бы кое о чем потолковать.

Анна надеялась, что он не сделает никаких признаний, о которых они оба потом будут жалеть, и почувствовала облегчение, когда Делрей заговорил о делах.

– Ни на что не трать деньги, которые отложены на колледж Дэвиду. Неважно, какие будут трудности и какое давление на тебя окажет этот Ломаке, – сохрани их в неприкосновенности.

Она попросила, чтобы он об этом не беспокоился.

– А теперь отдыхай. Он нахмурился.

У меня будет время отдохнуть, когда я скажу то, что дол-

жен сказать. – Глядя ей прямо в лицо, он произнес: – Анна... Анна!

Читая свое имя на его губах, она понимала, что он говорит от всей души, и нервничала, но остановить Делрея не могла.

– Я был не прав, подняв такой шум, когда Дин впервые сказал мне, что хочет на тебе жениться. Я прошу прощения за это.

Ей захотелось засмеяться от облегчения.

– Делрей, это же было давно. С тех пор прошло много лет.

– Я знаю, но все равно прошу прощения. Ты была добра к Дину. И добра ко мне. Особенно после его смерти.

Она улыбнулась.

– Мне жаль оставлять тебя одну. Я покидаю тебя и Дэвида, когда дела идут неважно.

– Ты не покидаешь. Главное, чтобы ты поправился и вернулся домой, все остальное неважно.

– Важно, Анна. И будет особенно важно, если я не поправлюсь.

К глазам ее подступили слезы.

– Ты должен поправиться, Делрей. Иначе я огорчу Дина. Когда он умирал, я обещала ему заботиться о тебе. Я не хочу нарушать это обещание.

Он взял ее за руку и прижал к своей груди. Он редко до-трагивался до нее. Обычно он даже обходил ее стороной – лишь бы случайно не коснуться. Нынешний жест Делрея был беспрецедентен. Он даже не стал использовать язык жестов

– лишь бы не выпустить ее руки. Анна читала его слова по губам.

– Ты не права, Анна. Ты уже сдержала свое обещание, причем дорогой ценой. Нет, я это точно знаю, – сказал он, когда она попыталась выдернуть у него руку, чтобы возразить. – Жить со мной все эти годы было для тебя нелегко. Я... Я вел себя как эгоист.

Он покачала головой.

– Да, как эгоист. Мне жилось гораздо лучше, чем тебе и мальчику.

Анна ни разу не видела Делрея плачущим – даже на похоронах собственного сына. Теперь же на его глазах появились слезы.

– После смерти Дина я боялся, что ты уедешь с ранчо, заберешь с собой Дэвида и начнешь новую жизнь. Ты могла это сделать. Может быть, даже должна была так поступить. Тем не менее я благодарен тебе за то, что ты осталась со мной.

И снова она попыталась вырвать руку, чтобы возразить, но он ее не отпустил.

– Дай мне закончить, раз уж я начал. Я не мастер говорить. Не очень-то я умею передавать словами то, что чувствую. Но мне хотелось бы верить, что ты знаешь... Не можешь не знать, что я...

Она надеялась, что он не станет признаваться ей в любви, которую многие годы видела в его глазах. Было невозможно точно сказать, когда именно она поняла, что Делрей любит

ее. Это понимание пришло к ней не в какой-то один миг, некий момент озарения, когда все вдруг становится на свои места. Нет, оно возникло у нее постепенно, тихо и без фанфар. Просто однажды она почувствовала, что уже знает об этом, – как любая женщина.

Тем не менее Анна никогда не показывала Делрею, что знает о его чувствах. Это было бы безжалостно, поскольку ничем хорошим не кончилось бы.

Если даже отбросить соображения морали, она все равно не смогла бы ответить на его любовь. Да, она любила его за то, что он в конце концов принял ее, несмотря на первоначальные опасения. Он нашел время и силы, чтобы научиться языку жестов, и за это она тоже его любила. Они были связаны общей любовью к Дину, а затем к Дэвиду. В общем, она была любящей и преданной невесткой. Но и только.

Его же любовь к ней была другой и более сильной.

Если бы он когда-нибудь заговорил об этом, ей пришлось бы уйти. Анна страстно желала, чтобы такого не случилось.

Ранчо стало ее домом, и, что более важно, оно было домом для Дэвида. Делрей был для него единственным мужчиной в семье и вообще единственным членом их семьи, кроме самой Анны.

Сорвать с места сына, лишив его всего привычного и родного, было бы просто ужасно. Очевидно, Делрей догадывался о ее мыслях, понимая всю иронию стоявшей перед ним дилеммы: раскрывшись, он терял и ее, и своего внука.

Так они и жили, выполняя молчаливое соглашение: он не говорил о своих чувствах, а Анна делала вид, что не знает о них.

Вот и сейчас это соглашение было продлено. Нагнувшись, Анна нежно и целомудренно поцеловала старика в лоб, а когда она выпрямилась, оба обменялись понимающими взглядами, более выразительными, чем любые слова. Ее глаза благодарили Делрея за то, что он не оттолкнул ее от себя, заговорив о своей любви. Его – за то, что она не высмеяла его. Ничье достоинство не пострадало.

Ход мозгового штурма, возможно, стоит стенографировать.

Такие записи стали бы энциклопедией выдающихся идей в назидание будущим поколениям, которые изучали бы ее, восхищаясь их авторами.

Однако если бы такой справочник существовал, то новые идеи утратили бы элемент неожиданности. А ведь суть любого мозгового штурма как раз и заключается в этом самом элементе. Не зря рождающиеся здесь предложения сначала кажутся фантастическими. Например, никто не ожидал от Сесила Херболда, что он навестит своего отвратительного старого отчима.

Сидя за рулем «Мустанга», Сесил слушал доносившееся из динамиков рычание Босса. В своем деле Спрингстин, конечно, гений. Но и Сесил в своем тоже не последний. Никак нет. У него есть творческие способности, которые до сих пор никто не оценил.

О, Карл, безусловно, храбрее его. Он более решительный, более энергичный. Однако Сесил умнее. Он стратег. Мыслитель.

Ему очень хотелось надавить на педаль газа, чтобы выжать из старушки все, что она может дать, помчаться стрелой по шоссе. Опьяненный успехом, его бесшабашный младший

брат так бы и поступил. И сразу привлек бы внимание дорожной полиции, дав законникам повод над собой поиздеваться.

Нет, Сесил не такой дурак. Он не станет превышать скорость. Никаких штрафов – покорно благодарим.

Кроме того, увеличив скорость, он может оторваться от своего «хвоста». «От этого чудака», – с презрением пробормотал он, поднося к губам банку пепси. За кого только законники его принимают? Разве они не знают, что он мастер ходить по лезвию ножа?

Удерживая скорость в пределах разрешенных шестидесяти миль, Сесил вновь стал вспоминать прошедший день.

Лучшего нельзя было и пожелать. Все прошло, можно сказать, идеально. То, что старик заболел, – просто подарок судьбы. Хотя, услышав эту ошеломляющую новость, кто-то другой, наверное, огорчился бы. Кто-то другой – с недостатком воображения – решил бы, что день потерян, повернулся бы и уехал.

А он, Сесил, понял, какие перед ним открываются возможности, и использовал их на всю катушку.

Он-то ехал в Блюэр, к старому мерзавцу, рассчитывая на то, что парни, сидящие у него на хвосте, сообщат об этом визите в своих отчетах. Когда потом Делрея спросят, зачем Сесил приезжал, он скажет им правду – Делрей Корбетт никогда не врет (сколько раз они с Сесилом упрашивали его, чтобы он обеспечил им алиби, а он отвечал: «Извините, маль-

чики, я не могу солгать»).

«Сесил приезжал просить у меня прощения», – сказал бы им Делрей. Получил он его или нет – это уже дело десятое. Станет известно, что Сесил просил Делрея его простить. День должен был пройти удачно.

А прошел выше всех ожиданий, потому что скорбь и раскаяние Сесила смогут засвидетельствовать все, кто находился в тот момент на третьем этаже мемориального госпиталя.

Когда его не пустили в ординаторскую, он устроил сцену. Нет, он не орал и не ругался, как на его месте сделал бы Карл. Это неправильная стратегия. В такой ситуации слезы эффективнее. Все в комнате для посетителей сочувствовали ему, когда дежурная сестра холодно сказала:

– Извините, мистер Херболд. По просьбе семьи к мистеру Корбетту мы никого не пускаем.

– Но я же сам член его семьи! – всхлипнул Сесил – пока что без слез. Но вскоре ему удалось выдавить несколько слезинок. – Я же член его семьи. – Голос Сесила слегка дрогнул, отчего его слова прозвучали еще жалобнее. – Я не уйду, пока не увижу моего отчима. Я должен кое-что сказать ему, пока он не умер. Он знает, что я здесь? У него спрашивали, хочет ли он меня видеть?

На самом деле, если бы старый сукин сын узнал, что Сесил находится поблизости, его, наверное, хватил бы кондрашка. Сесилу, конечно, было наплевать, жив старик или мертв. Пожалуй, он даже обрадовался, что не увидится с ним ли-

цом к лицу. Естественно, для убедительности он был готов пресмыкаться перед Делреем и ползать перед ним на коленях, но все же хорошо, что этого не потребуется. К тому же Делрея не так-то просто одурачить. Он не такой простак, как больничный охранник, которого сестры вызвали на подмогу.

На усах у охранника висели крошки от завтрака, который он только что съел. Он спросил у Сесила, в чем дело, и Сесил ему объяснил.

– Я, конечно, понимаю, – сказал охранник, – что вы расстроены, но вы мешаете другим. В больнице нельзя шуметь. – И он предложил Сесилу прийти в другое, более подходящее время.

Когда Сесил отказался, охранник только беспомощно посмотрел на медсестру, и она вызвала местную полицию.

Пожилому, усталому полицейскому наверняка было глубоко плевать на то, увидится Сесил со своим отчимом или нет. Но о братьях Херболд он слышал.

– Вы ведь нарушаете режим досрочного освобождения, а, дружище?

– Нет, сэр. Мне разрешили проведать отчима. При том условии, что вечером я вернусь и доложусь. У моего инспектора телефон с автоответчиком, так что я не смогу его обмануть. Вот его номер. Позвоните, проверьте.

Полицейский взял визитную карточку, которую протянул ему Сесил, и набрал номер. Ему сказали, что Сесилу разрешили покинуть штат Арканзас, чтобы проведать свою се-

мью, при условии, что к семи вечера он вернется. Кроме того, если Сесил не ошибся, полицейского заверили, что Сесил находится под наблюдением, так что по дороге он не может причинить неприятностей – например, встретиться со своим братом, чтобы чем-то ему помочь. Должно быть, ему также сказали, что этот визит Сесила только для отвода глаз и он может привести правоохранительные органы прямо к Карлу и Майрону.

Слушая информацию, которая поступала из Арканзаса, ветеран полиции Блюэра сурово смотрел на Сесила. В конце концов, сказав: «Ладно, спасибо», – он повесил трубку и отдал Сесилу визитную карточку.

– Вы создаете себе проблемы на ровном месте, мистер Херболд. Вам здесь нечего делать. Семья вашего отчима считает, что ваше посещение может его расстроить. Они говорят, что вы были не в лучших отношениях.

– Вот поэтому-то я и хочу его видеть. Мы с братом чуть не сломали ему жизнь. Когда Делрей отказался помочь Карлу, тот много чего ему наговорил. Угрожал и все такое прочее. Я хочу сказать Делрею, что не имею к этому отношения. Я совершил преступление и отмотал за него срок. Я сожалею о том, что натворил. Карл совсем спятил – бежал из тюрьмы. Изнасиловал ту девочку. Он движется прямым ходом в ад. Я хочу, чтобы Делрей знал, что хоть один из нас исправился. – Он тихо всхлипнул. – Вот и все. Я просто хотел дать ему знать, что в тюрьме я обрел господина. Я был в Калгари. Я не такой,

каким меня знал Делрей. Я не такой, как мой брат.

– Я уверен, что Делрей стал бы тобой гордиться, Сесил, – безразлично произнес коп. – Ноты должен с ним поговорить в другое время и в другом месте. Пойдем, я тебя провожу.

– Ладно, офицер,¹⁴ – вытирая глаза, сказал Сесил. – Мне не нужны неприятности.

И он ушел. Операция была успешно завершена. По всем службам, которые занимаются поисками Карла, пройдет информация о том, что Сесил вполне законопослушный гражданин. Он совершил паломничество в Техас, чтобы умирающий отчим его простил. Он хотел искупить – это словечко часто используют тюремные воспитатели – все свои прошлые прегрешения. Он не хочет, чтобы его имя связывали с именем его младшего брата. Сесила-преступника больше нет.

Пусть копы займутся кем-нибудь другим.

А пока что внимание они уделяют именно ему.

Сесил заметил «хвост» в сотне миль от Блюэра, когда остановился, чтобы заправить «Мустанг», купить пепси и что-нибудь поесть. Не заботясь о том, заметят его или нет, преследователь нагло проехал на находившуюся рядом стоянку для грузовиков и припарковался там.

Не вылезая из автомобиля, он наблюдал, как Сесил заправляет свой «Мустанг», расплачивается и несет в машину

¹⁴ Вежливое обращение к полицейскому, в том числе не относящемуся к офицерскому составу.

куриные грудки. Сесил зло посмотрел на него, «хвост» ответил ему тем же, прямо-таки умоляя, чтобы Сесил устроил стычку.

Но Сесил не такой дурак. Проехав за ним еще миль пятьдесят, «хвост» отстал.

– На ферме он работает, как же! – пробормотал Сесил, пересекая границу между штатами Арканзас и Техас. Это хорошее прикрытие, но все равно от этого типа, одетого как пастух и называющего себя Джек Сойер, за версту разит полицейским. Вариант с грузовиком, который он водит, тоже неплох. Несомненно, этот тип хитер.

Но даже если так, то, чтобы перехитрить Сесила Херболда, ему пришлось встать чертовски рано.

Джек спал на животе, зарывшись лицом в подушку и завернувшись в простыню. От стука в дверь трейлера он мгновенно проснулся. Вскочив с кровати, он прикрылся простыней и, пройдя по узкому коридору, толкнул дверь.

На Анне была только длинная хлопчатобумажная ночная сорочка. Волосы всклокочены, щеки покраснелись от сна. Она задыхалась, вероятно, от быстрого бега. Махнув рукой в знак того, что ему надо идти, и идти быстро, она изобразила в воздухе телефон.

– Сейчас буду.

Джек тут же забежал в дальний конец трейлера только для того, чтобы натянуть на себя джинсы. Выбежав из трейлера, он догнал Анну еще на полдороге к дому. Войдя внутрь, она взмахом руки указала ему на кабинет.

Одетый в пижаму Дэвид говорил в телефонную трубку:

– А если боишься сильно раскачиваться, то можно упасть и разбить себе голову, и тогда придется ходить забинтованным. Джек говорит, что я почти готов раскачиваться по сильнее, но мама все еще за меня боится. Она уже пришла. Она привела Джека, чтобы он с вами поговорил. Пока.

Передав трубку Джеку, он сказал:

– Я услышал, как он звонит, и снял трубку сам, а потом пошел разбудил маму, как велела та леди.

– Ты правильно сделал. – Джек взъерошил мальчику волосы. Взяв трубку, он сказал: «Алло» – и представился. – Извините, что так долго.

Звонила дежурная медсестра.

– Я пыталась связаться с ретрансляционной системой, чтобы поговорить с миссис Корбетт, – сказала она, – но, к сожалению, мне это не удалось. Должно быть, номер «восемьсот», который у меня записан, неправильный. Я потом дала на пейджер сообщение для миссис Бейкер, но она не ответила.

– Я обязательно все передам, – заверил ее Джек.

Не обращая внимания на Дэвида, который тянул ее за подол ночной рубашки и требовал завтрак, Анна с беспокойством смотрела на Джека.

– Как я понимаю, это связано с Делреем? – Ожидая худшего, Джек задержал дыхание. – Он... Как он?

– Сегодня его состояние значительно улучшилось. По крайней мере так было совсем недавно. Нянечка, которая мыла мистера Корбетта, упомянула о вчерашнем визите в больницу его пасынка. Он сразу стал очень беспокойным и, если бы мы его не удержали, вскочил бы с постели и уехал. Он все еще порывается так и сделать. Мы подумали, что его невестка должна об этом знать. Может быть, она поможет его успокоить.

– Да, спасибо за звонок. Она сейчас будет.

Повесив трубку, Джек посмотрел на Анну. Дэвид все еще

приставал к ней, хныкая, что хочет есть, и просил приготовить завтрак.

– Эй, капитан космических рейнджеров, сэр! – отдавая ему честь, сказал Джек. – Достаточно ли вы храбры, чтобы выполнить важное задание? Сможете ли вы сегодня утром сами добыть себе пропитание?

– Можно я поем кукурузных хлопьев?

– Почему же нельзя?

– Ладно! – Неуклюже отсалютовав, мальчик выбежал из комнаты.

Анна напряженно смотрела на Джека. Больше нельзя было держать ее в неведении.

– С Делреем все в порядке, но он очень расстроен. Кто-то проболтался и сказал ему про визит Сесила в больницу.

Прижав кулаки к вискам, она беззвучно выругалась.

– Вы прямо-таки повторили мои слова, – заметил Джек, хотя она не смотрела на него и не могла понять, что он говорит.

Вчера до тех пор, пока она и Дэвид около полуночи не вернулись из больницы, он не знал покоя. Не ставя Анну в известность, он последовал за ней и мальчиком, когда они после визита Сесила Херболда поехали в город. Он хотел посмотреть, сдержит ли заключенный свое обещание самому навестить Делрея, и не удивился, обнаружив на больничной автостоянке его «Мустанг».

Поставив грузовик неподалеку, Джек остался сидеть в его

кабине. Вскоре он увидел, как блюэрский полицейский направляется вместе с Сесилом к его «Мустангу». Когда тот отъехал, машина шерифа последовала за ним и сопровождала Сесила до границы округа. С этого момента Джек сменил полицейских и вел Сесила еще двести миль.

С каждой милей он все больше нервничал. Ему не следовало так долго отсутствовать. Решив вернуться, он, нарушая все правила, как можно быстрее погнал машину в Блюэр и был рад тому, что успел приехать на ранчо раньше Анны.

В больнице она находилась в относительной безопасности.

Карл не дурак и знает, что ему нельзя появляться в общественных местах, раз его физиономию показывают во всех выпусках новостей.

Солнце уже клонилось к закату, а к работе он сегодня даже не приступал. Принявшись за то, что было абсолютно необходимо сделать, Джек все время поглядывал то на дом, то на часы. Его все больше беспокоило, что Анна не появляется.

Даже после захода солнца воздух оставался горячим и неподвижным. Потрескавшаяся земля, словно радиатор, излучала накопленное за день тепло. Джек периодически обходил территорию, прислушиваясь к необычным звукам и осматривая местность в поисках подозрительных теней. Время от времени ему приходилось возвращаться в трейлер и стоять там под кондиционером, чтобы просохнуть от пота. Он и так волновался, а из-за жары ожидание становилось

просто невыносимым.

Проходил час за часом, и Джек представлял себе все новые чудовищные напасти, которые, как он был уверен, обрушились на Анну и Дэвида. Мог снова заглохнуть мотор, и тогда они застряли в темноте. Джек все-таки не механик. Надо было, чтобы этот топливопровод проверил специалист.

Или, может быть, они с Дэвидом попали в аварию. Тогда ее отвезут в больницу и там кто-то спросит про ее ближайших родственников. А ее единственный ближайший родственник лежит этажом выше. Никому и в голову не придет извещать какого-то работника, который на ранчо сходит с ума от беспокойства.

И наконец, Херболды. Ну проследил он Сесила аж до самого Арканзаса. И что с того? Это ведь отпетые мерзавцы.

Они испорченны от рождения и провели многие годы в тюрьме, где стали закоренелыми преступниками. Трюк, придуманный Сесилом, вполне может служить дымовой завесой для Карла.

Сесил проделывал отвлекающий маневр, в то время как Карл следил за Анной и Дэвидом – единственными родными и близкими людьми для Делрея. Так вот оно что! Их похитили Херболды!

Он уже садился в пикап, готовый мчаться в больницу, чтобы удостовериться, все ли в порядке с Анной и Дэвидом, и в эту минуту увидел свет фар въезжавшей в ворота машины.

Когда машина подъехала к дому, Джек уже стоял в тени

возле веранды. Ему нужно было дать о себе знать и предложить внести в дом Дэвида. Надо было выйти вперед и спросить о состоянии Делрея.

Однако, вспомнив ее последние резкие слова, сказанные в то утро, Джек, все еще несколько обиженный на Анну, так и остался в тени, наблюдая, как она забирает с заднего сиденья спящего сына и несет его в дом.

Джек не возвращался в трейлер до тех пор, пока не убедился, что они находятся в доме в полной безопасности. Уставший от нервного напряжения и измотанный долгими часами езды, он упал на кровать и провалился в сон.

Сейчас, чтобы привлечь внимание Анны, он дотронулся до ее руки.

– Что произошло в больнице? Херболд угрожал вам или Делрею?

Она взяла блокнот и написала: «Я ходила с Дэвидом вниз на обед, но Марджори была там. Херболд пришел в комнату для посетителей и потребовал, чтобы его пропустили к Делрею. Ему сказали, что туда нельзя. Он устроил сцену. Вызвали полицию. Она его выпроводила. Вот и все».

– Вполне достаточно, чтобы расстроить Делрея, когда он об этом узнал. – Джек почесал в затылке. – Какого черта он так сделал? Что все это значит?

Но Анна ему не ответила. Торопясь одеться, чтобы уехать в больницу, она уже повернулась к выходу из кабинета. Но выйти оттуда не успела. В дверях стоял горько плачущий Дэ-

вид.

– Я пролил молоко, – сквозь слезы лепетал он. – Я не хотел, мамочка. Я случайно.

Измученная Анна с ошарашенным видом помчалась на кухню.

Устремившийся следом Джек остановил ее, схватив за рубашку.

– Идите одевайтесь, – спокойно сказал он обернувшейся к нему Анне. – С ЧП здесь я разберусь, а вы разбирайтесь с ЧП в больнице. Дэвид сегодня может остаться здесь со мной.

– Можно, мамочка? Можно? – Вытирая слезы, Дэвид возбужденно запрыгал на месте. – Я ненавижу больницу. Там пахнет уколами. Разреши мне остаться с Джеком? Ну пожалуйста!

– Я хочу, чтобы ты уехала. Сегодня же. Вместе с Дэвидом. Джек тогда сказал, что Делрей тоже захотел бы, чтобы они уехали. Джек был прав. Джек часто оказывается прав, что одновременно успокаивает и беспокоит.

Анна приняла его предложение посидеть с Дэвидом – весь день, если будет такая необходимость. Анна чувствовала бы себя виноватой за то, что доставляет Джеку такое неудобство, если бы не видела, с каким энтузиазмом они вытирали пролитое молоко. Стоя на четвереньках – Джек в линялых джинсах, Дэвид в пижаме, – они рассеянно сказали ей «до свидания».

Как только Анна прибыла к Делрею, он сразу же начал

убеждать ее в необходимости уехать из города и забрать с собой Дэвида. Щеки Делрея порозовели, но не от того, что его состояние улучшилось, а от волнения.

– Мы в полной безопасности, Делрей.

– Где-нибудь в другом месте вам будет еще безопаснее.

– Я не оставлю тебя, пока ты в больнице. Как ты мог подумать, что я уеду в такое время?

– При обычных обстоятельствах – конечно. Но вчера здесь был Сесил Херболд. Так что ситуация совершенно неординарная.

Он не знал, что Херболд сначала приезжал к нему домой. Если бы ему сказали об этом, с ним, возможно, случился бы еще один сердечный приступ.

– Я никуда не поеду. Я останусь прямо здесь, с тобой.

– Пожалуйста, Анна, сделай это ради меня. Вы с Дэвидом главное, что у меня есть. В свое время я защитил Дина от этих мальчиков, не давал им даже приблизиться к нему. Сесил и Карл – это мой грех. Ты здесь совершенно ни при чем. Прошу тебя, Анна, я не хочу умирать в страхе...

– Ну, как там наш пациент? – Прервав Делрея на полуслове, в палату стремительно вошел доктор.

Анна написала ему короткую записку: «Сегодня утром он поднял страшный шум».

– Я знаю.

«Отразится ли это на его сердце?»

Доктор взглянул на какие-то записи в блокноте.

– Вот здесь есть кое-что на ЭКГ. Наверное, это было как раз тогда, когда он грозил подать на нас в суд. – Нахмурившись, он посмотрел на Делрея, который ответил ему мрачным взглядом. Засмеявшись, доктор решительно захлопнул блокнот. – Я считаю, это хороший признак – то, что у него столько энергии. – И, обращаясь к Делрею, спросил: – Как вы относитесь к путешествию на вертолете?

– Не возражаете, если я перейду улицу и сниму деньги со счета?

Рассел Рейнолдс, сидевший за столом, взгромоздив на него ноги, опустил газету и зло посмотрел на Сесила. Правда, может быть, и не особенно зло – он вообще все время хмурится.

– В счет перерыва. Пятнадцать минут.

– Там может быть очередь.

– Пятнадцать минут. – И он вернулся к газете. «Сукин сын», – подумал Сесил, надев солнечные очки, и вышел наружу, навстречу удушливой жаре. Ему вовсе не нужно было спрашивать какого-то специального разрешения. Каждую пятницу он и так во время положенного перерыва на кофе ходит в банк и снимает деньги. Тем хуже для Рассела.

Скрывая глаза за темными стеклами, Сесил внимательно осмотрел улицу, но не увидел ничего необычного. Копы, должно быть, до сих пор чешут в затылках, пытаясь понять, зачем вчера он ездил в Блюэр. Подумав о том смятении, которое он вызвал, Сесил засмеялся. Интересно, узнал ли Делрей, что его пасынок нанес ему визит? Если узнал, то, будем надеяться, умер от потрясения.

Зайдя в аптеку, он заказал лимонную коку, попросив официантку налить ее в стаканчик, который можно было бы уне-

сти с собой. Расплачиваясь за коку, он заодно купил леденец с привкусом пива и журнал по автомобилям. Выйдя на тротуар, Сесил подошел к переходу и, потягивая через соломинку напиток, стал ждать, когда включится зеленый свет.

Перейдя улицу, он по ее противоположной стороне вернулся назад, постоял в тени банка, допивая кока-колу, а затем, как образцовый гражданин, бросил пустой стаканчик в урну, любезно предоставленную городу местными бизнесменами.

По сравнению с раскаленной улицей в вестибюле банка была просто райская прохлада. Сесил снял солнечные очки и вместе с леденцом засунул их в карман форменной рубашки, на которой красными буквами было вышито его имя.

Журнал выпал из его руки и шлепнулся на пол. Нагнувшись, чтобы его поднять, Сесил посмотрел в сторону двери и заметил банковского охранника. Лет девятнадцати, с волосами цвета морковного сока и полными щеками, красными от прыщей. Охранник как раз открывал дверь для женщины с коляской.

Сесил подошел к островку, располагавшемуся в середине вестибюля. Листок из чековой книжки он принес с собой. С помощью ручки, прикованной к стойке маленькой золотой цепью, Сесил заполнил листок и подал его клерку. О телекамерах, с равномерными интервалами располагавшихся вдоль стены, он старался не думать.

Сесил сравнил между собой очереди, стоявшие возле двух

окошечек кассы. Возле одного окошка стоял потный толстяк со свешивавшейся с пояса громадной связкой ключей. Женщина с коляской стояла как раз за ним. В ожидании своей очереди она ворковала с ребенком, пытаясь его развлечь.

Во втором окошке кассирша разбиралась с пожилой парой.

Позади стоял усатый байкер с банданой и в кожаном жилете.

Его голые руки были сплошь покрыты татуировками. Пока Сесил все еще прикидывал, где будет быстрее, мужчина в строгом костюме и очках в роговой оправе обошел его и прямо перед носом у Сесила встал в очередь за женщиной с ребенком.

– Вот задница! – пробормотал Сесил. Мужчина обернулся.

– Пардон?

– Не обращайтесь внимания. – Сесил встал в очередь за байкером.

Пожилая пара никак не могла усвоить, как надо обращаться с дорожными чеками. Сложив на груди разукрашенные руки, байкер нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

В соседней очереди толстяк закончил свои дела и ушел, позвякивая ключами. Женщина с ребенком шагнула к окошку.

Пижон в сером костюме листал чековую книжку. Кассирша в окошке, возле которого стоял Сесил, наконец предло-

жила пожилой паре пройти к консультанту, чтобы получить у него разъяснения насчет дорожных чеков. Она вызвала консультанта, тот проводил клиентов к своему столу, а байкер занял место у окошка. Сесил пододвинулся вперед.

Почувствовав, что за ним кто-то стоит, он обернулся.

– Привет, Сесил!

– Привет, Пепе.

Это был еще один механик, работавший у Рассела. Пепе был мексиканцем и, насколько знал Сесил, общался только с соотечественниками. Они с Сесилом за все время обменялись лишь несколькими словами, но парень он вроде был неплохой.

– Что, Рассел не хотел тебя сюда пускать?

– Все как всегда, – ответил Пепе.

Байкер опустил в карман деньги, которые отсчитала ему кассирша, попрощался и ушел. Сесил подошел к окошку и положил бумаги на мраморную стойку.

– Доброе утро, как дела? – спросила кассирша, глядя на страницу из чековой книжки. – Пятьдесят баксов наличными, верно?

– Да, пожалуйста.

– Как вы хотите получить? Десятками, двадцатками? Женщина в соседней очереди поблагодарила кассиршу и покатила коляску прочь. Когда она отошла, пижон шагнул к окошку. Кассирша пожелала ему доброго утра.

И тут словно из воздуха перед ней возник пистолет.

Он появился в руке Карла как по волшебству.

– Не вздумайте нажимать кнопку тревоги, – сказал он тем же вежливым тоном, каким несколько секунд назад говорил «пардон» своему брату. В этой напряженной ситуации даже Сесил его не узнал. – Тихо и спокойно выложите все деньги из кассового аппарата, и никто не пострадает.

Я хочу то же, что и он, – сказал Сесил своей кассирше, процитировав широко известное выражение из фильма и продемонстрировав ей пистолет, который сегодня утром засунул под рубашку.

– О черт! – произнес за его спиной коллега по работе. Так как он говорил с акцентом, то у него получилось «чьерт».

– Мне нужны все деньги, что имеются у вас по пятницам, – заявил кассирше Сесил. Пятница была днем зарплаты на находившемся недалеко от города заводе по производству покрышек. Его работники заезжали в этот день в банк, чтобы обналичить чеки и получить деньги. По пятницам в банке было всегда полно наличных.

– Боже мой! – захныкала кассирша Карла.

– Заткнись, или умрешь, сука! – зарычал на нее Карл.

Кассирша Сесила проявила большую готовность к сотрудничеству и тут же вытащила холщовую сумку, набитую уложенными в пачки законными платежными средствами.

– Спасибо, – вежливо произнес Сесил, когда она поставила сумку на стойку.

– Конни, ты что, с ума сошла? – прошипела вторая кас-

сирша.

– Неужели мне этот дурацкий банк дороже жизни?

– Накрылось твое условное освобождение, парень, – сказал Пепе.

– Прости, друг, я только на секунду. – Это вернулся байкер. – Послушайте, мэм, – проговорил он, протиснувшись между Сесилом и стойкой, – я пересчитал деньги, и вы... Что за...

Сесил ткнул его в рот стволом пистолета, выбив несколько зубов и порвав верхнюю губу. Кровь, брызнувшая на рубашку Сесила, была того же цвета, что и монограмма на нагрудном кармане.

Далее события стали развиваться с молниеносной быстротой.

Пепе сказал:

– Да ты совсем псих, парень! И Сесил велел ему заткнуться.

Кассирша Карла завизжала и нырнула под прилавок.

– Черт! – выругался Карл.

Байкер покачнулся от удара, а затем, поняв, что ему помешало, храбро потянулся за пистолетом Сесила.

И тогда Карл выстрелил ему в шею.

Тут начался настоящий ад. До сих пор, кроме непосредственных участников, никто не знал, что происходит ограбление. Теперь же и мужчины, и женщины стали визжать и прятаться под стойки. Женщина с коляской закричала и за-

крыла своим телом ребенка. Ребенок начал плакать.

– Майрон! – крикнул Карл.

– Да, Карл?

– Дай нам сумку.

На голове у Майрона под бейсбольной кепкой был пышный черный парик, скрывавший его необычные волосы, а солнечные очки прикрывали его странные глаза. Если бы охранник не отвлекся на шум возле кассы, Майрон, возможно, и не пронес бы мимо него спортивную сумку со спрятанным там обрезом дробовика, который он сейчас достал, прежде чем отдать сумку Сесилу.

Размахивая пистолетом, Карл прыгнул на стойку и приказал, чтобы все оставались на своих местах, в то время как Сесил стал сгребать в спортивную сумку содержимое кассы. Слава богу, здесь не было никаких взрывпакетов со специальными чернилами.

Майрон в эту минуту прикрывал банковского охранника, которого, казалось, тянуло вырвать прямо на свои блестящие ботинки.

– Эй, ты! – окликнул его Карл. – У тебя есть пистолет?

– Да, сэр, – стуча зубами, ответил охранник.

– Возьми у него пистолет, Майрон. Майрон сделал то, что ему велели.

– Если он дернется, убей его, – проинструктировал Карл.

– Хорошо, Карл.

Но когда в здание вошли двое местных полицейских,

Майрон немного растерялся. Позднее в специальном выпуске городской газеты, целиком посвященном ограблению, говорилось, что один из прохожих сообщил этим двоим патрульным, что в банке происходит что-то неладное.

Храбрые, но неосмотрительные полицейские не стали ждать подмогу и направились к месту происшествия. Сразу оценив ситуацию, один из них потянулся за пистолетом. Но прежде чем он успел достать его из кобуры, Майрон выстрелил из обрезка, и дробь разорвала противника чуть ли не пополам. Увидев, что случилось с его напарником, второй коп обмочился и, упав на колени, закрыл голову руками. В припадке несвоевременной храбрости банковский охранник рванулся вперед, и Майрон уложил его из второго ствола.

– Черт побери! – выругался Карл, с отвращением глядя на лужу крови, разлившуюся по мраморному полу. – Перезаряди, Майрон.

– Хорошо, Карл.

Сесил застегнул «молнию» на сумке.

– Готово. Пора выбираться отсюда.

– Я так не думаю.

Кассирша Конни держала в руках пистолет. Но целила она не в Сесила, Карла или Майрона. Она направила пистолет на второго копа, который вновь обрел мужество и схватился за оружие.

Конни попала ему прямо в сердце.

Эззи поливал густолиственное растение, стоявшее на окне в гостиной. На африканские фиалки он уже махнул рукой. Им все равно конец. Про это раскидистое деревце он не знал ровным счетом ничего: ни названия, ни того, стоит ли его вообще поливать. Может быть, он его уже полил слишком обильно. Но когда Кора вернется, гибель африканских фиалок она наверняка воспримет легче, если хоть одно из ее растений выживет.

Эззи всегда употреблял выражение «когда она вернется», а не «если она вернется». Он не разрешал себе думать, что она может не вернуться.

Также он не позволял себе и чрезмерно переживать по поводу вчерашнего бесплодного путешествия к Паркеру Джи. По крайней мере он убил время.

Но этот визит утвердил Эззи в окончательном решении: он бросает дело Маккоркл.

Все кончено. Последние двадцать два года он бегал за собственной тенью. Он устал. Хватит. Довольно. Он хочет вернуться к жизни. Он хочет, чтобы вернулась жена. Пора забыть об этом деле.

Сегодня утром он проснулся преисполненный решимости изгнать его из своего сознания. Конечно, Эззи понимал, что это будет не так просто сделать. С двадцатидвухлетней при-

вычкой порвать нелегко. Для этого надо заняться чем-нибудь другим.

И теперь он ходил по дому из комнаты в комнату, пытаясь вспомнить тысяча и один проект из заветного списка Кора, который он до сих так и не удосужился претворить в жизнь.

Он уже починил лампу в кабинете, смазал петли на задней двери, заменил колесики на ножках дивана и убедился, что сам не сможет исправить потолочный вентилятор в спальне. Придется вызвать электрика.

Беда заключалась в том, что Кора неплохо вела хозяйство, так что запас подобных проектов скоро истощился.

Полив неизвестное растение, Эззи заскучал. Пожалуй, он проголодался. Может, пойти пообедать в «Трудолюбивую пчелу»? Но там будет все та же толпа. Те же назойливые вопросы. Нет, не стоит.

Поэтому Эззи разогрел себе банку фасоли, взял тарелку и пачку крекеров и отнес все это в кабинет. Желая услышать хоть какой-нибудь человеческий голос, он включил телевизор – просто ради фона. Вспомнив о том, что давно не читал, он взял старый номер «Ридерз дайджест» и принялся просматривать содержание в поисках чего-нибудь интересного.

Он как раз изучал историю о человеке, которого проглотил кит, когда начались местные двенадцатичасовые новости. Главной новостью было ограбление банка, стоившее жизни двум полицейским, банковскому охраннику и одному из клиентов. Грабители скрылись вместе с неустановленной

суммой денег. Хотя город был маленьким, банк оказался богатым из-за расположенного неподалеку шинного завода.

Камеры слежения помогли установить личности нападавших.

Ими оказались беглые заключенные Майрон Хаттс и Карл Херболд, а также брат Херболда Сесил, условно освобожденный заключенный, который жил и работал в этом городе.

Что удивительно, в ограблении также участвовала банковская служащая Конни Скэггс. Эта тридцатидвухлетняя женщина, разведенная, без детей, которую коллеги называли «вполне нормальной личностью», застрелила из пистолета одного из полицейских.

– Мы уверены в том, что поймаем этих убийц и передадим их в руки правосудия, – заявил взволнованный начальник полиции, потерявший при налете половину своих подчиненных – двоих из четырех полицейских. – В этом городе нельзя безнаказанно стрелять в копов.

Херболды и их сообщники были признаны вооруженными и чрезвычайно опасными. Фасоль стыла на столе, в то время как Эззи слушая сообщения о поисках преступников в Арканзасе, северо-западной части Луизианы и северовосточном Техасе.

Репортаж с места события сменился передачей из студии, где ведущий предоставил слово психологу. Доктор Какбишь-его начал монотонно читать лекцию о том, какой травматический эффект оказывают подобные происшествия на

психику свидетелей и членов семей пострадавших.

Эззи выключил звук. Механически поглощая остывшую фасоль, он смотрел на молчащий телевизор. Выступление психолога сменила реклама подузников. Затем какая-то женщина демонстрировала озабоченной соседке свой сияющий чистотой туалет.

Подобно старой кавалерийской лошади, заслышавшей звук боевой трубы, Эззи был готов мчаться вперед. Его недавняя решимость поставить крест на деле Пэтси Маккоркл вмиг исчезла. Еще несколько минут назад он был вял и безволен. Теперь он был полон энергии.

Он был первым представителем закона, который вступил в борьбу с братьями Херболд. Он был первым, кто отправил их в тюрьму. Теперь они совершили в соседнем штате тяжелое преступление и спешно удирали. Карл и Сесил были испорченными мальчиками. Психологи, вероятно, объяснили бы это тем, что в годы формирования личности братья росли без отца, со слабохарактерной и инертной матерью, с суровым отчимом, который пытался приучить их к дисциплине и которого они не любили. Дескать, ничего удивительного в том, что они стали такими.

Но теперь они вполне самостоятельные мужчины. А стало быть, им нравится быть изгоями. После сегодняшнего налета и нескольких убийств им уже нечего терять. Люди, которые готовы на все, – самые опасные.

Херболдов нужно поймать до того, как они убьют кого-ни-

будь еще.

Эззи вскочил на ноги. Отнеся тарелку на кухню, он ополоснул ее холодной водой. Жир моментально застыл в виде оранжевой корки, но Эззи так и оставил все в раковине.

Схватив шляпу, он выскочил в дверь и спустя несколько секунд был уже в машине. Впервые после отставки он знал, что надо делать.

* * *

В дежурной комнате управления находился только один диспетчер. Увидев Эззи, он заулыбался.

– Привет, Эззи! Что привело тебя сюда?

– Привет, Саудер. Как идут дела?

– Хорошо на пенсии?

– Замечательно.

– Наверно, все же нужно привыкнуть.

– Ну да. Ваш новый босс здесь?

– Да-да! – ответил дежурный. – Только что вернулся из кафе, с обеда. Принес от Люси кусок пирога с кокосовым кремом.

– Он не будет возражать, если я к нему заскочу?

– Ты знаешь, где дверь.

Подойдя к двери, Эззи вежливо постучал. Оторвавшись от пирога, шериф Рональд Фостер махнул рукой Эззи, чтобы тот входил. Выпускник техасского «Эй энд Эм», он с боль-

шим преимуществом выиграл выборы на должность шерифа – за счет того, что был сложен как борец и вел себя чрезвычайно уверенно. Солидный семейный человек, он имел красивую жену и троих детей и был дьяконом баптистской церкви. Пронзительные голубые глаза, казалось, говорили: «Я люблю Иисуса» и «Не шути со мной». Шериф был коротко подстрижен по образцу морских пехотинцев и, как представлялось Эззи, считал себя человеком жестким.

Если необъявленный визит Эззи его и раздражал, шериф этого не показал. Его рукопожатие было крепким и сердечным.

– Садись, Эззи. Садись. Хочешь пирога?

– Нет, спасибо. Хотя на вид он очень аппетитный.

– Люси плохих не делает.

Сев на предложенный стул, Эззи поинтересовался, как Фостеру нравится работа, и тот сказал: «Не могу пожаловаться».

Когда же он спросил Эззи о жизни на пенсии, тот солгал и повторил его ответ слово в слово.

– Я думаю, ты слышал о сегодняшнем ограблении банка в Кларедоне, штат Арканзас, – начал Эззи.

– Еще бы. Идет большая охота, даже здесь.

– Вот почему я пришел сюда, Рон. Я подумал, что тебе может понадобиться еще один помощник.

Молодой человек, занимавший кресло, которое Эззи все еще считал своим, не мигая уставился на него.

– Для чего?

Это был опасный трюк: пытаться договориться с шерифом, не ставя под сомнение его способности.

– Просто на тот случай, если ребята вновь сюда явятся.

– Такты уже слышал насчет вчерашнего?

– Вчерашнего? Какого еще вчерашнего? Ну да, – солгав, сказал Эззи. – В «Трудолюбивой пчеле». Сегодня утром ребята об этом говорили.

Новый шериф покачал своей коротко остриженной головой.

– Все еще не могу понять, зачем Сесил сюда явился. По моему, он просто хотел сбить всех со следа. Они с Карлом планировали это ограбление несколько месяцев, а то и лет. Оно слишком хорошо организовано. Я думаю, Сесил посчитал, что посещение отчима – это хороший отвлекающий маневр.

– Никто не держит этих ребят за дураков.

Сесил приезжал вчера к Делрею? Как только он отсюда уйдет, надо будет позвонить Делрею: может быть, удастся получить от него побольше информации. Следующая фраза шерифа разбила этот план вдребезги.

– Сесил сначала приехал к нему домой, а затем устроил сцену в больнице. Поставил там всех на уши.

Эззи кивнул, хотя не имел представления о том, с чем соглашается.

– Я слышал.

– Этого только и не хватало глухой леди, пока Делрей в критическом состоянии.

– Да, просто ужас. – Слушая Фостера, где-то в глубине души Эззи думал: «И с каких это пор я стал таким прирожденным лжецом?»

– Ну, так или иначе это теперь проблема Арканзаса. Сесила сейчас не интересуется Блюэр и его жители. У меня нет никаких сведений, что они с Карлом сюда направляются.

– Ты не знал заранее и о вчерашнем визите Сесила.

– Федералы держат с нами постоянную связь, Эззи. При малейших подозрениях у нас тут будет полно федеральных агентов.

– Значит, необходимо привлечь как можно больше местных ребят.

– Но пока нет...

– Нельзя сказать загодя, что могут сделать эти сумасшедшие сукины дети. – Увидев, что Фостер становится нетерпеливым, и услышав в собственном голосе нотки отчаяния, Эззи негромко засмеялся и с деланой беспечностью пожал плечами: – Разве повредит лишняя пара глаз, которые станут их выискивать?

– Нет, конечно, не повредит. Просто я не думаю, что это необходимо. – Фостер изобразил на лице приятную улыбку, такую же фальшивую, как недавний смех Эззи. – Ты лучше всех знаешь, какие у нас сейчас трудности с финансированием.

– Мне не надо платить.

«Господи, не заставляй меня умолять этого молокососа. Хотя, пожалуй, раз он так много врет, Иисус к нему вряд ли прислушается».

Стараясь выглядеть не таким настойчивым, Эззи откинулся на спинку стула, закинул ногу за ногу и повесил шляпу на носок туфли.

– Понимаешь, это только идея. Просто я хотел дать тебе знать, что, если понадобятся лишние люди, я в твоём распоряжении.

Молодой шериф встал и вышел из-за стола, показывая тем самым Эззи, что визит окончен. Его снова послали, как это сделал прокурор в Арканзасе много лет назад. Мир принадлежит более молодым, более сильным.

– Не могу передать, как я ценю твоё предложение, Эззи. Но я даже и не мечтаю о том, чтобы вновь привлечь тебя на службу. Ты заслужил свою пенсию. Наслаждайся каждой минутой отдыха. Кроме того, – засмеявшись, добавил он, – мисс Кора не станет со мной разговаривать, если я вновь привлеку тебя к активной деятельности. – Он похлопал Эззи по плечу, как будто подталкивая его к открытой двери. – Рад был тебя видеть. Спасибо, что зашел.

Дверь со стуком закрылась за спиной Эззи. Тот посмотрел на диспетчера, который тут же уткнулся в бумаги. Ему было неловко за старика, который никак не мог угомониться.

Стараясь сохранить достоинство, Эззи надел шляпу.

– Пока, Саудер.

– Прощай, Эззи. Будь осторожнее.

Эззи вышел на тротуар, сожалея о том, что нельзя повернуть время вспять и изменить свое решение прийти сюда и проситься на работу.

Конечно, было бы прекрасно вновь вспомнить молодость.

Сидеть с ребятами в засаде, пытаясь убить время, болтать ни о чем и пить скверный кофе – это все просто замечательно.

Но дело не только в этой атмосфере товарищества. Все гораздо серьезнее. В глубине души Эззи считал, что, если бы он сейчас помог справиться с Херболдами – пусть даже его вклад был бы крайне незначительным, – совесть перестала бы его мучить за то, что он не посадил их в первый раз.

Нечего было на это надеяться. Жизнь складывается по-другому. Если ты пропустил плевый мяч, который не дал твоей команде выйти в финал, то уж что бы ты потом ни делал, а тебя будут помнить именно за этот промах.

Визит к Фостеру принес ему только унижение. Эззи не винил Фостера за то, что тот не воспринял его идею. Она была не очень практичной. Нынешний шериф был с ним вежлив. Но как бы учтиво он себя ни вел, суть того, что он сказал, можно передать фразой: «Никому ты не нужен, Эззи».

И как это ни грустно, он был прав.

– Там, в «Шести флагах», есть такая штука, на которой переворачиваешься вверх ногами. Дважды! Мама думает, что я еще слишком мал, чтобы на ней кататься, но ведь я не маленький, а, Джек?

– Тебе надо еще подрасти.

– Я уже и так высокий.

– Ты там прекрасно проведешь время.

– А ты сможешь туда приехать, Джек?

– Нет, я должен быть здесь. Ты не хочешь взять с собой книжку про динозавров?

– Ну да, это клево.

Джек положил книжку в чемодан поверх сложенных шорт и маек и еще раз просмотрел список, продиктованный ему по телефону Марджори Бейкер.

– Это все. Но до тех пор, пока твоя мама не приедет, мы не будем его закрывать. Может, в последнюю минуту она захочет что-то добавить.

Переводчица позвонила Анне, чтобы сообщить ей хорошую новость: вечером Делрея отправляют в Даллас на вертолете.

Анна и Дэвид поедут утром на машине. К тому времени, когда они приедут, Делрей будет готов к операции по шунтированию.

Марджори любезно предложила сопровождать Анну, чтобы облегчить ей общение с медицинским персоналом и присматривать за Дэвидом.

Для Дэвида это станет захватывающим приключением. Если он будет хорошо вести себя в больнице и не хныкать, его обещали свозить в соседний Арлингтон в тематический парк. Хорошо знакомый с тамошними аттракционами по телевизионным передачам и печатной рекламе, он говорил о них не переставая – даже за обедом и во время купания.

Побыв с мальчиком, Джек понял, что такое быть матерью. Он стал думать, что любящая и терпеливая мать всецело заслуживает приобщения к лику святых. Он очень устал, да к тому же беспокоился за Анну, которая должна была ехать домой в темноте и одна. Он предложил Дэвиду пораньше лечь спать.

– Так ты лучше отдохнешь перед дорогой.

– Но я не устал, Джек, – запротестовал мальчик. – И я не должен ложиться спать до тех пор, пока маленькая стрелочка не будет на восьми.

Джек был побежден. Сам он страстно желал поскорее лечь и вытянуть ноги. На нем уже сказывалось напряжение тех часов, которые он вчера провел, следя за Сесилом Херболдом. Сегодня ему пришлось заниматься делами на ферме, которые вчера он сделал кое-как, плюс присматривать за Дэвидом, что, как он понял, тоже оказалось занятием не из легких.

Однако маленькая стрелка все еще не подошла к восьми.
– Ладно, тогда давай сыграем в «старую деву».

Они играли на кухонном столе, поедая шоколадное мороженое. Дэвид выиграл три раза подряд. Беспокоясь за Анну, Джек никак не мог сосредоточиться на игре.

Сегодня в маленьком арканзасском городке братья Херболд превзошли самих себя. Утомительная поездка Сесила в Блюэр не помешала ему на следующий день принять участие в ограблении банка, в ходе которого погибли четыре ни в чем не повинных человека.

Несмотря на то что на них устроили широкомасштабную и хорошо организованную охоту, братья оставались на свободе.

Сесил знал, что Делрей лежит в больнице и его невестка и внук находятся на ранчо одни, не считая работника. Правда, Джек не представлял себе, зачем они стали бы рисковать, появляясь здесь, но, с другой стороны, вчерашний визит Сесила тоже как будто не имел смысла. Все это Джеку не нравилось.

– Почему они не применяли металл?

– Кто?

– Ты меня слушаешь, Джек?

– Конечно, слушаю. Я просто думаю, как заставить тебя вытащить «старую деву».

– Я хорошо играю.

– Ну разумеется.

– Если индейцы делают такие ножи, как у тебя, почему они раньше не использовали металл?

– Потому что у них его не было. Они пользовались материалами, которые у них были, вроде камня и обсидиана.

– Какой такой обсидиум?

– Обсидиан. Вулканическое стекло.

– Стекло из вулкана. Клево!

– Ага!

– А как вулкан делает стекло, Джек?

Что он предпримет, если Сесил и Карл заявятся сюда? Что он вообще может предпринять, не нарываясь на неприятности?

– Джек!

– Я не знаю, Дэвид.

– Я думал, что ты все знаешь.

– Нет. Далекое не все.

Дэвид выиграл, и они смешали колоду. Дэвид раздал карты.

– Ты помнишь тот день, когда я хотел писать и ты сказал, что ладно, пописай снаружи, только чтобы это не вошло в привычку?

– Да.

– Мы тогда оба пописали.

– Гм.

– Моя мама сказала...

– Ты рассказал об этом своей маме?

– Конечно.

– Замечательно! – вполголоса произнес Джек.

– Мама сказала то же, что и ты. В крайнем случае это можно, но только если поблизости нет леди.

– Это хороший совет. Всегда слушайся маму. – Он снова получил «старую деву».

– И еще я спросил у нее, будет ли у меня такой большой... как у тебя.

Джек поднял голову.

– Что?

– Она сказала, что будет, но сначала я должен подрасти.

– Что такое?

– Ну ты же знаешь, Джек! – вытаращил глаза Дэвид.

– Нет, – сказал Джек, взмахом руки призывая его замолчать. – Я слышу какой-то шум.

– Это мамина машина.

Мужчина и мальчик проскочили подсобное помещение и выбежали через заднюю дверь. Дэвид спешил, поскольку думал, что приехала его мать. Джек торопился, поскольку боялся, что это не она.

Но это действительно была машина Анны. Дэвид сбежал по ступенькам, одновременно разговаривая вслух и на языке жестов.

– Мама, мама, знаешь что? Мой чемодан уже упакован, и я готов ехать в Даллас. Во сколько мы завтра уезжаем? Сразу, как только я проснусь, или сначала мы должны позавтра-

катель? Джек сегодня разрешил мне поехать на лошади. Он держал поводья и водил ее по загону, но в седле я сидел сам – не беспокойся, я крепко держался за луку седла и не упал. Моя книга о динозаврах тоже в чемодане. Я уже принял ванну, и мы играем в «старую деву».

Что из этого Анна поняла, Джек не знал. Выйдя из машины, она встала на колени и обняла своего сына, а затем подняла его и обняла еще крепче. Обвив ногами ее талию, Дэвид тоже ее обнял, похлопывая ручонками по спине.

Взгляды Анны и Джека встретились.

Он все понял.

В конце концов она отпустила Дэвида, и тот соскользнул на землю.

– Мы кушали мороженое, и Джек разрешил мне насыпать туда «Херши». Я ничего не просыпал. Если хочешь, я могу сделать тебе мороженое – теперь я знаю как.

Анна что-то сказала ему знаками.

– Мама говорит – как-нибудь в другой раз, но не сегодня, – сообщил Дэвид Джеку. – Сейчас она очень устала.

– Тогда давай дадим ей войти в дом.

Когда они вошли, Джек попытался снова поймать взгляд Анны, но она на него не смотрела.

Придя на кухню, она достала из холодильника графин с апельсиновым соком и налила себе стакан.

Дэвид по-прежнему не умолкал.

– Угадай, что мы ели на обед, мамочка! Хот-доги. Джек

делает хорошие хот-доги. Он собирается научить меня играть в шашки, так что, когда дедушка вернется, это будет для него сюрприз.

Улыбка Анны исчезла, и она быстро отвернулась, чтобы поставить пустой стакан в раковину.

– Знаешь что, Дэвид? – сказал Джек. – Я думаю, она очень устала. И я тоже. Давай все ляжем спать. Проводи-ка свою маму наверх. Я запру дом, перед тем как уйти.

– Чем быстрее я лягу, тем быстрее встану, верно, Джек?

– Еще бы!

Дэвид взял Анну за руку.

– Пойдем, мамочка. Я о тебе позабочусь.

Анна погладила его по щеке. Дэвид, кажется, не замечал блестящие в ее глазах слезы.

– Спокойной ночи, Джек.

– Приятных снов, Дэвид. Увидимся утром.

Вымыв блюда из-под мороженого, Джек поставил их в сушилку и вышел из кухни, чтобы отнести влажные кухонные полотенца в подсобное помещение. Когда он вернулся, то, к своему удивлению, увидел в кухне Анну.

Она выглядела уставшей и надломленной. Без сандалий, рубашка выбилась из-под юбки. Глаза были красными и потухшими.

– Делрей...

Она коротко кивнула и беззвучно двинулась к одному из ящиков. Джек остановил ее.

– Сидите, я сам принесу.

То, что она так легко уступила, лишний раз свидетельствовало о том, в каком она состоянии. Сев за кухонный стол, она достала блокнот и ручку.

– Что бы вы хотели?

Когда она указала на коробку с чаем, Джек наполнил водой электрический чайник и включил его в сеть. Поставив на стол чашку и блюдце, он сел напротив.

– Вы сказали Дэвиду?

Вздыхнув, она покачала головой и сделала знак, изображающий сон.

– Я думаю, вы правильно решили. Завтра наступит уже скоро.

Она написала, что Дэвид будет разочарован тем, что поездка в «Шесть флагов» отменяется. Джек печально улыбнулся:

– Ну, он же ребенок.

«Спасибо за то, что посидели с ним сегодня».

– Нет проблем.

«Я не думала, что так задержусь. Я...»

Джек перегнулся через стол и забрал ручку из ее непослушных пальцев.

«Мне нравится Дэвид. Мне с ним не тяжело. Я рад, что смог помочь».

Она знаком показала: «Спасибо».

Джек знаком ответил: «Не стоит благодарности».

Зазвонил телефон. Указав на него, Джек спросил, хочет ли она, чтобы он снял трубку.

– Да, пожалуйста.

– Алло?

– Мистер Сойер?

– Да.

– Это Марджори Бейкер. Я звоню, чтобы узнать, добралась ли Анна до дома.

– Да, всего несколько минут назад.

– Как она?

– Как и можно было ожидать. Очень устала.

– Вы передадите ей мое сообщение? Я звонила в похоронную контору. Нам с ней назначили на девять утра.

– Благодарю вас, миссис Бейкер.

– Это самое меньшее, что я могу сделать. У вас есть карандаш и бумага?

Записав информацию, Джек сказал:

– Можно я вас еще побеспокою? Я не хочу больше утомлять Анну и заставлять ее писать, но мне хотелось бы знать, что стряслось. Последнее, что я слышал, – что Делрей должен был отправиться в Даллас на операцию.

– У него случился еще один сердечный приступ. Все усилия его спасти оказались безуспешными.

– Понятно, – пробормотал Джек, выслушав ее краткий отчет. – Ну что ж, спасибо. Я передам Анне ваше сообщение.

– Скажите ей, чтобы она без колебаний звонила, если бу-

дет нужно.

– Еще раз спасибо.

Он повесил трубку, и в эту минуту засвистел чайник. Налив кипятку в чашку с чайным пакетиком, который выбрала себе Анна, Джек вернулся на свое место и вновь сел напротив нее.

– Хотите что-нибудь поесть?

Отказавшись от еды, Анна положила ложку сахара в чай с малиной и отпила несколько глотков. Когда она посмотрела на Джека, тот протянул ей листок, где было указано время и место завтрашней встречи.

Анна прочитала его и рассеянно кивнула.

– Миссис Бейкер сказала мне, что они почти полчаса пытались его оживить.

«Они сделали все, что могли, – написала Анна. – Его нельзя было вернуть».

– Господи, Анна, мне очень жаль.

На лице Анны отразилась боль. Слезы, которые раньше лишь блестели в глазах, неудержимо потекли по щекам. Джек приподнялся со стула, готовый к ней подойти, но она протестующе замахала обеими руками.

Джек снова опустился на стул.

– Что спровоцировало приступ? Известие о визите Сесила?

«Возможно», – вытирая слезы, написала она.

– Новость о банковском ограблении докатилась до боль-

ницы? – Анна слабо кивнула, и Джек спросил: – Вы считаете, Делрей об этом узнал?

Пожав плечами, она написала:

«Не думаю, но он уже был взволнован. Он умер в беспокойстве».

Джек промолчал, давая ей возможность развить свою мысль.

«Вряд ли он узнал об ограблении, но он боялся того, что могут сделать Карл и Сесил. Он умер, беспокоясь из-за них, из-за банковского кредита, из-за того, что будет с ранчо. Еще он беспокоился за будущее Дэвида».

– И конечно, за вас, – сказал Джек, перехватив ее взгляд. «Почему за меня? Делрей говорил с вами обо мне?» Она заволновалась – об этом можно было судить по тем двум жирным чертам, которыми Анна подчеркнула слова «обо мне».

– Не очень много, Анна. Он просто намекнул мне, что, возможно, был к вам несправедлив.

«Что значит несправедлив?» – сдвинув брови, написала она.

– Ну... – Сам себя загнав в угол, он теперь не знал, что сказать. На самом деле Делрей этого не говорил. Он это только подразумевал, а Джек не мог приписать мертвому свои слова.

Анна торопливо черкнула несколько слов и подтолкнула блокнот к Джеку. «Вы ничего об этом не знаете».

– Я знаю, что он любил вас.

Она вскочила и выбежала из кухни. Джек метнулся за ней, едва не перевернув свой стул. Выскочив в дверь, Анна закрыла ее за собой. Игнорируя намек, Джек вышел следом. Анна стояла на веранде, прислонившись щекой к одной из колонн.

Взяв за плечи, Джек развернул ее к себе. Она сопротивлялась, но он не уступал.

– Конечно, он любил вас, Анна, и ему не надо было говорить мне об этом. Каждый дурак мог об этом догадаться.

Она что-то показала знаками.

Джек беспомощно развел руками. Переключившись на знаковый алфавит, она изобразила слово «как?».

– Как я узнал, что он вас любит? Потому что он не стал использовать ваши сложные обстоятельства.

Анна ответила ему удивленным взглядом.

– Ладно, я скажу. Он не стал выдвигать секс в качестве условия вашего пребывания в доме. Наверно, это можно объяснить робостью, высокой нравственностью и десятком других причин. Но я думаю, что Делрей слишком сильно вас любил, чтобы оскорблять предложением переспать с ним.

Не качайте головой и не делайте вид, что не понимаете, о чем я говорю, поскольку я знаю, что главное вы уловили.

Она отвернулась и крепко зажмурилась. Взяв ее за подбородок, Джек повернул ее лицо к себе. Она открыла глаза, но смотрела на него холодно, отстраненно.

– Вы правы, это не мое дело. Но я ведь вижу, что вы де-

лаете с собой.

Ее злой взгляд сказал ему: «И что же?»

– Вы вините себя за то, что не любили Делрея так, как он любил вас. – Он сжал ее плечи. – Не надо, Анна. Вам не в чем себя винить. Вы и так многое принесли в жертву. Ваше образование. Ваши занятия фотографией. Вашу светскую жизнь. Даже речь. Вы не могли ответить на его любовь. Он это знал. И любил еще больше за то, что вы оставались с ним.

Сначала Анна, казалось, была готова спорить, но затем напряжение ее покинуло. Плечи поникли, мышцы лица расслабились, и написанное на нем высокомерие сменилось глубокой печалью. Она опустила глаза.

Этот взмах ресниц неожиданно показался Джеку чрезвычайно сексуальным. И тут же в его сознании всплыл мысленный образ, который он весь день старался от себя отогнать. Теперь можно было его вспомнить.

Она прибежала к нему в трейлер прямо с постели. Ночная сорочка, которая была на ней надета, отнюдь не предназначалась для обольщения – ни в коем случае. Но тем не менее она выглядела очень легкой, прямо-таки воздушной – как будто могла расплавиться от прикосновения. И под ней вряд ли было еще что-то надето.

Джек не мог об этом думать, пока медсестра из больницы говорила по телефону о критическом состоянии Делрея. Потом Дэвид пролил молоко, Анна поспешила в больницу, а Джеку пришлось и выполнять работу на ранчо, и присмат-

ривать за Дэвидом, так что у него просто не было времени на такую роскошь, как воспоминания об Анне в ночной рубашке.

Но теперь он мог позволить своему воображению разыграться и живо представлял себе, что именно находилось под просторной сорочкой. Из-за росы рубашка прилипла к ногам Анны, и поэтому женщина казалась особенно хрупкой и беззащитной. По сравнению с волосатыми ногами и грудью Джека ее кожа выглядела необыкновенно гладкой и нежной.

Джек чувствовал себя словно горилла, нависшая над бабочкой.

Сейчас это чувство к нему вернулось. Стоя рядом с Анной, он ощущал, как мягко вздымается и опускается ее грудь. Одно небольшое движение – и они прижмутся друг к другу. Собственно, даже этого не требуется – надо лишь слегка наклониться.

В обществе любой другой женщины Джек не стал бы долго раздумывать. Инстинкт подсказал бы ему, когда нужно начинать любовную игру, когда целовать и когда раздевать. Как вести себя с на все согласными незнакомками, он знал. Вечером он укладывал их в постель, а утром оставлял, ощущая физическое облегчение и не испытывая никакой привязанности.

В отношении Анны, однако, стандартные приемы обольщения не подходили. Анну он знал. Он знал ее семейные обстоятельства, знал ее семью, знал, как она уязвима сегодня

ночью, и догадывался, как потом она будет ненавидеть его, если он этим воспользуется.

Правда, это не был какой-то сиюминутный приступ похоти.

Желание зародилось у Джека не сейчас, оно возникло в минуты их первой встречи и с тех пор все росло и росло. Долгое время он отказывался это признать – даже когда заметил, как она наблюдает за ним во время работы в загоне, даже когда понял, что эпизод в сарае кое-что для нее значит. Конечно, это ему льстит, но Джек не стал предпринимать никаких новых шагов, потому что... ну, потому что он не собирается здесь долго оставаться.

И потому что он не отец Дэвиду.

Самым большим препятствием, однако, был Делрей. Зная о его чувствах к Анне... Нет, ничего такого не могло бы случиться. Ни за что. Он не позволил бы себе завести интрижку, даже если бы Анна сама проявила инициативу.

Но Делрея больше здесь не было, и Джеку отчаянно хотелось дотронуться до нее. Однако он сдержался. Ибо в этой ситуации возможно одно из двух – или она ответит ему и они, забыв обо всем, займутся сексом, или она скажет, чтобы он убирался вон, и пошлет Джека собирать вещи.

В любом случае он проиграет.

Поэтому он убрал руки с ее плеч – вернее, сначала опустил руки так, что они скользнули к запястьям, а потом сделал шаг назад. Она подняла голову. Едва ворочая языком,

Джек сказал:

– Шли бы вы в дом, Анна.

По выражению его лица она должна была понять, что Джек блюдет ее интересы – ведь если она задержится еще на секунду, некое хрупкое равновесие нарушится и в один миг все может измениться. И если она не хочет, чтобы это случилось, ей надо немедленно уйти.

Заколебавшись лишь на мгновение, Анна быстро отошла в сторону и исчезла в дверях.

Глядя, как она уходит, Джек прошептал:

– Делрей, на твоём месте я бы так не смог.

– Что это с ним такое? – Сидя на заднем сиденье угнанной машины, Конни Скэггс старалась держаться поближе к окну.

В противоположном углу, скорчившись, сидел Майрон Хаттс.

Его длинные ноги едва уместались в пространстве между передним и задним сиденьями. Колени поднимались едва ли не до подбородка.

Глядя на ее отражение в зеркале заднего вида, Сесил сказал:

– Он немножко не от мира сего, милая, вот и все. Но Карл говорит, что если к нему привыкнуть, то его странность перестает замечать. Верно, Карл?

– Нуда, я именно так и говорил. – Карл, сгорбившись, сидел на пассажирском сиденье, воротник рубашки закрывал ему рот, в результате чего его бормотание казалось еще более неразборчивым.

От него меня в дрожь бросает, – бесцеремонно заявила Конни, как будто Майрон не мог ее услышать. – Пусть он не прикасается ко мне своими противными белыми руками.

– Он не будет тебя беспокоить, – заверил ее Сесил.

– Я просто предупреждаю... – Она выдержала паузу, затем, сложив руки на животе, отвернулась от Майрона и стала смотреть в окно, хотя снаружи царилась тьма и увидеть там

ничего было нельзя.

Все время разговора Майрон проспал, уронив голову на грудь. С нижней губы его стекала струйка слюны.

Сесил хотел бы, чтобы Конни дружелюбнее вела себя по отношению к Майрону. Или по крайней мере держала бы свое мнение о нем при себе. Лишние разговоры сейчас ни к чему. Им и так придется провести вместе довольно много времени, что само по себе создает благоприятную почву для конфликтов. Если они не будут сдерживать взаимную антипатию, обстановка станет просто невыносимой. Карл и так уже не в духе.

Сняв галстук и пиджак в полоску, в котором был в банке, он все же остался в костюмных брюках и начищенных до блеска ботинках. Сесил недоумевал, где он успел все это украсть.

Одежда была явно с чужого плеча.

Когда там, в банке, они заговорили, Сесил едва узнал своего брата без бакенбардов и с короткой прической. По плану они должны были встретиться там в строго определенное время. Маскировка, к которой прибег Карл, даже Сесила на секунду застала врасплох, так что оказалась очень эффективной. Никто не узнал бы беглого преступника в одетом с иголки бизнесмене. Вот чем хорош Карл – он умеет все делать как надо.

Но для человека, только что совершившего смелое ограб-

ление банка, принесшее несколько сотен грандов,¹⁵ младший брат Сесила выглядел не слишком довольным. По идее, сейчас Карл должен испытывать душевный подъем, должен быть опьянен успехом, а вместо этого он весел, как могильщик. Это очень беспокоило Сесила, который по опыту знал, что такое настроение Карла ничего хорошего не предвещает.

Надеясь предотвратить катастрофу, он попытался взбудорить брата, завязав с ним беседу.

– Это вы взяли автозаправку?

– А как ты думаешь? – пробормотал в ответ Карл.

– Думаю, что это был ты. – Сесил шутливо ткнул его локтем в бок. – Такие номера очень даже в стиле моего брата. – Уже не так весело он добавил: – Как я понимаю, с тем ребенком у тебя не было выбора, да?

Карл повернул голову и впился глазами в брата. Сесил нервно засмеялся.

– Согласись, это было довольно пикантно – ну, что ты сделал с этой девочкой. Не то чтобы я не понимаю, отнюдь нет. Я имею в виду – теперь говорят, что с тем изнасилованием дело не в сексе, а в контроле над собой.

Карл положил руку на спинку сиденья.

– Так говорят?

– Я слышал это в передаче «Тайны Америки». Ну, по Эйч-би-оу.

– Не знаю. В местах не столь отдаленных мы не смотрели

¹⁵ Гранд (жарг.) – тысяча долларов.

Эйч-би-оу.

Сесил пожалел о том, что заговорил на эту тему.

– Там показывали сюжет об этом изнасиловании и так ска-
зали.

– Ну, они не правы. Я засуну хрен в любую дырку, которую
только смогу отыскать, и даже не подумаю о контроле над
собой.

– Это отвратительно! – подала голос Конни, Карл бросил
взгляд на заднее сиденье:

– С тобой разве разговаривают? Нет. По-моему, никто к
тебе не обращался.

– Конни, пожалуйста! – пытаюсь предотвратить ссору, ска-
зал Сесил. – Не мешай. Мы с Карлом разговариваем.

– Я что, человек-невидимка? – раздраженно спросила она.

– Нет, просто... Она прервала его:

– Пока я здесь, я буду высказывать свое мнение.

– О чем ты только думал, Сесил?

Хотя эта перепалка разбудила Майрона, привела в еще
большее раздражение Конни и испугала Сесила так, что он
чуть не съехал с дороги, Сесил был даже рад, что Карл нако-
нец взорвался. Больше не надо этого бояться. Теперь атмо-
сфера начнет наконец очищаться. Тем не менее ему не осо-
бенно нравился тон, которым разговаривал с ним Карл.

– Что же я такого сделал?

– Что же я такого сделал? – передразнил его Карл. – Хотел
бы я знать, когда в твою тупую башку пришла мысль при-

влечь ее к этому делу.

– А почему ты меня не спросишь? – сказала Конни.

– Потому что я спрашиваю своего брата.

– Я могу говорить сама за себя!

– Заткнись! – в один голос гаркнули братья. Окончательно проснувшись, Майрон принялся ковырять в правой ноздре.

– Я встретил Конни в банке, – начал Сесил. – Ты ведь знаешь, что по пятницам я ходил туда снимать деньги со счета. Мы стали разговаривать. Каждую пятницу я там с ней виделся. А потом она появилась в гараже и попросила меня починить ее машину. То одно, то другое, и мы начали встречаться.

– Мне плевать на твою личную жизнь, – презрительно произнес Карл. – Я хочу знать, зачем ты втравил в наше дело эту чертову бабу. Ты что, спятил? Мне это не нравится. Совсем не нравится. Ни капельки.

Когда у Карла вот так блестят глаза, когда он произносит несколько фраз подряд, практически не разжимая губ, надо действовать быстро. Нервничая, Сесил сказал:

– Конни говорила насчет того, как она ненавидит банк и своих коллег. Эти снобы все время подлизываются к боссам. Она мечтала отплатить им за то, что они обращались с ней как с грязью. И однажды ночью меня осенило.

– Видение снизошло, что ли? – саркастически спросил Карл.

– Можно сказать и так, – игнорируя его иронию, ответил

Сесил. – Я начал ее дразнить, говоря что-то вроде: «Давай ограбим этот банк. Так ты им отомстишь». Ну и все в том же духе. Потом я уже не шутил, и она, зная это, согласилась: «Да, мы должны это сделать». Доволен?

Карл снова злобно посмотрел на Конни и произнес, обращаясь к Сесилу:

– Ты слепой дурак. Она тебя околпачила. Вот что случилось. Она трахалась с тобой, чтобы ты ее взял.

– Уж поверь мне, Карл! – раздраженно отозвался Сесил. – Это не так. Она очень помогла. Ты думаешь, все прошло бы столь гладко, если бы не Конни? Она знала все изнутри, а нам это и было нужно. Ты сам видел, как она убила того копа.

– И это натравило на нас погоню.

– Это спасло твою шкуру! – с заднего сиденья крикнула Конни. – Он целился в тебя, ничтожество. Кроме того, не я виновата в том, что за нами погоня. Ты сам первый пролил кровь, когда убил того байкера. И этот жующий сопли придурак тоже убил.

Карл искоса посмотрел на Сесила.

– Кажется, братец, единственный, кто никого не убил, – это ты. Вот так и уходят от ответственности, верно?

Сесил нажал на тормоза, и машина остановилась прямо посередине дороги. Это, правда, не представляло никакой опасности. По этой полосе щебенки, вьющейся среди густых сосновых лесов, никто не ездил. Дорога едва ли имела название или номер и наверняка не значилась на какой-либо кар-

те. Как шутил Сесил, приготовленное им убежище спрятано в такой чащобе, что туда едва проникает солнечный свет.

Теперь ему было не до шуток. Остановив машину, оскорбленный Сесил потребовал у Карла объяснений.

– Я имею в виду, что каждый раз, когда у нас что-то не ладится, мне приходится стрелять, чтобы поправить дело, – презрительно бросил Карл и снова повернулся к Конни: – Донжуан когда-нибудь рассказывал тебе, как он обделался в Аркадельфии?

– У меня случилась осечка! – высоким, тонким голосом воскликнул Сесил.

– Это ты мне так говорил, а давая показания на суде, признался, что, когда тот тип пришел тебя брать, ты не смог нажать на спусковой крючок.

– Мне так велел мой адвокат. Он заставил меня это сказать, Карл. У тебя был тот пламенный либерал-янки с косичкой – что, сильно тебе помогли его высокие идеалы? Мой посоветовал мне изобразить раскаяние, и я так и сделал.

– Ну а я склонен верить тому, что ты говорил в суде. Стало быть, милый братец, ты отъявленный трус.

Повернувшись на сиденье, Сесил схватил Карла за горло. Карл ткнул стволом пистолета в живот Сесилу.

– Вы что, с ума сошли? – закричала Конни.

Сесил откинулся назад, задыхаясь и потирая живот. Засмеявшись, Карл повесил пистолет обратно на пояс, затем перегнулся и сжал ладонями покрасневшее лицо Сесила.

– Я тебя просто испытывал, старший брат. Хотел увидеть, есть ли у тебя порох в пороховницах. Бог свидетель – я доволен. Как ты на меня набросился! Ты видел это, Майрон?

– Нуда, Карл.

– Он помог бы нам в Такере справиться с этими подлыми ниггерами, верно, Майрон?

– Конечно, Карл.

– Вы все психи, вот что! – фыркнула Конни. Но она тоже смеялась, видя, что пар выпущен. – Полные психи!

Карл слегка похлопал Сесила по щеке:

– Ты в порядке, Сес?

Сесил все еще пытался выровнять дыхание, но, чтобы не разочаровывать Карла, подал знак, что с ним все хорошо.

– Тогда снова заводи эту колесницу и правь, старший братец, правь. Быстрее вези меня в свою хижину, чтобы я мог избавиться от этой проклятой одежды. В том, что касается моды, у нас с покойным Г.Р. Бейли разные вкусы.

– Кто такой Г. Р. Бейли?

– Это все в прошлом. И он, и его старушка, и ее толстенная сестра, – сказал Карл. – Собственно, черт с ним, с прошлым. Меня интересует только будущее. Нам много чего надо сделать, Сес. И чем быстрее, тем лучше. Господи, как хорошо снова вернуться к делу!

– Разумеется, Карл, – прохрипел Сесил. – Чертовски здорово, что братья Херболд опять вместе.

Карл повернулся к Конни:

– Я проголодался. Ты умеешь готовить?

– Жри дерьмо и помирай!

Снова засмеявшись, он хлопнул Сесила по плечу.

– Не зря она тебе понравилась!

Нигде так не соблюдаются традиции, как в том, что касается смерти. Даже если усопший был не в ладах с богом и людьми, все необходимые церемонии неуклонно выполняются. Смерть Делрея Корбетта не осталась незамеченной той общиной, в которой он жил.

На следующее утро после его кончины местная газета поместила некролог, составленный по сведениям, которые от имени Анны предоставила Марджори Бейкер. Церковная благотворительная комиссия позаботилась о продуктах. Этим занимались леди, на которых, как предполагала Анна, просто пал жребий. Чувствуя себя неловко из-за того, что разговаривают с человеком, который не может им ответить, они приехали в дом с тортами, кастрюлями, тарелками с окороком и жареными цыплятами и, посидев немного для приличия, удалились.

Делрей был похоронен без всякой помпы между его женой и сыном. На похороны пришли только старики, но эти старики помнили об инциденте с Пэтси Маккоркл и о роли, которую сыграли в этом деле неисправимые пасынки Делрея, так что возложенная на него вина за их поведение не покинула Делрея даже после смерти.

За свою жизнь он приобрел очень мало настоящих дру-

зей, которых к тому же в последние годы избегал, устроив себе добровольную ссылку. Поэтому на погребальную службу пришло немного народу и еще меньше проследовало за гробом на кладбище.

Сидя под навесом вместе с Дэвидом, Анна смотрела на горстку пришедших проститься с Делреем. Его партнеры по домино все были здесь. Анна с удивлением узнала одного из друзей Дина, который был шафером у них на свадьбе и которого она после смерти Дина ни разу не видела.

Когда умер Дин, она решила, что ради Делрея надо поддерживать отношения с друзьями мужа, которые тоже переживали потерю. Но вскоре она поняла, что Делрей усматривает в них угрозу. Кроме того, что он вообще их избегал, поскольку они напоминали ему о сыне, он не желал видеть их в обществе Анны, поскольку каждого из них рассматривал как потенциального поклонника и соответственно своего соперника.

Марджори Бейкер была единственной подругой, которую Анна могла пригласить на похороны. Даже Джек Сойер не пришел. Он отказался, пояснив, что принесет больше пользы, работая на ранчо, и еще сослался на то, что у него нет подходящей одежды. Однако Анна не знала, действительная это причина или только предлог. Большой разницы она все равно не видела.

Закончив свою речь, священник закрыл Библию и подошел к Анне:

– Я буду молиться за вас и Дэвида.

С помощью Марджори она поблагодарила его, и на этом все кончилось.

Во время обеих церемоний Дэвид выглядел очень серьезным и неестественно спокойным, его бьющая через край энергия куда-то пропала. Вероятно, его ошеломили незнакомые тихие голоса, органная музыка, цветы, приглушенный свет и гроб, пахнувший желтыми хризантемами.

Встав рядом с ним на колени, Анна сказала сыну, что им пора уходить, и спросила, не хочет ли он попроситься с бабушкой. Посмотрев на гроб, Дэвид, кажется, в первый раз понял связь между этой странной церемонией и своим дедом. Осознав, что он больше никогда его не увидит, мальчик уткнулся лицом в плечо Анны и заплакал. Она прижала сына к себе. Не надо его торопить. Пусть выплачется.

Наконец Дэвид поднял голову и вытер рукой нос.

– Пойдем? – спросила Анна.

– Может, пообедаем в «Макдоналдсе»?

Улыбнувшись сквозь слезы, Анна согласилась, что это хорошая мысль. Держась за руки, они прошли к предоставленному семье Делрея лимузину. К сожалению, прежде чем они успели к нему подойти, вперед вышел Эмори Ломаке и загородил им дорогу.

Нет, он рожден под счастливой звездой. Чем иначе можно объяснить столь неожиданную удачу? Он любимец ангелов, эльфов и нимф. Все, кто определяет судьбу, видимо, благо-

волят Эмори Ломаксу.

Когда священник начал читать над Делреем Корбеттом отходную молитву, Эмори склонил голову, но глаза его оставались открытыми и улыбались. Корбетт мертв. Какое благоприятное стечение обстоятельств – особенно когда Коннот и прочие в «Ист-парке» становятся беспокойными и требуют результатов.

Теперь Эмори может спокойно звонить им, чтобы сообщить, что самое главное препятствие лежит в могиле. Встреча была назначена на послезавтра.

– Аминь, – вторя священнику, сказал Ломаке. Ребенок плакал, Анна Корбетт обнимала его за плечи.

Демонстрируя свое уважение, Эмори вместе с остальными двинулся прочь, давая членам семьи покойного возможность несколько мгновений побыть одним на могиле. Чтобы соблюсти декорум, он шел к веренице припаркованных машин, слегка наклонив голову, медленной походкой, хотя внутри у него все пело и ноги сами пускались в пляс.

В «Ист-парк» его встретят как героя. Комиссионные будут такими большими, что от одной мысли об этом у него кружится голова. Он сделает в компании сногшибательную карьеру, расставшись с рутинной работой и оставив позади тех ничтожеств, которые недостойны даже держать ему свечку.

Банк вместе с его дурацким президентом, тупым наследником и непривлекательной секретаршей миссис Пресли могут поцеловать его в задницу. Прощай, детка! Теперь ничто

не стоит на его пути.

Но, конечно, еще нужно доделать одно маленькое дельце. Разок перепихнуться – и все тип-топ.

Эмори нахмурился. А вообще-то все может осложниться.

Тут требуется...

Он так усердно об этом размышлял, что чуть не упустил Анну, когда она проходила мимо него вместе с высокой седой бабой и ребенком. Эмори выступил вперед.

– Миссис Корбетт! – Он обеими руками стиснул руку Анны и принялся ее похлопывать и поглаживать. – Примите мои искренние соболезнования!

Четко шевеля губами, чтобы она не упустила ни одного прочувствованного слова, он выразил свою скорбь и сожаления по поводу безвременной кончины ее свекра.

– В такие минуты слова ничего не значат.

Холодно кивнув, она попыталась высвободить свою руку. Продолжая ее удерживать, он впихнул Анне свою визитную карточку.

– Позвоните мне как можно быстрее. Вам необходимо принять очень важные решения по финансовым вопросам, которых нельзя избежать. Вам нужен совет.

Она выдернула руку и знаками что-то показала.

– Анна вас благодарит, – перевела высокая баба. – Она также говорит, что ценит ваше предложение, но Делрей оставил все финансовые дела в полном порядке.

Улыбка Эмори поблекла.

– Ваш свекор был аккуратным человеком. За это я им и восхищался.

Она еще раз снисходительно кивнула. Ребенок потянул ее за руку.

– Я хочу есть, мамочка. Может, пойдем?

Эмори был готов удушить маленького ублюдка, но вместо этого посмотрел на него с улыбкой.

– Попридержи лошадей, сынок. Мы разговариваем с твоей мамой.

Но Анна знаком попрощалась и повернулась к лимузину, шофер которого открыл перед ней дверцу.

Эмори словно наяву увидел мрачную физиономию Коннота, такую же реальную, как и потоки поднимающегося с тротуара горячего воздуха. В своем темном костюме Ломак-су сразу стало жарко.

– Миссис Корбетт! – сказал он, чтобы остановить ее, но, поняв, что говорит в спину глухой женщине, схватил ее за руку, которую та сразу же вырвала. – Простите, что задерживаю вас. Здесь жарко, ваш мальчик хочет есть, и я знаю, что это для вас тяжелый день, но... В общем, некоторые вещи важны даже... – Он кивнул в сторону могилы.

Анна почувствовала, как ее охватывает раздражение.

– Я знаю, кто отравил ваш скот! – выпалил Эмори.

Дэвид постучался в дверь. Джек как раз грел себе еду на маленькой газовой плите.

– Мама говорит, что у нас хватит еды на целую армию и что она испортится, если ты не поможешь нам ее съесть. Ты не возражаешь, Джек?

Джек убрал кастрюлю с конфорки.

– Конечно, нет, спасибо. Скажи маме, что я сейчас приду.

– Ты еще не идешь?

– Буду через пять минут.

Джек использовал это время на то, чтобы провести щеткой по волосам и сменить рубашку. Он даже плеснул на себя лосьоном после бритья. Это было глупо, но его так давно не приглашали на ужин.

Когда Анна и Дэвид вернулись с похорон, Джек стоял на лестнице, сбивая с крыши старые птичьи гнезда. Дэвид выскочил из машины сразу, как только она остановилась.

– Джек, а Джек! Чего ты делаешь? Можно мне тебе помочь? А мы ездили в «Макдоналдс».

Джек спустился с лестницы.

– Ну и как, нормально?

– Ага. Разреши мне залезть наверх?

– Только на несколько ступенек. И будь поосторожнее.

Анна не казалась такой оживленной, как ее сын. Она

вылезла из машины медленно и передвигалась так тяжело, словно ее траурное одеяние было сделано из железа. На ее худощавой фигуре платье выглядело слишком свободным. Глаза скрывались за темными очками, но лицо было бледным и изможденным.

– Как вы? – спросил Джек.

Она знаком показала, что с ней все в порядке.

– После того как вы два дня назад уехали из больницы, вы толком не спали. Вам надо пойти в дом и лечь. Отдыхайте до вечера. За Дэвидом я присмотрю.

Она что-то показала знаками, и Джек попросил Дэвида перевести. Держась одной рукой за лестницу, мальчик другой прикрывал глаза от солнца.

– Она говорит, что очень благодарна, но сначала я должен пойти в дом и переодеться.

– Отличная мысль! – Обхватив мальчика за талию, Джек поставил его на землю. – Ты переоденешься, потом вернешься ко мне готовый к работе. Идет?

– Идет, Джек!

– И не разбрасывай одежду по всей комнате. Отдай все маме.

– Я так и сделаю. – Хлопнув дверью, он влетел в дом.

– Хорошо, когда у тебя столько энергии, – обернувшись к Анне, заметил Джек.

С улыбкой глядя вслед сыну, она кивнула. Джек снял шляпу и вытер лоб носовым платком.

– Какая ужасная жара, правда? Сейчас не помешал бы дождь.

Что за банальность! Но он просто не знает, о чем говорить. Он хотел бы утешить ее в горе, но понимал, что это опасная тема. Он хотел бы спросить ее, как прошли похороны, но боялся услышать в ответ строгую отповедь. Так что остается нейтральная тема – погода.

Все утро, выполняя свои обычные обязанности, Джек мучился вопросом, что делать, и пришел к выводу, что надо уйти до того, как они вернутся с похорон. Просто уйти, и все. Никаких прощаний. Никаких объяснений, почему он уходит или почему пришел. Может быть, короткая записка с пожеланием всего наилучшего – и адъё.

Это было бы умнее всего. Но, черт возьми, в день похорон Делрея он не мог просто так исчезнуть. Херболды имели зуб именно на Делрея, однако его смерть вовсе не означала, что Анна и Дэвид теперь вне опасности. Поэтому Джек не может уехать – до тех пор, пока Сесил и Карл вновь не окажутся за решеткой.

Тем не менее не стоило обливаться «Оулд спайс» и идти по ее приглашению на ужин, подумал Джек, входя в дом через заднюю дверь. Зацепившись за порог, он чуть не сломал себе шею.

На кухне Дэвид накрывал на стол. Анна, казавшаяся слегка взволнованной, поспешно вытаскивала из древнего серванта кастрюли и тарелки с едой. Знаком показав Джеку, что

он должен накладывать себе сам, она подала ему пустую тарелку.

Джек был удивлен щедростью людей, с которыми Делрей даже не был в особенно дружеских отношениях. Он никогда не встречал такого проявления соседской отзывчивости.

Накладывая себе картофельный салат, маринованные огурцы, жареные бобы и глазированную медом ветчину, он вспоминал о том, как умерла его мать.

Он вырос в Бейтауне, что напротив Галвестона, через залив. Его мать зарабатывала себе и ему на жизнь, работая посудомойкой по десять с лишним часов в день. Когда она приходила домой с работы, то наскоро ужинала и сразу валилась в постель, иногда плача во сне. Одним из самых первых воспоминаний Джека было то чувство беспомощности, которое он испытывал, видя страдания матери.

По воскресеньям, в свой единственный выходной, она вставала поздно, прибиралась, ходила за покупками и рано ложилась, чтобы начать новую трудовую неделю. Изнурительная рутина ни на что не оставляла времени. Они редко позволяли себе как-то развлечься – все силы поглощала борьба за выживание.

Однажды утром Джек встал и обнаружил, что мать лежит в постели мертвая. Он позвонил в полицию, которая вызвала coronera, а тот, в свою очередь, распорядился увезти тело.

Вскрытие показало, что мать моментально умерла от кровоизлияния в мозг. Без всякой суеты ее отправили на веч-

ный покой.

Отец Джека появился через неделю.

Джек не знал, куда сообщить ему о смерти его жены. По последнему адресу, который отец оставил матери, его не оказалось, так что появление отца было чистой случайностью.

Отец был старше Джека всего на пятнадцать лет, моложе своей жены на десять и гораздо ее симпатичнее. Он находил жестокое наслаждение в том, что постоянно ей на это указывал. Отец говорил Джеку, что он появился на свет в результате его безответственного поведения.

– Ты был зачат, когда я, изрядно навеселе, провел одну субботнюю ночь с твоей будущей матерью, – повторял отец. Узнав о ее беременности, он женился на ней, но посчитал, что больше ничем ей не обязан.

Когда он соизволял нанести им визит, полный наивного детского оптимизма Джек надеялся, что отец останется.

Появляясь в доме, отец шутил и смеялся, а мать улыбалась.

Джек слышал, как она хихикает по ночам, и знал, что мама рада лечь в постель с его папой.

Однако счастье каждый раз было недолгим. Вскоре неизбежно возникали ссоры. Первым делом папа начинал рассказывать о женщинах, с которыми переспал, пока отсутствовал дома, и это не было пустым хвастовством. Подружек он заводил и среди местных женщин. Даже после того как отец уезжал, они всё продолжали звонить, прося его позвать.

Иногда он напивался и принимался скандалить. Несколько раз раздраженные соседи вызывали полицию, которая его утихомиривала. Конечно, Джек, как и все дети, хотел, чтобы у него был отец. Когда папы не было, он по нему скучал. Но в папино отсутствие жизнь становилась гораздо спокойнее.

Хотя мама Джека умерла молодой, ее оплакивал только Джек. Если его отец и приходил на могилу, Джек об этом не знал. Возвратившись домой и обнаружив, что Джек остался один, его родитель вскоре исчез снова, заявив своему сыну, отчаянно пытавшемуся сдержать слезы, что ему нужно еще доделать кое-какие дела. «Я скоро вернусь. Я тебе обещаю».

Он вернулся только через шесть месяцев, когда штат подыскал Джеку приемных родителей.

Когда умерла его мать, никто не принес Джеку домашних пирожных и тортов с кокосовой начинкой. Никто не протянул ему руку помощи. Единственная рука, которая тогда к нему протянулась, – это рука домовладельца, потребовавшего с него арендную плату, которую Джек не мог заплатить, поскольку его папаша забрал с собой все деньги.

* * *

– Мне нравится эта штука с апельсинами и ананасами. Попробуй, Джек.

Последовав совету Дэвида, Джек отведал желе, и оно действительно оказалось хорошим.

Хорошим здесь было все – домашняя еда, домашняя обстановка, вообще все. Единственное, что портило картину, – это сам Джек. Он тут лишний, и надо быть круглым дураком, чтобы хотя бы на один вечер обмануться.

Это не его дом. Это не его мальчик. Он не будет укрывать его на ночь и слушать его молитвы, а затем ложиться в постель с этой женщиной. Потому что это не его женщина и никогда ею не станет. Он в этом уверен.

И в то же время он никак не мог отвести от нее глаз.

Их взгляды притягивало друг к другу словно магнитом, так что в конце концов раздраженный Дэвид несколько раз постучал по столу, чтобы привлечь внимание Анны, и захныкал:

– Мамочка, я ведь с тобой говорю!

Сон вернул ее к жизни. Усталые, заплаканные глаза вновь обрели прежний блеск. Щеки порозовели. Переодевшись, Анна сменила траурное платье на синие джинсы и полосатую блузку. Блузка была тесной, а вот волосы свободно разлетались по плечам каждый раз, когда Анна поворачивала голову. От розовой помады губы ее блестели.

Нет, не стоит смотреть на ее губы.

– Можно мне выйти из-за стола, Джек?

– Гм! – Не расслышав, он повернулся к Дэвиду, который повторил свой вопрос. – А почему ты не спрашиваешь разрешения у мамы?

– Я всегда спрашивал дедушку.

Джек посмотрел на Анну, и она разрешила Дэвиду выйти из-за стола. Мальчик тут же отправился в гостиную смотреть телевизор. Несмотря на протесты Анны, Джек помог ей убрать со стола и загрузить посуду в посудомоечную машину. Закончив эту работу, он направился к задней двери, готовый попрощаться и уйти.

Однако Анна взмахом руки предложила ему пройти за ней в кабинет, где сразу включила компьютер. Джек, как и в прошлый раз, сел, расположив стул так, чтобы Анна видела его лицо, а он мог видеть экран компьютера.

«Мне нужен ваш совет», – напечатала она.

– Ладно. Валяйте. – Последнее слово, кажется, привело ее в замешательство. Джек улыбнулся. – Это значит – начинайте.

«Пожалуйста, взгляните на это и скажите свое мнение», – прочитал Джек на экране компьютера. Напечатав эти слова, Анна достала из папки письмо и протянула его Джеку.

Письмо было на бланке местной лесопромышленной компании. Она предлагала вырубить часть леса на участке, принадлежащем Корбетту. Компания обещала заплатить за древесину конкурентоспособную цену, а общая сумма, по приблизительной оценке, должна была составить около пятнадцати тысяч долларов. Прочитав эту часть письма, Джек тихо присвистнул.

Пока он читал письмо, Анна набрала:

«Делрей не хотел об этом и слышать. Он не желал ничего

менять. Он не желал, чтобы рубили лес, особенно чтобы рубили чужаки. А вы что думаете?»

Джек потер шею.

– Ну, здесь сказано, что на месте вырубки они посадят новые деревья, что хорошо для экологии. Причем они сами выполняют всю работу. Конечно, нелишне, чтобы перед подписанием контракта на него взглянул адвокат, но что вы теряете, кроме деревьев?

«Без деревьев я могу прожить, – написала она. – А без денег – вряд ли. На похоронах был Ломаке».

– Вот стервятник!

«Это точно, – напечатала она. – Боюсь, что, если я не соглашусь продать участок „Ист-парк“, он потребует начать выплату основного долга. Если рынок говядины будет таким, как сейчас...» Она посмотрела на Джека, чтобы убедиться, что он следует за ее мыслью.

– Это вас поддержит, но не более того.

«Сделка с древесиной даст мне необходимые деньги, – напечатала она. – Делрей отвергал подобные предложения. Но если я сейчас не продам часть древесины, я могу потерять все. Мне кажется, это имеет смысл».

Джек улыбнулся.

– Леди, вам не нужен мой совет. Скорее это я должен спрашивать у вас совета в финансовых делах.

Анна засмеялась, и смех ее звучал очень приятно.

«Я позвоню им завтра», – напечатала она. Затем ее лицо

омрачилось, и она добавила: «Может быть, нехорошо, что я уже в день похорон Делрея иду против его воли? Это письмо пришло несколько недель назад. Если я не дам им ответ, они могут снять свое предложение».

– Теперь вы здесь хозяйка, Анна. Вам совершенно ни к чему оправдываться. В особенности передо мной. Не мне судить, как другие распоряжаются своей жизнью.

Она долго смотрела ему в глаза, потом повернулась к клавиатуре. «Какая история произошла с вами, Джек?» Он криво улыбнулся.

– У меня нет биографии.

«У каждого есть биография».

– Только не у меня. И уж во всяком случае, она никому не интересна.

По выражению лица Анны он понял, что она ему не верит.

От него не укрылось и то, что она уже хорошо его знает, хотя они встретились всего две недели назад. Ее глухота компенсировалась необычным даром. Если слепые, как правило, обладают невероятно острым слухом и чувствительностью, то Анна могла проникать в мысли собеседника.

Джек читал одно за другим слова, появлявшиеся на голубом экране компьютера.

«Вы собираетесь уехать, не так ли?»

Он знаком показал:

– Да.

Она посмотрела на его руки, потом на его губы, затем за-

глянула ему в глаза.

Херболдам осталось разгуливать на свободе считанные дни. Их поймают или убьют. И тогда Джек уйдет. Это решено. Он не может здесь остаться.

Да, надо уходить. Когда Джек появился на ранчо, он не предполагал, что так увязнет. Делрей, Анна и Дэвид, все вместе и по отдельности, произвели на него сильное впечатление – этого нельзя отрицать. Что ж, у него будут хорошие воспоминания. Для Джека Сойера это чертовски важно. Это все, на что он может надеяться.

Анна изобразила знак, который явно означал какое-то вопросительное слово. Джек без труда догадался, о чем она спрашивает.

– Когда? Скоро, Анна.

Она на миг опустила глаза. Уголок ее губ слегка дернулся, что, как понял Джек, означало сожаление. Затем, повернувшись к клавиатуре, она напечатала: «Перед тем как уйти, вы кое-что сделаете для меня?»

– Конечно. Я не оставлю вас на мели. Вы составите список дел, и я выполню их до того, как...

Она остановила его взмахом руки.

«Нет, я говорю об одолжении, – напечатала она. – О личном одолжении».

– Я вот что думаю. – Сесил пронзил перочинным ножом маринованный огурец и вытащил его из банки. – Мы должны просидеть здесь как можно дольше.

– Дольше – это сколько?

– Несколько дней. Может быть, даже неделю.

– Неделю? Господи! Ты дурак или законченный псих?

– Послушай меня, Карл. Надо подождать, пока все не утихнет. Хочешь?

Это уже относилось к загарпуненному огурцу. Сесил предложил его Карлу, но тот с отвращением отпрянул.

– Нет. От него воняет, как от невымытых ног. Между прочим, кто планировал меню?

– Мы с Конни запаслись продуктами на распродаже. Купили только то, что не портится, потому что неизвестно, сколько мы здесь проторчим, да и холодильника тут нет.

– Да уж! – пробормотал Карл, отпивая глоток теплого «Будвайзера».

В течение дня его настроение менялось от плохого к отвратительному. Хижина, в которой они прятались, принадлежала какому-то дальнему родственнику Конни. Мужу двоюродной сестры или что-то в этом роде. Когда она начала объяснять степень родства, Карл велел ей заткнуться.

Предварительное описание выглядело не очень обнадежи-

вающе. У Карла, правда, была слабая надежда на то, что жилище ему все-таки понравится, но, к несчастью, его худшие опасения подтвердились. Они приехали на место поздно вечером, но даже темнота не могла скрыть всех изъянов хижины. Она была ненамного лучше той хибары, в которой они с Майроном жили перед ограблением банка.

Единственное, о чем Карл думал с удовольствием, – это об ограблении. По крайней мере в этой части план Сесила удался. Посчитали еще не всё, но уже ясно, что в банке они взяли больше денег, чем предполагал Карл. Просто позор, что надо делить их на четыре части! Карлу страстно хотелось побыстрее хоть что-то потратить. Теперь он богатый человек, а с помощью денег можно купить себе власть и уважение. Кроме того, деньги внушают страх. Все еще узнают, кто такой Карл Херболд.

Отныне с ним придется считаться. Старые и новые враги будут трепетать, услышав его имя. Иметь много денег – все равно что держать в руке меч, и Карл собирался без колебаний пускать это оружие в ход, сметая всех, кто встанет на его пути. Всю жизнь ему приходилось подчиняться другим, в основном полным ничтожествам. Сейчас это исключено.

Тем не менее, глядя на него в эту минуту, трудно сказать, что это денежный мешок, внушающий страх и трепет. Он ест из банки холодную свинину с бобами, сидя в жаркой и грязной однокомнатной хибаре, в которой недавно сдохла лиса, так что сейчас здесь стоит чудовищная вонь. Такая жизнь не

по нему, и он жаждет как можно поскорее с ней расстаться.

Карл смял в руке пустую банку из-под пива.

– Зачем столько ждать, Сес?

– Затем, что в радиусе пятисот миль нас разыскивают все копы.

– Но машина ведь чистая! – запротестовал Карл. Они сменили машину в пятнадцати милях от банка. Конни заранее оставила второй автомобиль на круглосуточной автостоянке, где все время кто-то приезжал и уезжал, так что теоретически на них не должны были обратить внимания. – Они не станут искать эту машину, Сес. Если, конечно, ты меня не обманул.

– Может, ты наконец оставишь его в покое? – вмешалась Конни.

– А не поцеловать ли тебе меня в задницу? – огрызнулся Карл.

– Машина чиста, – быстро сказал Сесил. – Словно эти тарелки. Но как только мы выезжаем на дорогу, мы выставляем себя напоказ. Нас сразу кто-нибудь может узнать. Было бы разумно уменьшить фактор риска.

– Какие замечательные слова ты знаешь, братец! Радиус. Фактор риска. Ты, видимо, слишком много смотрел Эйч-би-оу. – Карл махнул в сторону Конни: – Или это она тебя научила таким словам?

– Я только говорю, что мы должны оставаться здесь до тех пор, пока наши портреты не перестанут показывать по

телевизору, – ответил Сесил. – Хочешь персик, милая?

И он предложил Конни банку с консервированными персиками. Выудив один из них пластмассовой ложкой, она взяла персик в руку и, неприлично улыбаясь, откусила от него кусочек и принялась с чавканьем высасывать мякоть. Сок стекал по ее подбородку. От Карла не ускользнул символический смысл ее действий; впрочем, он понимал, что Конни этого и добивалась.

Смеясь, она вытерла липкий сироп тыльной стороной руки и игриво ткнула Сесила пальцем в живот.

– С тех пор как я с тобой познакомилась, мое поведение за столом стало просто ужасным. Моя мама была бы в истерике, если бы меня сейчас увидела.

Карл мрачно посмотрел на банку со свининой. Он сделал вид, что выволочка, которую он устроил Сесилу, – это всего лишь шутка, но на самом деле все было на полном серьезе. Во время налета эта сука действительно принесла пользу. Иметь в банке своего человека – это, конечно, важно. Она также доказала свою храбрость, когда отправила того копа к праотцам. Здесь тоже спору нет.

Однако для мужиков в бегах последнее дело, когда с ними вместе находится вот такая Конни Скэггс, которая на каждом шагу делится своей двухцентовой мудростью. У нее язык без костей, и она не боится высказывать свое мнение. И что еще хуже – она не боится его, Карла.

Выругавшись, Карл сунул пластмассовую ложку в кон-

сервную банку и со стуком поставил ее на стол.

– Ты закончил, Карл?

Он махнул Майрону, чтобы тот доедал. Майрон уже очистил банку с равиоли и облизывал языком ложку. Перед этим он покончил с банкой сардин. И вот теперь Майрон принялся за бобы.

«Это просто замечательно», – мысленно проворчал Карл. Сейчас бы он сидел с сеньоритой на коленях и курил дорогую сигару, потягивая что-нибудь покрепче, а вместо этого приходится торчать в каком-то вонючем сарае у черта на куличках. Причем с кем? С трусливым братцем, наглой бабой, у которой и взглянуть-то не на что, и полным идиотом, который безостановочно жует, словно козел.

Не нравится Карлу и то, что Сесил здесь распоряжается.

И кто же внушил ему, что он здесь царь и бог? Конни. Ну да, это именно она задурила ему голову насчет того, кто тут главный.

Карл знает, как легко Сесил поддается чужому влиянию. Конни вертит им как хочет. Ему запудрить мозги можно в два счета, что он умнее и храбрее, чем есть на самом деле.

В свое время Карл поставит его на место.

А пока придется подыгрывать. Открыв зубами пакетик с солеными орешками, Карл выплюнул кусок целлофана и высыпал орехи на ладонь.

– Чего я еще не пойму в твоем плане, Сесил, так это почему мы выбрали этот маршрут. Мы ведь едем на юг. Если

у меня все в порядке с географией, то, чтобы из северо-восточного Техаса попасть в Мексику, надо двигаться к юго-западу.

– Там негде спрятаться, – промямлил Сесил. Конни сунула ему в рот один из этих скользких персиков, и ему пришлось говорить с набитым ртом.

– Можно мне тоже? – спросил Майрон. Поколебавшись, Конни толкнула к нему банку. Запустив в нее свои тонкие пальцы, Майрон выудил персик.

– О боже! – запричитала Конни. – Да ты, мерзавец, их раздавил! По-твоему, я теперь стану это есть?

– Заткнись! – рявкнул Карл. – Я не могу думать, когда ты поднимаешь вой. Так что ты говорил насчет того, где спрятаться?

– Если мы поедем через западный Техас, они могут заметить нас с самолета или вертолета.

– Там меньше городов, меньше копов.

– Но негде укрыться. Слишком много открытых пространств, где нет ничего, кроме перекасти-поля и зайцев. Кстати, они ждут, что мы как раз там и поедем.

Якобы в восхищении Карл откинулся на спинку стула. Оказывается, он не только знает разные умные слова, но еще и эксперт по мыслям законников.

– Ну, я потрясен, Сес! А ты, Майрон? Тебя восхитило то, как мой старший братец все продумал?

– Конечно, Карл.

– Перестань, Карл. Я просто считаю...

Дай же ты ему сказать! – Поджав губы, Конни зло смотрела на Карла. – Он все прекрасно тебе объяснит, если ты хоть на минуту заткнешься.

Карл весь вскипел от бешенства, кровеносные сосуды превратились в потоки лавы. Он мог бы с легкостью свернуть Конни шею, но, подавив это стремление, заговорил подчеркнуто тихо:

– Никто не смеет говорить мне, чтобы я заткнулся. Тем более сучка. И тем более тогда, когда я разговариваю со своим братом.

Нисколько не задетая этим оскорблением, Конни спокойно сложила руки на груди и засмеялась.

– Это же веселое приключение. Не понимаю, почему ты все время злишься.

– Я не злюсь, – спокойно возразил Карл. – Майрон много раз видел меня злым, а сейчас я не злюсь. Майрон, я сейчас злой?

Майрон выплюнул на стол косточку от персика. Приняв вопрос Карла всерьез, он задумчиво посмотрел на него и изрек:

– Немного, Карл.

– Ради Христа, успокойтесь! – умоляюще сказал Сесил. – Конни, остынь. Карл, ты просто послушай мой план. Потом, если ты не согласен, мы можем все обсудить. Справедливо?

– Нуда, справедливо. Прямо как в ООН. – Карл развел

руками, показывая, что слово предоставляется его старшему брату.

– Я говорю, что нам надо ехать прямо на юг, пока мы не достигнем побережья. Потом вдоль побережья поедem до Корпус-Кристи, а там резко свернем вправо и отправимся в окрестности Ларедо.

– Через восточный Техас?

– Можем двигаться вдоль границы штата Луизиана.

– Восточный Техас мне не по вкусу, брат. И ты знаешь почему.

– Из-за нашего отчима и этой истории с Маккоркл? – Засмеявшись, он подмигнул Конни: – Раскроем ему наш секрет?

Карл сразу насторожился, нутром почуяв, что это ему не понравится.

– Секрет?

– Делрей в больнице, в плохом состоянии. Может умереть в любую минуту, если еще не умер. – Сесил не ухмылялся так с тех пор, как раскупорил свою первую девственницу.

– Откуда ты знаешь?

– Я приезжал его навестить.

– Что? Когда?

– За день до ограбления.

– Зачем?

– Чтобы отвести всем глаза! – засмеялся Сесил. – И это сработало.

Он рассказал Карлу о своей эскапде, заново вспоминая сцену, которую устроил в больнице.

– Они все это проглотили. До последнего слова. Причем получили подтверждение у женщины-инспектора по режиму. – Он снова подмигнул Конни. – Этот коп набрал номер телефона с визитной карточки, которую я ему подал, а Конни ответила. Она ему все уши прожужжала о том, какой я хороший мальчик. Представляю, что он теперь чувствует, милая! Воображаю, как он...

– Ты тупой козел!

– А? – Сесил резко повернулся к Карлу, который смотрел на него с бешенством.

– Я говорила тебе, что он не в духе, – заметила Конни, изучая сломанный ноготь.

– Это отлично сработало, Карл.

– Это подняло на ноги всех копов отсюда и до Браунсвилля! – крикнул тот. – Я хотел, чтобы они думали, будто мы начисто забыли о Блюэре, о Делрее и всем прочем. А теперь ты... Ох, господи, какой же ты дурак!

– Не называй его дураком!

– Замолчи, Конни! – крикнул Сесил и, повернувшись к Карлу, сказал: – Я твой старший брат, и мне уже смертельно надоели твои штучки. Как ты со мной разговариваешь? Это прекрасный план, и пока все прекрасно удается.

– Он собирает всех вокруг Делрея и Дина...

– Дин умер.

– Умер?

– Уже давно. Его вдова и сын живут с Делреем. Она не слышит.

Карл раздраженно посмотрел на Конни.

– Это точно, – проговорила она тоном всезнайки, отчего Карлу захотелось влечь ей пощечину. – Она глухонемая.

Карл принял к сведению эту информацию.

– А как насчет Харджа? Ты что-нибудь о нем слышал?

– Ничего. Он уже, наверно, умер. Ну что, видишь? Лучше не бывает.

– Ты забыл о парне, который работает под прикрытием. – Сесил взглянул на Конни так, как будто у него тоже чесались руки отвести ей пощечину. – Он должен все знать, Сесил, – словно оправдываясь, сказала она.

– Что за парень, который работает под прикрытием? – спросил Карл.

– Он был на ранчо и пытался выдать себя за скотника.

– Откуда ты знаешь, что он не скотник?

– Чутье подсказывает, – ответил Сесил. – Они боятся, что ты там появишься после побега, и отправили человека присматривать за обстановкой.

– ФБР?

– Не знаю. Может быть. Он долго за мной следил, но я не дал ему оснований для подозрений, так что он повернул обратно и укатил в Блюэр. Клянусь богом, Карл, нам не о чем беспокоиться.

Карл заставил себя расслабиться.

– Кажется, ты прав, Сес. Извини, что я на тебя набросился.

Сесил с облегчением засмеялся:

– Мы все немного нервничаем, но тебе надо сдерживаться, братишка.

На лице Карла появилась обезоруживающая улыбка.

– Мне это никогда не удавалось.

– Ладно, так я могу продолжать?

– Я весь внимание.

– Когда мы отсюда уедем, нам придется два дня все время рулить.

– Значит, два дня.

Снова почувствовав себя уверенно, Сесил перегнулся через стол и шутливо толкнул Карла в плечо.

– Мексика от нас не уйдет, я обещаю.

Больше всего Карл ненавидел, когда с ним кто-то разговаривает свысока, тем более такая размазня, как Сесил.

Однако он выдавил из себя улыбку.

Решив, что вырвал у брата уступку, Сесил с подъемом произнес:

– А до тех пор наслаждайся тем, что ты не в тюрьме. У нас тут все как дома.

Обняв Конни, он привлек ее к себе. Бросив на Карла еще один лукавый взгляд, она прижалась к Сесилу. Игриво постукав пальцами по пряжке ремня, ее рука скользнула ему

в брюки.

Сесил покраснел и, извинившись, вместе с Конни вышел наружу.

– Это у тебя здесь все как дома, старший братец, – проводив их взглядом, пробормотал Карл.

Джек еще раз прочитал на экране компьютера то, что напечатала Анна.

– Одолжении?

Вообще-то она говорила о личном одолжении. Она не просила его выполнить какую-то работу, которую и так сможет сделать любой наемный работник. Из-за этого прилагательного ее просьба перешла в другую категорию, к которой относилась вся деятельность более интимного характера. Джек откашлялся.

– Ну конечно, я постараюсь вам помочь.

Она вновь застучала по клавишам. «Я бы хотела вас сфотографировать», – прочитал Джек.

Он облегченно засмеялся. А может, в его смехе звучало разочарование. Этого он и сам не знал.

– Вы хотите меня увековечить? Зачем? Для чего?

Она встала и сняла с полки альбом, но не тот, который показывала ему раньше. Положив его перед Джеком, она стала ждать, когда он откроет кожаный переплет.

На первой фотографии была запечатлена группа детей, самозабвенно играющих под струями дождевальной установки.

Солнечный свет проходил через струи воды и отражался в лужицах, в которых возились дети. Как и на остальных фо-

тографиях Анны, сильный эффект на зрителя производило именно это сочетание света и тьмы. Снимок передавал атмосферу ничем не омраченной радости, которой могут предаваться только маленькие дети, еще не подозревающие о тревогах, ждущих их впереди. – Фоном для другой фотографии служила грубая деревянная стена. Перед ней сидели двое пожилых людей, их разделяла поставленная на попу бочка, на которой они играли в домино.

На черных костяшках домино резко выделялись белые точки.

Один из игроков был негром, другой – белым. На следующем снимке были изображены руки рабочего.

Крупным планом одни руки, испачканные в земле. Грязь забилась под ногти, въелась в складки морщинистой кожи.

Рабочий держал в руках прекрасную белую розу.

Перед открытым окном в деревянном кресле-качалке сидела женщина. Просторные занавески колыхались под порывами ветра.

Женщина кормила грудью новорожденного младенца. Темные волосы скрывали лицо женщины и падали на ее грудь. Волосы Анны. Грудь Анны.

– Господи, Анна! Почему вы... Почему вы не... – Не в силах подобрать нужных слов, Джек замотал головой. – Почему вы не занимаетесь этим профессионально? Я совсем не разбираюсь в фотографии, но эти снимки превосходны. Разве нет? Неужели вы не показывали их кому-то, кто может с

ними что-то сделать?

Он снова перелистал альбом, разглядывая фотографии.

– Вам каждый скажет, что это хорошая работа. Слишком хорошая, чтобы прятать их в альбомах. Люди должны смотреть на них и наслаждаться.

Явно польщенная его замечаниями, Анна вернулась к компьютеру. «Я думала о том, чтобы продавать их для постеров, поздравительных открыток и тому подобного».

– Ну да! И что же случилось? Почему не продали?

Она грустно улыбнулась и, слегка пожав плечами, напечатала:

«Так сложились обстоятельства. Сначала болезнь Дина. Потом появился Дэвид. Потом...»

Джек накрыл ее руки своими.

– Делрею это не нравилось, поэтому вы отнесли фотоаппарат на чердак и постарались о нем забыть.

– Да, – знаком показала она и напечатала: «Я пыталась забыть об этом, но не смогла. Это все еще здесь. – Она прижала руку к сердцу. – Возможно, если бы я не была глухая и могла бы выражать себя как-то по-другому, я бы так не любила фотографию. Но мне много есть что сказать, и я не знаю, как это сделать по-другому. Я хочу начать сначала. На этот раз я попытаюсь продавать свои работы. По крайней мере некоторые из них».

– Это правильно.

«Прежде всего мне нужно расширить свою коллекцию.

Понадобится несколько месяцев, возможно год, чтобы создать коллекцию, которая может заинтересовать потенциального покупателя. Эта фотография, где изображены мы с Дэвидом, была последней. Она сделана пять лет назад. Мне надо много практиковаться. Это будет нелегко, но если уж начинать, то начинать немедленно. Вы позволите мне начать с вас?»

– Я согласен со всем, что вы говорите. Не надо откладывать в долгий ящик. У вас есть талант. Это очевидно. И чтобы не утратить его, вам придется хорошенько потрудиться. Но если эта коллекция так важна для вас, то зачем там мои снимки?

«У вас необычное лицо», – напечатала Анна.

– У бородатой женщины в цирке тоже. Но ведь ее вы не захотите снимать?

«Я серьезно! – напечатала она. – Ваше лицо очень выразительно».

Он засмеялся:

– Оно говорит: не верь глазам своим.

Но она продолжала пристально смотреть на него, и вскоре Джеку стало не до смеха. Он даже перестал улыбаться, потому что она повернулась в кресле и передвинулась на самый его край, а затем, подняв руки, обхватила ими его лицо. Ее прикосновение было легким, почти незаметным, но Джеку казалось, будто Анна прижала к его щекам раскаленные утюги.

Он следил за выражением ее глаз, рассматривающих черты его лица. Вот Анна наклонила голову, и ее волосы скользнули по рукам Джека; его пальцы так сильно вцепились в спинку стула, что, должно быть, побелели. Джек не двигался, боясь спугнуть очарование момента и не понимая, что она нашла такого интересного в его физиономии.

Он ничего не говорил. Не отстранялся. Он оставался недвижим.

Придвинувшись еще ближе, так что ее бедра едва касались кресла, Анна погладила пальцами разбежавшиеся из уголков глаз морщинки, а затем дотронулась до бровей. Закончив с ними, она провела указательным пальцем вдоль носа до самого его кончика.

Ее руки снова обхватили подбородок Джека, и большие пальцы соединились как раз под нижней губой. Пошевелившись, они вновь встретились посередине, а затем Анна убрала руки и, сжав кулаки, прижала к своему подбородку, как ребенок, застигнутый за каким-то недозволенным занятием.

Сердце Джека бешено колотилось. И не потому, что подобные эротические эксперименты были для него в диковинку.

Вовсе нет. Невинность он утратил в пятнадцатилетнем возрасте со шлюхой-одноклассницей во время первого и единственного посещения школьного вечера. Под звуки медленного танца она вытащила Джека из украшенного бумаж-

ными гвоздиками физкультурного зала в пустой темный коридор, и там, пока «Би джиз» пели о том, что никто больше не узнает такого блаженства, все и свершилось.

Много позже, когда он обслуживал бар на балу дебютанток в Форт-Уорте, с ним занималась французской любовью дочь одного мультимиллионера. Если бы оральный секс входил в программу Олимпийских игр, она наверняка завоевала бы там золотую медаль.

В Канзас-Сити во время лазерного шоу «Пинк фloyd» какая-то девица, которую он никогда больше не встречал, растегнула ему джинсы и довела до оргазма одной рукой, другой покуривая косячок.

В Биллингсе он предавался этому на лошади во время снегопада.

Все указанные события остались в его памяти только потому, что выделялись на фоне остальных. В большинстве случаев Джек занимался обычным сексом с обычными женщинами, с которыми его объединяли две вещи: одиночество и физическая потребность.

Однако ничто из испытанного им ранее не было таким эротичным, как сейчас, когда Анна трогала его лицо, потому что она делала это с подлинным интересом и, может быть, с нежностью.

За всю жизнь к Джеку Сойеру не часто относились с нежностью. Да, иногда ему оказывали любезность, но эта ласка обычно исходила от тех, кто был мил со всеми. Никто не лю-

бил его по-настоящему.

Ни мать, использовавшая Джека как средство давления на человека, который все время ее предавал. Ни отец, умевший хорошо говорить, но даже пальцем не пошевеливший ради сына.

А вот Анна... Она доверила ему свои мечты, которыми не делилась ни с Делреем, ни даже, возможно, с мужем. Она ценила его мнение, иначе не стала бы просить его совета относительно сделки с древесиной. Она не поленилась привести себя в порядок перед ужином и позаботилась о том, чтобы пригласить Джека на ужин.

Прошло уже несколько секунд после того, как Анна отняла руки, но она по-прежнему смотрела на губы Джека – и в ее взгляде ясно угадывалось желание их поцеловать. Затем, убрав свои руки из-под подбородка, она положила их на руки Джека, по-прежнему цеплявшегося за стул так сильно, словно мощный вихрь грозил смести его с поверхности земли.

Прошептав ее имя, Джек чуть-чуть подался вперед, боясь, что Анна сейчас убежит, но еще больше – что она останется.

Она наклонила голову и приоткрыла рот.

«Боже, помоги мне», – подумал Джек, уже ощущая на губах ее поцелуй.

Эззи чувствовал себя круглым дураком. Он уже почти надеялся, что ее нет дома, и тогда он мог бы с чистой совестью уйти, не вступая в беседу.

Так как никто не ответил на звонок, он сделал два шага

вправо и сквозь оконное стекло заглянул в гостиную.

Телевизор был включен, но смотрел его только внук Делрея.

Приглядевшись, Эззи обнаружил, что на самом деле мальчик спит. Даже звонок в дверь его не разбудил.

Заслышав приближающиеся шаги, Эззи вернулся к двери и встал прямо под фонарем, чтобы его легко можно было узнать.

Дверь немного отворилась, и в узком просвете показалось лицо Анны Корбетт.

Эззи подумал, что видел ее в последний раз очень давно. Он совершенно забыл, какая она симпатичная, особенно когда у нее горят щеки, как сейчас. Он помнил Анну школьницей с длинными тощими ногами и большими голубыми глазами. Глаза у нее по-прежнему оставались голубыми, однако ноги больше не были тощими.

– Добрый вечер, миссис Корбетт, – коснувшись полей шляпы, сказал Эззи.

Узнав его, она распахнула дверь настежь, приглашая войти.

– Спасибо. – Эззи шагнул в прихожую и снял шляпу, удерживая в другой руке тарелку. – Мы с миссис Хардж очень сожалеем о смерти Делрея. Мы хотим, чтобы вы это знали.

Она кивнула и одними губами произнесла: «Спасибо», повторив это знаками.

– Мне жаль, что я сегодня не был на похоронах. У меня

были кое-какие дела.

Огорченный отказом Фостера, угнетенный пустотой в доме, которая столь явно напоминала о его теперешней ничемной жизни, Эззи еще сильнее наказал себя тем, что вновь побывал на месте, где умерла Пэтси Маккоркл.

Там та же самая жара, те же жалящие насекомые, та же лениво несущая свои воды река, то же самое отчаяние.

Отбиваясь от муравьев и москитов, Эззи долго сидел на пустом стволе поваленного дерева с банкой теплого «Доктора Пеппера» в руке и думал о том, как хорошо было бы вернуться на двадцать два года назад.

Он хотел знать, что случилось с этой девушкой. И всего лишь. Больше ничего.

Он не собирался наказывать того, кто ее убил. Может быть, наказывать здесь не за что. Может быть, ее смерть была случайной. Им двигала не месть. Возможно, то отрицательное влияние, которое этот случай оказал на жизнь его и его семьи, и давало основания для мести, но Эззи с радостью готов был отказаться от возмездия только ради того, чтобы узнать, при каких обстоятельствах умерла Пэтси Маккоркл и кто в этом виноват.

Ему необходимо знать, что произошло, чтобы умереть спокойно.

– Как бы там ни было, – сказал Эззи Анне Корбетт, – я принес вам эту лазанью. – Он неловко подал ей тарелку. – Моя жена приехала бы сама, но она у сестры в Абилене. Она

посылает вам с мальчиком свои соболезнования.

Он не имел представления, много ли она разобрала из того, что он сказал. Ее родители в свое время решили не отдавать девочку в специальную школу для глухих детей, и Анна ходила с переводчиком в обычную школу. Эззи слышал, что она очень умна и что глухота является ее единственным серьезным недостатком.

У него не было опыта общения с глухонемыми. Ему приходилось сталкиваться с ними только по воскресеньям во время службы в Первой баптистской церкви, когда какой-то мужчина разговаривал знаками с группой глухонемых, приехавших туда из нескольких протестантских общин округа. Эззи особенно нравилось смотреть, как они «поют» псалмы, выражая слова знаками. Наблюдать за этим было приятнее, чем слушать те же самые псалмы в исполнении церковного хора. А пока Эззи глядел на глухонемых, служба как будто проходила быстрее.

В целом глухонемые казались обычными людьми, поэтому он сам не мог понять, почему сейчас чувствует себя так неловко.

Эззи не знал, объясняется ли это глухотой Анны Корбетт или самой ситуацией.

Скорее всего последним, потому что исполнение подобных обязанностей обычно выпадало на долю Кору. Самому Эззи постоянно приходилось собирать на шоссе то, что осталось от Генри, Джо или Сюзи – которые были кому-то доро-

ги, – и укладывать это в мешок, а потом сообщать страшную новость их родным. Но на этом его обязанности заканчивались, и в действие вступала Кора, которая и ходила на похороны.

Когда сегодня Эззи сказал ей о смерти Делрея, она спросила:

– Много было народу на похоронах?

– Я не ходил.

– Почему? Может, по крайней мере что-то отнес?

– Отнес? – тупо повторил он.

Разговор о смерти Делрея Корбетта был только предлогом для звонка Коре. Единственное, что он действительно хотел, – это услышать ее голос и, если она будет в подходящем настроении, попросить ее вернуться домой. А она ухватилась за возможность поговорить о чем-то, не касающемся их отношений.

– Ради Христа, Эззи, ты обязан что-нибудь ей отнести.

– Делрей не был моим закадычным другом, Кора. Мы даже не были близко знакомы.

– Но ведь мы знали этого человека практически всю жизнь. А теперь бедная девочка должна одна растить сына. Я думаю, что из-за сплетен вряд ли кто-то предложил ей помощь. Некоторые женщины, считающие себя христианками – даже из моего окружения, – на самом деле очень злые.

– Каких сплетен?

– Господи, Эззи! Неужели ты не можешь оторваться от

этого дела Маккоркл хотя бы ради того, чтобы посмотреть, что происходит вокруг?

– Наверно, я слышал и просто забыл. Обычно я не уделяю внимания сплетням, – сказал он, стараясь говорить как можно самоувереннее.

– Да уж конечно! – протяжно вздохнув, произнесла Корра. – Об этом судачили не один год.

– Что они...

Да. Что после смерти Дина их отношения изменились и стали более близкими, чем это допускается. Но мне до этого нет никакого дела. Спали они вместе или нет, она все равно его потеряла. Ты должен что-нибудь отнести.

Сказанное Коррой ошеломило Эззи. Делрей Корбетт... и его невестка? Они не просто жили под одной крышей, но и спали под одним одеялом? Неужели Делрей был способен проявить страсть?

Неужели возможен роман с таким холодным и неприветливым, таким суровым человеком?

– Черт возьми, я не могу себе представить, чтобы Делрей снимал с себя одежду даже для того, чтобы принять душ, а тем более чтобы валяться голым с женщиной.

– Ты меня провоцируешь, Эзра?

– Нет.

– Да.

Еще один раздраженный вздох.

– Поминальная еда лежит в холодильном шкафу с правой

стороны.

– Что?

Он не ожидал, что Кора так хорошо подготовилась к любой катастрофе, которая может постичь их друзей или соседей. Когда разговор закончился – речь о примирении так и не зашла, – Эззи направился в подсобное помещение и у правой стенки холодильного шкафа действительно нашел несколько запечатанных тарелок с едой, ярлычки на которых указывали, на сколько порций они рассчитаны и как их следует разогревать.

Анна Корбетт сейчас держала в руках одну из них.

– После того как она отгадет, – говорил Эззи, – надо разогревать ее тридцать минут при трехстах пятидесяти градусах. Вы поняли? – с сомнением спросил он.

Кивнув, она повернулась, чтобы поставить холодную, влажную тарелку на стол в прихожей. Эззи невольно отметил, какая у нее красивая фигура.

Подозревая, что на ней нет лифчика, он старался смотреть ей прямо в лицо. Может быть, из-за этого она так волнуется?

Женщина все время одергивала блузку, потирала руки и вообще вела себя так, как будто ее застигли за чем-то нехорошим.

Да, красивое создание. Но когда Эззи думал о том, как она и Делрей ложатся в постель, он просто не мог представить себе эту картину. Даже в холодную зимнюю ночь Делрей не стал бы вот так к кому-то прижиматься. Нет, эти сплетни –

просто чепуха, или он совершенно не разбирается в людях.

– Ну, наверно, я пойду, миссис Корбетт. Вам что-нибудь нужно?

Анна покачала головой.

– Если что-нибудь понадобится, просто позвоните. – И тут же, боясь, что допустил ужасную оплошность, добавил: – А вы можете звонить?

Она энергично закивала.

– Тогда ладно. Хорошо. Скажите тому, с кем поддерживаете контакт, что я к вашим услугам.

Снова кивнув, Анна открыла дверь. Эззи вышел на веранду, но уходить ему не хотелось. Не желая ее пугать, он все-таки счел необходимым упомянуть о Херболдах.

– Миссис Корбетт, я знаю о визите Сесила Херболда, – повернувшись, сказал он. – Он угрожал вам или вашему мальчику?

Она покачала головой и губами показала «нет».

– Я не знаю, слышали вы или нет – у вас ведь были похороны, – что они с Карлом объединились и ограбили банк. Братья все еще на свободе. Вы об этом знаете?

Анна утвердительно кивнула.

– Я удивлен тем, что вас никто не охраняет.

Она подняла палец, призывая подождать, и нырнула в дом.

Вернувшись с небольшим блокнотом, она написала: «Власти предлагали охранять дом, но Делрей отказался».

– Может быть, ему не стоило отказываться?

«Я не боюсь, – написала Анна. – Сюда они придут в последнюю очередь».

– Возможно, вы и правы, – сказал Эззи, хотя и не очень был в этом уверен. Исходя из своего опыта, он знал, что преступники часто бросаются к родным и друзьям. Чем жарче погоня, тем больше вероятность того, что они вернуться в знакомые места.

Будь она его родственницей, он не позволил бы ей остаться здесь одной, даже если бы она нормально слышала.

Но тут он не имел права настаивать. Поэтому Эззи только сказал:

– Если что-нибудь заметите, сразу же кому-нибудь звоните. Немедленно. Вы понимаете? Вам нужно заботиться о сыне.

Улыбаясь, она написала ему: «С нами все будет хорошо. Здесь Джек».

– Джек?

Она кивнула в сторону сарая. Повернувшись, Эззи увидел мужчину, закрывавшего дверь сарая. Кажется, он ее запер и размашистым шагом направился к стоявшему в ста метрах от дома трейлеру.

– Ах да, ваш работник, – сказал Эззи скорее самому себе, чем Анне. Он вспомнил, как Делрей в «Молочной королеве» представил ему мужчину в ковбойской шляпе. Вежливый парень.

Гораздо жилистее, моложе и сильнее, чем Делрей. По таким женщины с ума сходят.

Откашлявшись, Эззи вновь повернулся к Анне:

– Прошу прощения за свой вопрос, миссис Корбетт, но вас, гм, не беспокоит, что вы здесь одни с человеком, который у вас так недолго работает? Вы ему доверяете?

Она наклонила голову в знак того, что не испытывает никаких сомнений.

То ли этот парень действительно заслуживает доверия, то ли она слишком наивна, то ли слухи о ней верны, думал Эззи.

Тогда получается, что молодая вдова высосала все соки из Делрея и теперь планирует, что работник займет его место.

Пожалуй, это на нее не похоже, решил Эззи, однако, видит бог, он и раньше ошибался в людях.

Они пришли сразу после рассвета. Их было двое. Коричневая форма сидела на них как влитая. Ботинки ярко блестели. Широкополые ковбойские шляпы и солнечные очки с зеркальными стеклами закрывали все лицо, оставляя на виду только сурово сжатые, не улыбающиеся губы.

– Мистер Сойер?

Услышав шум приближающейся машины, Джек прекратил работу.

– Да? – Он оперся на ручку лопаты, которой копал яму для новой опоры под кормушку.

Несмотря на раннее время, было уже жарко и пот катился с него градом. Но когда Джек потянулся к заднему карману, чтобы вытащить оттуда носовой платок, стражи порядка сразу напряглись. Один из них даже положил руку на висевший у него на бедре шестизарядник. Джек сделал вид, что этого не заметил. Вытащив носовой платок, он вытер им лицо.

– Чем могу служить, джентльмены?

– Мы из управления шерифа округа Блюэр.

– Ага!

– Нам надо задать вам несколько вопросов.

– О чем?

– Мы слышали, что у мистера Корбетта – покойного мистера Корбетта – на прошлой неделе отравили скот.

– Я был с ним, когда он их обнаружил, – проговорил Джек. – Трех коров. Еще две пали на следующий день.

– Как сказал доктор Андерсен, это был достаточно распространенный яд. – Помощник шерифа передвинул ком табака из одного угла рта в другой. – Ничего особенного. Его легко достать. Но при грамотном применении можно нанести некоторый ущерб.

– Управление шерифа расследует это дело?

– Что вас беспокоит, мистер Соьер?

– Ничего. Я сам советовал Делрею обратиться куда следует. Он думал иначе.

– Кто-нибудь слышал, как вы ему это предлагали?

– Мы были одни.

– Гм!

– Как вы считаете, почему из всех окрестных ранчо пострадало только ранчо Корбетта?

– Я не знаю.

– А вы подумайте.

Джек ткнул лопатой в кормушку, которую ремонтировал.

– Может быть, кто-то имел зуб на Делрея.

– Кто, например?

– Я пришлый и пробыл здесь недолго.

– Стало быть, у вас нет никаких предположений?

Джек ничего не ответил.

Глядя на него с подозрением, младший из помощников шерифа поправил кобуру.

– Ну, до сегодняшнего дня мы не проводили расследования. Корбетт нас сюда не пускал. Мы даже ничего не знали, пока кое-кто не привлек нашего внимания. Тогда мы позволили ветеринару, и он все подтвердил.

Джек посмотрел на них с удивлением, хотя на самом деле он несколько не был удивлен. Он знал, почему они здесь.

Помощники шерифа не совершают столь ранних визитов просто ради вежливости.

– И что же?

– Ну и, – жующий табак сделал паузу, чтобы сплюнуть, – мы хотим, чтобы вы поехали с нами в город, и там мы еще немного поговорим об этом деле.

– Меня подозревают?

– Не больше, чем других.

– Но арестовывают меня.

– Мы не называем это арестом.

– А как вы это называете?

– Мы просто будем ценить вашу готовность к сотрудничеству, вот и все.

– Однако я буду чувствовать себя спокойнее, если вы снимете этот нож и передадите его мне, – добавил его напарник.

Джек не спеша отцепил ножны. Один из помощников шагнул вперед и забрал их у него.

– Вы совершаете ошибку, – сказал Джек.

– Наверное, но вы все равно поедете с нами, мистер Сойер.

– Можно мне поехать в своем грузовике?

– У нас в машине для всех хватит места.

– Один из вас может поехать со мной. Мне бы хотелось иметь в распоряжении машину, чтобы, когда все выяснится, не беспокоить вас просьбой отвезти меня обратно.

Помощники шерифа переглянулись, и старший из них кивнул:

– Ладно. Я поеду с вами.

Самое унижительное – не то, что двое стражей порядка в полной форме выводят тебя отсюда, а то, что Анна глядит на это с веранды.

– Вы говорили с миссис Корбетт? – спросил Джек, когда они подошли к дому.

– Ну да, мы сказали ей, зачем приехали, но я не уверен, что она поняла.

– Она поняла, – с вызовом сказал Джек. – Я этого не делал, Анна. – Посмотрев на нее, он добавил: – Клянусь богом, не делал.

Но она выглядела расстроенной и разочарованной, глаза ее казались потухшими. Джек долго будет помнить эти глаза.

– Джек!

Из передней двери выбежал Дэвид. До сих пор Джек был рад тому, что хотя бы Дэвид этого не видит. Вполне достаточно того, что здесь находится Анна. Тем не менее судьба распорядилась по-своему. Босой заспанный Дэвид в одной пижаме стоял на веранде, подозрительно глядя на патрульную машину и окружавших Джека не улыбающихся людей в

форме.

Несколько недель назад Джек притворился бы, что не замечает мальчика. Он бы просто отвернулся. В конце концов, кто ему Дэвид? Никто.

Но он не может этого сделать. Теперь не может. Джек хорошо помнит, что чувствовал, когда его предал тот, кого он очень хотел любить. Он не забыл, что испытывал, когда отец уходил от него: у маленького Джека щемило сердце от страха. Улыбаясь Дэвиду, Джек про себя проклинал Корбеттов, которые вновь пробудили в нем эти болезненные воспоминания.

– Эй! – с наигранной веселостью сказал Джек. – Ты сегодня что-то рано встал.

– Что здесь делают полицейские, Джек?

Джек большим пальцем сдвинул назад свою шляпу – и посмотрел сначала на одного полицейского, потом на другого так, как будто увидел их впервые.

– Они приехали со мной поговорить.

– Ты с ними уедешь?

– Гм!

– Куда?

– В город.

– Надолго?

– Я не знаю.

Дэвид забеспокоился:

– А ты вернешься?

– Думаю, что да.

– Сегодня?

– Может быть, немного задержусь.

– А ты хочешь ехать?

– Разумеется, – сказал Джек. – Прямо-таки сгораю от нетерпения. – Он надеялся внушить Дэвиду, что все в порядке, но, кажется, перестарался.

У мальчика задрожали губы.

– Ты сердишься на меня?

– Конечно, нет.

– Разве я вчера плохо сделал то, что нужно?

– Ты все сделал прекрасно. Лучшего помощника и быть не может. Просто... – Господи, как все это тяжело. – Просто сейчас мне надо ехать.

– А можно мне тоже?

– Боюсь, что нет.

По щеке мальчика скатилась слеза.

– Когда ты вернешься?

Сладкая ложь стократ хуже горькой правды. Не плачь, сынок, ты же не маленький. Я тебе уже говорил, что мне только нужно доделать кое-какие дела, но я вернусь. И тогда мы все время будем вместе. Я обещаю.

Вспомнив эти лживые слова отца, Джек сказал:

– Я могу не вернуться, Дэвид.

Мальчик еще сильнее заплакал. Его плечи затряслись.

– Тогда быстрее уезжай! – крикнул он. – Я тебя ненавижу!

Опустившись на колени, Анна прижала к себе сына. Он обнял ее за шею и уткнулся лицом в плечо.

Джек шагнул вперед, но один из помощников загородил ему дорогу.

– Надо ехать, – вполголоса произнес он. Они довели Джека до пикапа, затем полицейский направился к патрульной машине.

Ключи от пикапа торчали в замке зажигания. Джек завел мотор, и тут его компаньон сказал:

– Я полагаюсь на вас, Сойер. Не делайте глупостей.

– Я больше вас хочу, чтобы все разъяснилось. Не беспокойтесь.

– Я не беспокоюсь. – Он выпятил подбородок. – Поехали.

Бросив прощальный взгляд на веранду, где Анна все еще утешала Дэвида, огорченный Джек тронул машину с места и выехал через ворота. Патрульная машина следовала за ним.

– Извините, миссис Корбетт, но сейчас вы не сможете его увидеть. Он у шерифа Фостера.

– Вы сказали Джеку, что я здесь?

– Нет, сынок, я не говорил, – ласково улыбаясь Дэвиду, ответил клерк. – Он сейчас очень занят.

– Не настолько, чтобы он не мог повидаться со мной.

– Извини, сынок, нельзя.

Дэвид повернулся к Анне:

– Я хочу видеть Джека и попросить у него прощения. После инцидента на веранде Дэвид, который обычно вел себя хорошо, стал ужасно беспокойным. Жалея о том, что сказал Джеку, он хотел перед ним извиниться и забрасывал мать вопросами, на которые у нее не было ответа.

Когда Джек вернется?

И возвратится ли он вообще?

Знает ли Джек, что Дэвид не нарочно сказал, что его ненавидит?

Может, она плохо себя вела с Джеком и потому он хотел уехать?

Почему он уехал с полицейскими?

Они посадят Джека в тюрьму?

Вскоре Анна почувствовала, что сходит с ума. Что она может ему сказать? Что Джек оставил их по своей воле и очень

этим доволен? Или что он арестован и не мог не уехать?

В любом случае ее сын был бы страшно огорчен.

Анна пыталась его утешить, но тщетно. Ни о чем другом мальчик и слушать не хотел. В конце концов Анна стала упрекать его за то, что он больше плакал из-за отъезда Джека, чем из-за смерти бабушки, хотя этот упрек был не совсем справедлив.

Она сама много лет прожила под одной крышей с Делре-ем, но тем не менее боль, которую Анна испытала при виде уходившего под конвоем полицейских Джека, была гораздо острее, чем та, что терзала ее перед разверстой могилой све-кра.

Не желая просто сидеть сложа руки и ждать, она решила нанести визит в управление шерифа – может быть, там удастся узнать что-нибудь конкретное. Тем не менее для очистки совести она сначала заехала на кладбище. Могила Делрея казалась совсем свежей, однако под лучами палящего солнца цветы уже начали увядать. Анна предложила распределить их между могилами бабушки, бабушки Мэри и папы. «Дедушка был бы рад подарить им цветы», – сказала она. Дэвид мрачно кивнул.

Эта задача на время отвлекла мальчика от мыслей о Джеке, однако сама Анна по-прежнему мучилась вопросом, сделал ли Джек то, в чем его, очевидно, подозревают.

Они не пришли бы за ним, если бы не посчитали, что он виноват. Неужели у них есть улики против него? Но как он

мог совершить такое? И зачем?

Она пыталась искать подходящий мотив, но ничего не находила.

Глядя ей в глаза, Джек отвергал все обвинения, но, возможно, он лгал? Обычно Анна очень хорошо разбиралась в людях. Может быть, ее ослепила привязанность к Джеку? Может быть, она не заметила чего-то такого в выражении его лица и глаз, в его жестах, что свидетельствовало бы о порочности его натуры?

Если он совершенно невиновен, то почему так себя вел, когда вчера вечером в дом приходил Эззи Хардж? Узнав, кто пришел, Джек сразу же сказал ей, что ему надо заняться делами, и вышел в заднюю дверь.

Она надеялась, что после ухода Эззи Джек вернется и продолжит то, что было прервано несвоевременным визитом бывшего шерифа. Она ждала, что Джек ее поцелует.

Вчера, когда Анна наконец потеряла всякую надежду на возвращение Джека, она очень злилась на Эззи за его неожиданное появление. Но не исключено, что это был подарок судьбы. Возможно, из-за этого она не вступила в связь с человеком, который настолько жесток и бессердечен, что мог отравить скот.

Но она не верила, что Джек Сойер на такое способен. И не поверит до тех пор, пока он сам ей не признается. Она хотела бы, глядя ему в глаза, спросить, действительно ли он сделал эту ужасную вещь, и если да, то почему. Она хочет

знать правду. Ей это необходимо.

Однако клерк в дежурной части управления шерифа был непоколебим. Он вежливо, но твердо отказал ей и Дэвиду в просьбе поговорить с Джеком, сказав только, что сейчас его видеть нельзя и что он не знает, на сколько его задержат.

У Анны сложилось четкое представление, что он говорит с ней так только потому, что она глухонемая. Не желая в столь важном вопросе полагаться на перевод Дэвида, она все писала в блокнот. Мужчина разговаривал с ней как с ребенком, причем с не очень умным ребенком.

«Я не хотела бы выдвигать обвинения против мистера Сойера, – написала Анна. – По крайней мере до тех пор, пока я не поговорю с ним и сама не увижу, что он виновен».

– Это не вам решать, миссис Корбетт.

«Но это мой скот, – написала она. – Покойный свекор решил, что сам будет разбираться с этим инцидентом».

– Если Сойер нарушил закон, ваше мнение не имеет никакого значения. Штат будет его обвинять.

По сравнению с ним ее английский был гораздо совершеннее – тем больше бесил Анну снисходительный тон полицейского. Кто-то позвонил, и дежурный использовал этот звонок как повод, чтобы закончить разговор, сказав ей, что о дальнейшем ходе дела ее известят. И предложил идти домой – «как поступают все хорошие девочки». Последняя фраза не была высказана, но явно подразумевалась. После этого полицейский принялся разговаривать по телефону, умышленно

не замечая Анну. Анна вышла, волоча за собой упирающегося Дэвида. На улице было очень жарко, но она долго стояла на тротуаре, решая, что предпринять дальше.

Для Джека Сойера она как будто ничего сейчас сделать не могла. Дэвид хныкал и капризничал.

Надо его чем-то развлечь. Сходить в кино? Она посмотрела на часы. Даже для дневного сеанса еще слишком рано. Пойти пообедать? Тоже не время.

Нерешительно глядя по сторонам, Анна вдруг обнаружила нечто такое, что сразу привлекло ее внимание. Конечно, она видела эту вывеску и раньше, но сейчас ее повлекло туда словно магнитом. Дернув за руку Дэвида, она быстро двинулась по тротуару.

В магазине было тихо и прохладно. Все время косясь на Дэвида, которому могло прийти в голову потрогать что-нибудь из дорогостоящего оборудования, Анна подошла к прилавку, на котором лежали фотоаппараты и линзы нового поколения.

Магазин открылся несколько лет назад. Анна часто проходила мимо, но до сих пор не позволяла себе войти внутрь, боясь, что не устоит перед искушением. Все, на что она решалась, – это бросить короткий взгляд на витрины.

В Блюэре фототоварами торговал только один магазин, поэтому выбор здесь был широким и стоили эти товары недешево. Анне страстно хотелось испытать в действии фотоаппараты, лежавшие под стеклом в витринах, но она зна-

ла, что они ей явно не по карману. Пока она не сможет своими фотографиями заработать какие-то деньги, придется довольствоваться устаревшим оборудованием.

Поэтому единственное, что она купила, – это несколько рулонов черно-белой пленки и недавно изданную книгу по технике фотографирования.

– ...придется отправить эту пленку на проявку, – сказал мужчина за кассой. Анна не разобрала его первые слова. – Теперь в Блюэре нигде нельзя проявить черно-белую пленку.

Она кивнула.

– Кажется, я вас раньше здесь не видел. Я знаю почти всех своих покупателей.

Анна подозвала Дэвида и знаками попросила его объяснить мужчине, что она глухонемая. В отличие от многих других владельца магазина это не смутило и не оттолкнуло. Напротив, на его лице появилась широкая улыбка.

– Как вас зовут? Вы, случайно, не Анна Корбетт? Удивившись, она улыбнулась и протянула ему руку.

– Пит Нолен, – произнес он, улыбаясь от уха до уха, и пожал ее руку. – Это просто замечательно! Всегда хотел с вами встретиться и не думал, что такая возможность представится. Идите сюда!

Обойдя прилавок, он провел ее к стене, где висело несколько десятков фотографий в рамках.

– Вот она! Смотрите! – Он постучал по черно-белой фотографии, в которой Анна сразу же узнала одну из своих ран-

них работ.

Убедившись, что она видит его губы, Нолен пояснил:

– Примерно год назад я попытался продать колледжу кое-какое новое оборудование. На стене там висела вот эта работа, и я еще подумал, что она превосходна. Я спросил у профессора, знает ли он фотографа, и он рассказал мне о вас. О том, что вы глухая и все такое прочее. Он сказал – очень жаль, что вы оставили колледж, потому что в вашем мизинце больше таланта, чем у большинства его студентов, вместе взятых. Пришлось его уговаривать, но в конце концов он отдал мне этот снимок.

Мужчина с явным одобрением посмотрел на фото. Там на фоне закатного неба был изображен старый деревенский дом. Снимок казался бы зловещим, если бы не проникающий через все окна и отражающийся от веранды солнечный свет.

– Для меня это напоминание о детстве, потому что я вырос на ферме, где был точно такой же дом. Я сразу повесил снимок на стену. Люди его замечают. Знаете, фото никого не оставляет равнодушным. Я мог бы его сто раз продать, но это моя единственная работа Анны Корбетт, и я не хочу с ней расставаться. Вам надо еще снимать.

Она подняла пакет с покупками и слегка его встряхнула. Поняв ее намек, он улыбнулся еще шире.

– Вот и хорошо! Когда вы сделаете снимки, я бы хотел на них посмотреть. – Он вытащил из бумажника визитную кар-

точку. – Там есть мои телефоны. Рабочий и домашний. Если понадобятся какие-то фотоматериалы, звоните мне. Или если захотите просто поговорить о фотографии – милости просим. Я ужасно рад, что наконец познакомился с вами, миссис Корбетт.

Эмори Ломаке рыгнул, скомкал белую бумажную салфетку и бросил ее на кучу костей, которые совсем недавно принадлежали молочному поросенку.

– Ну что, не обманул я вас? Этот парень знает толк в ребрышках!

Вместе с Эмори в кабинке сидели трое – Коннот и два его вице-президента. Сам Коннот с одним из своих заместителей сидел напротив Ломакса, другой зам располагался рядом с Эмори.

Все согласились с тем, что барбекю получилось действительно неплохое. Играя роль хозяина, Эмори подал знак официантке и заказал еще пива. Обычно он не пил ничего крепче холодного чая, но сегодня был особый случай. Пиво, собственно, не относилось к числу изысканных напитков – не то что разное там мартини, к которому, наверное, привыкли гости. Тем не менее барбекю полагается употреблять с пивом, а Эмори специально привел их в лучшее заведение в восточном Техасе из всех, где готовят барбекю.

Воротилы прилетели из Хьюстона на принадлежащем компании шикарном самолете – вроде того, на котором мотался по Европе злодей из фильма о Джеймсе Бонде. Эмори

встретил их на муниципальном аэродроме округа Блюэр, который представлял собой небольшую полянку посреди пастбища – только без коров. Здесь не было ничего, кроме покореженной взлетной полосы, проржавевшего металлического ангара и покосившейся конторы с парой топливных насосов.

– Это надо переделать в первую очередь, – заметил Эмори, провожая прибывших к машине – предмету своей гордости, красавцу «Ягуару». – Как только наступит этап номер один, нам надо будет сразу модернизировать этот аэропорт для прилетающих сюда на выходные. Как вы считаете?

Посмотрев на Коннота, оба вице-президента одновременно молча кивнули, словно пара марионеток. Они все время были молчаливыми и неразговорчивыми, но Эмори это не обескураживало. Он понимал, что так положено. Именно так большие люди ведут дела. Это урок, который ему тоже следует усвоить.

Теперь, когда гости покончили с едой, Эмори почувствовал их нетерпение. Коннот стал часто поглядывать на свои украшенные бриллиантами наручные золотые часы. Поэтому, как только официантка поставила на стол четыре бутылки холодного пива, Эмори приступил к делу.

– Все под контролем. Делрей не мог выбрать лучшего времени для того, чтобы умереть. – Гости заулыбались. – При всем моем уважении к покойному.

– А как насчет миссис Корбетт? – поинтересовалась одна из марионеток. – Она унаследовала ранчо?

– Да, унаследовала.

– Разве это не проблема? – спросил Коннот. – Вы говорили мне, что она так же твердо настроена против продажи ранчо, как и ее свекор.

Эмори откинулся назад и положил руку на край кабинки.

– Так было при жизни ее свекра. Чти свекра своего! Она не хотела ему перечить.

– И вы думаете, что сейчас она согласится?

– Я в этом уверен, – небрежно ответил Эмори. – Как она сможет одна управлять таким ранчо? Она не сможет. Она глухонемая. Ей понадобится не так много времени, чтобы это понять. Дайте ей неделю-другую, и она поймет, что такое ей не по силам. И конечно, – он сделал паузу и засмеялся, – я буду рядом, напоминая ей обо всех трудностях. Я стану советовать ей быстрее продать ранчо, пока вы не передумали и не начали искать другой участок.

Сидевший напротив воротила отставил в сторону свое нетронутое пиво.

– Почему вы думаете, что сможете оказать на нее какое-то влияние?

– Ну, во-первых, есть банковский кредит, который я могу использовать как рычаг воздействия. Потом, у нее уже были неприятности со стадом. – Хихикнув, он добавил: – Они ведь могут повториться.

– Этот ваш мексиканец надежен? – спросил Эмори его сосед по столику.

– Если вы ему заплатите, Джесси Гарсия будет трахать собственную мать при двенадцати свидетелях.

– Вы уверены, что ответственность за отравление скота не будет возложена на вас?

Ни в коем случае. Собственно, сейчас, пока мы разговариваем, кое-кого уже раскручивают в связи с этим преступлением.

Эмори не видел смысла рассказывать им о беспокоившем его работнике. Судя по первому впечатлению, это наглый сукин сын, который сует нос в чужие дела. Эмори не хотел рисковать тем, что ковбой может настроить Анну Корбетт против него, Эмори, и его советов. Надо было обязательно избавиться от этого работника.

И потом еще Гарсия. Несмотря на то что Эмори сейчас сказал о мексиканце, Гарсия заставлял его нервничать. А если кто-то предложит жулику больше пятидесяти долларов за то, чтобы он сказал, кто нанял его отравить соль для коров на пастбище Корбетта? Обычно он не выдает своих клиентов, но кто знает, что может случиться? Возможно, у него плохой год и ему нужны деньги.

Что же предпринял Эмори? Он разом решил две проблемы. Как представитель банка, обеспокоенный тем, что выданный им кредит может быть не возвращен, он позвонил в управление шерифа и поделился своей тревогой относительно бессмысленного убийства ценного скота, по времени совпавшего с приемом на работу нового батрака. Его заверили,

что разберутся.

Вот так легко Эмори снял с себя подозрения в отравлении скота, переложив их на другого. Пусть теперь управление шерифа занимается ковбоем. Это может продлиться довольно долго, а Эмори пока будет без помех работать с Анной.

Нет, все получилось просто великолепно.

– Поверьте, – сказал он, – этот Гарсия настоящий гений. Я даже подумываю о том, чтобы использовать его снова. Анна Корбетт до безумия любит своего сына, и это открывает перед нами широкие возможности. За хорошую цену Гарсия может творчески подойти к делу.

Трое из «Ист-парк» обменялись тревожными взглядами. Заметив это, Эмори быстро добавил:

– Конечно, я не хотел бы прибегать к такого рода давлению. Оно будет применено только в крайнем случае и только после обсуждения с вами.

Надеюсь, вы понимаете, мистер Ломак, – проговорил один из вице-президентов, – что, если ваше имя когда-либо будет упоминаться в связи с каким-либо преступлением, «Ист-парк» придется заявить о своей полной непричастности к делу. Мы никогда не санкционируем преступную деятельность.

Черт побери! Даже сегодня перед завтраком Коннот наверняка занимался преступной деятельностью. Эмори об этом знал, и Коннот знал, что он знает.

Тем не менее Эмори согласился:

– Конечно. Я просто сказал, не подумав. Скорее всего, это не понадобится. На что я больше всего полагаюсь и что может оказаться самым эффективным – это наши личные отношения.

Как он и надеялся, гости заинтересовались. Коннот прямо-таки насторожил уши.

– Ваши личные отношения с кем?

– С миссис Корбетт.

– О них я не знал.

Эмори снял руку с края кабинки и неловко пожал плечами.

– Я не хотел об этом говорить – боялся, что вы неправильно истолкуете мою заинтересованность в нашем проекте. Я горжусь тем, что не смешиваю дела со своей личной жизнью. Однако с какой стороны ни посмотреть, я считаю, что если миссис Корбетт – Анна – отклонит ваше предложение, то она сделает ошибку, о которой будет жалеть всю жизнь. И я буду ей это внушать. Если она не станет меня слушать как консультанта по финансовым вопросам, – он подмигнул, – я прибегну к другим методам убеждения.

И снова приезжие обменялись озабоченными взглядами.

– Мистер Ломак, в вопросах приобретения подобного рода участков действуют весьма строгие законы. Более того, федеральное правительство тщательно следит за их соблюдением.

– Да, я хорошо об этом знаю, – с серьезным видом заверил Эмори.

– Чрезвычайно важно, чтобы наши с вами дела не входили в противоречие с вашими обязанностями в том банковском учреждении, где вы работаете, – сказал воротила, сидевший рядом с Эмори.

Да за кого эти задницы его принимают? Эмори Ломаке знает правила игры; он играет в нее уже многие годы. Хотя и возмущенный явной недооценкой его умственных способностей, он тем не менее сохранил на лице подобострастное выражение.

– Конечно. Это было ясно с самого начала.

– Еще важнее не допустить никаких неэтичных или, избави бог, аморальных...

– Все, все! – вскинув вверх руки, прервал его Эмори. – Вам не о чем беспокоиться. – Понизив голос, он наклонился над красной пластмассовой тарелкой, в которой недавно лежала его порция ребрышек: – Мне вовсе не потребовалось совращать эту женщину. Анна... Как бы это выразиться по-деликатнее? Раз она лишена возможности нормально говорить, она нашла другой способ общения. Это понятно?

– Вы хотите сказать, что вступили с ней в связь? Эмори был уже по горло сыт подобными высокопарными выражениями.

– Нет, я хочу сказать, что уже пару лет ее трахаю. Практически с того самого дня, когда стал вести их счета. Прав-

да, люди говорили, что ее имеет старик, и, насколько я знаю, они были правы. Но она призывно смотрела на меня, и я подумал: черт возьми, а почему бы и нет? Я холост. Она красотка. И... – Он еще сильнее нагнулся вперед. – Знаете, что лучше всего? Она не может говорить. Так что я спрашиваю вас – разве это не идеальная любовница?

Все заулыбались, даже на лице чопорного Коннота появилась улыбка.

– Ждите дальнейшего развития событий, джентльмены, – добавил Эмори. – Скоро дело будет в шляпе.

На этом встреча закончилась. Эмори оставил на столе сумму денег, которой должно было хватить на четыре порции ребрышек, восемь бутылок пива и скудные чаевые. Похлопывая гостей по плечам, он проводил их до двери, уверяя в том, что держит ситуацию под контролем, и одновременно пытаясь придумать, как же все-таки выполнить свои хвастливые обещания.

Эмори был так занят этой дилеммой, что совсем не обратил внимания на мужчину, который сидел спиной к нему в соседней кабинке.

Когда родные и друзья хвалили ее фотографии, Анна не придавала этому значения, считая, что ей просто льстят. А вот мнение Пита Нолена игнорировать нельзя. Он профессионал, способный отличить хорошую работу от плохой. Он прекрасно понял, что она хотела сказать той фотографией с деревенским домом. Конечно, Джек...

Анна не дала себе закончить эту мысль, поскольку воспоминания о Джеке вызывали у нее печаль, а она не хотела, чтобы сейчас что-то омрачало ее радость. Поразительно, но у нее есть фанат! Анна никак не могла прийти в себя от восторга. К несчастью, ей не с кем было поделиться этой новостью, не с кем разделить свое торжество.

Приехав домой, Анна немедленно зарядила фотоаппарат пленкой, собрала оборудование, вывела Дэвида наружу и заставила его позировать на качелях.

Однако жара была настолько угнетающей, а атмосфера – душной, что казалось, будто воздух прилипает к коже. Дэвид хныкал и не желал слушаться. Довольно скоро Анна поняла, что не сможет противостоять погоде, и сдалась.

Входя в дом, она увидела, что на горизонте показались грозные облака, и подумала о том, как восхитительно, что сейчас пойдет дождь.

Она приготовила Дэвиду на обед сандвич с жареным сы-

ром и разрешила ему устроить пикник на полу в гостиной – поглощая пищу, мальчик смотрел видеофильм про динозавров.

Сама же Анна поднялась в спальню, чтобы хоть немного побыть одной.

После смерти Дина она заново ее отделала, чтобы обстановка не напоминала о тех днях и ночах, когда ее муж в ожидании смерти лежал здесь в постели.

Сейчас в комнате, окрашенной в оранжево-желтые тона, царил умиротворяющая атмосфера. На стенах висели младенческие фотографии Дэвида в серебряных рамках, а также пара фотопортретов, изображавших Анну с Дином, и один – Делрея с Мэри. В углу на полке выстроились любимые книги Анны. Пространство между кроватью и окном, перед которым стояло кресло-качалка, заполнял большой ковер. Все аккуратно расставлено по своим местам.

В общем, простая и скромная, даже целомудренная обстановка. Чересчур целомудренная.

Иногда по ночам на Анну обрушивалось щемящее одиночество. Она не могла спать одна. Ей хотелось, чтобы кто-то лежал рядом, хотелось ощущать его дыхание на своей коже, чувствовать тепло его тела.

В другие ночи ее желания приобретали более чувственный характер. После месячных, когда Анна всегда была немного возбуждена, ей снились эротические сны, в которых она предавалась безудержному сексу с каким-то безликим

мужчиной.

Порой она просыпалась, испытывая оргазм, но чаще ее сон прерывался, когда до этого оставалось всего несколько мгновений, и тогда Анна беспокойно ворочалась до утра. В такие ночи она крепко прижимала к себе подушку и зажимала ее между ног.

Да, ей недоставало секса.

Встретив Джека Сойера, она поняла, насколько сильно ей этого не хватало.

Отбросив подобные мысли в сторону, Анна подошла к туалетному столику, села на табурет и посмотрела на себя в зеркало. Увиденное ее ужаснуло. В зеркале отразилась женщина, которая обрекла себя на добровольную нищету.

После смерти Дина у нее просто не хватило духу продолжать занятия. Конечно, она зря их бросила. Все, чему она научилась, теперь, вероятно, утрачено, и, может быть, безвозвратно. Но попытаться все же стоит.

Сегодняшняя сцена в управлении шерифа была неприятной и унижительной, но в то же время полезной. Она заставила Анну понять, что если она действительно хочет управлять ранчо, вести переговоры с лесопромышленниками, давать отпор разным охотникам до чужих земель вроде Эмори Ломакса, продавать свои фотографии и вообще если она хочет одержать верх над невежеством и предрассудками людей, которые из-за глухоты относятся к ней свысока, – надо заново научиться говорить.

Анна понимала, какая трудная задача перед ней стоит, и осознавала свои ограниченные возможности. Она никогда не сможет вести беседу, полагаясь исключительно на речь, но это отнюдь не означает, что она должна все время хранить молчание.

Слишком долго она допускала, что за нее разговаривает кто-то другой – даже ее маленький сын. Больше этого не будет. Она должна научиться говорить сама. Просто обязана.

Слегка приоткрыв рот, Анна напрягла голосовые связки – в первый раз за шесть лет. Почувствовав вибрацию, она поняла, что издала какой-то звук.

Заколебавшись, она напонила себе, что тысячи глухих полагаются исключительно на язык жестов, не считая нужным учиться говорить, – и ничего, живут себе полноценной жизнью.

Но в свое время они с родителями решили, что Анна будет сочетать язык жестов с чтением по губам и речью. Инструкторы по обучению глухонемых и частные преподаватели взяли на себя труд научить ее разговаривать. Следуя инструкциям терпеливых учителей, она вот так же, как сейчас, провела перед зеркалом многие часы.

Она упорно занималась и достигла немалых успехов. Но потом умер Дин, и переполнявшая Анну жалость к себе заставила ее забыть все те навыки, которые она с таким трудом приобрела. Эгоистическое желание Делрея видеть ее в полной изоляции от общества послужило ей хорошим оправда-

нием. Теперь Анна это понимала. Она поступила как последний трус.

Для того чтобы это признать, нужно большое мужество.

Но еще большее мужество необходимо, чтобы побороть свой страх, когда ты ставишь перед собой непосильную задачу.

Глубоко вздохнув, Анна заставила себя сесть прямо. – Начнем с основ, мысленно сказала она. С двугубных взрывных согласных звуков – пи б. Первый произносится глухо, второй озвучивается.

П. Как передать голосом звук л? Надо опустить ниже челюсть и выдохнуть, сжав губы. Вот так. Она посмотрела в зеркало. Вроде все правильно. Она проделала это во второй раз, держа пальцы возле губ. Да, ощущение такое, как надо. Только правильно ли это звучит?

Теперь б. Этот звук требует того же движения губ, но одновременно надо напрячь голосовые связки.

«Сосредоточься, Анна. Тебе это по силам. Ты раньше уже это делала».

Положив руку на горло, она сначала просто напрягла голосовые связки, затем попробовала соединить это действие с движением губ. Кажется, получается слишком сильный выдох. Она повторила звук, поднеся пальцы к губам. Похоже, на этот раз правильно.

Рука как будто налилась свинцом. Внезапно почувствовав ужасную усталость, Анна опустила ее вниз. Конечно, дело не

в физическом переутомлении. Все это нервы. Тем не менее она сейчас не может даже шелохнуться.

Глядя на свое отражение в зеркале, Анна увидела, что ее глаза наливаются слезами. Может быть, она только обманывает себя? Смогут ли ее когда-нибудь понять и не будут ли люди, с которыми она попытается заговорить, со смущением и жалостью отводить глаза в сторону?

Или, что еще хуже, не будет ли смущаться ее сын?

Дэвид не стеснялся ее глухоты, потому что не знал ничего другого. Но что произойдет, когда осенью он пойдет в детский сад? Из-за нее другие дети будут над ним смеяться, будут называть ее манекеном.

Сначала он, вероятно, будет ее защищать. Но придет время, когда он станет ее стыдиться и желать, чтобы его мама была такая же, как и все остальные. Так или иначе ее глухота обязательно повлияет на его развитие. Он станет или самоуверенным хулиганом, всегда готовым к драке, или робким интровертом. Несомненно, это радикально изменит его личность. Как печально, что ее замечательный, славный мальчик может пострадать из-за ее трусости.

Этого нельзя допустить. Если не для себя, то хотя бы ради Дэвида она должна вновь научиться говорить.

Исполненная решимости, Анна нетерпеливо вытерла слезы и снова посмотрела в зеркало. Поднеся пальцы к губам, она попыталась произнести еще один звук. На этот раз более трудный. Дж.

Как в слове «Джек».

– Мистер Ломаке, как хорошо, что вы вернулись, тут...

– Потом, миссис Пресли. Это мне? – Проходя в свой кабинет, он смахнул с ее стола несколько розовых листочков.

– Да, сэр, но тут...

– Я сказал – потом. Принесите мне, пожалуйста, «Алка-зельтцер».

От барбекю у него болел желудок. От пива раскальвалась голова. А после застройщиков болела задница.

Отобедав, они попросили его отвезти их на ранчо Корбетта. Полчаса туда, полчаса на осмотр окрестностей, полчаса обратно. Эмори вздохнул с облегчением только тогда, когда помахал рукой вслед их сверхсовременному частному самолету, увозившему воротил в Хьюстон. Они улетали умиротворенные, считая, что дело в шляпе.

Эмори нутром чувствовал, что все обстоит как раз наоборот.

Вернувшись с обеда на час позже обычного и удостоившись за это хмурого взгляда со стороны президента, он хотел побыстрее оказаться в тишине и прохладе своего кабинета.

Надо обдумать следующий ход.

Отправив секретаршу за «Алка-зельтцером», Эмори прошел в кабинет, снял пропотевший пиджак и повесил его на крючок за дверь. Кожаное кресло с высокой спинкой было

повернуто к окну. Ломаке развернул его к себе.

– Привет, Эмори!

Словно чертик из табакерки, с кресла вскочил ковбой, схватил Эмори за галстук и, мгновенно поменявшись с ним местами, толкнул в еще теплое кресло.

Прежде чем Эмори успел сообразить, что происходит, работник с фермы Корбетта пригвоздил его к месту зловещего вида ножом. Острый кончик этого ножа упирался прямо в горло жертвы. Эмори в ужасе схватился за ручки кресла.

– Как вам понравился обед? – вежливо спросил ковбой. – На мой взгляд, соус был чересчур пресным, а огурцы чересчур солеными, но остальное выше всех похвал. Я лично съел сэндвич с отбивной. Как я заметил, вы с вашими шикарными друзьями ели ребрышки. Дверь открылась.

– Мистер Ломаке...

– Вызовите охранника!

– Да, сэр.

– Минуточку!

К изумлению Эмори, миссис Пресли, державшая в одной руке упаковку с «Алка-зельтцером», а в другой стакан воды, услышав приказ ковбоя, немедленно остановилась.

– У меня к вам просьба, миссис Пресли... вас, кажется, так зовут, мэм? Вместе с охранником позовите сюда кого-нибудь из банковских служащих. Я уверен, им будет интересно послушать, что мистер Ломаке говорит об одном из их уважаемых клиентов. Вы тоже можете присутствовать. Да зо-

вите всех! Всем, кто работает с Эмори, покажется любопытным то, что я расскажу.

Эмори нервно засмеялся:

– Черт побери, старый сукин сын! Когда ты приехал? – Собрав все свое мужество, он отодвинул в сторону нож и хлопнул ковбоя по плечу. – Миссис Пресли, этот негодяй, который до смерти вас напугал, – мой товарищ по студенческому братству. Э...

– Джек.

Эмори захихикал, пытаясь избавиться от страха.

– Джек всегда откалывал такие штучки, когда мы учились в университете.

Если не обращать внимания на то, что он не смог вспомнить имя Джека, все это звучало убедительно.

Университетский диплом висел на стене кабинета, а Эмори неоднократно потчевал миссис Пресли невероятными рассказами о жизни студенческого братства, что, правда, было абсолютной ложью, поскольку Эмори никогда не приглашали в это братство вступить.

К его огромному облегчению, ковбой спрятал нож.

– Надеюсь, я не слишком сильно вас напугал, мэм? Я не мог удержаться от того, чтобы немного пошутить со старым товарищем. – Его рука тяжело опустилась на плечо содрогнувшегося Эмори.

Секретарша робко улыбнулась:

– Как насчет... – Она протянула пакетик с «Алка-зельт-

цером».

– Уже не нужно. Но все равно спасибо.

Со все еще неуверенным видом она вышла из кабинета и закрыла за собой дверь.

Субъект по имени Джек, к сожалению, остался.

Он снова вынул нож из чехла и сел на край стола прямо перед Эмори, у которого во рту так пересохло, что он едва мог пошевелить губами. Тем не менее ему удалось прошептать:

– Вы псих?

– Если бы я был психом, то уже разрезал бы вас пополам. От этого меня удерживают только остатки здравого смысла. Вы должны быть мне благодарны за это, Эмори. Могу я называть вас Эмори? Конечно, могу – мы ведь члены одного братства.

– Сейчас же выйдите из моего кабинета, или я...

– Видите ли, Эмори, вы не в том положении, чтобы мне угрожать. Откровенно говоря, мне бы очень хотелось, чтобы вы вызвали охранника и устроили сцену, потому что тогда я смогу всем пересказать тот разговор, который сегодня подслушал за обедом. Я сидел прямо за вами в следующей кабинке и слышал каждое ваше лживое слово.

Глядя в неумолимые глаза Джека, Эмори не сомневался, что тот выполнит свою угрозу.

– Подумайте об этом, Эмори. Представьте себе, что будет, если ваша болтовня о несуществующей любовной связи

с миссис Корбетт дойдет до президента банка. Или хотя бы до других сотрудников – а особенно сотрудниц. Ну как? Понимаете, к чему это приведет, Эмори?

Эмори несколько не сомневался, что подобное развитие событий закончится полной катастрофой. В банке ему тогда больше не работать. А он не может оставить эту работу до тех пор, пока его услуги «Ист-парк» не будут оплачены. Он и так истратил кучу денег на выпивку для воротил, которые, конечно, ему никто не вернет.

– Все это только слова. – Он заставил себя засмеяться, но смех его звучал, словно скрип наждачной бумаги. – Кто вам поверит?

О, я уверен, что большинство женщин поверит. Анна Корбетт наверняка не единственная женщина, которую коробит ваш сексизм и пошлые заигрывания.

– Вы блефуете, ковбой. Если бы это было серьезно, то вы не стали бы ловить меня в кабинете. Вы бы поймали меня где-нибудь в вестибюле, чтобы все могли вас слышать.

– Я этого не делаю только потому, что не хочу огорчать миссис Корбетт, связывая ее имя с вашим.

– А, так вы уже сошлись с глухонемой вдовой! Ну что ж, давайте, выставьте себя на посмешище. – Он презрительно фыркнул. – Вы разве не слышали то, что я говорил о ее отношениях с Делреем? Вы хотите быть его преемником? Старик много лет ее трахал.

Глаза ковбоя сузились, и Эмори решил, что зря зашел так

далеко. В конце концов, кто этот парень и откуда?

Эмори о нем ничего не известно. Глупо провоцировать типа, поигрывающего здоровенным ножом, которым он, возможно, отправил на тот свет уже несколько человек. Не будет ничего удивительного, если этот Джек или как его там сейчас же разрежет Эмори на мелкие кусочки.

Слава богу, что он не связал Эмори со своим сегодняшним арестом. Если бы он это сделал, Эмори наверняка бы уже был мертв. Он пришел сюда с единственной целью – защитить честь Анны Корбетт. Может быть, все-таки есть в жизни счастье?

Несколько мгновений Джек смотрел очень сурово, затем взгляд его смягчился.

– Я собираюсь пропустить это замечание мимо ушей, Эмори, так как вы не стоите того, чтобы убивать вас за такую чепуху. Тем не менее дам вам один совет. Поменьше болтайте. Мужчины обычно говорят о женщинах подобные вещи только тем, кому полностью доверяют.

– Я был среди друзей. Вы один подслушивали.

– Гм, это верно. Тем более вы не могли себе представить, что я могу оказаться где-нибудь поблизости. Вы-то ведь думали, что я сижу за решеткой, правда?

О черт! Воротничок рубашки внезапно показался Эмори чересчур жестким.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Ах, Эмори, Эмори! – покачав головой, сказал Джек. – Ва-

ша подлая схемка не сработала. В управлении шерифа нет против меня абсолютно никаких улик, а после допроса там поняли, что у меня не было и мотивов вредить Корбетту. Я потребовал, чтобы они или предъявили мне обвинение, или отпустили. – Он развел руками. – Так что нет нужды говорить... Да, но самое забавное, – продолжал он, – это то, что рассказал Джесси Гарсия. Проклятие!

– После обеда я ему позвонил и представился. Пока мы сидели за бутылкой текилы, он обратил внимание на мои ботинки и сказал, что его любимый мексиканский дядюшка был сапожником. Эти башмаки, случайно, делал не Хулио из Чиуауа? – Джек усмехнулся. – Конечно, оказалось, что именно он.

Эмори скривился.

– Вы думаете, я в это поверю?

– Да нет, я соврал, – признался Джек. – Но все дело в том, что Гарсия поверил. Безусловно, он был немного пьян и пустился в воспоминания о дядюшке Хулио, который умер этой зимой. Он рассказывал мне одну историю задругой, а я слушал. Пожалуй, для текилы было все-таки немного рано, но так или иначе я стал ему другом на всю жизнь.

А Эмори проиграл.

Словно прочитав его мысли, ковбой улыбнулся – совсем не любезной, скорее угрожающей улыбкой.

– Если Гарсия на вас укажет...

– Он этого не сделает.

– Если нужно будет или выдать вас, или сесть в тюрьму? Или если ему придется выбирать между вами и мной – как вы думаете, кого он сдаст полиции? – Джек похлопал его по груди кончиком ножа. – Вас, Эмори. Вас он сдаст. И охнуть не успеете. А тогда сколько времени вы сможете продолжать деловое сотрудничество с вашими партнерами? Они моментально с вами расстанутся. Они это четко сказали там в кафе.

Из всех угроз эта испугала Эмори больше всего. Коннот каждый день играет по-крупному и беззастенчиво блефует. Но дилера, который попался, Коннот защищать не будет. Эмори не питал на этот счет никаких иллюзий.

– Хорошо, хорошо! – сказал Эмори таким тоном, как будто происходящее ему уже слегка наскучило. – Вы своего добились.

Работник окинул его взглядом с головы до ног – как в тот первый раз на ранчо Корбетта.

– Единственное, чего я боюсь, – что вы решите, будто я валяю дурака.

Он встал и снова перегнулся через кресло, придвинув свое лицо к лицу Эмори. Кончик ножа уткнулся тому в кадык.

– Если вы снова будете беспокоить Анну Корбетт, я вас убью. Вы помните, что я говорил на этот счет? Так вот, я не шутил. Я вас действительно порежу. Вы это понимаете?

О да, Эмори нисколько не сомневался, что этот человек, не задумываясь, его убьет.

И так как он не хотел, чтобы ему перерезали горло, он прохрипел:

– Да.

– Вот и хорошо. – Джек убрал нож и, вытерев капельку крови о свои джинсы, сунул его в кожаные ножны. – Счастливого оставаться!

– Я бы сейчас все отдала за лимонную коку.

Конни Скэггс сидела на окне. Одна босая нога покоилась на подоконнике, другая, слегка касаясь пола, раскачивалась взад-вперед. Ногти на ногах были выкрашены в тот же цвет, что и на руках.

Две верхние пуговицы блузки были расстегнуты, и время от времени Конни засовывала руку в ее вырез и вытирала влажную грудь бумажным полотенцем. Юбка задралась достаточно высоко для того, чтобы наблюдатель мог возбудиться, но самое интересное при этом все-таки оставалось скрытым от глаз.

Карл был уверен, что баба поступает так нарочно, чтобы привлечь к себе внимание мужчин.

– Ты знаешь, о чем я говорю, Сесил, – с грустью сказала она. – Их продают в аптеке.

– Я выпил такую как раз перед ограблением.

Там много колотого льда и пара лимонных долек. – Она глубоко вздохнула, и к влажной ткани блузки прижались два больших соска – таких же темных, как ее ногти.

«О да, эта стерва хорошо знает, что делает», – подумал Карл. Майрон мастурбировал. Не расстегивая ширинки, он сидел на полу и, полуприкрытыми глазами глядя на Конни, все поглаживал и поглаживал себя.

Очевидно, тоже заметив, чем занимается Майрон, Сесил подошел к Конни и опустил ее юбку пониже. Обхватив любовницу руками, он ткнулся носом в ее шею.

– У тебя будет лимонная кока, милая. Когда мы попадем в Мексику, у тебя будет столько лимонной коки, сколько ты сможешь выпить.

– Перестань! – раздраженно сказала она. – Сейчас слишком жарко для того, чтобы обниматься.

– Для этого никогда не жарко. – Он засмеялся и снова уткнулся в ее шею.

– Я серьезно. Отстань! – Она шлепнула Сесила по руке, и тот с обиженным видом отстранился.

– Ладно, ладно.

Карл презрительно скривил губы. Если бы какая-то сука позволила себе его хлопнуть, он живо выбил бы из нее дух.

Его старший брат слабак. Всегда им был и, наверное, всегда будет. Карл надеялся, что тюрьма закалит Сесила, но, даже если она его и закалила, Конни Скэггс свела это дело на нет.

Сесил стал еще большей размазней, чем раньше, когда не смог заставить себя подстрелить того парня, который встал у них на пути в Аркадельфии.

– Не надо быть таким раздражительным, Сесил. – Конни сняла ногу с подоконника, встала и, повернувшись к окну, принялась разглядывать пыльный ландшафт, одновременно давая всем присутствующим возможность полюбоваться

своей задницей. – Эта жара сводит меня с ума. Снаружи ни ветерка, ни один лист не шевелится.

В этом Карл был с ней согласен. Жара его тоже раздражала. Воздух был таким плотным, что хоть режь его ножом. Пот лился градом, стекая по груди, по спине; волосы на руках прилипали к коже.

Даже мухи перестали жужжать. Раньше они доводили Карла до потери рассудка, пикируя на него, словно миниатюрные «Ф-16», и злобно кусая неприкрытые участки кожи. Теперь, разморенные жарой, они лениво ползали по пустым банкам, бумажным оберткам и грязным пятнам на столе, оставленным Майроном, который крошил все, что подносил ко рту.

Конни отвернулась от окна и, подойдя к столу, взяла с него банку апельсинового напитка, на которой только что сидела одна из тех самых мух, за которыми наблюдал Карл.

– Моя мама говорит, что если так жарко и нет ветра, то скоро будет дождь.

– Правда?

Это впервые за последний час подал голос Карл. От неожиданности все вздрогнули. Сесил, отойдя от окна, сел верхом на стоявший у стола деревянный стул и уперся подбородком в его спинку. Майрон по-прежнему, раздвинув ноги, сидел в углу. Он слабо улыбался, глаза его казались еще более пустыми, чем обычно, по брюкам растекалось пятно.

Конни повернулась к Карлу:

– Что правда?

– Насчет дождя.

– Иногда он идет, – сказала она, – а иногда нет. Моя мама не всегда была права. – Привстав на цыпочки, она взгромоздилась задницей на стол.

«Знает ли эта баба, для чего нужны стулья? – подумал Карл. – Похоже, она сидит на чем угодно, только не на стуле».

– Возьмем, к примеру, меня. – Конни достала из пакета порцию свиных шкварок и принялась их жевать. – Мама сурово наказывала меня за непослушание. Папиным кожаным ремнем она хлестала меня как Сидорову козу. Я была вынуждена носить отвратительную, безобразную одежду, а в школе за любую провинность мне приходилось пресмыкаться перед учителями. Два раза в неделю она водила меня в свою церковь – по воскресеньям и вечером в среду – и заставляла вместе с другими дураками размахивать руками в воздухе и вопить «Слава Иисусу!». Она думала, что если я буду так делать, то стану хорошей девочкой. – Нагнувшись вперед, она выпятила грудь и подмигнула. – Мама ошибалась.

С тревогой глядя на ее легкую блузку, Сесил через силу засмеялся.

Карл усмехнулся и махнул рукой в сторону упаковок с пивом.

– Принеси мне одну.

– Они горячие.

– Также, как и я.

Карл предполагал, что такая испорченная девчонка, как Конни, поймет двусмысленность его слов, и она действительно его не разочаровала. Не сводя с него глаз, Конни вытащила из пластмассовой упаковки банку с пивом и, виляя бедрами, направилась к Карлу.

Когда она подошла к его стулу, Карл не стал убирать вытянутые ноги, взглядом поощряя Конни сделать то, что ей, видимо, очень хотелось.

Предсказуемость ее поведения его просто смешила.

– Открыть тебе? – спросила она, усевшись на его вытянутые ноги.

– Ну да. Почему бы и не открыть?

– Я бы тоже выпил пива, – из глубины комнаты сказал Сесил.

Конни проигнорировала его слова. Как и Карл. Прежде чем открыть нагревшуюся банку, она ее встряхнула, и, как и следовало ожидать, пиво вспенилось и залило все вокруг.

Смеясь, Конни поднесла к губам пенящуюся банку.

Карл схватил ее за руку.

– Эй, это ведь мое пиво!

Она протянула банку к самым его губам. Карл сделал глоток, и тогда Конни наклонила банку вперед. Пиво полилось прямо ему в рот.

– Давай, пей все, – нараспев приговаривала она. – Сколько ты сможешь выпить? Может, помочь?

Она приблизила губы к банке и принялась попеременно наклонять ее то в свою сторону, то в сторону Карла, словно состязаясь, кто выпьет больше пива. Конечно, основная часть пива пролилась, но так было даже веселее.

– Вы зря потратили хорошее пиво, – заметил Сесил. Когда пиво кончилось, Карл схватил Конни за пояс юбки и притянул к себе. Она отбросила пустую банку и запустила пальцы ему в волосы. Их губы встретились.

– Что за...

Сесил вскочил со стула и побежал к ним. Оторвавшись от губ Конни, Карл крикнул:

– Майрон!

Дебил неуклюже поднялся с пола, но тут же, сделав два огромных шага, перехватил Сесила, который уже находился в нескольких метрах от своей подружки, самозабвенно прильнувшей к Карлу. Карл услышал, как хрустнули зубы брата, и почувствовал удар от падения его тела.

– Что вы делаете? – крикнул Сесил. – Что это такое? Карл! Конни!

Но она, казалось, забыла о существовании Сесила. Карл тоже не обращал на него внимания. Пока над ним стоит Майрон, брата можно сбросить со счетов. Бедняга Сесил еще этого не знает, но сейчас он так же беспомощен, как новорожденный мышонок, попавший в лапы к ветерану-коту. Майрон способен днями развлекаться со своей жертвой.

Конни прижалась к нему лобком, и Карл рывком расстег-

нул ее блузку. Ее тяжелые груди вывалились наружу, и Конни сунула сосок ему в рот.

– Соси сильнее. Он никогда не сосет их как надо. Карл не только сделал то, о чем она просила, но и укусил ее.

– Эй! – Она шлепнула его рукой.

Он ударил ее в ответ, разбив при этом губу. С удивлением глядя на него, Конни потрогала кончиком языка раненое место и ощутила вкус крови.

– Ты сукин сын!

И тут же атаковала его ширинку с азартом золотоискателя, обнаружившего коренную жилу. Когда она высвободила его набухший член и плотно сжала его потными руками, Карл застонал – частично от удовольствия, частично от боли.

Засунув руки ей под юбку, он стянул с нее трусы. Секунду она балансировала, стоя на цыпочках, затем опустилась вниз.

Предоставив Конни возможность все сделать самой, Карл посмотрел на брата, валявшегося на полу, словно слепой, который потерял свою палку. Плача и харкая кровью, Сесил издавал отвратительные ноющие звуки. От этого гнусного зрелища Карлу стало нехорошо, и он устыдился того, что они носят одну и ту же фамилию.

Подняв голову, Сесил поймал его взгляд.

– Как ты можешь так поступать со мной?

– Я не виноват в том, что она гребаная шлюха. Это ты ее сюда привел, старший братец. – Он приподнял юбку Конни,

чтобы Сесил видел ее задницу.

Издав животный крик, Сесил сделал отчаянную попытку рвануться вперед, но кулак Майрона его остановил.

Пошатнувшись, Сесил упал на колени и, свесив голову, зарыдал.

– Эй, кого это ты назвал гребаной шлюхой? – задыхаясь, спросила Конни.

– Я тебе нравлюсь больше, чем он?

– Ну, у тебя это получается лучше.

– Да что ты говоришь! – с притворной застенчивостью сказал Карл.

Откинув голову назад, она закрыла глаза и запрыгала еще энергичнее.

– О господи, только не останавливайся!

– Я и не думаю останавливаться. Я думаю только о том, чтобы показать Сесилу интересное шоу.

Она была настолько увлечена своим занятием, что испытала настоящий шок, когда Карл оторвал ее от себя, повернул и бросил на пол.

– Что ты делаешь? – опустившись на четвереньки, закричала Конни.

– Заткнись!

Перед тем как войти в нее, Карл положил Конни руку на затылок и вдавил лицом в деревянный пол. Кости хрустнули, женщина завизжала.

Сесил вновь попытался прийти к ней на помощь, но Май-

рон ударил его по ребрам. Раздался треск ломающихся костей, и Сесил взвыл от боли.

– Когда я с ней закончу, можешь тоже попробовать, Майрон, – с усмешкой произнес Карл.

Загоготав, Майрон ударил Сесила каблуком в пах.

Кося одним глазом в зеркало заднего вида, Джек выехал с банковской автостоянки. Он сомневался, что Эмори Ломаке потребует его ареста. Учитывая угрозу разоблачения со стороны Гарсии и возможность разрыва отношений с «Ист-парк», он совсем не заинтересован в том, чтобы Джек оказался в руках правоохранительных органов. Ломаксу не улыбается перспектива затевать судебное дело, в котором он сам может пострадать.

Тем не менее Джек ему не доверял.

Кто знает, на что способен такой мерзавец, как этот Ломаке? Люди, подобные ему, ухитряются вечно оставаться на плаву. Лишенные чести и совести, они делают все, что хотят, не сдерживаемые никакими чувствами.

Кроме, возможно, инстинкта самосохранения. Именно на это и рассчитывал Джек. Он поставил на то, что для Ломакса собственная шкура дороже мести. Скорее всего угрозы Джека заставят Ломакса отказаться от попыток захватить имущество Корбетта или по крайней мере нарушат все его планы.

Вскоре Джек подъехал к заправочной станции.

- Уровень масла, должно быть, низкий, – сказал он служащему, после того как попросил его заправить полный бак.
- Хороший у вас грузовик, мистер.

– Спасибо.

Молодому человеку было, вероятно, лет восемнадцать.

Протирая ветровое стекло, он продолжал восхищаться пикапом.

Залив бензин, он открыл капот, проверил уровень масла и, сказав Джеку, что тот был прав, исчез в гараже. В этот момент в боковое стекло Джек заметил полицейскую патрульную машину. Сердце его сжалось. Неужели он ошибся в Ломаксе?

Однако патрульная машина проехала мимо. Сидевший в ней полицейский не удостоил Джека даже взглядом.

Представление, которое он устроил Ломаксу, вроде бы закончилось так, как надо, тем не менее по зрелом размышлении следует признать, что это была глупая затея, недостойная взрослого мужчины. Не следовало прибегать к таким драматическим приемам. Ему как будто удалось запугать Ломакса, но вот надолго ли? Когда Ломаке придет в себя и сумеет все обдумать, оскорбленное самолюбие может заставить его удвоить свои усилия. Возможно, Джек только навредил Анне, а не помог.

Кстати, было бы чересчур самонадеянно считать, что она рассчитывает на его помощь. Ведь Корбетт подозревал его в отравлении коров, и эти подозрения только усилились при виде помощников шерифа, забиравших его в участок. Анна может решить, что он и вправду виновен. Допрос, которому подвергся Джек, – это все ерунда по сравнению с тем взгля-

дом, которым его одарила Анна, когда он пытался объяснить Дэвиду, почему его уводят помощники.

В общем, как ни крути, а ей с сыном будет лучше, если он, Джек Сойер, исчезнет с их горизонта. Сейчас, когда у него заправлен полный бак, он должен уехать из Блюэра – подальше от всех его обитателей. И он может это сделать с чистой совестью, зная, что надолго нейтрализовал Ломакса, так что Анна вполне успеет найти себе другого финансового советника.

Каким надутым и самодовольным он был, когда выходил из банка! Теперь Джек ругал себя за беспечность. Пусть сегодня он спокойно вышел из управления шерифа, однако в следующий раз это может быть намного труднее. Он сделал большую глупость, угрожая Ломаксу. И чем? Ножом! Это все равно что размахивать красной тряпкой перед мордой быка. Да, чем скорее он уберется из Блюэра, тем лучше.

С канистрой масла в руках к машине подошел мальчишка-заправщик.

– Этот сорт подойдет?

– Да, конечно. Порядок.

Пока масло наливалось в двигатель, парнишка подошел к Джеку.

– Жвачку хотите? – Он протянул ему пачку «Биг ред».

– Спасибо.

Оба принялись жевать.

– Я бы запомнил ваш грузовик. Вы не постоянный кли-

ент, – сказал парень.

– Нет.

– В город или из города?

– Еще не решил.

Молодой человек окинул взглядом улицу.

– На вашем месте я бы поехал дальше.

– Почему?

– Ничего здесь хорошего нет – это точно.

– Вроде вполне симпатичный город.

– До той минуты, пока не появятся Херболды. Вот тогда кое-что заполыхает. – Он причмокнул, как будто такая перспектива ему нравилась. – Мой отец был знаком с ними, когда они здесь жили.

– Seriously?

– Он говорит, что они могут сюда вернуться. Но я считаю: кому придет в голову ехать в Блюэр, особенно прямо из тюрьмы? На их месте я бы отправился в какой-нибудь большой город и там немного отдохнул. – Он подмигнул. – Вы понимаете, что я имею в виду?

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду. – Джек приподнялся с сиденья и сунул руку в карман брюк. – Сколько я вам должен?

Поняв намек, молодой человек обошел машину спереди, швырнул пустую канистру в мусорный ящик и опустил капот.

– Наличные или кредитная карточка? Если заплатите на-

личными, то получите пятипроцентную скидку и бесплатное пиво «Кузи».

Джек через открытое окно подал ему двадцать два доллара.

– Давайте скидку. А «Кузи» не надо.

– Вы серьезно? Мы с моей девушкой его обожаем.

– Ну и на здоровье.

– Клево! Сейчас я принесу сдачу.

Во время разговора у Джека созрело решение: он никуда не поедет – до тех пор, пока Херболдов не поймают или не убьют. Пусть Анна прикажет ему убраться со своей земли – он не будет винить ее за то, что она ему не доверяет. Но он уедет из Блюэра только тогда, когда Карл и Сесил перестанут разгуливать на свободе и не смогут представлять угрозу ей и Дэвиду.

– Вот. – Молодой человек подал ему сдачу.

– Спасибо за хорошее обслуживание, – сказал Джек.

Не за что. Спасибо за выпивку. – И, заглянув через плечо Джеку, он добавил: – Куда бы вы ни поехали, мистер, я бы на вашем месте поспешил.

Джек посмотрел в зеркало заднего вида и впервые заметил собравшиеся на горизонте темные тучи.

* * *

– Тупые сукины дети!

С графином свежего кофе Люси подошла к стойке.

– О ком ты, Эззи?

– Извини за грубость, Люси. Я просто смотрю телевизор.

От скуки он решил попить кофе. Сейчас он был в зале один – для коктейля слишком поздно, для ужина слишком рано.

Обсуждая с Люси предстоящий футбольный сезон и игру местной команды «Блюэр бакс», он в то же время одним глазом поглядывал на маленький телевизор, стоявший между миксером и микроволновой печью. «Шоу Опры» как раз кончилось, и начался вечерний выпуск местных новостей.

Главным по-прежнему был сюжет об охоте на сбежавших преступников, которые уже больше недели находились на свободе. Однако этот сюжет получил новый поворот. В северо-западной Луизиане на дне колодца были найдены тела двух пожилых женщин. Подозреваемыми опять оказались Карл Херболд и Майрон Хаттс: их отпечатки пальцев были найдены по всему дому. Правоохранительные органы трех штатов наращивали усилия для их поимки, а также для поимки Сесила Херболда и Конни Скэггс.

Телеканал показал прямой репортаж с блокпоста, где, забаррикадивавшись за своими патрульными машинами, сидели вооруженные до зубов полицейские в форме. Камера сняла, как один из них зеваает. Именно это и заставило Эззи выругаться.

Наполнив его чашку, Люси принялась тоже смотреть теле-

визор и смотрела передачу до той минуты, когда сюжет кончился.

– Кого ты назвал тупыми, Эззи?

– Да уж не Херболдов.

– Ты считаешь, что копы не так их ловят? Он криво улыбнулся.

– Если бы ты сбежала из тюрьмы, убила четырех человек, потом ограбила банк и убила кого-то еще, то разве стала бы передвигаться по большим трассам?

– Господи, я не знаю. Это ты у нас эксперт по преступникам.

Он хмыкнул. Люси оказалась единственным человеком, кто так считал.

– Эти блокпосты – просто пустая трата времени и денег налогоплательщиков.

– Ты так думаешь?

– Если бы я был на их месте, – задумчиво сказал Эззи, отхлебнув кофе, – то есть на месте Херболдов, я бы где-нибудь спрятался до тех пор, пока страсти поостынут. Рано или поздно полицейским чинам надоест держать людей на дорогах, чтобы они там валялись дурака и зевали в телекамеры. Или еще что-нибудь их отвлечет, и они станут смотреть в другую сторону. – Он постучал по стойке указательным пальцем. – Вот тогда бы я и двинулся в путь – не раньше.

Хоть он и не заказывал, Люси подала ему яблочный пирог.

– Может, хочешь к этому мороженое? Или взбитые слив-

ки? Или кусок «Чеддера»?

– Нет, так нормально. – Он не хотел пирог, но, чтобы ее не обижать, взял в руки вилку. Пирог оказался очень вкусным, хотя корочка не была такой рассыпчатой, как у Кору. – Я знаю этих ребят, Люси. У них нет книжной учености, но это хитрые бестии. Готов поспорить на месячную пенсию, что сейчас они перехитрили законников. Вместо того чтобы расставлять ловушки, в которые Херболды не станут попадаться, эти полицейские должны были бы шарить по кустам.

– Пришлось бы очень много обшарить, Эззи.

– Я знаю. Это непрактично. Нет, это даже невозможно. Я просто говорю, что только так их можно найти. Если вообще можно.

– Ты думаешь, они могут ускользнуть?

– Будет вовсе неудивительно, если им это удастся. Особенно если всем заправляет Карл, как он обычно это делает.

– Будет ужасно, если они выйдут сухими из воды. Как это они могли хладнокровно убить беспомощных старых леди! А ту девочку? – Она покачала головой, словно желая сказать, что весь мир катится в пропасть. – Может, тебе стоит с кем-нибудь поделиться своими соображениями, Эззи?

– Меня не станут слушать, – проворчал он.

– Готова поспорить, что станут.

Он знал, что это не так. Он уже предложил свои услуги шерифу Рону Фостеру и получил от ворот поворот. Он не хотел снова унижаться.

– Никому я не нужен, Люси. Они считают, что раз я выгляжу старым и дряхлым, то и мозги у меня не работают.

– Ты напрашиваешься на комплимент, Эззи. – Перегнувшись через стойку, она шутливо шлепнула его по руке. – Ты выглядишь совсем не старым, Эззи Хардж. И совсем не дряхлым.

– Ты не видела, как я встаю с кровати.

Только произнеся эти слова, он понял, что она могла истолковать их как-то по-другому. И действительно, посмотрев на Люси, он увидел, что ее глаза затуманились.

Он протянул дрожащую руку к чашке.

– Уж поверь мне на слово, это не очень красивое зрелище.

Кора говорит, что у меня все скрипит.

Он больше не смотрел на Люси, однако чувствовал ее разочарование. Помолчав, она тихо сказала:

– Она уже давно уехала.

– Угу.

– Когда она вернется?

– Со дня на день, – солгал Эззи.

– Гм! – И опять наступило молчание. Затем Люси откашлялась: – Ну а пока она не вернется, я буду рада тебя кормить. В любое время.

Довольный тем, что все точки над *i* расставлены, Эззи улыбнулся.

– Это очень мило с твоей стороны, Люси. Спасибо. Доев пирог, он сделал последний глоток кофе и слез с табурета.

Обращаясь с ним скорее как с гостем, чем с клиентом, Люси проводила его до двери. С тех пор как Эззи вошел в кафе, погода сильно изменилась. Небо потемнело, ветер, словно парусом, хлопал висевшим над дверью тентом.

– Кажется, наконец пойдет дождь, – проговорила Люси.

– Похоже на то.

– Будь осторожнее, Эззи.

– Еще раз спасибо за пирог.

– Эззи! – Остановившись, он обернулся. Люси комкала в руках полотенце. – Однажды, после того как ты ушел, эти старые чудачки... – Она указала на стол, за которым те собирались каждое утро. – Они сказали, что Карл Херболд поклялся убить Делрея Корбетта.

– Больше это не имеет значения. Сердечный приступ все за него сделал.

– А почему он такое говорил?

– После того как он был осужден за убийство охранника в Аркадельфии, Карл написал апелляцию. Дело направили на пересмотр, но Карл уволил своего адвоката и попросил Делрея оплатить услуги нового. Делрей ответил, чтобы тот рассчитывал только на себя. Дескать, сам должен отвечать за свои поступки. И еще радоваться, что его не судят за убийство Пэтси Маккоркл здесь, в округе Блюэр. Карл клялся и божился, что не имеет отношения к ее смерти. Делрей назвал его лжецом и публично отрекся от него. Парень взбесился и наговорил кучу угроз. Новый суд он проиграл и возложил за

это ответственность на своего отчима, который не дал ему возможности нанять лучшего адвоката. Собственно, он винил Делрея во всем. Говорил, что если бы Делрей их любил, то они с Сесилом могли бы стать друзьями.

– Может быть, он и вправду виноват в том, что они стали такими?

– Может быть. Но только отчасти. Эти мальчики были плохими уже тогда, когда он женился на их матери.

Взглянув на пустой стол, она посмотрела на Эззи тревожными глазами.

– Они также говорили, что... что Карл поклялся убить и тебя.

– Ты больше слушай стариков, которые только и делают, что перемывают другим кости.

– Но это правда? – настаивала она.

В некоторой степени, – с неохотой сказал он. – Он говорил, что попал в закоренелые преступники только из-за того, что я в детстве чересчур часто сажал его по пустяковым обвинениям. Якобы из-за меня судьи в Арканзасе отнеслись к нему слишком строго.

– Это тебя все еще беспокоит?

– Нет. Это только разговоры, Люси. Не стоит принимать их близко к сердцу.

– Нет, я говорю о смерти Маккоркл. Это дело до сих пор не дает тебе покоя.

Ее пронизательность поразила Эззи. Или это видно нево-

оруженным глазом? Плохо, если люди обо всем догадываются.

– Время от времени я о нем вспоминаю, – тем не менее честно ответил он.

Люси даже не моргнула, но было ясно, что такой ответ ее не удовлетворил. Почему оказавшиеся на его жизненном пути женщины столь догадливы?

– Ну да, Люси, меня это дело все еще беспокоит. Признаться, я много о нем думаю.

– Херболды так и не были наказаны за Маккоркл. – Ее покрытое морщинами лицо выражало сострадание. – И тебя это волнует, так как ты веришь, что они виноваты.

– Не совсем так, Люси. Я начинаю верить в их невиновность.

* * *

Снаружи ветер был еще сильнее, чем это представлялось Эззи, когда он сидел в «Трудолюбивой пчеле». Прикрывая глаза от пыли, он с трудом дошел до своей машины и, придерживая одной рукой шляпу, выудил из кармана ключи.

Недавно группа музыкантов из школьного оркестра обошла все припаркованные в центре города машины и подсунула под стеклоочистители листовки, призывающие посетить благотворительный ужин. Сейчас они кружились в воздухе, подобно стае розовых бабочек.

На другой стороне улицы сдуло с места детский плавательный бассейн, принадлежавший магазину «Перри бразерс». Его вынесло на мостовую, и какому-то автофургону пришлось уворачиваться от него.

Забравшись в машину, Эззи включил фары. Хотя до заката оставалось еще несколько часов, из-за низко нависших туч было темно, как в сумерках. По улице на огромной скорости один за другим проносились автомобили – их владельцы старались добраться к месту назначения до начала бури.

По дороге домой Эззи видел несколько опасных дорожных происшествий, едва не приведших к столкновению.

Сам он ехал с большой осторожностью, которая его даже раздражала. Желая поскорее попасть домой, чтобы обдумать то, что неожиданно для себя сказал Люси, Эззи рассматривал бурю как неприятную помеху своим планам.

Однако старые привычки взяли верх, и он стал рассуждать как официальное лицо, столкнувшееся с явлением, угрожающим общественному порядку. Вполне может случиться наводнение, так что нужно огородить низинные участки, пока какой-нибудь дурак не въехал на своей машине прямо в реку.

Необходимо также привести в боевую готовность пожарных на случай смерча и мобилизовать всех помощников шерифа.

Поймав себя на том, что сворачивает к управлению шерифа, он вспомнил, что больше там не работает. С этой бурей справятся без него, как и со всеми остальными.

Приехав домой, он услышал первые раскаты грома, что отнюдь не улучшило его настроения. В доме было неестественно темно. Включая по дороге свет, он вышел на задний двор и поставил под навес садовую мебель и Корины любимые гибискусы.

Эззи захотелось позвонить жене и спросить, как там с погодой в западном Техасе, чтобы она почувствовала себя немного виноватой за то, что он один сидит здесь в бурю.

Однако, подумав, он решил этого не делать, чтобы вновь не нарываться на отказ. Не сейчас. Потом он будет ее умолять, давать обещания, которые, вероятно, не сможет сдержать, будет делать что угодно, лишь бы вернуть ее домой. Но пока он к этому не готов.

В последний раз, когда он звонил, она резко пресекла его робкие попытки заговорить об их воссоединении.

Собственно, что еще хуже, она их полностью проигнорировала, потратив его время и деньги на оплату междугородных звонков на разговор о похоронах Делрея Корбетта и о еде, которую он должен был отнести Анне. Наверное, он с самого начала ошибался. Когда обнаружили обнаженное тело мертвой девушки, он сделал поспешный, но вроде бы вполне логичный вывод. Возможно, он хотел, чтобы братья Херболд оказались в этом виновны, потому что ждал от них подобных неприятностей. Все равно не за горами было то время, когда они кого-нибудь убили бы. Эззи просто немного опередил события, вот и все. В Аркадельфии они получили

замечательное алиби. Во время ограбления в продуктовом магазине их сфотографировали.

Однако, считая их виновными, Эззи подтасовывал факты. Не так чтобы очень, но подтасовывал. Ведь женщина, которая обычно носит туфли размером восемь с половиной, в общем-то может носить и восьмой. Так же поступил и Эззи.

Тем не менее уверения Карла в своей невинности всегда беспокоили бывшего шерифа. Зачем Карлу сознаваться в других преступлениях, но яростно отрицать, что в ту ночь он уехал вместе с Пэтси? Раньше Эззи считал; что тот врет. Но, может быть, это и не так. Может быть, единственный раз в жизни Карл сказал правду.

Самое неприятное здесь заключалось в том, что если тогда не Карл с Сесилом ушли с этой девушкой из таверны, то это сделал кто-то другой. Таинственный незнакомец увез ее на берег реки, занимался там с ней сексом, а потом оставил лежать мертвой на траве. Он-то и может ответить на те вопросы, которые мучают Эззи вот уже четверть века.

Неужели он потратил значительную часть своей жизни, пытаясь доказать вину Карла и Сесила, когда на самом деле какой-то другой человек слышал, как она испустила последний вздох? Неужели он позволил виновному уйти от наказания?

Если это так, то он просто глупец.

– Так-то вот лучше. Правда, Майрон?

– Конечно, Карл.

– Мы сделали то, что должны были сделать.

– Ну да.

Майрон в этот момент занимался тем, что поедал венские сосиски. Желатин падал на пол быстрее, чем дебил успевал слизывать его с пальцев.

– Я тебе когда-нибудь рассказывал о нашем отчине, Майрон?

– Ты говорил, что он был подонок.

– Это еще мягко сказано, Майрон. Однажды вечером наша мама привела с собой этого гада и объявила, что теперь он будет нашим новым папой. Как же! Мы с Сесилом сразу его возненавидели и не скрывали этого. С того дня, как они поженились, мы с ними воевали. А нам с братом ничего, кроме нас самих, и не было нужно. Мы с ним составляли хорошую команду.

Он тяжело вздохнул.

– Делрей все-таки испортил Сесила, вот что я думаю. Должно быть, мой брат принял близко к сердцу некоторые из его проповедей, так как чем старше Сесил становился, тем больше походил на бабу. И вот довольно скоро он совсем утратил чувство юмора и склонность к приключениям. Это

проявилось в то утро в Аркадельфии. Он наложил в штаны со страху, и мне самому пришлось убить того полицейского. Как такое могло случиться с моим братом? – с болью воскликнул он. – После этого я больше не мог ему доверять, Майрон. Взять хотя бы последнее наше дело. Он спорил со мной по любому поводу, верно? Ты ведь был здесь, Майрон. Ты все слышал. – Посмотрев на Майрона, он настойчиво сказал: – Если бы я сделал так, как говорил Сесил, мы бы прогорели.

– Ага. Прогорели, Карл. – Майрон потрогал прыщик у себя на подбородке и принялся пить пиво, проявляя явное безразличие как к теме разговора, так и к наличию в хижине двух трупов.

Во многих отношениях Карл завидовал Майрону. Он сам бы с удовольствием на некоторое время погрузился в его мыслительный вакуум, где ничего не происходило, разве что иногда давал о себе знать желудок. Хотя бы ненадолго. Хотя бы до тех пор, пока не пройдет дурное настроение. Майрона, кажется, вовсе не беспокоило (а может, он об этом и не помнил), что совсем недавно он пытками довел Сесила до такого жалкого состояния, что тот начал молить о смерти.

С этой точки зрения Карл оказал своему брату большую услугу. Лишив его жизни, он проявил милосердие, так что даже убийством это назвать нельзя.

Тем не менее инцидент все же оставил неприятный осадок. Находиться в одном помещении с трупами тоже бы-

ло противно. Жаль, что нельзя их вытащить отсюда, или по крайней мере пусть бы они разлагались быстрее, чтобы не пришлось долго на них смотреть. Они еще не начали смердеть, но когда начнут, что прикажете делать?

Совершенно спокойно, словно это были мешки с картошкой, Майрон оттащил тогда трупы в угол, чтобы они не валялись посередине комнаты. Теперь они так и лежат в том положении, в котором он их оставил, – окровавленные, безжизненные тела.

Без всяких угрызений совести Майрон смотрел на искаженное смертью лицо Сесила, на залитые кровью ноги Конни и на темные пятна на ее шее. Майрон оказался пылким, хотя и безыскусным любовником. Конни его манеры не понравились, и она сопротивлялась ему до последнего вздоха. Но ведь она была шлюхой, так что невелика потеря.

Карл пытался обнаружить в себе хоть какие-то следы печали по поводу смерти брата, однако все, о чем он сожалел, – это что Сесил умер таким же трусом, как и жил. Если бы он проявил хоть какую-то силу воли, то, возможно, остался бы в живых. Но он хныкал как ребенок, и это вызывало только отвращение, а не печаль.

– Он никогда не мог пойти до конца, – поделился Карл своими сокровенными мыслями. – Я мог бы привести тебе сотню примеров, когда в последнюю минуту он трусил и мне приходилось выполнять за него грязную работу. Но все равно он был моим братом. Мне будет его очень недоставать.

И хотя было сомнительно, что Майрон имеет хоть какое-то представление о братских чувствах, дебил кивнул в знак согласия.

Почувствовав себя несколько лучше, Карл сказал:

– А ведь твоя доля удвоилась, Майрон! Тот ослабился.

Карл содрогнулся.

– Господи, Майрон! Разве ты не знаешь, для чего нужна зубная...

Щелкнул выстрел. Карл и Майрон в поисках укрытия бросились на пол.

* * *

Дэвид нацелил пальцы в потолок – как будто он стреляет из лазерного оружия в пришельцев. Это отвратительные создания, у которых из носа текут сопли, а на голове красуются поросшие волосами бородавки. У них перепончатые руки и длинный язык, прикосновением которого они могут убивать людей, потому что на нем яд. Даже космические рейнджеры не могут чувствовать себя в безопасности. Такие, как он. Космический рейнджер ХТЗ. Он вождь рейнджеров, самый храбрый из них. Пришельцы его боятся.

– Пух! Пух! – Выстрелом из лазерного ружья Дэвид снес покрытую бородавками голову главаря пришельцев. Он убил их всех.

– Космический рейнджер ХТЗ, вас вызывает база ноль-

ноль-девять. Где вы находитесь? Космический рейнджер ХТЗ, вы меня слышите?

Дэвид поправил воображаемый шлем.

– Ноль-ноль-девять, это космический рейнджер ХТЗ. Задание выполнено.

Он посмотрел на свою мать, которая лежала на боку спиной к нему. Недавно она спустилась вниз и забрала его, сказав, что он должен вздремнуть. Дэвид принялся спорить. Он не устал. Дремлют только самые маленькие. Его любимые телегерои не дремлют, и уж тем более не дремлют космические рейнджеры.

Правда, у космических рейнджеров не бывает мамы, которая смотрит на них сердитым взглядом, обещающим в случае неповиновения серьезные неприятности. Так что Дэвиду пришлось вслед за матерью подняться по лестнице наверх, произнося вслух «черт» и «задница» – нехорошие слова, которые она не может услышать.

Если у вас мама глухая, в этом есть одна положительная сторона – вы можете безнаказанно ругать ее у нее за спиной.

А еще вы можете, дождавшись, когда она уснет, пускать ракеты и издавать самые громкие звуки, не боясь, что она проснется.

Но Дэвид уже уничтожил всех пришельцев, и теперь ему стало скучно.

Он начал вслух считать до ста, чему его недавно научила мама. Закончив, попытался называть числа в обратном по-

рядке, но, дойдя до цифры семьдесят, потерял к этому делу всякий интерес.

Тогда он стал щелкать языком, стараясь, чтобы вышло как можно громче. Когда Дэвид занимался этим в присутствии дедушки, тот обычно хмурился и требовал прекратить, потому что это некультурно и раздражает. Джек, правда, не возражал.

У них с Джеком было соревнование, кто щелкнет громче. У Джека получается очень громко. Громче всех.

Вспомнив о Джеке, Дэвид загрустил и хотел заплакать, но сдержался, потому что он уже не маленький. Повернувшись на бок, он принялся рассматривать окружающее пространство. Мама говорила, что Джек может не вернуться, и Дэвид боялся, что так и получится, потому что когда в телевизоре полиция кого-то забирает, то это уже насовсем. Таких людей убивают, или сажают в тюрьму, или еще что-то с ними делают. Жаль, если Джек не вернется. Все будет так, как было до его появления, только теперь дедушки нет на свете. Они останутся вдвоем с мамой.

Нет, с мамой хорошо. Она вкусно готовит, играет с ним в разные игры и не злится, если он выигрывает. Когда он заболит, она берет его к себе на колени и укачивает, хотя и говорит, что он уже почти такой же большой, как она. Приятно, когда мама его обнимает и прижимает его голову к своей груди.

Но она девочка. Она всегда боится, что он выколет се-

бе глаз, или сломает шею, или еще что-нибудь. В ее присутствии нельзя писать возле дома. Не нравится ей и когда пугают.

Девочки этого очень не любят – по крайней мере мама. Сегодня, когда он начал плакать из-за того, что Джек уехал, она сказала ему, что он, возможно, перестанет скучать по Джеку, когда пойдет в школу. Она сказала, что это будет здорово.

Широко улыбаясь, мама сказала:

– Ты научишься читать.

Он напомнил ей, что уже умеет читать.

– Ты станешь читать еще лучше. И у тебя будет много друзей среди мальчиков и девочек твоего возраста.

Ему давно хотелось иметь друзей. Однажды мама и бабушка спорили насчет того, чтобы отдать его в детский сад. Тогда Дэвид не смог разобрать все знаки, но большую часть все-таки понял. Он надеялся, что мама победит и он сможет ходить в садик и играть с другими детьми, но бабушка сказал, что мама может сама научить его всему, что нужно, и что он все равно скоро пойдет в школу. Так вот Дэвид и не пошел в садик.

Возможно, в школе он мог бы научиться играть в футбол. Он ведь хорошо бегаёт. Может быть, он ходил бы на дни рождения, как дети в телевизоре. Правда, он точно не знает, что там надо делать. Другим детям он может не понравиться. Они могут и не взять его в футбольную команду, решив, что

он глупый или еще что-нибудь в этом роде.

Если бы Джек был здесь, Дэвид чувствовал бы себя увереннее. Он мог бы поговорить с Джеком о том, что его беспокоит. Когда он говорит об этом с мамой, она твердит всякие глупости – что всем он понравится и что учитель будет больше всех его любить. Ну откуда она может это знать?

Джек бы все понял. Но Джека здесь нет. Он сел в свой грузовик и уехал с одним из полицейских. Что, если он не вернется? Никогда не вернется? Минуточку!

Ведь Джек не забрал свои вещи! Он не может навсегда уехать, оставив вещи! Он ведь должен их забрать, правда?

И тут Дэвида осенило.

Он осторожно обернулся. Мама по-прежнему спала. Он медленно передвинулся на край кровати. Глядя на мать, он соскользнул с кровати и встал на пол. Одна из половиц скрипнула, и мальчик в страхе замер, пока не сообразил, что мама не может этого слышать. Она может только чувствовать вибрацию, поэтому Дэвид шел к двери на цыпочках, очень осторожно. В дверях он обернулся. Мама лежала неподвижно. Он закрыл дверь.

Спустившись по лестнице, он увидел, что уже темно. Мама очень долго спит. Наверное, пора ужинать.

На лестнице он все время ждал появления матери. Если бы он спросил ее разрешения, то она, вероятно, отказала бы, а так он успеет сходить туда и обратно до того, как она его хватится.

Когда он вернется, то поднимется наверх и спрячет вещи под своей кроватью, потом разбудит маму, назовет ее соней и скажет, что хочет есть. Она не узнает, что он выходил из дома, чего нельзя делать без разрешения. Он не должен выходить со двора без нее или дедушки (двором называлась заросшая травой лужайка, огороженная белой изгородью).

Это глупое правило. Он ведь уже достаточно взрослый, чтобы ходить в школу, ведь так?

Дэвид вышел на веранду, осторожно прикрыв за собой дверь. На веранде он остановился.

Все вокруг выглядело замечательно и немного таинственно. На небо было страшно смотреть. Вот сверкнула извилистая молния, за ней последовали раскаты грома. Возможно, стоит пойти в другой раз?

Но когда еще выпадет такой удобный случай. Не раздумывая больше, он сбежал по ступенькам крыльца и быстро пересек двор, затем пролез под изгородью и направился в сторону сарая. Проходя мимо загона, мальчик обратил внимание на то, что лошади ведут себя как-то странно. Словно пытаясь выскочить наружу, они бегали взад-вперед вдоль изгороди, фыркали, били копытами, мотали головами и тарасили глаза. Да, сейчас Дэвид не стал бы садиться ни на одну из них, даже если бы Джек держал поводья.

Он снова остановился, гадая, не сон ли все это. Может быть, он спит? Но когда снова сверкнула молния, Дэвид понял, что это не сон.

Он побежал быстрее. Надо спешить, иначе он попадет под дождь и тогда мама узнает, что он выходил из дома без разрешения.

* * *

Грузовик подскочил на ухабе, и Джек, несмотря на ремни безопасности, ударился головой о крышу кабины. «Черт возьми!» Он выругался не только из-за этой проклятой колдобины, его злило то, что даже на скорости восемьдесят миль в час машина, казалось, не двигалась с места.

Он пропустил яму потому, что смотрел не столько на дорогу, сколько на небо. Он уже видел такое раньше. В Альтусе, штат Оклахома; в каком-то небольшом городке в Миссури, название которого забыл. Когда небо приобретает такой зеленоватый оттенок – жди торнадо.

Промчавшись мимо знакомого указателя, он понял, что осталось всего пара миль. «Давай, давай!» – сказал он грузовику, выжимая из него максимальную скорость. Слава богу, он только что проверил уровень масла.

По ветровому стеклу забарабанили тяжелые капли дождя. Неестественную неподвижность воздуха нарушил мощный порыв ветра, затем еще один, сильнее, чем первый. Деревья отчаянно закачали ветвями, и на машину обрушился поток падающих листьев. Дождь полил как из ведра. Посмотрев на небо, Джек снова выругался.

Дорожное покрытие стало очень скользким. Едва Джек наконец подъехал к воротам и нажал на тормоза, машина пошла юзом, и, чтобы ее остановить, пришлось дать задний ход. Проехав железную арку, Джек обнаружил, что свет в доме не горит.

Почему везде темно? Где они? Или, может быть, Анна, испугавшись грозы, уехала к кому-то в город? Например, к Марджори Бейкер? Не закрывая дверцу кабины, Джек, едва заглушив мотор, выскочил из машины и побежал к крыльцу. Не притрагиваясь к звонку, он сразу распахнул дверь, но сильный ветер с размаху ударил ею о стену.

Такой грохот мог бы разбудить и мертвых, но Джек все же крикнул:

– Анна! Дэвид!

Не дождавшись ответа, он пробежал в гостиную. Там никого не было, телевизор был выключен. Перебегая из комнаты в комнату, Джек звал Дэвида.

Тщетно. Открыв дверь в подвал, он заглянул вниз, но не увидел даже нижних ступенек – такая там царила тьма. Кроме того, если бы они укрылись здесь, Дэвид подал бы голос.

– Где вы, черт возьми?

Вернувшись в прихожую, Джек, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, взбежал на второй этаж. Комната Дэвида была пуста. Джек побежал в комнату Анны.

Женщина лежала на кровати и спала.

– Анна! – Двумя прыжками Джек пересек комнату и стал

ее будить.

Она тут же села, не понимая, что происходит. Сообразив, что похож на сумасшедшего, Джек постарался взять себя в руки.

– Где Дэвид?

Анна посмотрела на пустую кровать, и на лице ее отразилось беспокойство.

– Приближается буря, – сказал Джек. – Нужно найти Дэвида. Скорей!

Возможно, даже не поняв до конца все, что он сказал, но поддавшись настроению Джека, Анна соскочила с кровати и поспешила за ним. Они обшарили спальню Делрея, чердак, платяной шкаф в комнате Дэвида, заглянули под его кровать.

Мальчика нигде не было.

– Где же он может быть? – обхватив себя за плечи, спросил Джек.

Анна отчаянно замотала головой. Спотыкаясь, они спустились вниз.

– Я уже здесь все осмотрел, но давайте проверим еще раз. – Чтобы Анна не упустила ни одного его слова, он смотрел прямо на нее. – Я буду искать в этой части дома. Встречаемся здесь.

Меньше чем через минуту они снова были в прихожей.

Близкая к истерике, Анна схватилась руками за голову. Выскочив в открытую дверь, Джек пробежал в конец веранды и взглянул на северо-запад.

И увидел то, чего боялся.

Среди туч мчался черный вихрь.

– Черт!

Схватив Анну за руку, он вместе с ней спрыгнул с веранды – к счастью, ей удалось приземлиться на ноги, – и они побежали к подвалу – специально оборудованному помещению для укрытия людей от смерча, который находился в дальней стороне загона. Делрей показал ему это убежище сразу после того, как Джек начал здесь работать.

Лошади выглядели испуганными, и Джек пожалел, что не может сейчас ничего для них сделать. Правда, в загоне они были в большей безопасности, чем в конюшне, крыша которой могла в любой момент на них обрушиться.

Сейчас главное – это позаботиться о безопасности Анны и Дэвида.

Но Анна не желала его слушаться. Подбежав к убежищу, она стала упираться.

– Залезайте в подвал! – не слыша собственного голоса, крикнул Джек. – Я сам найду Дэвида.

Она вырвала руку и метнулась в противоположном от подвала направлении.

– Черт побери! – Джек кинулся за ней.

Опередив его на несколько секунд, она подбежала к сараю и бросилась открывать тяжелую металлическую дверь. Ветер рвал ее одежду, струи дождя хлестали по лицу, но Анна, казалось, не замечала ничего вокруг, поглощенная одним же-

ланием – найти своего сына.

Оттолкнув ее в сторону, Джек схватился за ручку двери.

– Дэвид! – сложив руки рупором, позвал он. – Дэвид! – Он устремился вперед, заглядывая в каждое стойло и продолжая громко звать Дэвида. Мальчика нигде не было. Добравшись до задней двери, Джек приоткрыл ее.

– О господи!

Он уже не кричал – эти слова прозвучали словно молитва.

Буря перешла в ураган, который набирал силу с каждой секундой, и ранчо Корбетта лежало прямо на его пути. В распоряжении его обитателей оставалось всего минуты две, может быть, меньше.

Пока Джек пытался оценить опасность, Анна сломя голову по открытому полю мчалась к трейлеру.

Побежав за ней, Джек вскоре перегнал ее и ворвался в трейлер первым. Он так спешил, что чуть не сорвал дверь с петель.

– Дэвид! Дэвид!

Дрожащий от страха мальчик сидел съездившись на краю дивана.

– Меня накажут? – стуча зубами, спросил он.

Джек схватил его на руки.

– Я очень рад тебя видеть, дружище!

В тот момент, когда Анна подбежала к двери трейлера, Джек уже выскакивал наружу с мальчиком на руках.

– В подвал!

Теперь она не колебалась и не спорила, а сразу же повернула обратно. Расстояние было как будто небольшим, но Джеку все время казалось, что оно не уменьшается – до тех пор, пока они не очутились на месте.

Дэвид так сильно цеплялся за шею Джека, что открывать

дверь пришлось Анне. Сначала она поднимала ее с большим трудом, но тут ветер подбросил дверь, словно пушинку, и она с грохотом упала на землю. Джек оглянулся. Смерч опустился ниже и уже мчался по полю, которое они только что пересекли. В одно мгновение вихрь вырвал из земли столбы изгороди, и их засосало в воронку. Грохот стоял ужасный.

Анна, спотыкаясь, стала спускаться по ступенькам.

Передав ей Дэвида, Джек собрал все силы и попытался снова закрыть дверь. Несколько мгновений, показавшихся ему вечностью, он играл с матерью-природой в перетягивание каната. С крыши конюшни смерч сорвал железные кровельные листы. Один из них пролетел совсем близко. Немного правее – и лист разрезал бы Джека пополам.

Стиснув зубы, он все-таки сумел оторвать дверь от земли. Она с грохотом захлопнулась, и он запер ее изнутри.

В подвале царила полная темнота, и, не зная, куда идти, он замер на месте.

– Джек! – раздался дрожащий голос Дэвида.

Он двинулся на этот звук, и уже на полпути к нему сквозь непроницаемую тьму протянулась рука Анны.

Встретившись, их руки крепко обхватили друг друга. Нашупывая себе путь, Джек осторожно двигался вперед. Вот рядом с ним нога Дэвида, плечо Анны, ее волосы, щека мальчика.

Оба тут же обняли его. Анна уткнулась лицом ему в шею с одной стороны, Дэвид – с другой. Джек прижал их к себе.

Какие-то предметы ударились в дверь подвала с такой силой, что Дэвид хныкал от страха. Анна дрожала. Джек шептал обоим слова ободрения, зная, что мальчик их слышит, и надеясь, что, хотя Анна их и не может слышать, ее успокаивает движение воздуха от его губ. Ее рука доверчиво лежала на его бедре, маленький кулачок Дэвида вцепился в его рубашку.

Он понимал, как много они сейчас значат для него, а он для них. Все остальное – решительно все – совершенно не важно.

От переполнявших Джека чувств ему хотелось плакать. Его вечный спутник – одиночество – впервые в его жизни отступил. Наслаждаясь близостью Анны и Дэвида, он крепче прижал их к себе. Этот миг останется в его памяти навсегда.

Никто не сможет это у него отобрать. Теперь он знает, что такое любовь.

Джек хотел бы, чтобы это мгновение длилось вечно, но тут раздался голос Дэвида:

– Это был смерч, Джек?

Джек неохотно отпустил обоих и опустился на корточки.

– Да, это был смерч.

– Здорово – как в кино! – Теперь, когда опасность миновала, Дэвид пришел в возбуждение. – Может, он снес наш дом? Или утащил коров?

Джек засмеялся:

– Надеюсь, что нет.

Рука Анны нашла его в темноте. Разжав его ладонь, она принялась чертить на ней буквы: «С...в...е...»

– Свет? Свет. – В знак того, что понял, он похлопал ее по колену. – Дэвид, здесь есть свет?

– На потолке.

Встав, Джек водил в воздухе руками до тех пор, пока не нащупал единственную лампочку. Когда он вкрутил ее в патрон, вспыхнул свет, показавшийся всем чересчур ярким.

– Ох! Взгляните на этого паука! – воскликнул Дэвид.

Но Джек смотрел не на паука, а на Анну, и она тоже смотрела на него. И хотя она сейчас была мокрой и грязной, словно потерявшийся котенок, Джеку она казалась красивее, чем когда бы то ни было. Мокрая юбка, ничего не скрывая, плотно прилегала к телу, точно вторая кожа. Как истинный рыцарь, Джек перевел взгляд на ее лицо и уже не мог оторваться. Оно так прекрасно, зачем же смотреть куда-то еще?

К тому же в ее взгляде что-то подсказывало ему, что и ей он кажется вполне привлекательным.

– Эй, Джек! Джек!

– Оставь паука в покое, Дэвид, – рассеянно промолвил Джек. – Это его дом, а не наш.

– Я знаю, но он подбирается к маме.

Джек отбросил в сторону безобидного паука и огляделся. Подвал был низким, между головой Джека и потолком оставалось не больше десяти сантиметров. Вдоль стен помещения, насчитывавшего метра четыре в длину и три в ширину,

стояло по две койки. На одной из них сейчас и сидела Анна.

У задней стены располагались полки, на которых лежали свечи и спички, электрические лампочки, консервные банки и консервный нож, банка арахисового масла, запечатанная стеклянная канистра с крекерами, бутылки с водой и сверхмощный фонарь с запасными батарейками.

Лестница, по которой они спустились сюда, была довольно крутой. Поднявшись по ступенькам, Джек приложил ухо к двери и прислушался.

– Кажется, худшее позади, – сказал он, обернувшись к Анне. – Но пока идет дождь, и я слышу раскаты грома. Думаю, нам стоит тут задержаться на некоторое время.

Дэвид перевел слова Анны.

– Мама говорит – как решишь, Джек.

– Ладно. Тогда мы останемся.

– Здесь уютно, – встав на цыпочки, сказал Дэвид. – Мы здесь будем ночевать?

– Наверное, это не потребуется.

– Жаль. – И он тут же переключился на другую тему: – Ты насовсем вернулся? Почему ты уехал с полицейскими? Ты по нас скучал?

Анна стиснула руки и махнула рукой, чтобы он замолчал.

Под ее суровым взглядом все оживление моментально слетело с Дэвида. Сразу притихнув и опустив голову, он подошел к матери.

Анна взяла сына за подбородок, подняла его голову вверх

и стала говорить знаками. Глаза ее были полны слез.

Нижняя губа Дэвида начала дрожать.

– Я не собирался пугать тебя до смерти, мама. Я просто не хотел спать и мечтал о том, чтобы Джек вернулся. Мне показалось, что, если пойти в трейлер, взять его вещи и отнести в свою комнату, он тогда обязательно придет, и я его увижу снова и попрошу, чтобы он остался с нами.

Анна подождала, пока он закончит, и высказала ему еще один упрек.

Теперь плакал и Дэвид.

– Да, я вышел за изгородь, но я же должен был попасть в трейлер, мамочка. Я же не знал, что будет торнадо. Я не знал, что ты проснешься и подумаешь, что меня похитили. Ты теперь меня отшлепаешь? Прости, мамочка. – Прикрыв глаза рукой, он начал всхлипывать.

Анна прижала его к себе и стала убаюкивать. Наконец, когда слезы у обоих высохли, она отпустила сына и начала говорить знаками.

– Три дня! – захныкал мальчик. Джек спросил его, что происходит.

– Целых три дня я не смогу смотреть телевизор.

– Мне кажется, ты это заслужил. – Удивленный тем, что Джек не на его стороне, Дэвид поднял голову. – Ты нарушил сразу несколько правил, Дэвид. Хуже всего то, что ты очень испугал свою маму. Мамы должны знать, где находятся их дети. Это правило номер один.

– Я знаю, – пробормотал мальчик. – Она всегда волнуется, когда меня не видит.

– Так ты не будешь больше убегать?

– Нет, сэр.

– Больше так не делай.

– Хорошо.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Обещай это своей маме.

Дэвид подчинился. Улыбаясь, Анна вытерла его мокрые щеки.

– А теперь мы можем ужинать? – спросил Дэвид. Джек и Анна засмеялись.

Они начали жевать сэндвичи, и в этот момент их единственная лампочка погасла.

Эззи, ругаясь, вслепую бродил по дому и пытался вспомнить, где Кора хранит фонарик, припасенный на чрезвычайный случай вроде нынешнего. Для бывшего сотрудника правоохранительных органов он оказался чересчур непредусмотрительным. Это просто безобразие.

Единственное, что сейчас его удивляло, – это что электроэнергия не отключилась раньше. Двигаясь по восточному Техасу на юго-восток, атмосферный фронт столкнулся с более теплым и более влажным воздухом, идущим с залива, и это породило грозовые облака и смерчи. Все произошло так быстро, что синоптики не успели передать штормовое пре-

дупреждение.

Ударившись бедром об угол кухонного стола, Эззи вслух чертыхнулся. Комнату озарила яркая вспышка молнии, при свете которой он наконец разглядел, где находится буфет. Порывшись в нем, Эззи на одной из полок обнаружил фонарь. К несчастью, батарейка в нем села. В этот момент зазвонил телефон. «Проклятие!» – выругался Эззи и снял трубку.

– Да?

– Мне нужен шериф Хардж, – сказал женский голос.

– Хардж вас слушает. – Шерифом он больше не был, но поправлять женщину не стал.

– Я дочь Паркера Джи. Сегодня утром он умер.

Стоя в кромешной тьме, разрываемой только вспышками молний, Эззи не сразу вспомнил, кто такой Паркер Джи.

А, это пациент госпиталя грудной хирургии. Бывший владелец бара с неприятным характером, желтыми от никотина пальцами и тонким голосом, который все время харкал кровью.

Удивительно, что он столько протянул.

– Примите мои соболезнования, мэ.м.

– Он сам виноват. Смолил сигареты до последнего дня Вы можете себе это представить? – Очевидно, отношения между отцом и дочерью не были особенно теплыми. В ее голосе не чувствовалось особого сожаления.

– Чем я могу вам помочь? – потирая ушибленное бедро,

спросил Эззи.

– Он оставил мне сообщение для вас, но должна предупредить, что оно какое-то бессмысленное.

– Я вас слушаю.

– Вы знаете человека, которого зовут Флинт?

Эззи прикрыл одно ухо рукой, чтобы раскаты грома не заглушали голос собеседницы.

– Флинт, говорите? Это имя или фамилия?

– Я не знаю. Папа сказал: «Передай Харджу – пусть ищет Флинта». Вот я и говорю вам это. В последние несколько дней ему давали большие дозы обезболивающего, так что он был совсем не в себе. Даже меня с детьми не узнавал. Я потеряла сон, пытаюсь понять, что это значит. Может быть, и ничего не значит. Похороны послезавтра, если вас это интересует.

Она назвала Эззи время и место похорон, попрощалась и повесила трубку. На похороны Эззи идти не собирался – покойный ему не нравился. Единственное, что их связывало, – это дело Маккоркл. Странное сообщение, видимо, к нему и относится. Но как? Есть ли в его заметках упоминание о человеке, которого зовут Флинт? Как будто нет. Что, перед смертью Джи вспомнил еще одного посетителя бара? Человека по имени Флинт?

По крайней мере ясно, что это мужчина. И то хорошо.

Телефон зазвонил снова.

– Алло?

– Эззи?

Сквозь треск разрядов было плохо слышно, тем не менее он разобрал, что это не дочь Паркера.

– Да, кто это говорит?

– Рон Фостер. Твое предложение помочь все еще в силе?

Ты нам сейчас очень нужен. Можешь ли ты...

Связь оборвалась, прервав нового шерифа на полуслове, но дело уже сделано. Дважды просить его не надо.

Внезапно обретя способность видеть в темноте, Эззи без всякого труда прошел в кабинет, открыл оружейный ящик и достал оттуда ружье, пистолет и кобуру, а также коробки с патронами.

В гараже он нашел свой непромокаемый плащ на том самом месте, где оставил его в последний раз, и бросил его на переднее сиденье «Линкольна» рядом с оружием. Отключив автоматическое открывание дверей, он открыл их вручную.

Когда он вышел наружу, ветер и дождь чуть не сбили его с ног.

Едва он выехал на улицу и направился в город, как начался град. Глыбы размером с лимон с ужасным шумом били по корпусу машины. Стеклоочистители Эззи даже не пытались включать – против такого буйства природы они были бесполезны.

Он включил фары, но их свет тут же отразился от стены дождя и града, и Эззи отключил их, чтобы не ослепнуть. С потушенными фарами, практически ничего не видя перед

собой, он со скоростью улитки повел машину вперед, придерживаясь разделительной полосы, поскольку сточные канавы были до краев заполнены водой.

Он уже находился неподалеку от управления шерифа, когда завывли сирены. Сначала Эззи не отличал их от воя ветра, но вскоре, поняв, что означает этот пронзительный звук, остановил машину прямо посреди улицы. Управление пожарной охраны не стало бы включать сирены, если бы не засекло смерч.

– Господи, Кора, видела бы ты сейчас своего старика!

Он надел плащ, который, учитывая ситуацию, был так же бесполезен, как резинка с дыркой, и, сделав глубокий вдох, открыл дверцу машины и вышел наружу.

Чтобы защитить лицо от градин, он вынужден был поднять руку. Тяжелая градина ударила его в висок, и Эззи вскрикнул от боли. Неверными шагами он направился к протекавшей вдоль улицы канаве, которая уже больше напоминала реку, но все еще не вышла из берегов. Нужна хотя бы маленькая впадина...

Однако раздумывать было некогда. За свои семьдесят два года Эззи ни разу не попадал под торнадо, но он видел документальные фильмы, так что сразу узнал этот звук.

Он бросился в канаву и закрыл голову руками. Следующие несколько минут показались ему равными столетию.

Сначала Эззи держал голову опущенной, но затем любопытство взяло верх, и он ее поднял. В этот самый момент

колокольня стоявшей в конце квартала церкви разлетелась на миллион обломков. Словно возвещая о конце света, зазвонил колокол, и его тут же засосало в воронку смерча.

Затем в мгновение ока было разрушено здание, в котором располагалось окружное налоговое управление.

После этого вихрь поднял в воздух и несколько раз перевернул чью-то машину, а затем обрушил ее на землю. Она сплющилась, будто пустая консервная банка. Деревья вырывало с корнем, словно какой-то гигант пропалывал свой огород, стекла выбивало словно взрывной волной.

И тут Эззи увидел мчавшуюся вдоль улицы тачку типа той, что применяют на стройках. Какая нелепая смерть, подумал Эззи. Величиной, как ему показалось, с товарный вагон, она неслась прямо на него со скоростью курьерского поезда.

Издав нечеловеческий крик, Эззи погрузил голову под воду.

Проклятая штука пролетела прямо над ним. Эззи спасло небольшое углубление, в котором он лежал.

Но еще несколько минут он не знал о том, что спасся. До тех пор, пока волна разрушения не унеслась прочь, Эззи лежал, забившись в канаву, и не высовывался наружу. Когда же наступило некоторое затишье, он огляделся вокруг.

Врезавшись в росший на расстоянии примерно двадцати метров от Эззи дуб, строительная тачка расплющилась и обернулась вокруг дерева, словно плащ. От стоявших побли-

зости зданий остались лишь груды развалин. Вековые деревья лежали вырванные с корнем. Церковный колокол приземлился на автостоянке цветочного магазина, поломав его вывеску.

Эззи медленно поднялся на ноги. Колени его дрожали.

Опершись о них руками, он согнулся и несколько раз глубоко вздохнул. Дотронувшись до раны на виске, он посмотрел на свои пальцы. Они были в крови. Градина поцарапала кожу и набила на этом месте шишку размером с куриное яйцо. В остальном Эззи не особенно пострадал.

Прикинув ущерб, который буря причинила только на одной этой улице, Эззи понял, что граждане округа нуждаются в его помощи. И чем скорее он приступит к делу, тем лучше. Эззи заковылял к своей машине, которая осталась почти целой, не считая разбитого заднего стекла. Сев за руль и захлопнув дверцу, Эззи оглянулся на тачку и покачал головой.

Он должен был погибнуть.

Эззи благодарил бога за то, что этого не случилось, и думал о том, почему он остался в живых. Он никогда не был особенно религиозным человеком. Собственно, он подвергал сомнению многие теологические постулаты, так что Кора постоянно молилась о спасении его души.

Но сейчас он, кажется, понял, что к чему. Каков бы ни был бог, он все-таки милостив. Сегодня он сохранил Эззи жизнь, и Эззи знал почему. Потому что он еще не выполнил своего предназначения. Его земная работа еще не окончена.

Сегодня он получил новый шанс.
И новый след.

Джек снял свои мокрые, испачканные грязью и навозом ботинки и бросил их на пол.

Когда в подвале погасла лампочка, он нашел на полке фонарик, потом зажег свечи. Они с Дэвидом и Анной просидели там еще полчаса, пока Джек не решил, что ветер утих – его завываний больше не было слышно.

Едва он приоткрыл дверь подвала, как на него обрушилась стена дождя. Но главное заключалось не в этом – на улице резко похолодало. Температура понизилась градусов на двадцать.

В воздухе пахло свежестью. Шторм ушел в сторону Луизианы. На востоке по-прежнему сверкали молнии.

Выйдя из подвала, они с облегчением увидели, что дом стоит.

– С виду он цел. Пойдем проверим. – Джек взял на руки Дэвида, и они пошли через ливень, стараясь обходить самые глубокие лужи. По дороге к дому они постоянно смеялись, давая выход накопившимся за последние часы эмоциям, так что когда, промокшие до костей, они поднялись на веранду, то едва держались на ногах от смеха.

Осмотр дома показал, что повреждения действительно невелики. Ветка дерева разбила окно в гостиной, и мебель оказалась под дождем. С крыши сорвало часть кровельной

дранки, и потолок второго этажа в нескольких местах протекал. Электроэнергия все еще была отключена, и телефон молчал, но в остальном все было как будто в порядке.

Под места протечек поставили кастрюли. Вытащив из разбитого окна крупные куски стекла, Джек затянул проем полиэтиленовым мешком. Оставив Дэвида и Анну в доме при свечах, Джек пошел в загон посмотреть, не пострадали ли лошади. У одной была рана в боку, но с виду не очень глубокая, остальные каким-то чудом избежали столкновения с летающими предметами. Судьбу скота и другого имущества Джек решил выяснить утром.

Вернувшись в дом, Джек снял обувь, прошел в кухню и вновь зажег свечу, которую оставил на столе, когда уходил. Затем поднялся на второй этаж и увидел льющийся из открытой двери ванной мерцающий свет свечи и услышал голос Дэвида. Постучав по притолоке, Джек просунул голову внутрь.

– Джек, ты можешь войти.

Мальчик только что вылез из ванны и надевал на себя пижаму. На полу валялись мокрые полотенца.

– Я принимал ванну при свечах. – Отбрасывая на стены и потолок пляшущие тени, две свечи горели на туалетном столике, одна – на комод. – Это было клево. Из-за свечей ванная похожа на пещеру, правда?

Дэвид явно рассматривал все происшедшее как захватывающее приключение. Возможно, это было для него так же

интересно, как несостоявшаяся поездка в «Шесть флагов».

Он не осознавал опасности, которой подвергался, сидя в трейлере. Джек содрогнулся, представив, что было бы с Дэвидом, если бы он приехал хотя бы на минуту позже.

– А где твоя мама?

– Ждет, когда я приду, чтобы помолиться.

– Тогда тебе надо поспешить.

– А ты пойдешь со мной?

– Если хочешь.

Они с Дэвидом вместе вошли в спальню мальчика. Разбравшая постель Анна вопросительно взглянула на Джека.

После ванны она тоже выглядела посвежевшей. Волосы ее были мокрыми, но не от дождя, а после мытья. От нее пахло цветами – по контрасту с Джеком, от которого сейчас пахло навозом.

Смущенно пожав плечами, он указал пальцем на Дэвида.

– Он, э-э-э, хочет, чтобы я послушал его молитву. Забравшись на постель, Дэвид поправил подушку, положил на место игрушки, с которыми собирался спать, и, убедившись, что книжка про динозавров находится на тумбочке, сложил руки под подбородком, закрыл глаза и начал произносить слова молитвы.

Джек наклонил голову и тоже закрыл глаза. Жаль, что Анна не может слышать чистый голосок своего мальчика, который просит бога благословить тех, кого он любит. Из всех звуков мира – музыки, плеска волн, шелеста ветра в листве

деревьев – ей, вероятно, больше всего хотелось бы услышать именно это, и сердце Джека разрывалось от сознания того, что она лишена такой возможности.

– Благослови, господи, Джека и сделай так, чтобы он не уезжал.

Подняв голову, Джек быстро взглянул сначала на Анну, потом на Дэвида. Должно быть, она прочитала слова Дэвида по губам, потому что сразу же посмотрела на Джека, но, когда их взгляды встретились, быстро отвернулась. Наклонившись над Дэвидом, Анна поцеловала его на ночь и знаками показала, что любит его.

– Я тоже тебя люблю, мамочка.

– Спокойной ночи, Дэвид.

– Джек, ты будешь здесь утром, когда я проснусь?

– Конечно. Я надеюсь, ты сможешь мне оценить ущерб, который нанесла буря.

– Классно!

Анна задула свечу на тумбочке, Дэвид положил голову на подушку и закрыл глаза. Когда Анна и Джек подошли к двери, он уже засыпал.

Выйдя в коридор, они взглянули друг на друга.

– Может быть, это слишком дерзко... Дерзко, – повторил он, догадавшись, что Анна не поняла. – Нахально. – Она кивнула. – Вы не возражаете, если я воспользуюсь вашим душем?

Она махнула в сторону ванной.

– Потому что трейлер... Трейлер...

Она склонила голову набок – поза, в которой обычно люди слушают. Но Анна смотрела на его губы, и это отвлекало Джека.

– Я... э-э-э... должен сказать, что с сарая почти полностью сорвана крыша. Но страховая компания это возместит. Да, часть изгороди сломана – столбы просто выдернуты из земли. Мне не приходилось раньше видеть, чтобы торнадо такое творил. Кладовая для инструментов совершенно разрушена. Завтра я все проверю как следует. В темноте, да еще под дождем, трудно точно оценить ущерб. Возможно, я что-то пропустил.

Анна знаками изобразила слово «трейлер».

Он на секунду отвел глаза, затем, понимая, что она и сама утром все увидит, сказал:

– Расплющен, как консервная банка.

Она долго смотрела на его губы, затем опустила голову. Вода с протекшего потолка с веселым звоном капала в кастрюли, но Анна не могла этого слышать.

Джек протянул к ней руку, но тут же стыдливо отдернул.

Тем не менее она заметила его движение и вскинула на него взгляд.

– Нам повезло, Анна.

Полными слез глазами она посмотрела на дверь комнаты Дэвида.

– Возвращаясь к тому, о чем мы раньше говорили, – ска-

зал Джек, – я бы хотел принять душ. Если вы не... – Поглощенный игрой света на ее лице, он замолчал.

Едва его губы перестали двигаться, она заглянула ему в глаза.

– Если вы не возражаете.

– Ради бога, – знаками показала Анна, одновременно повторяя эти слова одними губами.

– Тогда хорошо. А потом я пойду в свой грузовик. Не в первый раз, да и не так-то это плохо.

Прежде чем он успел договорить, она взмахом руки показала, чтобы он замолчал.

– Что?

Анна изобразила знак, обозначающий сон, и указала на первый этаж.

– На диване? Она кивнула.

Он переступил с ноги на ногу.

– Если подумать, это не такая уж и плохая идея. Пока света нет и все такое, может быть, мне лучше...

Она настойчиво закивала. Джек сдался.

– Ладно, тогда... – Он еще немного постоял, не зная, что теперь сказать или сделать. Ему совсем не хотелось расставаться с Анной. – Ну, я тогда... гм... пойду приму душ и не буду вас задерживать. Вы, должно быть, очень устали. Спокойной ночи.

Она знаком показала «Спокойной ночи» и со свечой в руке направилась в свою комнату, переступая через тазы и ка-

струи, уже изрядно наполнившиеся водой.

* * *

Чтобы снять напряжение, Джек долго стоял под душем, подставляя горячей струе сначала голову, затем плечи. Он намыливался и ополаскивался, вновь намыливался и вновь ополаскивался, стоя под душем до тех пор, пока вода не стала холодной.

Вытеревшись, он надел чистые джинсы и майку, которые хранил в грузовике как раз на такой непредвиденный случай.

Спустив воду в ванне, он собрал мокрые полотенца – свои и Дэвида, – чтобы отнести их вниз, в подсобное помещение.

Но когда вышел в коридор, услышал доносившиеся из комнаты Анны тихие рыдания.

На долю секунды Джек застыл на месте, затем, бросив полотенца на пол, подошел к спальне Анны и заглянул внутрь. Постель была разобрана, свеча стояла на прикроватной тумбочке, но сама Анна сидела возле окна в кресле-качалке и, глядя на дождь, плакала.

Она не знала о приближении Джека до тех пор, пока не увидела его отражение в зеркале. Вздвогнув, она быстро вытерла слезы, встала и повернулась ему навстречу.

– Я не хотел вас беспокоить, Анна. Я просто хотел убедиться, что с вами все в порядке.

Она долго смотрела на него, затем поднесла руку к губам

и показала «Спасибо».

– За что?

Она смущенно потупилась и знаками изобразила имя Дэвида.

– Ради бога, Анна, не благодарите меня за это, – хриплым голосом произнес Джек.

Она упрямо тряхнула головой и снова показала этот знак. На сей раз, как мог заметить Джек, губы ее начали дрожать, а глаза наполнились слезами.

– Эй! – Он сделал шаг вперед и положил руки ей на плечи. – Теперь ведь все хорошо. Вы испугались. Я тоже испугался, но ничего действительно страшного не произошло. Дэвид в безопасности, и это главное.

Было вполне естественно, что после этих слов он привлек ее к себе. Обняв рукой ее голову, он прижал Анну к своей груди. Майка Джека быстро намокла от ее слез.

– Все хорошо, – сказал он, неловким жестом похлопав ее по спине. – Это просто запоздалая реакция, только и всего. Если вам так будет легче, плачьте. Вы имеете право на это. Я останусь здесь столько, сколько нужно.

Как и тогда в подвале, Анна не могла разобрать точный смысл его слов, но этого и не требовалось. Все было и так понятно. Прижав пальцы к горлу Джека, Анна через вибрацию воспринимала то, что он говорил.

– Исчезнув, Дэвид вас до смерти перепугал, да еще потом этот торнадо, – шептал Джек. – Но ведь теперь все кончи-

лось, правда?

По-прежнему не поднимая головы, она слегка прижала пальцы к его губам.

– Я не виню вас за слезы. Я сам за этот вечер несколько раз был готов заплакать – особенно когда слышал его молитву. Так что я знаю, что вы чувствуете. – Он погладил ее по спине. – Не стесняйтесь. Я буду рядом.

Он замолчал, но ее пальцы по-прежнему прижимались к его губам. Джек поцеловал их, затем еще и еще, Анна передвинула руку, и он поцеловал ее в ладонь. Рука Анны погладила его по щеке, и тогда Джек поцеловал ее сначала в висок, а затем в щеку.

Сердце его колотилось как бешеное.

Он опустил голову, в то время как она подняла свою, и их губы встретились. Они снова посмотрели друг другу в глаза, но на этот раз Анна не отвела взгляд. Джек обнял ее крепче и поцеловал.

«О боже!» – подумал Джек – такими мягкими и нежными были ее губы, и с такой готовностью они раскрылись ему навстречу.

Весь мир перестал для него существовать. Все тревоги и сожаления отступили, прошлое забылось. Сейчас центром мироздания была Анна. Цветочный запах, исходивший от ее волос, ее прижавшееся к нему тело, вкус ее губ – ничего лучше в своей жизни он не испытывал!

Когда она внезапно отстранилась, Джека пронзило острое

разочарование.

Открыв глаза, он увидел, что Анна пятится от него, поджав губы и тяжело дыша. Джек обозвал себя идиотом. Нуда, он сошел с ума от желания, но совсем не обязательно, что она чувствует то же самое. С чего бы это? Достаточно просто их сравнить. Она красавица, а он... ну, в общем, далеко не красавец. Хотя она и была замужем, в ней есть что-то невинное, а в нем ничего такого и в помине нет. Своей женской интуицией Анна, наверное, почувствовала, что Джек ей совсем не нужен.

– Простите, Анна! – умоляюще подняв руку, сказал он. – Я...

Он замолчал, увидев, что она вытаскивает рубашку из джинсов и быстро расстегивает пуговицы. Остолбнев, Джек смотрел на открывшуюся полоску обнаженной кожи. Грудь Анны была закрыта, но, глядя на вздымающуюся ткань, Джек нашел, что это еще больше возбуждает, чем если бы Анна была совсем нагой. Впрочем, он все равно хотел бы увидеть ее без одежды.

Она стояла напряженная как струна и затаив дыхание ждала.

Джек подошел к ней и запустил руки под блузку. Несколько секунд он ласкал ее грудь, затем привлек Анну к себе и возобновил поцелуй.

Ее кожа оказалась именно такой нежной, как он себе представлял, тело было именно таким податливым, как он наде-

ялся, а ее желание – столь же сильным, как и его собственное. Не размыкая объятий, они переместились к стене.

Наклонив голову, Джек целовал шею и грудь Анны, затем, засунув руки в карманы ее джинсов, приподнял ее повыше и крепче прижал к себе. Задрав его майку, она принялась целовать его в грудь. От прикосновений ее языка у Джека закружилась голова.

Он принялся расстегивать джинсы, но Анна опередила его, просунув руку внутрь. Он издал хриплый звук – не то смех, не то вздох, выражавший радостное удивление.

– О боже! – простонал Джек.

Понимая, что сейчас вот-вот оскандалится, Джек отвел в сторону руку Анны.

– Я не хочу все испортить, – задыхаясь, вымолвил он. – Я тоже хочу тебя потрогать.

Должно быть, она его поняла, потому что повела Джека к кровати, где тут же сняла джинсы, а затем и блузку. Ее фигура была безукоризненной, и это совершенство его пугало.

Чувствуя себя неловким и неуклюжим, Джек стоял как вкопанный, и тогда Анна проявила инициативу.

Потянув книзу его джинсы, она взяла в руки его пенис и принялась с откровенным интересом его рассматривать. В ее руках он казался грозным оружием, и Джек вновь почувствовал себя уверенно.

Захватив губами сосок Анны, он принялся осторожно ласкать его языком, одновременно поглаживая руками ее

живот и при этом опускаясь все ниже и ниже.

Волосы внизу оказались очень мягкими, а нежная плоть в середине – очень влажной.

* * *

Она долго лежала под ним, но ей не было тяжело. Она могла бы лежать так вечно. Она не возражала бы, если бы он уснул и не шевелился до утра. Ей было приятно чувствовать его в себе.

Но он не спал. Его пальцы нежно гладили Анну по голове, перебирали ее волосы. Небритая щека царапала ей ухо, зубы покусывали шею. Анна надеялась, что сейчас ему так же хорошо, как и ей.

Однако в конце концов он откатился в сторону и лег на бок. Она тоже повернулась на бок, чтобы видеть его лицо.

– Я сделал тебе больно? – спросил Джек. Анна покачала головой.

– Мне показалось, что ты... ну, как-то напряглась, когда...

Улыбнувшись, она закрыла ему рот рукой. Когда он вошел в нее, действительно было немного больно. Анна давно не была с мужчиной. Надо же, как Джек это заметил!

Правда, легкий дискомфорт она ощущала только долю секунды. Потом она обхватила ногами его бедра, откровенно побуждая войти глубже. Теперь Анна краснеет, вспоминая о том, как бесстыдно себя вела. Она практически заставила его

заняться любовью. Она так испугалась, что он остановится после первого поцелуя, что взяла инициативу в свои руки.

Да, она хотела его. Если бы сегодня этого не произошло, она потом жалела бы всю жизнь. А завтра будь что будет. Но сейчас она с ним, и он смотрит на нее таким же затуманенным взглядом, что и она на него.

Джек погладил ее по щеке.

– Ты такая красивая, Анна.

– И ты тоже, – показала она.

Он засмеялся.

– Я? Красивый? Не смеди.

– Красивый, – настаивала она.

– Я думал, у меня просто выразительное лицо.

– И это тоже. – Она готова была поклясться, что он ее дразнит.

Его улыбка постепенно погасла.

– И что оно тебе сейчас говорит?

Знаки медленно складывались в слова.

– Что ты счастлив быть здесь.

– Ну, оно и вправду не обманывает, – обронил он.

– Так что ты сказал?

– Я сказал, что оно...

Анна отмахнулась.

– Это я поняла. Что ты сказал, когда...

– Когда что? – Джек удивленно поднял брови. Она смотрела на него не отрываясь.

– А, ты имеешь в виду, когда я... когда ты... когда мы?

Она кивнула.

– Черт возьми, Анна, я не помню. Разве это имеет значение?

– Только в том случае, если ты назвал имя другой женщины.

– Клянусь, что нет.

– Тогда ладно.

Он провел пальцем по ее губам и немного печально улыбнулся.

– Я правда не помню, что сказал, Анна, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что я чувствовал.

Уткнувшись лицом ему в грудь, она подняла руку вверх, чтобы Джек мог разобрать слова, которые она изображала.

– Мне хотелось бы это услышать. Он отвел ее голову назад.

– Я бы тоже этого хотел.

Анна хотела сказать ему, что снова начала учиться говорить, но не решилась. А вдруг она не сможет вновь научиться тому, что забыла? Те навыки, которые она с таким трудом приобрела, могли быть полностью утрачены. Она только пробудит в нем напрасные надежды, за которыми последует разочарование. Ее собственное разочарование – это уже плохо.

А если разуверится он, это разобьет ей сердце. Так что лучше пока держать все в секрете. Когда она в первый раз

произнесет его имя, это надо будет сделать хорошо. А пока она станет молчать и тайно тренироваться.

– Я знаю, как звучит твой голос, – вместо этого показала Анна.

– Да неужели?

Анна кивнула и провела ладонями по его заросшим щекам.

– Щетина? – Немного подумав, он произнес: – Что ж, не такое уж и плохое описание. Мой голос действительно грубоват.

Увидев его глупую ухмылку, она рассмеялась, зная, что и сама сейчас улыбается точно так же. Продолжая ласкать друг друга, они коротко поцеловались. Пальцы Анны зарылись в густых волосах, растущих на груди Джека. Это ощущение было для нее незнакомым, потому что у Дина волосы на груди не росли.

Обследовав его плечо, она с любопытством потрогала бицепс, и Джек с готовностью напряг мышцы.

– У меня к тебе два вопроса, – показала она.

– Ну да, я знаю, что я силач, но не стоит меня чересчур баловать.

Анна шлепнула его по руке.

– Извини, я просто не мог удержаться. – Он поцеловал ее и откинулся на подушку. – Давай.

Она приподняла палец в знак того, что задает первый вопрос.

– Что случилось сегодня утром?

– В управлении шерифа? Они меня отпустили. За отсутствием улик. Я этого не делал, Анна.

– Я знаю. Я не верила, что ты мог отравить наших коров, но...

Он взял ее за руки.

– Ты имеешь право на подозрения. Просто так, к сведению, – это был Эмори Ломаке.

Анна не удивилась, но спросила, откуда он об этом знает.

Джек рассказал ей о человеке по имени Джесси Гарсия и о своем столкновении с Ломаксом в банке. Слушая его, она смеялась, представляя себе эту картину.

– Ты угрожал ему ножом?

– Я не смог придумать ничего лучшего, чтобы привлечь его внимание.

Обхватив руками его лицо, она принялась целовать его, но Джек высвободился и серьезно посмотрел на нее.

– Анна, я не хочу, чтобы ты страдала из-за того, что я здесь.

Это заявление ее удивило, а серьезное выражение лица Джека испугало. Анна покачала головой.

– Ну да, – сказал он. – В конце концов, ты ничего обо мне не знаешь. Разве Делрей не говорил тебе, что я все время переезжаю с места на место? Что я...

– Бродяга, – показала она.

– Верно, – глядя ей в глаза, подтвердил он. – Но ты не

спрашивала меня, почему я так живу.

Да, не спрашивала. Более того, Анна чувствовала, что ей это безразлично. Она знала о нем то, что ей было нужно знать, – что он добрый и нежный, гордый, сильный и умный. Для нее было важно его настоящее, а не прошлое, которое, очевидно, не давало ему покоя. Какие бы обстоятельства ни заставили его вести такой образ жизни, она этому только радовалась. Но было бы очень долго передавать это знаками, поэтому она просто показала:

– Я знаю то, что мне необходимо знать, Джек.

– Я мог бы с этим поспорить, – нахмурившись, сказал он и добавил: – Ты должна подумать вот еще о чем. Люди бывают злобными – такова уж человеческая натура. А ты подходящий объект для сплетен, потому что ты вдова, да к тому же глухая, хотя в принципе никому не должно быть дела до того, с кем ты спишь.

Ей очень не понравились его слова, но Анна знала, что он прав.

– Ты слышал сплетни насчет меня и Делрея?

– Да. – Почувствовав ее огорчение, он поспешно произнес: – Я никогда в них не верил. Я знал, что это ложь. Но когда станут говорить, что ты спишь со своим работником, это будет правдой.

– Да, и я этому рада.

– Я тоже. – Выражение лица Джека сказало ей больше, чем слова, которые она прочитала по его губам. – Пусть я

эгоистичный подонок, но я хочу быть с тобой, Анна. Я хотел этого с той минуты, когда впервые тебя увидел.

Анна никогда не забудет, как Джек в своей соломенной шляпе и потертых ботинках предложил ей помощь. Она будет помнить это до самой смерти. Наверное, именно тогда она его и полюбила.

Придвинувшись к Джеку поближе, она крепко поцеловала его, надеясь, что так сможет передать хоть малую толику тех чувств, которые он в ней всколыхнул. Опустив руку, она принялась его ласкать, наслаждаясь теплотой и твердостью его плоти. Кажется, он пробудил в ней любопытство.

Однако интерес быстро уступил место желанию, и прикосновения Анны стали более возбуждающими. Ее глаза затуманились. Когда она взяла его в рот, то поняла, что Джек застонал. Снова и снова она читала на его губах свое имя, зная, когда он только шепчет его, а когда выкрикивает в порыве безудержной страсти.

Анна удивлялась своей чувственности. С Динном она вела здоровую половую жизнь, но никогда не ощущала себя так свободно и раскованно. Может быть, причина была в том, что Делрей спал в соседней комнате, а может быть, Дин не был таким изобретательным любовником, как Джек, но так или иначе она совершенно потеряла голову.

Вот как сейчас, когда, раздвинув ее бедра, он впился в нее губами и языком. Испытав оргазм, Анна решила, что все кончилось, но тут на нее накатила новая волна наслаждения.

Спустя какое-то время она открыла глаза и увидела, что Джек стоит перед ней на коленях и нежно улыбается.

– Тебя так раньше никогда не любили?

Она отрицательно покачала головой, и его это, кажется, обрадовало.

– Что ж, это хорошо. Я рад был сделать это для тебя. Приподнявшись, она поцеловала его. Почувствовав на губах его и свой запах, Анна улыбнулась и провалилась в сон.

Немного поспав, они снова занялись любовью, на этот раз лицом к лицу. Потом Джек взял Анну на руки и отнес ее в кресло-качалку, где уложил к себе на колени. Слова были ни к чему. Молчание говорило само за себя.

Едва забрезжил рассвет, Анна, не поднимая головы, покоившейся на груди Джека, сказала ему то, что было у нее на сердце. Хотя она говорила знаками, Джек все понял, потому что сразу же поднес ее руку к губам и, поцеловав ладонь, проговорил:

– Я тоже тебя люблю.

Карл смеялся от души. Когда он понял, что принял раскат грома за выстрел, он повалился на грязный пол хижины и хохотал до тех пор, пока у него из глаз не потекли слезы.

– Черт побери, Майрон! Я уже подумал, что мы пропали, – вытирая слезы, сказал он. – Что каким-то деревенским полицейским страшно повезло и они наткнулись на наше убежище.

Хотя Майрон ничего не понял, он тоже смеялся. Тем не менее гром оказался предвестником бури, и вскоре подельникам было уже не до смеха. Во время этой беспокойной ночи бывали моменты, когда Карл проклинал судьбу за то, что она сыграла с ним такую злую шутку. Ведь он без единой царапины выбрался из тюрьмы, успешно ограбил банк и скрылся.

Человек, который сумел все это сделать, не должен погибнуть из-за какого-то дурацкого торнадо. Весь вечер они с Майроном стояли у окна и наблюдали за сгущавшимися тучами. Обстановка заставляла Карла нервничать.

Когда стемнело, она стала еще более зловещей. Засверкали жуткие молнии, подобных которым Карл никогда не видел. Сопровождаемые сильным ветром, дождь и град часами молотили по стенам хижины. Крыша текла как решето, было трудно найти сухое место, чтобы попытаться уснуть.

В глубине души Карл боялся, что бог сильно обиделся на него и что эта буря – наказание за все его грехи. За стеной грохочет, с крыши льет, в углу валяются трупы – да, ночь была ужасной.

А утром все изменилось.

Назавтра Карл проснулся под веселое щебетание птиц. Воздух стал прохладнее, на небе сияло солнце. Облегчившись в дальнем углу хижины, Карл сел в машину и завел мотор.

– Давай, давай! – нетерпеливо сказал он, вертя ручку приемника, чтобы настроиться на волну местной радиостанции.

В открытых дверях хижины появился Майрон. Его красные глаза со сна казались еще краснее, белые волосы, словно нимб, топорщились вокруг головы.

– Чего делаешь, Карл? – Помочившись в лужу, он лениво почесал в паху.

– Принеси-ка мне коки.

Сейчас Карл отдал бы стодолларовую бумажку за стакан крепкого черного кофе, однако здесь тепловатая жидкость была единственным источником кофеина. Он просидел в машине почти полчаса, потягивая напиток и слушая радио. Вернувшись в хижину, Карл выглядел свежим и бодрым, и не только из-за того, что взбодрился кофеином.

Отшвырнув в сторону пустую банку, он энергично потер руки.

– Майрон!

– Что? – Майрон занимался в этот момент тем, что поедал пончики. Губы его были перепачканы сахарной пудрой, из-за чего дебил казался еще бледнее обычного.

– Мы уезжаем.

– Отлично, Карл.

– Я имею в виду – прямо сейчас. – И Карл принялся развивать свою мысль, как будто Майрон был с ним не согласен. – Я тут слушал радио. Знаешь, о чем все говорят?

– О чем?

– О буре. Дороги и мосты разрушены. Ущерб оценивается миллионами. Десятки людей погибли, и гораздо больше пропали без вести. Ты ведь знаешь, как об этом говорят по телику – с такими серьезными лицами. В общем, нынче они болтают только о буре. Она здорово прошлась по восточному Техасу. Синоптики даже не могут сосчитать число смерчей. Всюду наводнения. Крыши к черту снесло. Дома разрушены. Машины попадали в разлившиеся реки. Везде отключился свет и телефоны тоже. Губернатор просит президента объявить штат районом бедствия. Сегодня утром все будут заняты наведением порядка. Понимаешь, что это значит?

Майрон проглотил пончик целиком.

– Что?

– Нас никто не будет искать. – Он махнул рукой в сторону машины. – В новостях о нас ни одного слова. Ни одного! Ты думаешь, нас будут искать, если в это время надо спасать какую-нибудь бабушку с кошкой, которые остались в окружен-

ном водой доме? Черта с два! Сегодня они будут: заниматься только спасательными работами. А может быть, и завтра, и послезавтра. – Он засмеялся. – Вот что такое провидение, Майрон. Черт возьми, лучше нельзя было и придумать!

– Сесил сказал, что мы должны остаться здесь на неделю.

– Ну да, Сесил сказал! – презрительно фыркнув, передразнил его Карл. – Много понимал твой Сесил! Наверно, он стал бы оспаривать это решение, но если мне предоставляется шанс, я его использую, и точка. Так что собирайся. Мы уезжаем.

Они забрали с собой всю еду, которую не успели доест, а также рулон туалетной бумаги, банки с прохладительными напитками и все остальное, что Карл посчитал полезным. В то время как Майрон складывал запасы на заднее сиденье машины, Карл подошел к багажнику, чтобы убедиться, что сумка с деньгами на месте. Вряд ли, конечно, Сесил собирался его надуть, а вот от этой Конни можно ждать чего угодно.

Сумка была на месте, и в нее как будто никто не залезал.

Карл переложил несколько сто долларовых купюр себе в карман.

На командировочные расходы, ухмыльнулся он. Майрон и не заметит, что его доля уменьшилась.

Карл смотрел, как его партнер идет к машине, неся в каждой руке по ящику прохладительных напитков. Майрон всегда один и тот же. Он не знает страха, не выходит из себя, не волнуется. Идиотизм защищает его от нормальных чело-

веческих эмоций.

Просто безобразие, что такая большая сумма денег должна достаться кретину, который не в состоянии даже оценить те возможности, которые она предоставляет. Может, стоит избавить Майрона от тяжелых раздумий по поводу того, куда девать деньги? Такая ответственность его только смутит.

Кроме того, было бы очень удобно оставить его здесь вместе с Сесилом и Конни. Поехать дальше, так сказать, налегке. Тогда Карл будет отвечать только за самого себя и ни перед кем не отчитываться.

О, полная свобода – это так прекрасно!

Положив коробки на сиденье, Майрон повернулся, чтобы идти обратно к хижине. Карл вытащил из-за пояса пистолет, снял с предохранителя и прицелился ему в затылок.

Но нажимать на спусковой крючок передумал. До мексиканской границы еще далеко. Майрон, конечно, тупой как Дуб, но это все-таки лишняя пара рук и крепкая спина. Он без возражений делает то, что ему говорят. Он готов выполнять грязную работу. Это мул, а кто же убивает хорошего мула только за то, что он безобразный и тупой? Его используют.

Решив пока сохранить Майрона, Карл засунул пистолет обратно за пояс и закрыл багажник.

Через пятнадцать минут они были готовы к отъезду. Майрон занял место на пассажирском сиденье, а Карл вернулся в хижину, чтобы последний раз взглянуть, не осталось ли там

чего-то, что могло бы потом понадобиться.

Его взгляд упал на трупы. В утреннем свете они выглядели особенно гротескно. Они уже начали раздуваться, по открытым ранам ползали мухи. Скоро здесь будет стоять невыносимый смрад.

На короткий миг Карл почувствовал раскаяние, но отбросил его от себя так же, как отринул страх перед божьим гневом, после того как буря утихла.

Он заставил себя думать, что Сесил и Конни получили по заслугам. Она была ничтожной шлюхой, от которой следовало ждать одних неприятностей. Он это понял сразу, как только ее увидел.

Убийство брата было не так легко оправдать. Но его тоже можно объяснить. Сесил был жалким трусом. Да к тому же упрямым. Он не хотел смириться с превосходством своего младшего брата.

Выживают наиболее приспособленные – это главнейший закон природы. Карл избавил человечество от двух его слабых звеньев, только и всего.

Он шуточно отдал трупам честь:

– Адьё, ребята!

* * *

– Насколько я понял, слушая радио у себя в грузовике света нет почти везде, – сказал Джек Анне за завтраком,

состоявшим из хлеба с вареньем. Еда в холодильнике уже начала портиться. – Говорят, что может пройти несколько дней, прежде чем электрическая компания восстановит линии. Везде хаос. Сейчас мы предоставлены самим себе.

После завтрака он поднялся на крышу дома, пытаясь оценить ущерб. Чтобы все как следует починить, нужна кровельная дранка, но пока можно заткнуть дыры толем. Пожалуй, если собрать необходимые материалы, можно заново построить кладовую для инструментов. А вот крыша конюшни полностью разрушена, и для ее восстановления потребуется пригласить профессионалов. Когда телефон снова заработает, надо будет позвонить ветеринару, хотя рана у лошади вроде бы и не страшная.

Закончив с этим делом, он сказал Анне, что беспокоится насчет скота, и предложил ей вместе с ним и Дэвидом поехать посмотреть, что там случилось. Джек не хотел оставлять их одних без телефона.

Анна уложила провизию – Дэвид при этом настоял, чтобы нести свою долю отдельно, в рюкзачке, – а также взяла с собой фотоаппарат и фотопринадлежности, посчитав, что снимки, сделанные сразу после бури, будут полезны для переговоров со страховой компанией.

За железной аркой, обозначавшей границу ранчо Корбетта, всюду виднелись следы разрушений. На дороге валялись камни и сломанные ветви деревьев. Электрические провода были сорваны с опор. Дорожный указатель согнуло ду-

гой. Лист проржавевшего металла с крыши корбеттовской конюшни отнесло на полмили в сторону. Стоявшая посреди пастбища старая ветряная мельница лежала на боку, разбросав вокруг свои крылья.

За поворотом Джек чуть не врезался в корову и едва успел нажать на тормоза. Остальные животные перешли дорогу и мирно паслись в придорожной канаве на другой стороне от шоссе.

– Смотри-ка, хитрые корбеттовские коровы нашли упавший участок изгороди.

С этими словами Джек вылез из грузовика. Крича и размахивая руками, он перегнал животных обратно на пастбище.

К счастью, он взял с собой инструменты и несколько запасных досок, так что смог наскоро залатать изгородь. К своему мысленному списку того, что надо приобрести, он сразу же добавил колючую проволоку.

– Дальше нам лучше пройти пешком, – сказал Джек, остановив грузовик возле ворот пастбища. – Не хочу пачкать машину.

На Анне были надеты башмаки Делрея. Хотя и чересчур просторные, они хорошо защищали от грязи и застоявшейся воды. На Дэвиде были его старые башмаки, но большую часть пути Джек нес его на руках.

Стадо от бури не пострадало. Насколько мог судить Джек, они не потеряли ни одной головы.

Он считал это почти что чудом, хотя и слышал, что такие бури подчас творят странные вещи, полностью разрушая одну сторону улицы и оставляя противоположную совершенно нетронутой.

Иногда они многие мили двигаются вдоль поверхности земли, сметая все на своем пути, а иногда скачут, как камень по воде, оставляя за собой лишь отдельные очаги разрушения.

Этот вихрь, видимо, прошел восточнее, миновав пастбище и сохранив в целости стадо.

Когда они возвращались к грузовику, Джек гадал, заметил ли Дэвид, что он держит Анну за руку. Даже если и заметил, то все равно ничего не сказал. Пожалуй, он пока еще не подозревал, что отношения мамы с Джеком стали совсем иными, но до сих пор у него и не было для этого оснований – утром Джек проскользнул вниз, на диван в гостиной, еще до того, как мальчик проснулся.

Для того чтобы устроить настоящий пикник, земля была слишком сырой, так что стол пришлось накрыть на сиденье пикапа. Обед состоял из бутербродов с арахисовым маслом, свежих фруктов и консервированного сока. Джек не отрывал взгляд от Анны, и она улыбалась ему так, как женщина улыбается своему мужчине после хорошо проведенной ночи.

Эта едва различимая улыбка говорила о многом. В частности, о том, что женщина знает все твои тайны – «тебе ведь хочется меня трахнуть, правда?». И каждый раз, когда Анна

одаряла его подобной улыбкой, Джеку хотелось себя ущипнуть – не сон ли это.

Это был не сон. Это была реальность. Анна даже сказала ему, что любит его, и она не была при этом пьяной и не пыталась залезть в его кошелек. Она открыла ему свое сердце, и он ей поверил.

Они не представляли себе, что смотрят друг на друга уже очень долго. Но Дэвид это заметил.

– Почему вы молчите? Что-нибудь случилось? Вы сердитесь?

Джек взъерошил ему волосы.

– Ничего не случилось. Я просто смотрю на твою маму.

– Зачем?

Джек взглянул на Анну.

– Потому что она красивая, – сказал он, обращаясь не только к мальчику, но и к ней.

– Ты думаешь, она красивая?

– Гм!

Дэвид оценивающе посмотрел на Анну, как будто старался взглянуть на нее глазами Джека.

– Пожалуй, она ничего, – заключил он и вонзил зубы в сэндвич.

– Дэвид! – помедлив, сказал Джек. – Ты не возражаешь, если мы с твоей мамой будем жить вместе?

Мальчик недоуменно наморщил лоб.

– Мы и так живем вместе, Джек.

– Я имею в виду, что твоя мама будет мне подружкой, а я буду ей дружкой.

Дэвид нахмурился, но его лицо скорее выражало разочарование, нежели недовольство. Его идол рухнул с пьедестала.

– Я не знал, что тебе нравятся девочки, Джек, – чувствуя себя преданным, сказал он.

– Когда я был в твоём возрасте, они мне не нравились. Но со временем у меня появился к ним интерес.

– У меня не появится.

– Не зарекайся.

– Не появится! – решительно повторил Дэвид и с недоумением посмотрел на Джека. – Ты хочешь, чтобы моя мама была твоей подружкой?

– Я очень этого хочу.

– Чтобы ее целовать и все такое?

– Ну да.

Дэвид вытаращил глаза.

– Ну, если хочешь, то давай.

– Спасибо, – серьезно ответил Джек.

– Но меня ты тоже будешь любить?

– Конечно. Ты мой единственный мужчина. Успокоившись, Дэвид залез в пакет с томатными чипсами и вытащил оттуда целую пригоршню.

– А после обеда мы пойдем плавать?

Посмеявшись над столь небрежным отношением мальчи-

ка к их роману, Джек все-таки почувствовал облегчение. По выражению лица Анны он видел, что она тоже следила за их беседой и точно так же была довольна ее результатом. Если бы их взаимоотношения не понравились Дэвиду, все было бы плохо.

Он постарался убедить Дэвида, что, пока река не вернется в нормальное русло, плавать все-таки не стоит. Однако чтобы не доставлять мальчику разочарования и не омрачать самому себе первый день семейной жизни, он повез его и Анну в лесистую часть владений Корбетта.

– Дэвид, ты знаешь, какая твоя мама умная? Она решила продать часть леса и посадить новые саженцы.

– Классно! – воскликнул Дэвид. – А мне можно будет посмотреть, как рубят деревья?

– Наверно. А сейчас ты можешь некоторые пометить.

– Ура!

Ковер из подроста и сосновых иголок удерживал дождевую воду внизу, оставляя поверхность достаточно сухой, для того чтобы можно было спокойно ходить. При виде дерева, которое, по мысли Джека, могло заинтересовать лесопромышленную компанию, он вытаскивал нож из чехла, передавал его Дэвиду, и мальчик вырезал на коре знак «Х».

В один из моментов, когда Дэвид был увлечен работой, Анна обняла Джека за талию и подставила губы для поцелуя. Джек с готовностью ее поцеловал и тут же почувствовал напряжение в паху.

– Извини, – прошептал он, когда они оторвались друг от друга, но, не удержавшись, тут же подался вперед и потерялся чреслами между ее бедер. Анна ответила ему тем же, в глазах ее светилось обещание будущих ласк.

Во время прогулки она экспериментировала с фотоаппаратом и различными приспособлениями. Она заставляла Джека и Дэвида позировать до тех пор, пока Дэвид не пожаловался, что от фотовспышки у него рябит в глазах. Джек подозревал, что Анне удалось и при естественном освещении сделать несколько неплохих снимков, потому что, когда они с Дэвидом обследовали одно дупло, он заметил, как она опустила фотоаппарат и удовлетворенно улыбнулась.

После полудня вернулась жара. От сырой земли стал подниматься пар, и они решили, что пора возвращаться домой.

Джек опустил стекла в кабине грузовика. Анна села в середину, давая возможность Дэвиду выйти, чтобы открыть и закрыть ворота пастбища – работа, которая доставляла ему особое удовольствие.

В дороге Анна положила руку Джеку на бедро. Это был неосознанный жест, которого она даже и не заметила. А Джек заметил и оценил. Он накрыл ее руку своей, и тогда Анна придвинулась к нему еще ближе, так что ее грудь прижалась к его руке, а бедро – к его бедру. Такая близость с женщиной – единственной женщиной! – была для Джека чем-то новым.

Волосы Анны касались его щеки, ее запах напоминал

Джеку о ночных ласках. Дэвид болтал без умолку, но эта болтовня не раздражала Джека, а, наоборот, доставляла удовольствие.

Он не знал, смеяться ему или плакать.

Он никогда не представлял себе, что жизнь может быть так прекрасна.

Все было слишком хорошо, и поэтому Джек не верил, что это надолго.

Так в жизни не бывает.

Хорошее скоро кончается.

Причем конец может быть очень плохим, и это пугало Джека.

Пикап замедлил ход и остановился.

– Сколько времени, Джек?

– Около трех.

– Боже мой, я пропустил «Остров Джиллигана»! – Открыв дверцу машины, Дэвид поспешно выскочил наружу и побежал к дому.

– Ты забыл, что света нет! – крикнул ему вслед Джек, но передняя дверь уже закрылась за мальчиком.

Джек помог Анне выбраться из грузовика.

– Он сегодня просто сгусток энергии. – Прижав ее к себе, он добавил: – В отличие от меня. После тех упражнений, что ты заставила меня проделать сегодня ночью, у меня энергии совсем не осталось.

Она попыталась принять оскорбленный вид, но не удержалась от улыбки. Он коротко обнял ее, затем отстранился и принялся выгружать имущество, которое они брали с собой.

– Как только мы занесем все это внутрь, давай поедем в город и посмотрим, что там происходит. Спросим, когда будет электричество и так далее. Как ты думаешь?

Она сделала знак, обозначающий еду.

– Правильно, – сказал Джек. – Если магазины уцелели, то из них уже, наверное, все вымели подчистую. Но вдруг мы все же найдем какие-нибудь продукты, которые можно

хранить без холодильника. Хорошо, когда есть газ.

Подойдя к двери, он открыл ее и пропустил Анну вперед, а сам вошел следом.

Удар был страшным.

Однажды Джека лягнула в голову лошадь. Он тогда работал на липовом ранчо в южной Калифорнии, где богатые люди платили громадные деньги за возможность неделю изображать из себя ковбоя. Тот мерин славился своим скверным характером.

Джек как раз чистил его, когда вдруг заметил, что ноздри коня раздуваются, и понял, что сейчас произойдет. Он отпрянул назад, но недостаточно быстро. Копыто ударило его по голове.

На этот раз все получилось гораздо хуже.

Тогда у него все же была какая-то доля секунды на то, чтобы среагировать. Теперь же Джек оказался совершенно неподготовленным. Удар обрушился словно из ниоткуда и был нанесен с невиданной силой. Он буквально сбил его с ног.

Взлетев на воздух, он впечатался в стену. Острая боль в боку сразу же подсказала Джеку, что у него сломано по крайней мере одно ребро.

Свалившись на пол, он почувствовал, что его тошнит. Джек схватился за голову, закрыл глаза, проклиная того молотобойца, который его ударил. Казалось, мозги вот-вот вылезут наружу.

Открыв наконец глаза, он удивился, что это ему удалось и что удар не лишил сознания.

Повинуясь инстинкту, он попытался подняться, но смог только встать на четвереньки. Когда он поднял голову, стены завертелись перед его глазами, пол закачался. От этого движения Джека снова затошнило. Он опустил голову и срыгнул.

– О господи! Когда же это кончится?

Руки Джека подогнулись, и он упал на бок. Жгучая боль пронизала его торс. Сломанное ребро железом впилося в тело.

Он стиснул зубы, чтобы не закричать.

– Посмотри, что ты натворил! А, милочка? Ты устроишь ему скандал за то, что он заблевал весь пол?

Джек снова открыл глаза. Головокружение немного прошло, по крайней мере стены и пол плясали чуть медленнее, чем раньше. Тем не менее Джеку пришлось собрать все силы, чтобы разглядеть говорившего.

Он был высоким, с приятной внешностью и смертельно опасным.

Джек это понял сразу, подавив усилием воли очередной мощный приступ тошноты.

Одной рукой мужчина зажимал рот Дэвиду, крепко прижимая мальчика к себе. В другой руке он держал пистолет, нацеленный Дэвиду в голову. У противоположной стены стояла Анна, с ужасом глядя на бандита широко открытыми

глазами. Лицо ее было мертвенно-бледным.

– Разве мама не учила тебя, что невежливо молчать, когда с тобой разговаривают? – обращаясь к ней, сказал нападавший.

Анна продолжала молча на него смотреть. Подтолкнув Дэвида вперед, бандит придвинулся к ней.

– Что случилось, милочка? Кошка съела твой язычок? Она стояла неподвижно, словно окаменела. Мужчина слегка ткнул ее в живот стволом пистолета.

– Ну давай! Говори! – Опустив ствол на уровень лобка, он еще раз ткнул им женщину. – Клянусь, я могу заставить тебя говорить! – И, понизив голос до бесстыдного шепота, добавил: – Я могу заставить тебя и визжать.

– Глухонемая!

Голос Джека был еле слышен, но он все-таки заставил мужчину обернуться.

– Она глухонемая, – прохрипел Джек. – Она не может говорить.

Холодные глаза смотрели подозрительно, но на лице незнакомца играла очаровательная улыбка.

– Ты ведь меня не обманываешь, а? Я этого не советую.

– Она глухонемая.

К удивлению Джека, тот откинул голову и засмеялся, обнажив ровный ряд белых зубов.

– Я не знал, можно ли этому верить, но, оказывается, это правда. Мой брат говорил... Ой!

Внезапно он вскрикнул и отбросил Дэвида в сторону Помахав в воздухе рукой, бандит принялся рассматривать красные следы от укуса.

– Маленький негодяй, я научу тебя, как кусаться! – Он угрожающе двинулся к Дэвиду.

– Нет! – воскликнул Джек. Анна пронзительно закричала. Не трогай мою маму! – взвизгнул Дэвид. Мужчина нагнулся, схватил мальчика за ворот рубашки и оторвал от пола. Дэвид начал махать руками и драться ногами. На несколько секунд руки бандита оказались заняты.

Джек, боясь, что в суматохе пистолет может выстрелить, заставил себя подняться на ноги и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к незнакомцу.

– Стой на месте! – Ткнув пистолетом в грудь Джеку, бандит оттолкнул Дэвида к Анне, которая прижала плачущего сына к груди.

Из этой ситуации Джек видел для себя только один выход. Он мог умереть как храбрый дурак или, отступив сейчас, потом попытаться спасти Анну и Дэвида. Конечно, ему хотелось броситься на этого сукина сына. Но что толку, если его тут же пристрелят?

Поэтому он подчинился и остался стоять на месте.

Усмехнувшись, мужчина передернул плечами, как будто желая стряхнуть напряжение.

– Вот так-то лучше. Нет нужды волноваться.

– Я не волнуюсь, – спокойно промолвил Джек.

– Ну и чудесно. У нас нет проблем. И не должно быть. Мы ведь одна семья. Я вот тут ехал на юг и сказал себе: «Я не могу упустить случай повидаться с моим племянником и невесткой. Как можно? Нет, сэр». – Он широко улыбнулся Анне. – Я рад заметить, что у нас нет кровного родства. – Бандит окинул ее взглядом. – Дин был молодец. Клянусь, к чему этот парень ни прикасался, все превращалось в чистое золото, в том числе и ты, милочка.

– Чего ты хочешь, Херболд? Он резко повернулся к Джеку.

– Это не твое дело. – Но затем тщеславие взяло верх. – Ты назвал меня по имени, – склонив голову набок, сказал Карл. – Ты меня знаешь?

– Ты серьезно?

Засмеявшись, Карл слегка поклонился.

– Я теперь телезвезда, верно? – Не дав Джеку возможности ответить, он добавил: – Погоди-ка, я сейчас угадаю. Ты тот, кто называет себя работником.

Джек промолчал.

– Ну да, Сесил говорил мне о тебе.

– А он сказал тебе о Делрее?

– Что тот вот-вот сыграет в ящик?

– Так и случилось.

– Он умер? – скептически посмотрев на него, спросил Карл.

– Могу показать некролог в газете, – предложил Джек.

– Это не обязательно. – Стволом пистолета он задумчиво почесал щеку. – Мое сердце радуется, когда я думаю о том, что этот козел теперь поджаривается в аду. – Он вновь обратился к Джеку: – Так что насчет тебя?

– Насчет меня ничего.

– Сес думал по-другому. Он посчитал тебя легавым. Может быть, федералом.

Джек чуть не засмеялся, но из-за боли в боку вместо этого только охнул.

– Сес ошибся.

Карл ему явно не поверил.

– Значит, ты просто работник?

– Да, это так.

– Теперь, когда Делрей умер, ты собираешься вступить во владение?

– Нет. Я буду находиться поблизости, пока миссис Делрей не встанет на ноги.

Усмехнувшись, Карл не спеша окинул его взглядом, затем посмотрел на Анну и снова уставился на Джека.

– Что-то не похоже. По-моему, вы большие друзья. Устраиваете вместе пикники и все такое, – процедил он, указывая на корзину с едой, которую Анна уронила, когда он на нее набросился.

Наклонившись, Карл поднял выкатившееся яблоко, вытер его о рукав и с хрустом надкусил.

– Ты ее еще не трахал?

Джек молчал, зная, что Карл пытается его спровоцировать, чтобы получить предлог для убийства.

Вероятно, он все равно собирается его убить, но надо постараться потянуть время. Тогда, может быть, они получат шанс спастись или бежать.

Читая по губам, Анна следила за его диалогом с Карлом.

Джек надеялся, что она видит и его правую руку, пальцы которой он медленно, стараясь не привлекать внимания бандита, складывал в буквы знакового алфавита.

Чтобы отвлечь Карла, он сказал:

– Что-то с тобой нет брата. – Его пальцы сложились, изображая букву Н.

– Да, Сесил не смог приехать.

– Где же он?

Улыбка исчезла с лица Карла.

– Так ты точно не легавый? Ты спрашиваешь о таких вещах, которые тебя совсем не касаются.

Джек надеялся, что Карл не увидит, как он изображает букву О.

– Я думаю, Сесила нет в живых.

– Заткнись, козел!

– Зачем же ты так, Карл! – насмешливо сказал Джек. – Что-то ты слишком чувствителен, когда речь заходит о твоём старшем брате. – Ж. – Что ты с ним сделал? Убил его, чтобы забрать себе все деньги?

Карл навел на него пистолет.

– Слушай, я тебя в последний раз предупреждаю. Заткнись!

Джек не питал иллюзий в отношении Херболда и понимал, насколько он опасен. Но даже у самого закоренелого преступника есть своя ахиллесова пята. У Херболда Джек ее нащупал с первой попытки. Братоубийство – чересчур тяжелое преступление даже для такого мерзавца.

Если Анна и разобрала сигналы, которые он посылал, то никак не отреагировала. Он начал снова. Я.

– А как насчет той девушки? Как ее бишь, ну, кассирша, которая помогла вам ограбить банк? – О. – Где она, Карл? Или ты отделался...

Тыльной стороной руки Карл ударил Анну по лицу. Атака была столь неожиданной и злобной, что все на миг замерли.

Потом Дэвид стал кричать на Карла, Карл стал смеяться, а Джек постарался подавить вспыхнувший в нем гнев.

Больше он ничего не мог сделать, потому что Карл по-прежнему направлял на него пистолет.

– Вот так и будет, работник или кто ты там. Как только ты заводишь идиотскую болтовню, она получает по физиономии. Для начала. – Анна прижимала руку к кровоточащей губе, но ее глаза были полны нескрываемой ненависти. – А может, я лучше оттрахаю ее в задницу, а вы с мальчишкой будете смотреть? Чем больше я об этом думаю, тем больше мне эта идея нравится.

Джек был бессилен. Если он даст Карлу хоть малейший

повод его убить, тот не преминет им воспользоваться и потом будет спокойно спать. Нельзя терять голову, хотя Джеку пришлось собрать всю силу воли, чтобы не вцепиться негодяю в глотку.

Каждый вздох причинял ему боль. Было очень больно говорить, но разговор – это его единственное оружие.

– Ты действительно крутой, Карл. Над кем же ты издевался, когда сидел в тюрьме? Там ведь нет ни женщин, ни детей.

Карл тяжело вздохнул и покачал головой.

– А я так старался вести себя прилично! – Схватив Анну за волосы, он рывком поставил ее на колени.

* * *

Майрону было жарко. Не помогло и то, что он опустил стекла, поскольку снаружи было безветренно. В лобовое стекло вовсю светило солнце, так что Майрон весь покрылся потом. Он выпил уже три банки коки. Карл велел ему оставаться в машине. Раз нельзя выйти по нужде, то придется больше не пить коку, хотя и очень хочется.

К тому же ему было очень скучно, а от скуки хотелось спать. Дважды он уже засыпал, просыпаясь от судорог.

Если он уснет и не будет охранять деньги, Карл будет сердиться, будет кричать на него и назовет идиотом. Майрон не хочет, чтобы Карл сердился. Карл его друг, его нельзя подвести.

Но ему было жарко и скучно. И немного страшно. С тех пор как Карл ушел, прошло уже много времени. Он сказал, что должен кое-что сделать.

– Помнишь, что я тебе говорил, Майрон? Чем займусь в первую очередь, когда выйду на свободу?

– Убьешь тех гадов, которые засадили тебя в тюрьму.

– Точно. Ну, один уже готов. Сесил. Надо замочить еще парочку. – Он проверил свой револьвер, прокрутив барабан.

Майрону нравилось, когда он это делал, потому что тогда Карл был похож на ковбоя из кино.

– Я не задержусь, Майрон.

Однако он замешкался. Сейчас ему уже пора бы возвращаться. А что, если с ним что-то случилось? Что, если его поймали? Что, если он вообще не вернется?

Эта мысль наполнила Майрона страхом. Он не знал дороги в Мексику. Как он распорядится украденными деньгами? Где будет ночью спать?

От страха Майрон еще больше вспотел. Он вытер рукавом пот, стекавший на глаза. Рубашка прилипла к телу, в паху чесалось. Руки Майрона стали мокрыми от пота. Он положил пистолет рядом с собой на сиденье и стал вытирать руки о штаны.

Если Карл за ним не придет, ему будет очень страшно. Но если он ослушается Карла, тот не на шутку рассердится. Он помнит, что Карл ему говорил.

– Вот какой у меня план, Майрон. Ты меня слушаешь?

Ладно, хорошо. Я оставляю деньги здесь, с тобой. Деньги, которые мы взяли в банке, помнишь?

– Я помню, Карл.

– Отлично. Они в сумке, понятно?

– Понятно.

– Я не могу взять их с собой, потому что человек со спортивной сумкой сразу привлечет к себе лишнее внимание. Так что я должен ее здесь оставить. Понимаешь?

– Конечно, Карл.

– Смотри не засни.

– Нет, Карл.

– Ты будешь охранять деньги. Ты должен никого к себе не подпускать. Где твои пушки?

– Здесь, Карл. – Он приподнял вверх пистолет, который держал в руке, чтобы показать его Карлу. Заряженный дробовик лежал у него на коленях.

– Превосходно, – сказал Карл, и Майрон ощутил прилив гордости. – Теперь, если кто-нибудь подойдет к машине, стреляй.

– Хорошо, Карл.

– Смотри, Майрон. Это важно. Не разговаривай, ничего не делай – просто стреляй в любого, кто подойдет.

– Хорошо, Карл. Можно мне выпить коки?

– Конечно.

Карл положил на сиденье упаковку с шестью банками коки.

– Куда ты идешь, Карл?

– Я уже тебе говорил, Майрон. Мне надо кое-что сделать.

– А можно мне с тобой?

– Господи!

И он вздохнул так, как всегда, когда начинал злиться, и пробормотал что-то насчет того, что Майрон похож на страшилище с ярмарки и что если куда-то с ним идешь, то нужно обязательно прихватывать с собой «узи».

Майрон не знал, что все это означает, но Карл так сказал, поэтому он остался в машине, чтобы охранять деньги, лежавшие в багажнике, и стрелять во всех, кто подойдет.

Но Карл ушел и до сих пор не вернулся. Майрону было страшно. Он боялся остаться один. Если Карл не вернется, он пропал. Он не знает, как пересечь границу и найти себе сладкую мексиканскую пизьку. Он посмотрел туда, где в последний раз видел Карла, надеясь, что тот уже возвращается. Но там никого не было.

Майрон закусил нижнюю губу. Затем, снова вытерев пот со лба, оглянулся и посмотрел назад.

То, что он там увидел, привело его в ужас.

Замедляя скорость, к нему подъезжала машина.

«Как все изменилось за последние двадцать четыре часа», – подумал Эмори Ломаке.

Вчера он насилу дождался, когда кончится рабочий день и он сможет уйти зализывать раны, которые нанес ему человек по имени Джек, напавший на него в его собственном кабинете. Поджав хвост, он поплелся домой, где проглотил несколько таблеток аспирина, чтобы избавиться от головной боли, которую причинило ему выпитое за обедом пиво. К несчастью, он затем еще усугубил ситуацию несколькими бокалами бурбона. Он не умеет пить, так что бурбон привел его в ужасное состояние.

Потом еще эта буря. Каждая вспышка молнии, каждый удар грома болью отдавались у него в голове. Однако, если не считать усилившейся головной боли, сама по себе буря его не особенно взволновала.

Он не заметил, как шквальный ветер сорвал с его окна ставни и погнал по улице его мусорные баки. Он не знал, что дождь переполнил сточные канавы и залил гараж с его драгоценным «Ягуаром». Он ничего не знал о торнадо до тех пор, пока утром радиобудильник не сообщил ему о происшедшем.

Пока буря неистовствовала в его округе, Эмори все пил и пил, иногда плача от жалости к себе, иногда цепенея от

страха при воспоминании о том, к чему могут привести его махинации, но все время негодуя при мысли о тех оскорблениях, которые нанес ему ковбой Джек.

Теперь, сидя в комфортабельном салоне своей машины, которая мчалась по дороге, ведущей на ранчо Корбетта, он уже в сотый раз спрашивал себя: за кого принял его этот тип, посмевающий так с ним разговаривать? Он без приглашения вошел в его кабинет. Он угрожал ему телесными повреждениями – приставив нож к горлу, ни больше ни меньше! Господи, какая наглость!

По сравнению с ним этот Джек вообще никто. Пусть он физически крепок и рожа у него как на рекламе «Мальборо» – парень же гол как сокол!

Эмори никак не мог понять, как он позволил этому ничтожеству побить его на его собственной территории.

Конечно, здесь сработал фактор внезапности. Мерзавец застал его врасплох. Несомненно, это одна из причин, по которым Эмори так быстро сдался.

Другая же заключалась в том, что он только что провел неприятную встречу с Коннотом и компанией, на которой надавал этим шишкам трудновыполнимых обещаний.

Упоминание о Джесси Гарсии тоже сыграло свою роль, но откуда Эмори знает, что Джек с ним вообще встречался? Эмори никогда не слышал, чтобы Гарсия когда-нибудь сдавал кого-то из своих клиентов. Боясь повредить своей деловой репутации, он вряд ли станет это делать сегодня – даже

ради священной памяти дяди-сапожника.

Ладно, бог с ней, с этой историей. Спишем ее на одно изотягчающих обстоятельств. Или на выпивку за обедом. Или на вчерашнюю угнетающую жару. В общем, на что угодно.

Сейчас главное то, что он разгадал маневр ковбоя. Работник Анны Корбетт просто его ревнует, вот и пытается играть мускулами. Эмори не боится пустых угроз человека, который недостойн чистить ему ботинки.

Проснувшись нынче утром, Эмори испытывал легкое похмелье, но в целом голова у него была ясной и он хорошо понимал, что делать. Завоевание Анны Корбетт нельзя откладывать. Надо начать его немедленно. Она может по-прежнему холодно его встретить, но когда узнает его получше, то оттает. А единственный способ познакомиться с ним поближе – это проводить время в его обществе. Такую возможность он намерен ей предоставить. Сегодня он нанесет визит вежливости. Он предложит ей свои услуги, а потом несколько недель будет оказывать ей расположение – как в профессиональном, так и в личном плане.

Когда же она почувствует зависимость от его щедрости и доброты, Эмори использует все свое обаяние и убедит ее в том, что за ней ухаживает, – но только до заключения сделки.

Он готов совершать добрые дела, но будь он проклят, если позволит охмурить себя глухой бабе с ее отродьем.

Ковбой Джек предупреждал, чтобы он держался от нее подальше.

– О-о-о, как мне страшно! – сказал Эмори, обращаясь к роскошной приборной доске своего «Ягуара». И что этот парень сделает? Перережет ему горло? Изобьет его? Эмори фыркнул. Это только пустые угрозы, и он на них не поддастся. – Дай ковбою большой ножик, и он сразу думает, что он Джим Боуи, – нажимая на тормоза, пробормотал он.

Впереди на обочине дороги стояла какая-то машина. В ней как будто находился только один пассажир.

Эмори никогда не был альтруистом, зато всегда был политиком. Он гордился тем, что хорошо умеет прикрывать свою задницу. Если машина сломалась и ее водитель окажется клиентом их банка, который потом скажет, что Эмори Ломаке просвистел мимо, не остановившись, чтобы оказать помощь, это будет плохая реклама. Даже очень плохая, учитывая, что его отношения с президентом и без того напряженные.

А вот если будут говорить, что Эмори Ломаке – настоящий добрый самаритянин, который всегда готов помочь, то он заработает несколько важных очков. Радужно улыбаясь, он остановился.

* * *

– Ты мог бы позвонить.

Голос Кору был прямо-таки ледяным. Такого тона от нее Эззи еще никогда не слышал. Она расстроена, что, учитывая

нынешнее состояние Эззи, очень и очень плохо. Сейчас его так и подмывало сказать: «Я подумаю над этим», – и повесить трубку.

– Ты знал, что я буду беспокоиться, – сердито сказала она.

– Разве?

Это саркастическое замечание окончательно вывело ее из себя.

– Я звоню не для того, чтобы ругаться с тобой, Эззи. Я слышала сообщения о вчерашней буре в восточном Техасе. По телевизору говорят, что Блюэр практически сровняло с землей. Я часами звонила и не могла дозвониться. Домашний телефон не отвечал... Ну поставь себя на мое место, Эззи. Разве тебя бы это не расстроило? Я уже представляла себе всякие ужасы.

– Вчера вечером позвонил шериф и спросил, не хочу ли я помочь во время стихийного бедствия.

– И ты все бросил и побежал.

Судя по ее тону, он жалкая личность, которая, утратив всякую гордость и уважение к себе, старается всем доказать свою нужность.

– Нуда, – сказал Эззи. – Хорошо, когда ты кому-то нужен. Хоть кому-то.

Обычно он не старался одержать верх в спорах с Корой, но, черт возьми, он едва не погиб, попав в смерч, а потом всю ночь пил скверный кофе с пирожками и следил за сообщениями полицейских радиостанций, направляя молодых

помощников шерифа на работу, для которой сам был уже слишком стар.

Диспетчер. Вот какую обязанность ему поручили. Ни поисково-спасательных работ, ни борьбы с наводнением – никакой мужской работы ему не досталось. Он годится только для того, с чем справится и старушка. Им просто был нужен кто-то, способный принимать и отправлять сообщения. Чем не работенка для ветерана службы с пятидесятилетним стажем!

Хуже всего было то, что он не послал их подальше и не ушел. Он взялся за дело. А потом, когда телефонная связь была восстановлена, его унизили еще больше. С него сняли обязанности диспетчера и посадили отвечать на телефонные звонки от простых горожан, чтобы в случае необходимости он направлял их в соответствующие службы.

С точки зрения Эззи, он имел право быть немного раздражительным, особенно с женой, которая его оставила.

– Когда ты последний раз ел? – спросила она.

– Об этом не беспокойся. Люси заботится о том, чтобы я был сыт.

– Люси из «Трудолюбивой пчелы»?

– Ты знаешь другую Люси?

– Я просто спросила.

– Ну да, Люси из «Трудолюбивой пчелы», – ответил Эззи. – Я там все время ем.

Это ее доконало. Она долго молчала, а Эззи наслаждался.

«Пусть гадает», – думал он.

– Хотя ты и вежлив, как грузчик, я все же рада, что ты жив-здоров.

Он не стал упоминать о шишке на виске – это ерунда. Он не убит, не ранен, не лежит под обломками здания – именно то, что Кора имела в виду, когда говорила «жив-здоров».

– Как дом? Он не пострадал?

– Я еще там не был, чтобы это проверить. – Он постарался, чтобы его голос звучал как можно равнодушнее. – Электричество отключилось по всему округу. Здесь, в управлении, работают аварийные генераторы. Ремонтники трудятся круглосуточно, но главная подстанция в центре, а там страшный кавардак. Да, за стеной звонят. Мне надо идти, Кора.

– Ну что ж... С тобой точно все в порядке?

– В полном.

– Позвони мне, когда будет перерыв.

Игнорируя звучащее в ее голосе страдание, он коротко бросил: «Пока» – и повесил трубку. Если она так о нем беспокоится, то может сесть в «Бьюик» и приехать домой.

Как только он разъединился, телефон немедленно зазвонил снова.

– Управление шерифа.

– Сэр, у меня во дворе выводок змей. Как только вода из ручья спала, они и появились, ползают тут везде. Жена в ужасе. Одну из собак укусили.

В трубке слышался лай охотничьих собак, женский крик

и звуки ударов. Эззи задал стандартные вопросы и записал ответы мужчины в стандартный бланк. Когда тот назвал свой адрес – где-то за пределами города, – Эззи спросил:

– Так у вас включили телефон?

– Нет, сэр, еще нет. Молчит как проклятый. Я звоню по сотовому.

Эззи пообещал, что один из помощников приедет, как только освободится, но добавил, что, вероятно, это будет не очень скоро.

Он предупредил мужчину, чтобы до прибытия помощи он соблюдал осторожность, но не стал говорить ему, что еще несколько недель, а то и месяцев он, возможно, будет находить змей у себя дома. После наводнений так бывает.

Следующий звонок был от человека, который жаловался на соседа.

– Если бы он содержал свою изгородь в нормальном состоянии, то она не свалилась бы в мой плавательный бассейн.

Эззи посоветовал ему самому разобраться с соседом и не загружать телефонную линию такими незначительными жалобами личного характера. Это не очень понравилось и без того раздраженному собеседнику. Он начал ругать теперь уже Эззи, и тот повесил трубку.

Он чувствовал, что его терпение иссякло. Поэтому, когда телефон зазвонил вновь, Эззи рявкнул в трубку:

– Управление шерифа!

– Кто это?

– Эззи Хардж.

Пауза.

– Разве вы не на пенсии?

– Чем я могу помочь вам, мэм?

– Я не уверена, что можете. Я ведь понимаю, что сейчас вы ужасно заняты. Наверно, мне не стоило и звонить. Возможно, это пустяки.

– У вас есть имя, мэм?

– Извините. Это Элла Пресли. Из банка. Я секретарь Эмори Ломакса.

«Тем хуже для тебя», – подумал Эззи.

– Неужели банк сегодня работает?

– Нет, сэр. Электричество отключено, и несколько окон разбито. Нам только что включили телефоны. Некоторые пришли на работу, чтобы, знаете, помочь убраться.

– Так вас ограбили или что? – в шутку спросил Эззи.

Нет, ничего такого. Я звоню из-за того, что президент назначил экстренное собрание служащих банка на четыре часа, а я не могу найти мистера Ломакса, чтобы известить его о собрании.

«Кажется, это еще одна личная проблема», – решил Эззи. Что случилось с людьми? Неужели смерч окончательно лишил их здравого смысла? Эззи постепенно утрачивал те остатки терпения, которые сохранялись в нем после звонка Кору.

– Миссис Пресли, я не понимаю...

– Я бы не стала вас беспокоить, но с мистером Ломак-сом раньше всегда можно было связаться. Всегда. Я постоянно связывалась с ним по сотовому телефону или по пейджеру. Но он не отвечает на звонки и не реагирует на сообщения по пейджеру.

– Может быть, он их отключил?

– Он никогда их не отключает. Меня тревожит, что он поехал на ранчо Корбеттов. Миссис Корбетт – знаете, глухая леди? – она клиентка нашего банка, и мистер Ломаке лично ведет ее счет. Он беспокоился насчет того, что там на ранчо нет электричества и не работает телефон, и поэтому поехал туда все проверить.

Эззи улыбнулся наивности миссис Пресли. Ломаке наверняка отключил свой пейджер потому, что он там с Анной Корбетт и не хочет, чтобы его беспокоили. Учитывая ее внешность, банкира трудно винить, хотя Эззи не мог представить себе, чтобы такая красotka могла иметь какой-то романтический интерес к такой заднице, как Эмори.

– Он скоро появится, – невозмутимо сказал он. – На вашем месте я бы не слишком волновался.

– Если бы не то, что случилось вчера после обеда, я бы и не волновалась.

подавив зевок, Эззи подпер щеку кулаком и закрыл глаза.

– А что случилось вчера после обеда?

– В банк пришел один мужчина, который хотел увидеть мистера Ломакса. Когда я сказала ему, что тот еще не вер-

нулся с обеда, он уверил меня, что подождет, и прошел прямо в кабинет мистера Ломакса.

– Что за мужчина?

Они с мистером Ломаксом заявили, будто они друзья по колледжу, но одна кассирша потом мне сказала – во время перерыва на кофе, – что он такой же университетский товарищ мистера Ломакса, как она китаянка. Он работник на ранчо Корбеттов и вряд ли когда-нибудь учился в колледже.

Эззи открыл глаза и принялся массировать лоб. Дело становилось интересным.

– Почему же они стали выдавать его за университетского друга Ломакса?

– Тут все еще более странно, шериф. По-моему, они вообще не друзья. Я слышала за дверью возбужденные голоса, как будто они спорили. А потом, как они ни пытались убедить меня, что это шутка, это дело с ножом...

– С ножом?

– Разве я вам еще об этом не говорила?

– Нет, не говорили. – Эззи схватил блокнот. – Но я бы с удовольствием послушал.

Эззи презирал Эмори Ломакса. Было бы глупостью тратить на него время, тем более целый час. Именно столько занимала дорога на ранчо Корбетта и обратно. Через пятнадцать минут после того, как он выехал из управления шерифа, Эззи все еще сомневался в правильности принятого решения. От недосыпания резало глаза. Несмотря на то что он сказал Коре, ему ужасно хотелось есть. Пожалуй, последняя нормальная пища, что он съел, – это кусок яблочного пирога, которым вчера его угостила Люси.

Между лопаток страшно болело, поскольку всю ночь Эззи пришлось просидеть, скорчившись над письменным столом и уточняя местоположение помощников шерифа, которые звонили ему и сообщали, что заблудились, когда пытались отыскать попавших в беду автомобилистов.

Он просидел так долго, что суставы закалились и дал себе знать застарелый артрит. От слишком большого количества выпитого кофе появилась сильная одышка. Не мешало бы также принять душ и побриться. В общем, он чувствовал себя отвратительно.

Вероятно, он и выглядел не лучше, потому что шериф Фостер приказал ему сделать двухчасовой перерыв. А он собирается половину его потратить на Эмори Ломакса. Хорошо, Кора не знает, что он ввязался в еще одну авантюру, полага-

ьясь только на свое чутье. Она бы задала ему перцу.

На ранчо Эззи влекла не столько забота о благополучии Эмори Ломакса, сколько простое любопытство. Работник Делрея должен был питать сильную неприязнь к Ломаксу, чтобы наставить на него нож. А может, это Анна Корбетт возбудила в нем такие чувства? Может, все дело в тривиальной ревности?

Если да, то роман развивался очень быстро. Хотя так иногда бывает. Живой пример тому они с Корой. Вот именно, достаточно вспомнить его и Кору. Он специально закончил их разговор на такой неприятной ноте. Теперь он об этом жалел. Нельзя было отвергать ее беспокойство. Им руководило чистое упрямство. Надо позвонить ей и извиниться. Он позвонит, когда вернется в город, сразу же.

Обратившись мыслями к предстоящему делу, он стал вспоминать тот день, когда в «Молочной королеве» Делрей представил ему своего нового работника. Он не показался Эззи чересчур дружелюбным, таким рубахой-парнем. Но и на сорвиголову он тоже не похож.

Конечно, Эмори Ломаке выведет из себя даже святого. Помнится, однажды он ворвался в управление шерифа, требуя, чтобы Эззи что-нибудь сделал с птицами, которые «опорожняются» на его английскую машину, стоящую на банковской автостоянке.

Эззи тогда внимательно выслушал его гневную тираду и, когда Ломаке наконец выдохся, спокойно спросил его, дей-

ствительно ли он считает, будто управление шерифа занимается перевоспитанием воробьев. Ломаке топнул ногой и выбежал из помещения, оставив всех валяться в истерике.

Нет ничего удивительного, что парню не понравился Ломаке. Он мало кому нравится. Многие из тех, кто обращается к нему за кредитами, с удовольствием его убили бы. Разница, однако, состояла в том, что Эззи не знал никого, кто до такой степени поддался бы своим эмоциям, как тот парень.

Но если Ломаке считал, что его жизни и впрямь угрожают, то почему он не сообщил об этом в полицию? Такого заявления не было, Эззи проверял. Может быть, все-таки действительно университетские друзья так пошутили, а секретарша все напутала?

Однако, как бы то ни было, нельзя, чтобы люди наставляли друг на друга ножи. С оружием шутки плохи. Вот почему он едет к Корбеттам. Если Ломаке, нанося визит Анне Корбетт, наткнулся там на работника и если один из них или оба питают к ней сильные чувства, то может случиться неприятность.

Кроме того, он нутром чувствует, что здесь все не так просто. Пусть он выжил из ума, пусть он дурак, но пятидесятилетний опыт в этих делах подсказывает, что тут что-то нечисто. Самое малое, что он может сделать, – это проверить.

Когда он прошлой ночью добрался в управление, Фостер на бегу сказал ему: «Считай себя помощником». С точки зрения закона Эззи имеет все необходимые полномочия, хо-

тя, конечно, сомнительно, что Фостер поручил бы ему разыскивать пропавшего банкира. Нуда ничего страшного. Шериф все еще занимается ликвидацией последствий бури, так что не стоит его отвлекать такими незначительными вопросами.

Несмотря на все свои болячки, Эззи был рад, что снова сидит за рулем патрульной машины. Его «Линкольн» кто-то загородил на автостоянке. Когда Эззи спросил, можно ли поехать на перерыв на патрульной машине, сидевший на телефоне помощник только махнул рукой и бросил ему ключи.

Машина была для него так же привычна, как старый фланелевый халат, который Эззи, к ужасу Кору, с десятков раз вытаскивал из груды поношенной одежды, предназначенной для благотворительной раздачи бедным. Одна только возможность снова вести полицейскую машину с лихвой оправдывала эту поездку. Ну чем бы он сейчас занимался? Или ненадолго вздремнул бы, после чего почувствовал бы себя еще более разбитым, или поехал бы посмотреть, какой ущерб буря причинила его дому, который он не знал бы, как отремонтировать, или снова стал бы ломать голову над тем, что передал ему умирающий. Кора бы этого не одобрила.

* * *

Майрон был близок к слезам.

Карл по-прежнему не возвращался, и Майрон уже сильно

беспокоился.

Кроме того, он боялся, что поступил неправильно.

Карл ведь сказал ему стрелять в каждого, кто подойдет к машине.

А он позволил человеку в машине проехать мимо и не застрелил его. Машина тогда остановилась рядом с ним, тот человек нагнулся вперед и посмотрел на него, а потом тронул с места и быстро уехал, так что Майрон не успел в него выстрелить.

Его страшило, что Карл об этом узнает. Но еще больше его страшила мысль о том, что Карл может не вернуться за ним. Тогда он останется один и не будет знать, что делать. А ведь скоро стемнеет. Уж пусть лучше Карл кричит на него и называет его кретином, но только не бросает.

Он уже думал о том, чтобы поехать в том направлении, куда ушел Карл. Можно поискать Карла. Но он не знает дороги.

Что, если он его не найдет? Что, если Карл вернется, а его нет? Тогда Карл точно рассердится на него за то, что Майрон сделал не так, как он сказал.

Поэтому он продолжал сидеть в машине, потеть и сторожить деньги.

Но в следующего, кто подойдет, он обязательно выстрелит, потому что если Карл узнает о другом, в которого он не выстрелил, то будет не так сердиться.

Придя к этому решению, Майрон не стал даже беспоко-

иться, когда увидел приближающуюся машину. Он заметил ее в зеркало заднего вида. Он не стал поворачиваться и смотреть на нее, а держал голову прямо. Машина замедлила ход и остановилась неподалеку. Майрон был рад, что она стала, потому что хотел кого-нибудь застрелить, чтобы Карл мог гордиться своим другом.

Это была полицейская машина – на ее борту были нарисованы белые с голубым буквы. На крыше находилась мигалка. Она не была включена, но буквы на борту и мигалка на крыше означали, что перед Майроном враг. Больше всего Карл ненавидит копов. Если он убьет копа, Карл будет просто счастлив.

Водитель полицейской машины открыл дверцу и вышел наружу.

– Эй, дружище, у тебя неприятности с машиной? Майрон следил в зеркале, как полицейский приближается к нему.

Вот он совсем близко, уже слышны его шаги по гравию. Майрон напряг потный палец, лежавший на спусковом крючке.

– Нужна помощь?

Когда полицейский наклонился и улыбнулся ему через открытое окно, Майрон поднял обрез и выстрелил.

* * *

Эмори Ломаке достал из нагрудного кармана пиджака

освежитель дыхания и брызнул себе в рот эссенцию мяты перечной. Посмотрев на свое отражение в зеркале заднего вида, он с удовольствием убедился, что пережитый испуг никак на нем не отразился.

Чтобы помочь пассажиру сломавшейся машины, он притормозил, но когда увидел этого пассажира, то испугался за свою жизнь. На него смотрели совершенно бесцветные глаза, розовые по краям. Бескровное лицо обрамляли жуткие белые волосы, похожие на парик в Хеллоуин.¹⁶ Эмори никогда не видел ничего подобного, и это испугало его до смерти.

К черту общественное мнение! Даже если это страшилище – клиент банка (что вряд ли – разве можно забыть такое лицо?!), то все равно надо убираться от него подальше. Выжав полный газ, Эмори не сбавлял скорости до тех пор, пока не оказался у ворот ранчо Корбетта.

Прежде чем вылезти из машины, он пригладил волосы и для тренировки изобразил в зеркале улыбку. Снаружи стояла неестественная тишина. Возле дома никого не было. Поднявшись по ступенькам, Эмори с недовольством отметил, что имущественное обеспечение займа несколько пострадало от бури, особенно конюшня. Дом, однако, как будто остался цел, если не считать разбитого окна.

Он уже собирался нажать кнопку звонка, когда вспомнил, что электричества, возможно, нет. Тогда он трижды посту-

¹⁶ Канун Дня Всех Святых, когда надевают маски, изображающие нечистую силу.

чал в дверь. Ему немедленно открыл не кто иной, как человек, которого ему меньше всего хотелось бы видеть.

– Что вы здесь делаете, Ломаке? – грубо спросил Джек.

– Хотя это и не ваше дело, я пришел увидеть миссис Корбетт. Будьте добры пригласить ее.

– Она не может подойти.

– Что значит – не может?

– Не может, и все тут. Я ей передам, что вы заходили. Наглость этого человека до крайности возмутила Эмори. Он даже не смотрит ему в глаза, а вместо этого глядит куда-то за спину, обшаривая взглядом двор.

– Прощайте.

Он попытался закрыть дверь, но Эмори сделал шаг вперед и придержал ее рукой.

– Послушайте, Джек, – насмешливо сказал он. – Я настаиваю на том, чтобы вы позвали миссис Корбетт.

– Она не может сейчас с вами увидеться. Да и наверняка не захочет.

– Откуда вы знаете, чего она хочет и чего нет? – громовым голосом спросил Эмори. – Почему вы решаете за нее?

– Я говорю вам это от ее имени. А теперь уходите. Работник гонит его прочь, словно бродячую собаку! Эмори этого не потерпит.

– Да кто вы такой, чтобы так со мной разговаривать?

– Послушайте, Ломаке, когда-нибудь мы соберемся с вами за кружкой пива и я перечислю все причины, по которым

считаю вас задницей. Но я прошу вас уехать не из-за этого. Я исхожу из ваших же интересов.

– Неужели?

– Поверьте мне.

– Нет, я вам не верю. Это в ваших интересах, чтобы я уехал.

– Пусть так. Но таково и желание миссис Корбетт.

– Миссис Корбетт! – фыркнул Эмори. – Как вежливо! И как фальшиво. Каждый в городе знает, что вы для нее делаете. Вы подобрали то, что оставил старик, верно? Вы хоть сменили простыни, когда он умер, или...

– Заткнись, или...

– Или что?

– Просто уходите.

– Я не уйду, пока не скажу миссис Корбетт, что я буду добр к ней только тогда, когда она будет добра ко мне. – Он попытался оттолкнуть работника в сторону, но тот сопротивлялся. – Я войду.

– Я не могу вас впустить.

– Я все равно войду! – Эмори надоело унижаться перед Анной Корбетт и ее работником. Он не позволит им так оскорблять себя. Если она опустилась до того, что спит со своим пастухом, то не заслуживает вежливого обращения.

Теперь все. Не хочет по-хорошему – не надо. Он будет мстить. Он потребует возвратить кредит, отберет у нее ранчо, отдаст его Конноту и станет в корпорации героем.

Он покажет глухой бабе, как его унижать! Но Эмори хотел сказать ей это в глаза, пока он зол и решимость его не остыла. Несмотря на ее глухоту, он заставит ее понять то, что скажет.

Но сначала надо пройти мимо этого парня.

– Какой-то там работник меня не остановит! – презрительно заявил Эмори.

Изо всей силы толкнув ковбоя в грудь, он с удовольствием заметил, как у того побледнело от боли лицо.

Ковбой покачнулся, и, воспользовавшись этим, Эмори протиснулся внутрь.

И его сразу же охватило смятение. Что происходит? Анна стоит на коленях.

Ребенок прижался к стене, а к его голове приставлен пистолет.

Тип с пистолетом...

С пистолетом?!

Дэвид был в ужасе – на его глазах только что застрелили человека. Он заплакал, и, должно быть, громко, потому что Карл схватил его за плечо и сильно встряхнул.

– Перестань хныкать, малыш! Слышишь? Перестань хныкать!

Анна протянула руки к сыну, и Карл толкнул его к ней со словами:

– Уйми своего ребенка!

Она не знала, что Карл собирался с ней сделать, когда поставил на колени, потому что в этот самый момент приехал Ломаке. Джек стоял к ней спиной, поэтому она не могла видеть, что он говорит, но по его позе могла догадаться, что он пытается спасти Ломакса, возможно, убеждает его уехать.

Самонадеянность этого человека сыграла с ним злую шутку: как только он ворвался в дверь, Карл сразу же убил его.

Дэвид тесно прижимался к ней, его маленькое тело содрогалось от рыданий. Джек поднес палец к губам, прося Дэвида замолчать. Тот кивнул и постарался успокоиться, но все-таки время от времени продолжал всхлипывать.

«Как быстро произошла переоценка ценностей», – думала Анна. С момента рождения Дэвида она все время боялась, что ее глухота может повредить ее сыну. Теперь это казалось чепухой. Если они спасутся, если они будут жить дальше, то

какая разница, что она не слышит?

Ей отчаянно хотелось повернуть время вспять. Всего за несколько минут до этого будущее казалось безоблачным, а теперь им грозила смерть. Почему так случилось именно сейчас, когда они с Джеком нашли друг друга?

Джек. Ему очень больно. Должно быть, когда он ударился о стену, то сломал ребро. Он по-прежнему держится за бок, а лицо его белое от боли. Анна готова поклясться, что каждый вздох причиняет ему муку. Губы у него напряжены и двигаются неестественно, хотя она может прочесть все, что он говорит, и понимает, что он пытается говорить как можно отчетливее, чтобы она могла следить за его диалогом с Херболдом.

Она также заметила, как он показывает знаками слово «нож», и вспомнила, как, очевидно, и сам Джек, что его нож все еще лежит в рюкзаке Дэвида. После того как Дэвид пометил им деревья, он попросил еще немного его поносить, на что Джек согласился при условии, что нож будет лежать в ножнах и в рюкзаке. Там он теперь и лежал – в детском рюкзачке с изображением пятнистых далматинцев.

Но как его достать оттуда, чтобы Карл этого не увидел?

Дэвид, должно быть, выронил рюкзак, когда преступник схватил мальчика при входе в дом. Теперь рюкзак вместе с ее фотоаппаратурой и корзиной для еды валялся в углу. Карл стоял между этим углом и Джеком. Анна была ближе, но все равно не могла туда дотянуться. Если она попытается, Карл

убьет Джека – в этом она не сомневалась.

Нимало не заботясь о том, что минуту назад убил человека, Карл ткнул окровавленное тело носком ботинка.

– Кто он?

Эмори Ломак лежал на полу, распростершись навзничь, его незрячие глаза были устремлены к потолку, на лице все еще сохранялось удивленное выражение.

– Он мертв, – сказал Джек. – Какая тебе разница, кто он?

– Да, в общем, никакой. – Карл мрачно посмотрел на Джека. – Помнишь, я говорил, чтобы ты меня не обманывал?

– И что же?

– А то, что этот жмурик честно сказал о ваших отношениях, не то что моя невестка.

– Не называй меня так, сукин сын, – знаками показала Анна.

– Ну и ну! Что это значит? – Смеясь над ней, он пошевелил пальцами, подражая языку жестов. – Что она сказала?

– Я не понимаю азбуку глухих, – солгал Джек. Карл ему не слишком поверил, но тем не менее с беззаботным видом пожал плечами.

– Не имеет значения. По выражению ее лица я могу догадаться, что она сказала.

Ее возмущало до глубины души, что бандит находит ее забавной.

Ей было крайне неприятно, что он передразнивает ее, как это делали жестокие дети, когда она училась в школе.

Но дать ему отповедь на языке жестов – значит предоставить лишний повод для издевательств. Она рано научилась игнорировать насмешки людей, которые в силу своей непроходимой глупости не понимают, что когда они высмеивают ее, то ставят в дурацкое положение самих себя.

– Ты соврал, чтобы защитить женщину и ребенка, – заметил Карл, обращаясь к Джеку. – Похвально. Очень похвально.

– Делай со мной все, что хочешь, – сказал ему Джек. – Я даже не шевельну пальцем, если ты их отпустишь.

– Нет! – Анна вскочила на ноги и сделала шаг по направлению к Джеку. Карл схватил ее за руку и резко развернул к себе.

– Куда это ты собралась? Если тебе так нужен мужчина, то я здесь. – Он рывком подтянул ее к себе. Не дрогнув, она с ненавистью смотрела на него. – Что же в тебе такого особенного, а? Один мужик из-за тебя ломает двери, другой готов за тебя умереть. Должно быть, у тебя течка – вот что я думаю. Ты выпускаешь запах, на который они сбегаются. – Он пристально посмотрел на нее. – Ты понимаешь, что я говорю? Ты, наверное, одна из тех, кто... как это называется?.. читают по губам. Ты читаешь по губам, милочка?

Она ответила ему непонимающим взглядом.

– Готов поспорить, что ты все прекрасно поняла.

Он провел рукой по ее груди, затем просунул ее между ног Анны. Она инстинктивно сжала бедра и ударила его по

рукам, что вызвало у Карла только смех.

Анна ощутила на лице его дыхание, но не стала доставлять ему удовольствия и не отвернулась, даже после того как Карл поднес пальцы к носу и демонстративно их понюхал.

– Как пахнет! – с непристойной усмешкой произнес он.

Анна почувствовала приближение Джека на долю секунды раньше, чем он набросился на Карла. Карл ударил его в висок рукояткой пистолета, и Джек упал на пол.

Анна присела рядом с ним на корточки. От удара на виске образовалась глубокая рана, из которой обильно сочилась кровь. Дэвид снова начал плакать.

Превозмогая боль, Джек протянул руку к Дэvidу и постарался его успокоить. Однако, разговаривая с мальчиком, поглаживая его по голове, он все время смотрел на Анну. Она еще не видела у Джека такой нежной и такой печальной улыбки. Она, казалось, говорила о том, что жизнь его подошла к концу, но эти последние секунды несут с собой то лучшее, что он мог от нее ожидать. Эта улыбка разбивала ей сердце.

Она хотела бы сказать ему, что все будет в порядке. Она всем сердцем хотела бы верить в лучшее. Но вместо этого она прижала пальцы к его губам и почувствовала, что он шепчет: «Я тебя люблю», – как это было сегодня утром, в другой жизни.

Отведя ее руку от Джека, Карл грубо поднял Анну на ноги.

– Мне не хочется прерывать эту трогательную сцену, но я пришел сюда только с одной целью – отомстить моему старому отчиму.

– Ты опоздал, – сказал Джек.

– Чтобы убить его – да. Однако это не значит, что я не могу получить некоторое удовлетворение, наказав тех, кого он после себя оставил.

– Если ты пришел нас убивать, то почему уже не убил?

– Ты так торопишься умереть?

– Мне просто интересно.

Карл пожал плечами:

– Наверно, это справедливо. Видишь ли, я хочу словить кайф. В тюрьме я долгих двадцать лет ждал этого дня. Я хочу растянуть удовольствие, как я это сделал с Сесилом. За свою трусость он заслужил медленную, мучительную смерть, и он ее получил. Чертовски жаль, что я не могу убить Делрея Я бы ему отплатил за все те годы, что он надо мной издевался. Хорошая новость – в том, что он мертв. – Он навел пистолет на Джека. – Плохая – в том...

– Плохая новость в том, что твой партнер, кажется, напал на неприятности.

Джек кивнул в сторону открытой двери, и Анна с Карлом одновременно посмотрели туда.

На пороге стоял бледный человек и улыбался сквозь текущую по лицу кровь.

– Привет, Карл.

– Господи, Майрон!

* * *

Схватив Майрона за перед окровавленной рубашки, Карл втоптал его в дом. Выглянув за дверь, он увидел только потрепанный оранжевый пикап и сверкающий «Ягуар», очевидно, принадлежавший жмурику.

– Где машина, Майрон? – орал Карл.

– Машина?

Захлопнув дверь, Карл набросился на Майрона.

– Что случилось? Почему ты бросил машину? Где деньги?

Идиотская ухмылка слетела с лица Майрона.

– Деньги?

– Деньги из банка, Майрон! Господи! Зачем ты их оставил?

Возбужденный Майрон провел рукавом рубашки по лицу, размазывая по нему кровь и пот.

– Я застрелил того человека, как ты мне велел.

Карлу захотелось его убить. Он мысленно представил, как хватает Майрона за длинную, тощую шею и сдавливает ее до тех пор, пока его странные глаза не вылезают из орбит. Он увидел, как снова и снова стреляет ему в лицо до тех пор, пока оно не превращается в розовое месиво и идиотское выражение нельзя будет разглядеть.

Но пока он не узнает насчет денег, Майрона нельзя уби-

вать. Он несколько раз глубоко вздохнул и, немного успокоившись, спросил:

– Майрон, что ты сделал с деньгами?

– Они в багажнике.

– А где машина?

– Сам знаешь, Карл.

– В том самом месте, где я ее оставил?

– Ага.

– А твои пистолеты?

Майрон ответил ему бессмысленным взглядом.

– Твои пистолеты, твои пистолеты! – закричал на него

Карл.

Майрон чуть не плакал.

– Должно быть, я их потерял.

И снова Карл почувствовал почти непреодолимое желание убить его голыми руками. Все оружие, за исключением своего пистолета, он оставил с Майроном, не желая идти нагруженным, чтобы какой-нибудь назойливый тип не предложил его подбросить. Теперь у него остался только один вшивый пистолет с несколькими патронами – и все по вине Майрона.

Кипя от гнева, он все же постарался подавить его, чтобы узнать, что произошло.

– Расскажи мне, что случилось, Майрон.

Дебил снова заулыбался.

– Я застрелил...

– Кого?

– Копа. Он подошел к машине. Ты мне велел стрелять в каждого, кто подойдет к машине.

– Ты молодец, Майрон.

– Я снес ему голову из дробовика.

Ребенок снова стал хныкать. Его вой все больше раздражал Карла, и он уже хотел припугнуть его, чтобы тот замолчал, но решил, что сначала надо выяснить, как Майрон получил пулю в плечо и длинную царапину над правым ухом.

Причем это надо сделать поделикатнее. Если он будет давить на Майрона, тот еще больше запутается, и тогда вообще ничего из него не вытянешь.

– Кто в тебя стрелял, Майрон?

– Коп.

– Тот, которого ты застрелил?

– Нет, другой.

Карл нервно сглотнул.

– Значит, их было двое.

– Ага, Карл. Один оставался в машине. Когда я застрелил первого, тот, что в машине, вышел и начал в меня стрелять. – Повернув голову, он посмотрел на раненое плечо. – Очень болит.

– Мы потом найдем для тебя лекарство. Что случилось со вторым копом? Он тоже мертв?

– Наверно. Я его застрелил.

– Ты застрелил его, но не знаешь, умер он или нет? Ты не

проверил? Ты ушел, не убедившись, что они оба мертвы?

– Он кричал, – неуверенно ответил Майрон.

– Значит, кричал, – схватившись за голову, сказал Карл. –

И ты оставил там деньги.

– Я испугался, Карл. У меня болела рука. Я пошел тебя искать. Извини, что я забыл про деньги. Ты сердишься на меня, Карл?

– Заткнись! – крикнул Карл. – Заткни хлебальник и дай мне подумать!

Это серьезный прокол. Что теперь делать? Можно забыть о мести, сейчас же уйти и вернуться к машине, к деньгам. Но что, если кто-нибудь будет проезжать мимо и найдет убитых колов? Или одного убитого копа? Второй мог остаться в живых. С одним револьвером в любой перестрелке его могут смертельно ранить или убить. Это не решение.

Кроме того, вряд ли можно доверить Майрону держать оборону даже на то время, какое нужно, чтобы Карл мог просто улизнуть. Майрон ведь полный кретин. Как только Карл уйдет, этот парень – работник или кто он там – сразу же разделается с Майроном. У него хватит на это смекалки. Он перехитрит Майрона только так. А потом бросится за Карлом и вызовет копов или еще как-нибудь ему помешает.

Если они с Майроном здесь всех перестреляют, то могут вернуться к машине вместе, но лишь господь бог знает, что их там ждет, – вооружен из них только один.

А если они здесь всех убьют, то у них не будет заложников,

чтобы торговаться. Боже, что делать?

«Думай, Карл, думай. Ведь это у тебя хорошо получается».

Правда, в такой переплет он еще никогда не попадал. Может быть, Сесил мог бы что-нибудь тут придумать. Но Сесила нет. Карл его убил.

Нет, лучше не вспоминать об этом, потому что тогда начинают плавиться мозги.

Но как можно о чем-то думать, когда ребенок все время нычет? Это кого угодно сведет с ума. В припадке раздражения он круто развернулся и направил пистолет на плачущее дитя.

* * *

– Убит полицейский!

Эззи был так погружен в свои мысли, что эти слова не сразу дошли до его сознания. Но спустя несколько секунд он рывком выпрямился на сиденье и прибавил громкость.

– Убит полицейский!

Эззи взял в руки микрофон.

– Это Би-си-четыре. Кто говорит? Высокочастотные радиостанции стали применяться в округе несколько лет назад. Хотя в некоторых случаях использовался десятичный код, в основном сообщения передавались голосом.

Каждое подразделение обозначалось определенным соче-

танием букв и цифр.

Вместо ответа раздался тихий стон, поэтому Эззи повторил свой вопрос погромче, более настойчивым тоном:

– Ты меня слышишь?

– Кажется, Джим убит.

Эззи поспешно сделал несколько умозаключений. Кроме Джима Кларка, в управлении нет другого Джима. Его напарником был относительно новый человек, почти мальчик, по имени Стив Джонс. Он явно в смятении, возможно, ранен и очень испуган.

– Стив, это ты? – спокойно спросил Эззи.

Снова стон, но на этот раз он прозвучал утвердительно.

– Эззи! – раздался в динамике чей-то голос. – Эззи Хардж!

– Выруби проклятое радио, чтобы я мог поговорить с этим ребенком! – рявкнул Эззи на вклинившегося в разговор диспетчера.

– Где ты находишься?

Окружная дорога номер четырнадцать-двадцать, – нетерпеливо ответил он. – Направляюсь к востоку. Освободи эфир.

– Джим выходил на связь несколько минут назад, – сообщил голос. – Сказал, что находится в сорок шестом квадрате на дороге четырнадцать-двадцать к югу от Речного шоссе. Они собирались остановиться, чтобы проверить, что случилось. Серая «Хонда Сивик». Техасские номера «Гарри Гэри Роджер пять-пять-три».

– Я в квадрате десять-четыре, – сказал Эззи. – Я практически на месте.

– Эззи, ты не...

– Стив Джонс! – перебив его, позвал Эззи. – Слушай, сынок, я еду. Держись, слышишь?

Ответа не последовало. Выругавшись, Эззи придавил к полу акселератор и проскочил стоп-сигнал на пересечении шоссе штата с Речным шоссе. Через несколько секунд он заметил машину управления шерифа, стоявшую возле серой «Хонды». Обе двери патрульной машины были распахнуты настежь. О случившейся трагедии свидетельствовало только распростертое на дороге тело. Над ним уже вились стервятники.

Резко затормозив, Эззи остановился сразу за патрульной машиной. Открыв дверцу, он присел за ней и вытащил пистолет, затем посмотрел на лежащее на дороге тело.

Да, это Джим. Даже родная мать не узнала бы его по развороченному выстрелом лицу, но по ботинкам парня можно было опознать. Дорогим ботинкам от Люккезе, которые он всегда носил и постоянно старался начистить до блеска. Их повернутые к небу острые носки были забрызганы кровью.

Эззи выполз из-за своего укрытия и, пригнувшись, побежал ко второй патрульной машине. Забежав к ней справа, он взглянул на пассажирское сиденье. Свесившись наружу, там лежал юный помощник шерифа.

Эззи поспешил к нему. В безжизненной руке парень сжи-

мал микрофон. На дороге собралась уже большая лужа крови, вытекавшей из его колена, видимо, разбитого выстрелом из дробовика. Мальчишка был в полубессознательном состоянии.

Эззи слегка похлопал его по щекам.

– Стив, это Эззи. Помощь сейчас придет, сынок. Куда он ушел?

За все время своей службы Эззи еще не видел, чтобы кто-то, застрелив копа или двух, бросил свою машину и ушел пешком. Даже если предположить, что машина убийцы сломана, то почему он не взял патрульную машину, чтобы проехать хотя бы несколько миль? Все это было совершенно непонятно.

Юный Джонс, кажется, был в шоке. Лицо его было белым как мел и все покрыто каплями пота.

– Он убил Джима? – стиснув зубы, чтобы они не стучали, спросил он.

– Боюсь, что так, сынок.

– Он странный. Как... как привидение.

Сердце Эззи замерло, потом, пропустив несколько ударов, забилось как бешеное.

– Такой высокий, нескладный парень? Джонс кивнул:

– Мне отрежут ногу?

– Нет, с тобой будет все в порядке, – сказал Эззи, хотя на самом деле не был в этом уверен. – Тот парень был один?

– Да. Возьми его, Эззи.

Эззи надеялся, что юный помощник так и скажет.

– Может, мне подождать, пока...

– Нет. Возьми его. Он пошел... вон туда. – Движением подбородка он указал направление.

– Пешком?

– Он истекал кровью. Думаю, я его подстрелил. Эззи хлопал его по плечу.

– Ты хорошо поработал, сынок.

На глазах Джонса появились слезы.

– Я дал ему убить Джима.

– Ты ничего не мог сделать.

Снова заверив парня, что помощь скоро придет, Эззи вернулся в свою машину. Артрит давал о себе знать, болью отдаваясь в коленных чашечках. Но по крайней мере у него пока оба колена целы.

По радио он проинформировал другие подразделения о том, где точно произошла перестрелка.

– «Скорая» уже в пути, – заверили его.

– Понадобится еще и коронер. Действуйте предельно осторожно. Подозреваемые все еще находятся поблизости, без машины, но они вооружены и очень опасны. Возможно, это сбежавшие заключенные Майрон Хаттс и Карл Херболд.

– Эззи, это шериф Фостер, – сказал тот своим командным голосом. – Ты все еще на месте преступления?

Эззи не ответил, даже после того как шериф повторил свой вопрос. Отключив радио, он тронул с места, объехав по

дороге тело Джима Кларка. Он боялся ехать слишком быстро, чтобы не сбиться со следа, но и слишком медленно двигаться было нельзя, иначе он мог их упустить.

Глядя по сторонам, Эззи надеялся увидеть Майрона Хаттса. И вдобавок очень рассчитывал, что увидит его раньше, чем тот сам его заметит. Теперь для него или для Карла Херболда неважно, убьют ли они еще одного копа.

Хотя, если Карл Херболд сумеет выполнить свои угрозы... Какой праздник будет для всех преступников, если Карл убьет законника, который в первый раз посадил его в тюрьму! Карл станет у них героем.

Эззи невесело засмеялся. Если он позволит Карлу себя убить, Кора никогда его не простит.

Въехав на холм, он увидел справа ранчо Корбетта. Перед домом стоял грузовик и рядом с ним – «Ягуар», принадлежащий Эмори Ломаксу. Чрезвычайное происшествие заставило его забыть об этой проблеме. Он...

Эззи так резко затормозил, что машину занесло. Он чуть не упустил след – по высокой траве капли крови вели прямо к дому.

Эззи вышел из машины и, достав пистолет, присел возле столба, поддерживавшего железную арку.

И услышал выстрел.

– Следующая пуля достанется ребенку, если он не перестанет хныкать. – Карл разрядил пистолет в стену, причем пуля пролетела рядом с головой Дэвида.

И тогда Джек понял, что ему нужно убить этого человека.

Конечно, надо бы попытаться найти какое-то другое решение. Не мешало бы каким-то образом предотвратить кровопролитие. Но сейчас, лежа на полу, он глядел на Карла Херболда и с неотвратимой ясностью понимал, что теперь у него не остается другого выхода.

Он сразу почувствовал себя очень старым. Смертельно уставшим. Побежденным. Ему хотелось погрозить кулаком богу и спросить, за что же с ним так поступили.

Однако времени на подобные рассуждения не было. Джек попробовал урезонить бандита:

– Ему же всего пять лет. Он испуган. Ты ведь только что на его глазах хладнокровно застрелил человека. А твой друг совсем не похож на случайного прохожего. Так чего же ты ждешь от ребенка?

– Я жду, чтобы он заткнулся! – крикнул Карл.

– Ты больше шумишь, чем он.

– Да кто тебя спрашивает!

– Дай матери отнести его наверх и уложить в постель.

– Ты меня за дурака принимаешь? Она должна оставаться

у меня на виду.

– Телефоны отключены. Света нет. Что она может сделать?

– Я сказал «нет».

– Можно дать ему что-нибудь попить. На кухне...

– Все остаются на местах, чтобы я мог видеть. Джек взглянул в угол.

– Может быть, ему стоит поиграть. В его рюкзаке есть игрушки.

Раздраженный настойчивостью Джека, Карл немного подумал и махнул рукой Майрону:

– Принеси ребенку рюкзак.

Наклонившись, Майрон поднял рюкзак и отнес его Дэвиду.

Дэвид глядел на Майрона с ужасом. Джек был рад, что мальчик отвлекся, так как появился повод для того, чтобы отдать рюкзак не ему, а Анне.

Быстро взглянув на Джека, она расстегнула рюкзак и сунула руку внутрь.

– А теперь чтобы он не пискнул! – зло проговорил Карл.

– Неужели от того, что ты нас терроризируешь, твое положение станет лучше? – спросил Джек.

– Что ты знаешь о моем положении? – огрызнулся Карл. И тут же добавил: – Что ты хочешь этим сказать?

Анна достала из рюкзака фигурку воина с мечом в одной руке и щитом в другой и помахала ею перед Дэвидом. Маль-

чик улыбнулся и протянул к ней руку.

Каждое слово отдавалось жгучей болью, но Джек знал, что этот диалог помогает им выиграть драгоценное время.

– У тебя большие неприятности, Карл. Могу сказать, о чем ты сейчас думаешь.

Карл взглянул на него с угрозой.

– Черта с два! Ты ничего обо мне не знаешь.

– Я знаю, что ты готов был убить своего партнера. Держась за раненое плечо, Майрон привалился к стене и тупо смотрел на Дэвида, игравшего с римским воином.

Казалось, он не слышал слов Джека. Лежавшее на полу тело Ломакса, через которое Майрону пришлось дважды переступить, чтобы принести рюкзак, тоже не вызывало у него никакого интереса.

– Майрон разрушил весь твой план и этим привел тебя в бешенство, – сказал Джек. – Но ты не можешь его ликвидировать. Даже раненый, он может тебе понадобиться, если ты вернешься за деньгами.

Когда Карл посмотрел на Майрона, Джек понял, что он на верном пути.

– Тебе надо было убить нас раньше.

Карл взвесил в руке пистолет:

– Из того, что ты сказал, это самое разумное.

– Потому что теперь слишком поздно.

– Ладно, хитрожопый. Скажи, почему поздно.

– Потому что если этот второй коп остался в живых...

– Он не остался.

– Но ты думаешь, что мог и остаться, верно, Карл? По крайней мере, ты знаешь, что это вполне возможно.

Пусть теперь Карл немного над этим поразмыслит. Опустив руку в рюкзак, Анна достала оттуда кусок пластилина и прилепила его к колену Дэвида.

– Сейчас этот полицейский вызвал помощь, – продолжал Джек. – Через несколько минут копы будут у тебя на хвосте, и тогда тебе понадобятся заложники. Без заложников у тебя не будет шансов вырваться отсюда. Мертвые мы для тебя бесполезны. Конечно, ты можешь взять машину Ломакса и сам вернуться за деньгами, а потом сбежать, оставив бедного Майрона расхлебывать всю кашу. Для тебя это мог бы быть вариант. – Джек нахмурился. – Но у него есть один большой недостаток. Ты не хочешь рисковать. Ты боишься, что, вернувшись к своей машине, сразу нарвешься на копов. Скверное дело для человека с одним пистолетом.

– Как же, боюсь я этих законников! – фыркнул Карл. – Я побью их одной левой.

– Я так не думаю, Карл. И ты тоже.

– Не решай за меня, ладно?

– Если бы тебя это не волновало, ты был бы уже далеко отсюда. Однако ж ты здесь.

– Если ты такой умный, то почему я стою с пистолетом, а ты лежишь безоружный?

– Хочешь знать мое мнение, Карл?

– Мне на него наплевать.

– Ты ведь не убил Дэвида, когда он плакал. Ты не убил меня, хотя я тебя изо всех сил провоцировал. Я думаю, ты знаешь, что твое время истекло, и беспокоишься о будущем. О том, что от него осталось. А может, страшишься того, что будет после смерти. По сути, ты ведь трус.

Карл попытался ударить его ногой, но Джек был наготове и схватил его за каблук. В этот момент Анна вонзила нож ему в бедро. Забрызгивая стену, кровь хлынула мощной струей.

Карл закричал.

Джек опрокинул его на спину.

– Беги, Анна! – крикнул он.

Она не могла его слышать, но среагировала с необыкновенной быстротой. Схватив Дэвида на руки, она перескочила через тело Ломакса и бросилась к двери, которую распахнул перед ней Джек.

– Майрон! – рявкнул Карл.

Подбодренный его неистовым криком, Майрон прыгнул вперед. Джеку показалось, что на него свалился мешок с цементом. Под этой тяжестью он упал на пол лицом вниз, причем Майрон оказался сверху.

– Возьми пистолет, Майрон!

Карл, с упорством маньяка пытавшийся остановить фонтан крови, который бил из поврежденной артерии, подтолкнул пистолет к Майрону. Но когда тот протянул руку к пистолету, Джек вывернулся из-под него и бросился в угол, а

там, схватив единственное оказавшееся под рукой оружие, перевернулся на спину.

Майрон направил пистолет в угол.

Джек нажал кнопку фотовспышки, и аппарат выстрелил мириадами сверкающих огней.

Ослепленный ярким светом, Майрон попал в стенку. Второй выстрел угодил в люстру, так как Майрон на миг инстинктивно поднес руку к глазам, чтобы заслонить их от вспышки. На пол посыпалось разбитое стекло.

Не теряя времени, Джек вскочил на ноги. Пока у Майрона пистолет, он будет стрелять и стрелять. Опустив голову, он изо всех сил ударил ею Майрона в живот. Альбинос покачнулся назад, и его голова с неприятным стуком ударилась о стену.

Джек схватил Майрона за руку и, сдавив, сильно встряхнул, а затем несколько раз ударил ею о стену.

Силы Джека были уже на исходе, когда длинные пальцы Майрона разжались и пистолет упал на пол. Джек ногой отшвырнул его к двери, а потом ребром ладони ударил Майрона по шее. Потеряв сознание, тот рухнул на пол.

Обернувшись, Джек увидел, что Карл, зажимая рукой рану на ноге, ползет по полу. Джек, который уже собрался было бежать из дома, вдруг понял, что нужно Карлу.

Ему нужен нож Джека. Анна, должно быть, в спешке его выронила, и теперь он лежал всего в нескольких сантиметрах от его руки. Бросившись туда, Джек опередил его на ка-

кую-то долю секунды.

Перевернув Карла на спину, он прижал его к полу, навалившись одним коленом ему на грудь, другим – на его правую руку. Отливающее синевой острие ножа уперлось в шею преступника.

– Нет, пожалуйста, не надо! – захныкал Карл. После борьбы с Майроном дыхание Джека было частым и прерывистым. Но он уже забыл о сломанном ребре и множестве мелких ссадин, которые получил во время схватки.

Он чувствовал себя бодрым, полным энергии и жаждущим крови.

За все преступления, которые Карл Херболд совершил против невинных людей, даже за те преступления, которые он совершил против не совсем невинных, он должен заплатить жизнью.

– Тебя мало убить!

Джек сильнее надавил ножом на шею Карла. Острие прорвало кожу, и по лезвию побежали капельки крови. Молотя по полу здоровой ногой, Карл молил о пощаде.

Искушение казалось непреодолимым. Справедливость была на стороне Джека, он имел полное моральное право вонзить сверкающее острие в горло Карла.

– Сейчас я отправлю тебя к дьяволу, сукин сын!



Расстояние между железными воротами и домом составляло по меньшей мере семьдесят пять метров в основном открытом пространстве. В поисках укрытия Эззи перебежал от одного дерева или куста к другому. Когда до цели осталось совсем немного, он, чтобы отдышаться, остановился возле большого орехового дерева, на котором были укреплены детские качели. Из дома доносились громкие голоса, но на таком расстоянии Эззи не мог разобрать слов.

Проверив свой пистолет, он вышел из-за дерева. В этот момент из дома донесся душераздирающий вопль и кто-то крикнул: «Беги, Анна!»

Секундой позже из передней двери выскочила Анна Корбетт с ребенком на руках. Она мчалась сломя голову, словно от этого зависела ее жизнь, и Эззи был уверен, что так оно и есть. Сбежав по ступенькам, она побежала через двор. Эззи встретил женщину на полпути между припаркованными машинами и домом. Ему пришлось силой затолкнуть ее за оранжевый пикап.

Она бешено сопротивлялась до тех пор, пока не узнала Эззи и не поняла, что он пытается ее защитить.

– С вами все в порядке, с вами все в порядке!

Ребенок плакал. Прижимая сына к себе, Анна похлопывала его по спине, но все время с тревогой оглядывалась на

дом, и Эззи гадал, кто остался внутри. Работник? Ломаке? Хаттс – и кто еще? Херболды? Сможет ли она ему что-то объяснить, если он спросит?

Один за другим раздались два выстрела.

– Господи боже! – пробормотал Эззи. На вопросы времени не оставалось.

Взяв Анну за подбородок, он повернул ее лицо к себе и приказал:

– Оставайтесь здесь!

Обойдя грузовик, он стремительно перебежал к крыльцу и, присев возле ступенек, стал невидимым для находившихся в доме. Это просто чудо, что он сумел пробраться так далеко и не получил пулю, привалившись к стене, думал Эззи. Его критики, пожалуй, правы. Он слишком стар для таких дел.

Сделав несколько глубоких вдохов, он постарался успокоить сердце.

Из открытой двери доносились звуки борьбы – удары, пыхтение и стоны. Эззи чуть-чуть приподнял голову над крыльцом. В ту же секунду из дверей вылетел пистолет и, пролетев всю веранду, упал примерно в полтора метрах от Эззи.

Эззи с изумлением уставился на оружие. Что за чертовщина?

Пистолет находился вне его досягаемости. Он не может забрать его, не обнаружив себя. А Эззи не хотелось этого де-

лать. Может, работнику Анны и было бы приятно узнать, что он не один, но, пока преступники не знают о присутствии Эззи, у него есть перед ними небольшое преимущество.

Он все еще раздумывал над своими дальнейшими действиями, когда из двери, пошатываясь, вышел мужчина, которого, как внезапно вспомнил Эззи, зовут Джек. Согнувшись чуть ли не вдвое, он неверными шагами пересек веранду и каким-то чудом спустился по ступенькам. Держась за правый бок, он пошел через двор на подгибающихся ногах, которые, казалось, в любой момент могли его подвести.

«Слава богу», – подумала Анна, когда Джек появился в дверях. У него болит сломанное ребро, голова испачкана кровью Карла Херболда, лицо поцарапано, но он жив, и это главное.

Она боялась, что он не удержится на ногах и упадет. «Еще несколько метров, Джек, и ты будешь с нами».

Он уже почти поравнялся с машиной Ломакса, когда на пороге показался Карл.

Окровавленной рукой он с трудом держался за косяк.

Его правая штанина пропиталась кровью, а лицо было бледным, как у трупа. Под запавшими глазами лежали темные круги. Губы казались бескровными. Жизнь уходила из него.

Но он был еще жив. У него хватило сил податься вперед, нагнуться и поднять лежавший на веранде пистолет. Он смог прицелиться.

Выскочив из-за грузовика, Анна протянула руки к Джеку. Он с улыбкой посмотрел на нее.

Предупреди его, Анна, предупреди!

Как будто она уже миллион раз произносила его имя, ее язык и губы тут же заняли правильное положение.

Конечно, годы тренировки нельзя просто так сбросить со счетов. Терпение преподавателей тоже кое-что значит.

Бесконечно повторяемые звуки, которые Анна никогда не услышит, сейчас послушно всплыли в ее памяти.

Но без любви, без всепоглощающего желания помочь Джеку она так и осталась бы немой.

– Джек!

Время остановилось. На лице Джека появилось удивление, глаза его загорелись, на губах заиграла улыбка. Сознание Анны лучше любого фотоаппарата сразу же запечатлело этот образ, который останется с ней навсегда.

И тут время снова помчалось вскачь. Когда пуля, выпущенная из пистолета Карла, попала Джеку в спину, выражение радости на его лице сменилось гримасой боли. Инстинктивно вскинув руки вверх, он покачнулся и упал – сначала на колени, потом, не удержавшись, рухнул лицом вниз.

Закричав, Анна ринулась к Джеку, но тут увидела согнувшегося возле крыльца Эззи Харджа, который отчаянно махал ей рукой, призывая отступить и спрятаться за машиной.

Карл снова поднял пистолет. На сей раз он целился в Анну.

* * *

Едва работник исчез за дверью, Карлу стало стыдно за то, что он так хныкал и пресмыкался перед ним. Он вел себя ничуть не лучше Сесила.

Положение у него было хуже не придумаешь. Он истекал

кровью, и, если ее сейчас не остановить, он скоро умрет.

Однажды Карл уже видел, как умирал парень, которому попали заточкой в печеньку. Эта ссора Карла не касалась, так что он ничего не сделал, чтобы прекратить драку или помочь пострадавшему. Он просто стоял рядом вместе с остальными, заключая пари о том, сколько это продлится, и глядя, как течет по полу кровь парня.

Он не желал бы себе такого конца. Он вообще не хотел умирать, и точка. И уж во всяком случае, обидно умирать, не прихватив с собой этого гада.

Он заставил себя поползти к двери. Майрон был без сознания, челюсть его безвольно отвисла. Жаль упускать такую удобную возможность убить его за глупость, за то, что он испортил Карлу все его планы. Но сейчас нельзя тратить время на Майрона. Сейчас каждая секунда на счету.

Он хотел замочить этого говорливого сукина сына, который решил, что сделал ему большое одолжение, оставив в живых. Карл предпочел бы, чтобы ему перерезали горло. Как будто он нуждается в чьей-то жалости! Только не он. Только не Карл Херболд.

Он прополз мимо задницы, которая привела сюда «Ягуар».

Следующая остановка – открытая дверь. Но добраться туда – все равно что переплыть Ниагарский водопад. Каждая секунда сродни вечности. Несколько раз он уже почти терял сознание. Лишь желание убить держит его на плаву. Ну вот

наконец он у цели.

Собрав все силы, Карл схватился за косяк и подтянулся. Ноги были уже холодными и безжизненными. Встав на ноги, он заметил пистолет. Он казался бесконечно далеким, хотя лежал на веранде всего в нескольких футах.

У него нет ни времени, ни сил перезарядить пистолет. Сколько выстрелов он сделал? Три? Четыре? Осталось по меньшей мере две пули, подумал он. Может быть, три. Но все это не имеет значения, если он не доберется до пистолета.

Удерживаясь на ногах с помощью одной только воли, он перешагнул через порог. Испытывая невероятное возбуждение, он смог нагнуться и поднять пистолет. Прицелиться стоило бесконечных усилий, но он это сделал – боже мой, сделал! – и наставил пистолет в спину работнику.

Боковым зрением Карл заметил, как из-за машины появилась женщина.

– Джек!

Они его обманули! И Сесила тоже. Как дураки, они поверили, что она глухонемая. Гребаный Сесил! Он проглотил эту фальшивку и скормил ее Карлу, и тот, как последний идиот, тоже на нее купился.

Джек. Ведь так она сказала? Джек. Хорошее имя для обманщика.

Улыбаясь тому, что последнее слово осталось за ним, Карл нажал на спусковой крючок.

Работник упал. Карл слегка передвинул руку вправо и

прицелился в суку, которая обвела их вокруг пальца.

Отвлекая внимание Херболда от Анны, Эззи встал из-за крыльца.

– Эй, Карл, ты меня помнишь?

У Карла от изумления отвисла челюсть. Он не подозревал, что здесь есть кто-то еще, тем более один из его заклятых врагов.

– Брось пушку, – спокойно сказал Эззи, надеясь, что Карл этого не сделает.

Так и вышло. Бандит выстрелил.

Эззи одновременно нажал на спусковой крючок своего «ноль триста пятьдесят седьмого».

Но его рука дрогнула, пистолет выпал из нее и упал на клумбу. Пуля ударилась о колонну, расколов дерево и не причинив Карлу никакого вреда.

Карл засмеялся. Эззи с тоской посмотрел на свой пистолет.

* * *

Джек повернулся на бок как раз в ту секунду, когда Эззи Хардж и Карл Херболд одновременно выстрелили друг в друга.

Он не стал раздумывать, не стал колебаться. Он не стал вспоминать ни бога, ни дьявола, не стал оценивать обстоятельства. Он сделал так, как подсказал ему инстинкт.

Он метнул свой нож.

* * *

Нож попал в Карла в момент следующего выстрела. Он вонзился в его грудь так глубоко, что снаружи осталась только вибрирующая рукоятка.

Несколько секунд Эззи не мог сообразить, почему остался жив.

Судя по выражению лица Карла, он тоже ничего не мог понять.

Эззи тупо смотрел на нож.

Опустив голову, Карл увидел вонзившееся ему в грудь лезвие и раскрыл рот, чтобы закричать, но оттуда вырвалась только струйка крови.

Он стал падать и умер прежде, чем оказался на полу.

Эззи, чудом избежав смерти, посмотрел во двор, где Анна Корбетт стояла на коленях возле Джека, прижав к себе его голову. Стоявший рядом с ней ребенок плакал. Но ноги мужчины двигались. Он был жив.

Достав свой пистолет из зарослей петуний, Эззи поднялся по ступенькам и остановился; чтобы взглянуть на Карла. У него всегда было большое самомнение. Он ужасно разозлился бы, если бы узнал, что после смерти будет выглядеть некрасиво. Но сейчас у него на лице было совершенно глупое выражение.

Пройдя мимо него, Эззи осторожно вошел в дом. В передней Анны Корбетт было как на бойне – такой же вид и запах. Ломаке лежал на спине, очевидно, убитый выстрелом в грудь.

Майрон Хаттс притулился возле стены, скорчившись в позе эмбриона, и что-то тихо бормотал.

Эззи с опаской приблизился к нему, но Майрон не оказал никакого сопротивления.

– Дай мне руки, Майрон, – опустившись рядом с ним на колени, сказал Эззи.

Хаттс послушно протянул ему руки, и Эззи защелкнул на них наручники, а затем спрятал в кобуру пистолет.

– Карл на меня сердится?

– Карл умер.

– Ох!

– Ты истекаешь кровью, Майрон.

– Очень болит.

– Ты можешь встать?

– Могу.

Эззи помог ему подняться на ноги и повел к двери. На Ломакса Майрон даже не взглянул и, казалось, не заметил Карла, лежавшего за порогом.

– Можно мне съесть «Пэйдэйз»?

– Конечно, Майрон.

– А «Попсикл»?

– Когда мы приедем в больницу, я посмотрю, что можно

сделать.

По подъездной дорожке уже мчались патрульные машины и «Скорые». Эззи с удивлением понял, что прошло всего несколько минут с тех пор, как он подъехал к воротам.

Его не удивило бы, если бы он узнал, что прошел миллион лет.

Казалось, миновала целая вечность.

Он подвел Майрона к двум полицейским, которые зачитали ему права, в то время как врачи уже обрабатывали его рану.

Майрон все говорил им об обещанном леденце.

Врачиха из «Скорой помощи» приказала Эззи прилечь на веранде, пока не принесут носилки.

– Это еще зачем? – раздраженно спросил он. Молодая женщина посмотрела на него с недоумением.

– Но ведь вы ранены, сэр.

Только тогда Эззи обратил внимание на ноющую боль в правой руке.

– Вот черт! – Но на самом деле он был рад, что Карл попал в него. Он-то думал, что выронил пистолет просто по небрежности или что руки затряслись от старости.

Он громко засмеялся, и молодая врачиха посмотрела на него с тревогой.

– Нет, юная леди, я не сошел сума, – сказал Эззи. Принесли носилки, но он отказался на них ложиться, сказав, что сам пройдет небольшое расстояние до машины.

– Эй, Эззи! – Шериф Рон Фостер догнал его и пошел рядом. – С тобой все в порядке?

– Не могу пожаловаться.

– Ты сделал огромное дело, Эззи. Большое дело. Отмахнувшись от комплимента, он спросил:

– Как там Стив Джонс?

– Ему пытаются спасти колено, но в остальном все нормально.

– Он хороший полицейский. Жалко Джима.

– Да.

– А как насчет его? – Он посмотрел на человека, который спас ему жизнь и которого сейчас грузили в санитарную машину. Анна Корбетт и ее мальчик прижимались к носилкам.

– Без сознания. Возможно, внутреннее кровотечение. Он в тяжелом состоянии.

У Эззи перехватило горло.

– Если бы не он, я бы погиб.

– Как только доктора заштопают твою руку, я хотел бы узнать, что случилось.

– Я не знаю, что происходило внутри, – сказал Эззи. – Но дело, видимо, приняло скверный оборот. Это чудо, что они остались живы.

До машины «Скорой помощи» осталось уже немного. Он не станет унижаться и просить носилки, от которых отказался, но он потерял больше крови, чем показалось сначала, и сейчас у него немного кружится голова. Ноги передвигаются

с усилием.

– Пока у нас не будет переводчика, я не могу допросить миссис Корбетт, но когда я спросил мальчика, что случилось, он сказал, что плохой дядя застрелил мистера Ломакса и ранил Джека и что его мама ударила плохого дядю ножом в ногу.

– Анна его ударила ножом?

– Ножом Джека.

– Знаменитый нож! – пробормотал Эззи.

– Пardon?

– Нет, ничего. – Эззи не видел смысла рассказывать об инциденте, происшедшем между работником и Эмори Ломаксом. Их соперничество – если оно действительно было – сейчас уже не имеет значения.

– Шериф Фостер!

К ним присоединился помощник.

– Коронер велел отдать это вам. Вошло в грудь Карла Херболда, как в масло. – Он подал Фостеру полиэтиленовый мешочек для вещественных доказательств с запечатанным внутри окровавленным ножом.

– Спасибо. – Подняв вверх мешочек, Фостер осмотрел оружие. – Да, эта штука может вскрыть человека, как консервную банку.

– Можно мне взглянуть?

Шериф передал мешочек Эззи. Нож был необычным – именно таким, каким его описывала секретарша Ломакса.

Единственное, миссис Пресли говорила о костяной рукоятке, а сейчас Эззи показалось, что она сделана из оленьего рога. Когда она пыталась описать лезвие, Эззи тогда решил, что она рехнулась с перепугу, но черт побери – лезвие действительно отликает темно-синим цветом, и кажется, будто поверхность его покрыта рябью.

– М-да. Это тебе не простой охотничий нож, верно?

– Не хотелось бы мне напороться на его острие, – ответил Фостер.

– Я только один раз видел похожий нож, – сказал Эззи. – Много лет назад у одного парня в городе был такой же. Этого парня звали Джон...

Внезапно ноги Эззи подкосились, и он, должно быть, покачнулся, потому что Фостер подхватил его под руку.

– Мэм, я думаю, у него кружится голова. Врачиха обхватила Эззи за талию.

– Я знала, что его нужно положить на носилки! Эззи попытался высвободиться.

– Как же это называется? – прохрипел он, проводя пальцем вдоль лезвия запечатанного в мешочек ножа.

– Давай, Эззи. Все уже сели, – сказал шериф покровительственным тоном, который бы и так в любое время вызвал у Эззи раздражение, а уж тем более сейчас.

– Есть же для этого какой-то термин у оружейников! – упрямо застыв на месте, бормотал он. Он не хотел нового разочарования. Он хотел, чтобы кто-то подтвердил его до-

гадку.

Но он чувствовал, что прав.

– Эззи...

– Ответь же, черт возьми!

– Это... гм... – Прищелкнув пальцами, Фостер поймал ускользнувшее слово. – Флинтинг. Это называется флинтингом. Потому что индейцы делают такие ножи из кремня.¹⁷

¹⁷ Flint (англ.) – кремень.

– Вам не стоит вставать, мистер Хардж.

Вошедшая в палату практикантка-медсестра обнаружила Эззи сидящим на краю кровати.

– Конечно, не стоит, но мне надо кое-куда пройти.

– Я вызову сестру.

– Занимайтесь своим делом! – огрызнулся Эззи. – Меня ранило в руку. И больше никуда. Ходить я могу.

– Но вы перенесли операцию.

– Я чувствую себя прекрасно. – Он опустил ноги на пол и встал. – Видите? Все нормально. Я просто хочу пройтись по коридору. Я вернусь прежде, чем кто-либо меня хватится. Так что не говорите никому, ладно?

Опора на колесиках помогла ему добраться до двери. Кафельный пол был холодным. Здоровой рукой Эззи запахнул тонкий больничный халат.

Выйдя из своей палаты, он повернул налево. Обернувшись на стоявшую в нерешительности молодую практикантку, он ободряюще поднял большой палец вверх.

Кора всегда говорила, что без нытья он не может выпить даже таблетку аспирина. Эззи смутно помнил, как вчера, когда его доставили в больницу, его руку долго ощупывали и осматривали, делали рентгеновские снимки и наконец объявили, что пуля не задела кость. Тем не менее необходимо

сделать операцию, чтобы прочистить рану и оценить, а если надо, то и исправить ущерб, причиненный мышцам.

Как интерес к тому, что с ним делают, так и сознание Эззи потерял почти одновременно.

Сегодня утром он проснулся с повязкой на руке, с тяжелой головой и со жгучим желанием поговорить с пациентом, лежащим в одной из соседних палат. Никакие медицинские предписания его не остановят.

Он беспрепятственно прошел по коридору и, найдя нужную дверь, толкнул ее и вошел. В палате было тихо, только скрипнуло одно из колес каталки Эззи. Услышав звук, лежавший в палате пациент повернул голову. Вид у него был неважный, но Эззи показалось, что пациент не спал и ничуть не удивлен его появлением.

– Шериф Хардж!

– Привет, Джонни!

Джек Сойер грустно улыбнулся:

– Меня так уже давно не называли.

– Когда же ты перестал быть Джоном-младшим? Он посмотрел в потолок, повернув к Эззи профиль. Сходство было таким разительным, что Эззи удивился, как же раньше его не заметил. Хотя, конечно, он его и не искал.

Несколько секунд Сойер смотрел в потолок.

– Я перестал быть Джонни после той ночи, – наконец повернувшись к Эззи, сказал он и, немного помолчав, добавил: – Та ночь изменила не только мое имя. Она изменила и мно-

гое другое.

Оба молча посмотрели друг на друга.

Войдя в палату с чашкой кофе, Анна Корбетт нарушила их молчание. В отличие от Джека Сойера она, кажется, не ожидала появления Эззи.

– Доброе утро, Анна.

Улыбнувшись ему, она поставила кофе на лежавший на кровати поднос и что-то написала в блокноте.

– Вам не за что меня благодарить, – прочитав ее слова, ответил Эззи. – Я просто рад, что вы с мальчиком остались целы и невредимы. Это очень важно. Как он себя чувствует?

Он сейчас с Марджори Бейкер, – сказал ему Джек. – Она консультировалась с детским психологом, и Дэвиду, наверно, потребуется некоторая помощь.

– Скоро с ним будет все в порядке. Дети быстро восстанавливают силы.

Анна записала в блокнот еще одно сообщение: «Он беспокоится за Джека и сердится на меня за то, что я не пускаю его в больницу повидаться с ним».

Эззи посмотрел на Джека.

– Он тебя любит, а?

– И я его люблю. Он замечательный мальчик. Мне очень жаль, что он был там вчера, все это видел и слышал всякие пакости, которые говорил Карл. – Его сожаление и беспокойство за Дэвида были очевидны. – Анне надо быть с ним, а не суетиться здесь вокруг меня. – Он взглянул на нее. – Но она

отказывается уходить.

Они посмотрели друг на друга с такой нежностью и с таким желанием, что Эззи почувствовал, что краснеет. Джек поднес руку Анны к своим губам и опустил веки.

Когда он вновь открыл глаза, Эззи заметил в них слезы.

– Я думаю, это все из-за анестезии, – смущенно произнес Джек. – Сестра сказала мне, что из-за нее некоторые становятся чересчур чувствительными. Просто... каждый раз, когда я думаю, как все могло вчера обернуться...

Ему не нужно было больше ничего говорить. Наклонившись, Анна нежно поцеловала его в губы, затем подтащила поближе стул и нажала на плечо Эззи. Исполненный благодарности, он сел – голова все-таки немного кружилась. Анна накинула ему на плечи одеяло.

– Спасибо.

Вопросительно глядя на Эззи, она показала на его руку.

– Все в порядке. Может быть, пока я не смогу гнуть подковы, но... – Он пожал плечами.

Сев на край больничной койки, Анна взяла Джека за руку.

– Я еще не спросил, как твоя рана, – проговорил Эззи.

– Очень болит, но доктор сказал, что я счастливчик. Пуля миновала позвоночник и жизненно важные органы.

На дюйм выше или ниже – и я был бы мертв или парализован.

– Ну, это хорошо.

Установилось неловкое молчание. Анна бросала любо-

пытные взгляды то на одного, то на другого, затем принялась писать записку.

– Нет, тебе не надо уходить. Ты тоже можешь послушать. А потом, если уйдешь, я пойму.

Между ее бровями появилась складка. Прочитав ее новую записку, Джек обронил:

– Нет, это не имеет отношения к отравленным коровам. Это более серьезно.

– Каким отравленным коровам? – спросил Эззи.

– Это неважно, – ответил ему Джек.

Подобный диалог только усилил смятение Анны. Заметив это, Джек сжал ее руку.

– Все будет хорошо, Анна. – Он повернулся к Эззи и, немного помедлив, сказал: – В тот день, когда вы вошли в «Молочную королеву» и заговорили с Делреем, у меня душа ушла в пятки.

– Я не узнал тебя, Джонни. Ты вырос, стал мужчиной. Но даже если бы я тебя узнал, это не имело бы значения. До сегодняшнего дня я не представлял, что ты можешь иметь отношение к тому делу.

– Я считал, что у вас запасен для меня двадцатидвухлетней давности ордер на арест.

– Нет.

Джек посмотрел на Анну и дотронулся до ее щеки.

– Мне надо было вернуться в Блюэр. Пока Карл оставался в тюрьме, моя совесть была чиста. Он по заслугам полу-

чил за убийство во время ограбления продуктового магазина. Но как только я услышал, что он сбежал, я понял, что должен быть рядом на тот случай, если он попытается выполнить свою угрозу и убить Делрея.

Анна сделала какой-то знак.

– Почему? – переспросил Джек. – Потому что это я виноват в том, что Карл ему угрожал. Делрей обвинял Карла в том, чего он не совершал. Он думал, будто его пасынки убили девушку по имени Пэтси Маккоркл. Они не были виновны, и я это знал.

На лице Анны появилось удивление, и она бросила взгляд на Эззи. Тот опустил глаза. Тяжесть, которая давила его почти четверть века, начала постепенно ослабевать.

– Видишь ли, Анна, – сказал Джек, – мать вырастила меня практически одна. Мой папа появлялся лишь изредка, но когда он это делал, то случались одни неприятности. Он напивался – она жаловалась. Его ловили с чужой женой – она плакала. Он хвастался своими любовницами – она бросалась в драку. Какие баталии у них происходили! – Джек на секунду замолчал, и Эззи заметил в его глазах боль. – Я не буду утомлять вас подробностями. В общем, мой старик был плохим мужем и никудышным отцом. Но не слишком жалейте мою мать. Это был ее выбор. Она любила свои страдания больше, чем его или меня.

После того как она умерла, меня отдали приемным родителям. Отец выждал некоторое время, а потом забрал меня

к себе. Не то чтобы его заботило, что будет со мной, отнюдь нет.

Ему нужен был партнер – мальчик на побегушках. Он уехал в Блюэр и устроился здесь вышибалой. Он зарабатывал неплохие деньги. Все шло хорошо. Для меня наступили веселые деньки. Жизнь с матерью была тоскливой и тяжелой, а с моим стариком превратилась в сплошное развлечение. Как правило, нас принимали за братьев. Да он и не годился мне по возрасту в отцы, разве что с точки зрения биологии.

В его словаре не было слова «дисциплина». Он позволял мне делать все, что захочу. Прожив несколько лет у приемных родителей, где царили суровые порядки, я теперь наслаждался свободой. Он никогда не посылал меня в школу. Однажды, когда к нам пришли по поводу моих прогулов, он обольстил эту женщину и тут же уложил в постель.

Каждый вечер он заставлял меня с ним выпивать. По случаю моего пятнадцатого дня рождения он устроил мне ночь со своей подружкой. После этого мы делили с ним женщин с такой же легкостью, с какой съедали вместе шоколадку. В шестнадцать лет я окончательно бросил школу и устроился на ту же работу, что и он.

– Наверно, тогда я вас обоих и встретил, – заметил Эззи.
Джек кивнул:

– Он нисколько не изменился; по-прежнему пьянствовал и иногда буянил. Несколько раз вы отвозили его домой. Помните, Эззи? Однажды вечером он в баре устроил драку

с какой-то женщиной. Вы сказали, чтобы я его утихомирил, или вы отправите его в тюрьму.

– Для своего возраста ты отличался большим благоразумием.

– Как я уже говорил, мне было весело. Некоторое время. А потом что-то случилось. Я не могу припомнить какое-то определенное событие, которое заставило меня измениться. Наверно, это происходило постепенно, но тот образ жизни, который мы вели, перестал мне нравиться.

Чем старше становился отец, тем моложе были женщины, которых он выбирал. Теперь его приемы обольщения кажутся мне просто отвратительными. По мере того как росли его сексуальные аппетиты, их все труднее становилось удовлетворить.

Однажды мы зазвали домой одну девушку. Он вел себя грубо, и она испугалась. Я отказался участвовать в этом грязном деле. Он принялся меня ругать, обозвал бабой и нытиком, сказал, что разочаровался во мне. Пока он ругался, девушка забрала свою одежду и убежала. После того как отец протрезвел, я думаю, он даже и не помнил, что пытался с ней сделать.

Глядя прямо перед собой, Джек замолчал. Эззи понял, что ему стыдно смотреть на него или на Анну.

– Мы встретили Пэтси Маккоркл в «Веселом фургоне». Она пришла с веселой компанией, в том числе с братьями Херболд. Они ходили в те же кабаки, что и мы с папой, но

их появление всегда означало, что будут неприятности. Они уже отбыли срок в спецшколе и в вашем участке, Эззи, и были готовы к большим делам. Я старался их избегать.

Пэтси была некрасива, но ее склонность к авантюрам привлекала моего старика. Он был для нее слишком стар, но его внимание ей льстило. Впервые они провели время на заднем сиденье нашей машины на автостоянке «Веселого фургона». Потом он мне все в деталях описал и сказал, что я не знаю, чего лишаюсь. Мол, если меня смущает ее внешность, надо только закрыть глаза, и тогда неважно, как она выглядит. Что-то вроде этого, только гораздо грубее. Теперь я понимаю, что он предпочитал женщин, эмоционально обделенных, вроде моей матери или Пэтси, чтобы чувствовать свое превосходство над ними.

– Что случилось той ночью, Джонни?

– Отец забыл вовремя заплатить, и машину у нас за несколько дней до этого забрали. Он был угнетен и подавлен и поэтому особенно желал пойти развлечься, чтобы забыть о неприятностях. Когда мы приехали в бар, там уже была толпа.

Отец видел Пэтси с Херболдами, и его настроение не улучшилось. Он пытался ее отбить, но в тот вечер она смотрела только на Херболдов.

Папа пил до тех пор, пока не пропил все, что было у него в кармане. Тогда он предложил какому-то парню купить у него нож. Все знали этот нож, потому что он был очень необыч-

ным. Отец любил говорить, будто в семье Сойер он передавался из поколения в поколение. Правда это или нет, я не знаю. Вероятно, он его где-то стащил, но на моей памяти этот нож был всегда.

Так или иначе, парень не захотел покупать нож, и тогда отец заявил, что это оскорбление для всей нашей семьи.

Они начали орать друг на друга, и тогда бармен – кажется, заведение принадлежало ему...

– Да. Его звали Паркер Джи, – заметил Эззи.

– Верно, так вот он сказал мне, что, пока не дошло до драки, отца надо увести отсюда. Постарайся, дескать, его успокоить. Мы стояли возле бара, когда оттуда вывалилась Пэтси вместе с Херболдами. Она была пьяна, но не настолько, чтобы не понять, что они ее бросают. Она хотела уехать вместе с ними и продолжать вечеринку в другом месте. Но они заявили, что у них есть дело и ей ехать с ними нельзя.

– Значит, их алиби было настоящим.

– Да, Эззи. Потому что они покинули «Веселый фургон» без Пэтси.

– И тогда она предложила вам с твоим отцом прокатиться.

– Примерно так. Подробностей я не помню, но, в общем, мы уехали с ней. Насколько я понимаю, никто не видел, как мы садились в ее машину.

– Но все, с кем я говорил, свидетельствовали, что она ушла с Херболдами. Включая тебя.

– Да, – согласился Джек. – Я вам солгал, Эззи. Она дей-

ствительно ушла с Херболдами. Но уехала с нами.

Эззи вспомнил, как допрашивал Джонни Сойера через пару дней после происшествия. Мальчишка рассказал ему то же, что и все остальные. Не было причин ему не верить.

– Продолжай! Что случилось после того, как вы уехали? Все было так, как и предполагал Эззи в то утро, когда увидел ее тело. Пэтси и двое мужчин отправились к реке и устроили там сексуальные игры.

По лицу Анны нельзя было понять, о чем она думает, но Сойер рассказывал о своем участии с явным сожалением.

– Я не пропустил свою очередь потому, что был немного пьян и не хотел, чтобы отец опять на меня орал. Потом они еще пару раз перепихнулись, а я сидел на берегу и пил. Я не встревожился, когда она встала на колени и он вошел в нее сзади, так как он сказал, что ей это нравится.

Щеки Эззи покраснели – не потому, что он смутился сам, а потому, что ему было неудобно за Анну. К ее чести, она держалась молодцом. Но Эззи знал, что к ее глазам подступают слезы. Джек немного помолчал.

– Они были... поглощены тем, что делают. Она была увлечена не меньше моего отца. Он схватил ее за волосы, наверное, чтобы повернуть ее голову к себе, и тут ее шея хрустнула. – Он щелкнул пальцами. – Вот так. Я никогда не забуду этот звук. Наверно, отец его не слышал, потому что не оставался до тех пор, пока... Ну, вы понимаете. – Джек посмотрел на Эззи. – Я вам клянусь – он не собирался ее уби-

вать.

– Тогда почему же ты не рассказал мне об этом? – раздраженно спросил Эззи. – Черт побери, Джонни, ты не представляешь, сколько часов я...

– Я заплатил более дорогую цену! – повысив голос, проговорил Джек.

Взяв себя в руки, Эззи сделал несколько глубоких вдохов.

– Когда я пришел к тебе домой, чтобы тебя допросить, какого черта ты мне соврал? Насколько я помню, ты покрыл своего отца. Ты сказал мне, что он на работе за пределами города. Да простит меня господь, я тогда поверил тебе и не стал это проверять. Я не имел оснований тебе не верить. Джон Сойер был скандалистом, пьяницей, бабником, но он не был убийцей. Его бы обвинили в убийстве по неосторожности и, вероятно, отпустили бы на поруки. Ни один состав присяжных в Блюэре, штат Техас, не стал бы жалеть о законченной шлюхе, занимавшейся анальным сексом с мужчиной гораздо старше ее, причем на глазах у его несовершеннолетнего сына. Почему же он не объяснил, что случилось?

– Он не мог.

– Чепуха! Ты сказал, что это было непредумышленное убийство.

– Да. Но зато когда я убил его, убийство было умышленным.

Анна громко ахнула. Но она оставалась неподвижной и смотрела на Джека с тем же страхом и удивлением, что и Эззи.

У Джека Сойера задергалась жилка на щеке.

– Я сказал ему все то, что вы сейчас говорили мне, Эззи. Пэтси была совершеннолетней. Это было не изнасилование. Она участвовала во всем добровольно. Произошел несчастный случай. Я умолял его сделать так, как положено.

Он отказался даже разговаривать об этом. Заявил, что не собирается таскаться по судам из-за такой ерунды. И все в том же духе. Наш спор перешел в драку.

После того как мы обменялись несколькими ударами, я толкнул его в реку, надеясь, что он протрезвеет и придет в себя. Но он затащил меня в воду и начал топить. Я сопротивлялся. Он не отпускал. Он держал меня под водой – собственного сына! Мой отец убивает меня, подумал я. Он собирается меня утопить, чтобы я его не выдал.

Мои легкие жгло, а он держал меня под водой, – дрогнувшим голосом сказал Джек. – Я хватался за все подряд. Моя рука случайно нащупала ножны и вытащила оттуда нож. Тогда я кольнул его в руку, и он меня отпустил. Но он разозлился еще больше. Он обзывал меня и мать самыми гнусными прозвищами. Говорил, что мы ему были совершенно

не нужны.

Кричал, что мы разрушили его жизнь и что ему надоело таскать меня за собой. Потом он снова бросился на меня, схватил за горло и стал топить. И тогда я убил его.

Установилось долгое молчание. словно незнакомые люди в лифте, они избегали смотреть друг на друга. Все сказанное сейчас звучало бы банально, но тишина, возможно, была еще более тягостной.

Наконец Джек откашлялся и заговорил снова:

– Я боялся бросить нож в реку, опасаясь, что он станет вещественным доказательством. Поэтому и оставил его у себя. Сначала я хранил его из страха быть пойманным, потом как талисман. Он постоянно напоминал о том, на что я способен, и это меня пугало. Много раз я хотел его выбросить, но в последний момент оставлял, считая, что он каким-то непонятным образом сдерживает мои дурные наклонности. Вчера я не использовал его даже против Херболдов до тех пор, пока у меня не осталось выбора.

– В ту ночь у тебя тоже не было выбора, Джонни, – тихо сказал Эззи. – Ты действовал в целях самообороны.

Неужели? – с горьким смехом спросил Джек. – Мне хотелось бы так думать, но я в этом не уверен. Я был моложе и сильнее его. Наверно, я мог бы в конце концов его скрутить. Или убежать от него. Мог ли я еще что-нибудь сделать? Если честно, не знаю.

Но не проходит и дня, чтобы я не спрашивал себя, было

ли так необходимо его убивать. Единственное, что я точно знаю, – когда я вонзил в него нож, я хотел его убить.

– Как и любой, кто борется за свою жизнь. Посмотрев на Эззи, Джек опустил глаза.

– Что же ты с ним сделал?

– Оттащил вниз по течению. Я волок его несколько часов. Уже почти рассвело, когда я вытащил его на берег и голыми руками вырыл в лесу яму, положил его туда и закидал камнями. Наверное, он и сейчас там. На то, чтобы вернуться домой, мне пришлось потратить целый день. Потом я уснул и спал целые сутки. Я собирал вещи, чтобы уехать, когда пришли вы с вопросами насчет Пэтси Маккоркл. Я был так испуган, что у меня всю дрожали колени, и я удивился, что вы этого не замечаете.

– Ты был еще совсем мальчиком, Джонни.

– Я был достаточно взрослым. Настолько взрослым, чтобы понимать, что мне надо убраться из Блюэра до тех пор, пока кто-нибудь не станет искать моего отца. Я уплатил по всем счетам, предупредил хозяина дома, что мы уезжаем куда глаза глядят, и в ту же ночь уехал на товарном поезде.

До недавнего времени я так все шел и шел, не останавливаясь, и всегда оглядывался назад. Я никогда не позволял себе подолгу задерживаться на одном месте.

Никаких привязанностей – чтобы можно было сразу собраться и уйти. – Посмотрев на Анну, он быстро отвел взгляд, как будто испугался того эффекта, который произведе-

ла на нее его история. – Но когда я услышал, что Карл сбежал, то понял, что настало время отдавать долги. И тогда я рискнул своей свободой, хотя, конечно, по-настоящему не был свободен.

Эззи долго сидел, рассматривая узор на линолеуме, затем с усилием поднялся на ноги.

– Ну, ты взял Карла Херболда, и это сделало тебя героем. Что же до остального, то я больше не слуга закона, так что все это было неофициально. Ты не представляешь себе, что ты для меня сделал, Джонни, – извини, Джек. Я вполне удовлетворен тем, что знаю, что случилось. Это было давно. Я думаю, по большому счету, уже неважно, как все произошло.

– Для меня важно, – удивив его, сказал Джек. – Та ночь изменила мою жизнь, но не навсегда. Я больше не хочу так жить. К тому же, если бы я тогда сказал правду, ни вы, ни Делрей не считали бы его пасынков виновными в смерти Пэтси. Для них все могло бы сложиться иначе.

– Это были плохие ребята, Джек. Для них ничто не могло измениться.

– Во всяком случае, Делрею не пришлось бы жить в постоянном страхе, – возразил Джек. – Жизнь Анны и Дэвида вчера не подверглась бы опасности. – Он упрямо помотал головой. – Нет, Эззи, мое малодушие дорого обошлось многим людям – включая вас.

Что ни говори, а я убил своего отца. Я хочу, чтобы вина за это на мне больше не висела. Полупризнания перед вами

недостаточно. Я должен пройти через все законные процедуры: арест, заключение, большое жюри, суд. Во что бы то ни стало я хочу, чтобы все это кончилось.

* * *

– Что значит – вы не знаете, где он? Вы что, всегда теряете своих пациентов? Кто здесь главный? Я хочу найти мужа, и немедленно!

Стоя возле поста дежурной, Кора распекала робкую молодую практикантку. Зная, что Эззи сбежал из палаты, та пыталась сделать вид, что изучает какие-то бумаги.

– Кора!

Услышав его голос, она обернулась. Несмотря на все грозные нотации, которые Кора читала больничному персоналу, было заметно, что она еле держится. Когда она увидела Эззи, ее подбородок начал дрожать. Сжав губы, она пыталась сдержаться, хотя слезы были близко, и, очевидно, не в первый раз.

Стараясь походить на мужчину, а не на ископаемое, Эззи выпрямился. Сейчас, когда они впервые встретились после ее отъезда, он предпочел бы быть гладко выбритым, полностью одетым и вообще выглядеть молодцом. Но – увы! – его ноги больше походили на волосатые зубочистки, ступни были бледными, с проступающими венами, а в этом идиотском халате фигура его производила не самое лучшее впечатление.

ние.

Несмотря на все это, Кора, кажется, была чертовски рада его видеть. Подбежав к Эззи, она остановилась на расстоянии вытянутой руки.

– Вчера вечером мне позвонили и сказали, что случилось. – Это было все, что она успела выговорить, прежде чем ее нижняя губа снова задрожала.

– Ты вернулась? – спросил Эззи.

– Если я тебе нужна.

– Ты всегда мне нужна.

Он протянул к ней руки, и она шагнула в его объятия.

Коре, наверное, все известно про Херболдов из прессы, тем более что уже найдены тела Сесила и Конни. Потом можно будет рассказать ей историю Джека Сойера, чтобы она поняла – отныне их жизнь станет совершенно другой.

Как требует Сойер, он запишет его признание. Однако Кора наверняка будет утверждать, что Джон Сойер-младший тогда был просто мальчиком, оказавшимся в экстремальной ситуации, и что он заслуживает прощения, особенно после того, как убил врага общества номер один и спас жизнь Эззи. В случае же расследования Эззи должен свидетельствовать в пользу Сойера. Они непременно пригласят к себе домой его и Анну Корбетт, чтобы продемонстрировать им свою поддержку. Возможно, она удивится, когда он согласится с ней. Но все это пока подождет. Сейчас он крепко обнимает ее, с радостью чувствуя, что они снова одно целое.

Джек со страхом поднял глаза и заглянул в лицо Анне. Печально улыбнувшись, он робко пожал плечами, вернее, одним плечом, потому что второе было забинтовано.

– Ты как-то просила меня рассказать мою историю. Теперь ты знаешь, почему я утаил ее от тебя. И сейчас я хочу сказать – для меня чертовски важно, что мое прошлое, кажется, не играло для тебя никакой роли, когда мы... когда мы были вместе. Что ты верила мне. Что некоторое время любила меня. – Он кивнул в сторону двери. – Но ты ничем мне не обязана, Анна. Если ты уйдешь, я пойму. Ты Никогда больше меня не увидишь.

Анна обратилась к нему на языке, который лучше всего знала.

Она ответила ему знаками.

– Я интересовалась твоей жизнью, потому что хотела узнать о тебе, Джек, а не судить тебя. Это печальная история, и мне жаль тебя. Но это не влияет на мои чувства к тебе. По правде говоря, я люблю тебя еще сильнее. Из-за того что на твою долю выпало так мало счастья, мне хотелось бы дать его тебе как можно больше.

Я не считаю, что тебе нужно предстать перед судом, особенно после того, как ты вчера спас нам жизнь. Но если ты захочешь это сделать, я пройду с тобой весь путь. Я буду ря-

дом независимо от того, что произойдет, потому что... потому что ты любишь меня. Меня, – повторила она, ткнув себя пальцем в грудь.

– Любовь моих родителей была смешана с чувством вины. У двух слышащих людей появился глухой ребенок. Они обвиняли в этом себя, гадая, за какие грехи их дитя было наказано глухотой.

Я знаю, что Дин любил меня. Если бы он не умер, мы жили бы с ним счастливо. Но он видел в моем физическом недостатке врага, которого надо победить. Он был готов с этим врагом бороться, а раз так – он его ненавидел.

Делрей тоже меня любил. Или по крайней мере думал, что любит. Но его любовь была... удушающей. Да, что-то вроде этого. Я задыхалась, не в силах быть самой собой.

Мои родители винили себя за мою глухоту. Дин хотел ее победить. Делрей видел в ней преимущество. А для тебя, Джек, она просто не имеет значения. Никакого. Ты принимаешь ее как часть меня. Вот почему я тебя люблю.

Это главная причина, но есть и другие. Я люблю тебя и за то, что ты любишь Дэвида. Это очень важно. Я бы никогда не смогла полюбить человека, который был бы равнодушен к моему сыну. Я знаю, что ты искренне к нему привязан.

А еще я хочу тебя. Я все время думаю о том, чтобы заняться с тобой любовью. От моих фантазий мне становится жарко. У меня они были и раньше... но сейчас я знаю, что это значит – быть с тобой. У меня все горит. Здесь. – Она

провела рукой по груди и животу. – Когда я смотрю на тебя, мое сердце бьется быстрее. Когда я думаю о тебе, у меня перехватывает дыхание. Когда ты прикасаешься ко мне, во мне рождается удивительное ощущение – хочется одновременно смеяться и плакать. Я не могу его сдержать. Наверное, это счастье. Да, счастье. Несмотря на то что мы переживаем трудные времена, я чувствую себя такой счастливой, как никогда раньше. И все это сделала твоя любовь.

Я знаю, ты скажешь, что доставил нам с Дэвидом только огорчения. Это неправда. Поверь: мы очень нуждаемся в тебе. Позволь нам стать членами твоей семьи, семьи, которой у тебя никогда не было.

Если ты принимаешь меня, я тоже принимаю тебя, Джек, принимаю целиком. Я люблю тебя, Джек.

Не сводя с него глаз, она опустила руки и замерла.

Джек не отрываясь смотрел ей в лицо. Он не имел представления, что именно Анна сказала, но знал, что она хотела ему сообщить.

Взяв ее за руки, он по очереди поцеловал их и прижал к себе.

Он молчал.

После ее красноречивого признания в любви слова были не нужны.